

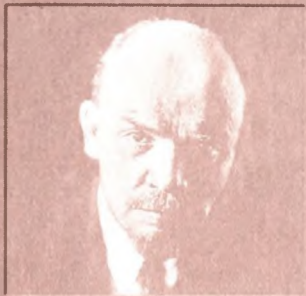
ИСТОРИЧЕСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Вторая мировая

Б.В.Соколов

Факты
и версии

АСТ
ПРЕСС

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Вторая мировая. Факты и версии

Б. В. Соколов

Вторая мировая

Факты и версии

**АСТ
ПРЕСС**

Москва
«АСТ-ПРЕСС КНИГА»
2005

РОДИНА-МАТЬ ЗОВЕТ!

ВОЕННАЯ ПРИСЯГА

Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступаю в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и торжественно обязуюсь быть честным, храбрым, дисциплинированным, близким бойцом, строго хранить военную и государственную тайну, бескорыстно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников.

Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным сполна Народу, Советской Родине и Рабоче-Крестьянскому Правительству.

Я всегда готов по призыву Рабоче-Крестьянского Правительства выступить на защиту нашей Родины—Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Рабоче-Крестьянской Красной Армии, я клянусь защищать ее мужественно, уметь, с достоинством и честью, не щадя своей крови и своей жизни до достижения полной победы над врагами.

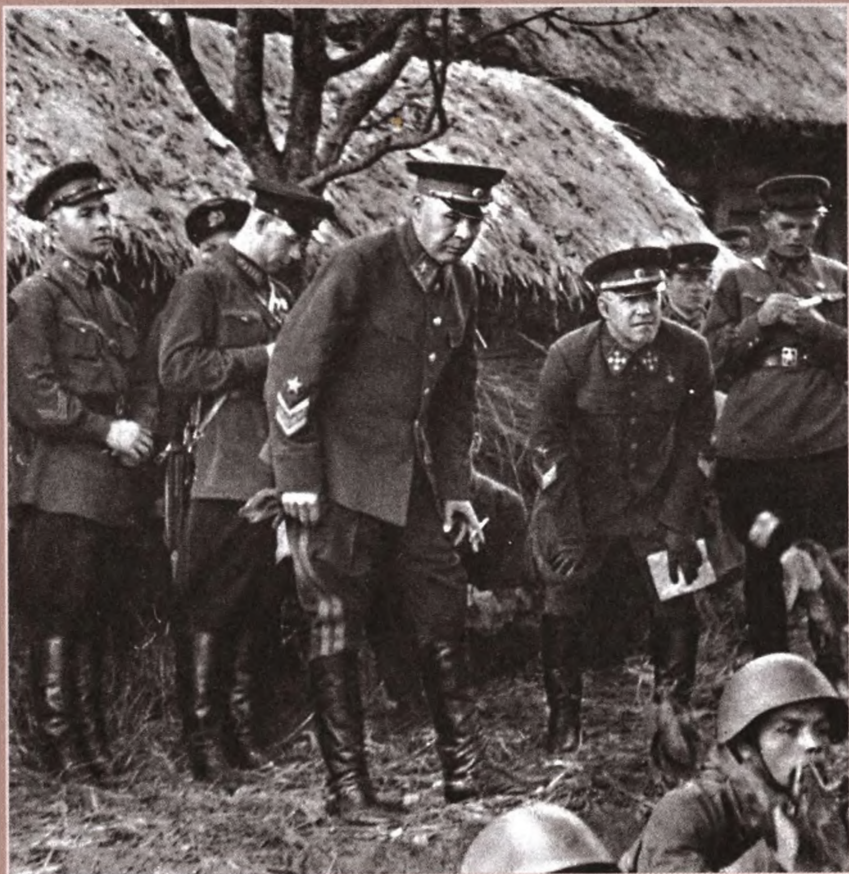
Если же по злому умыслу и изрешу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение миллионов.

Советский танк буксирует бронесани Соколова, предназначенные для переброски пехоты. Северо-Западный фронт. Январь 1940 г.

Противотанковые надолбы на окраине Ленинграда

Маршал Советского Союза С. Тимошенко и генерал армии Г. Жуков на военных учениях. 1940 г.

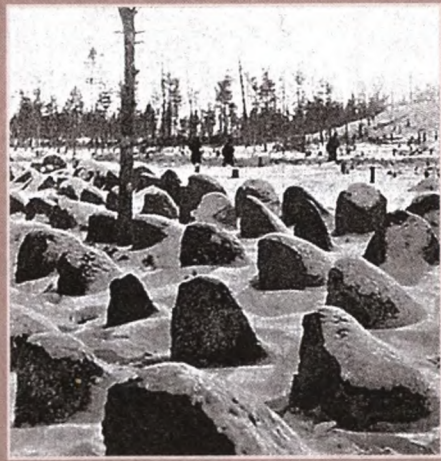

Фашистский самолет, сбитый под Киевом в первые дни войны

Линия Маннергейма

Маршал Карл Густав Маннергейм (1867—1951)

Противотанковые препятствия линии Маннергейма — шесть рядов двухметровых гранитных надолбов

- Главная полоса обороны
- Вторая полоса обороны
- - - - - Тыловая полоса обороны
- ~~~~~ Лесные завалы

- ← Главное направление наступления
- ← Действия танковых частей

СССР

В 1941 году Адольф Гитлер
еще свято верил,
что весь мир
скоро будет лежать
у его ног...

Национал-социалисты
горячо приветствуют
своего фюрера на одном
из партийных съездов

Немецкий плакат первых лет Второй мировой войны с призывом к немецкому народу не жалеть себя

Самолет «Мессершmitt-110»

**БЕСПОЩАДНО
РАЗГРОМИМ
И УНИЧОЖИМ
ВРАГА!**

Плакат первых лет Великой Отечественной войны.
Худ. Кукрыниксы

Страница газеты «Московский большевик» от 3 июля 1941 г. с текстом выступления по радио И. Сталина

МОСКОВСКИЙ БОЛЬШЕВИК

3 июля 1941 г.

ВСЕ НАШИ СИЛЫ — НА ПОДДЕРЖКУ НАШЕЙ ГЕРОИЧЕСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ НАШЕГО СЛАВНОГО КРАСНОГО ФЛОТА ВСЕ СИЛЫ НАРОДА — НА РАЗГРОМ ВРАГА ВПЕРЕД ЗА НАШУ ПОБЕДУ!

Выступление по радио Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. СТАЛИНА.

3 июля 1941 года.

Воспитание гражданских детей в условиях войны...

Война требует от нас героизма и самопожертвования...

Мы должны быть готовы к любой жертве ради победы над врагом...

Наша Красная Армия и наш Красный Флот являются основой нашей обороны...

Мы должны поддерживать их всеми силами и средствами...

Вперед за нашу победу!

В штабе Западного фронта командующий фронтом генерал армии Г. Жуков, начальник штаба генерал-лейтенант В. Соколовский, член Военного совета П. Хохлов. Зима 1941/42 г.

Контрнаступление под Москвой началось.
Декабрь 1941 г.

Уличные бои в Сталинграде.
Осень 1942 г.

У репродукторов на улицах
Москвы. 22 июня 1941 г.

На трибуне — заместитель Гитлера по национал-социалистической партии Рудольф Гесс (1894—1987). До его странного полета в Великобританию, спасшего ему жизнь, но обречшего на пожизненное заключение, оставалось еще несколько лет

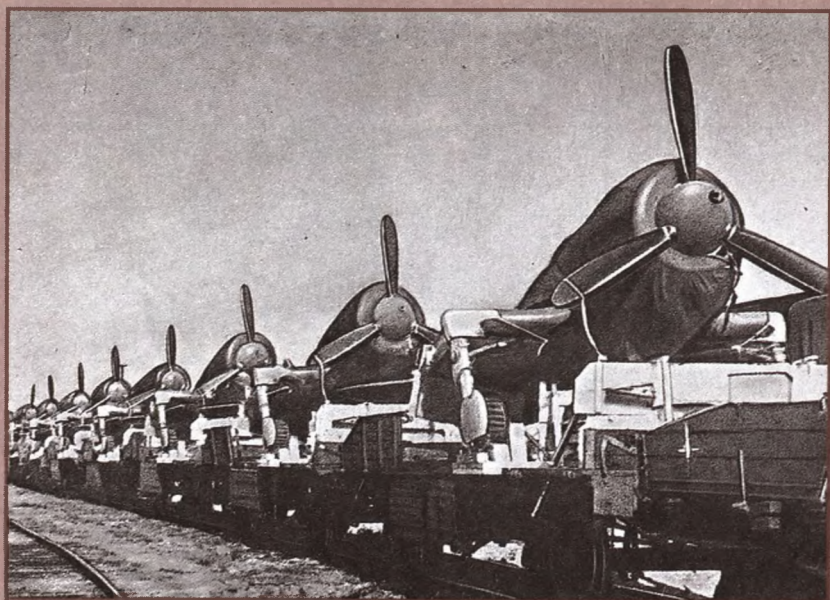
А. Гитлер и Г. Гиммлер одним лишь росчерком пера отправили на смерть миллионы невинных людей

Фельдмаршал Паулюс пленен. Январь 1943 г.

Колонна пленных солдат и офицеров вермахта на улицах Сталинграда

Эшелон с советскими самолетами следует к линии фронта

Сборка танков КВ в цехе Кировского завода

Танковая атака.
Курская дуга.
Июль-август 1943 г.

Советские воины М. Егоров
и М. Кантария водружают
над рейхстагом Знамя Победы

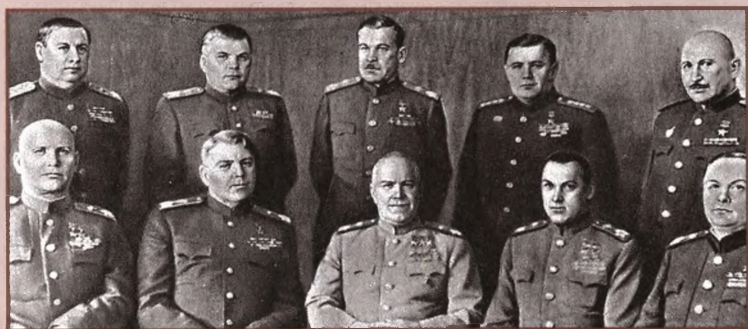
Советский плакат
последних лет войны.
Худ. Д. Моор

Трофеи советских войск
на Курской дуге

Вопросы послевоенного устройства Европы решались на Ялтинской конференции. У. Черчилль, Ф. Рузвельт, И. Сталин. *Февраль 1945 г.*

Командующие фронтами на заключительном этапе войны.
В 1-м ряду (слева направо): маршалы Советского Союза И. Конев, А. Василевский, Г. Жуков, К. Рокоссовский, К. Мерецков;
во 2-м ряду: маршалы Советского Союза Ф. Толбухин, Р. Малиновский, Л. Говоров, генералы армии А. Еременко, И. Баграмян. 1945 г.

Подписание Акта о капитуляции милитаристской Японии. *Сентябрь 1945 г.*

2005 год — год 60-летия окончания Второй мировой войны, самой большой войны в истории человечества как по численности участвовавших в ней армий, так и по количеству жертв. Ее результаты определили контуры мировой политики почти на полвека. Сегодня, когда от системы международных отношений, сложившейся с окончанием Второй мировой войны, уже мало что осталось, мы можем объективно, как говорится, с высоты истории оценить значение этой войны. В ней, по моим оценкам, погибло более 82 млн человек. Из этого числа около 50 млн приходится на СССР и Германию, которые понесли наибольшие потери (при том, что советские потери оказались на порядок выше немецких). Никогда в истории человечества за столь короткий срок (всего за шесть лет) не гибло столько народу. Вот это и есть главный и печальный итог Второй мировой... Все остальное по отношению к нему вторично: и крушение одного из двух сильнейших тоталитарных режимов, и послевоенная перекройка границ, проведенная отнюдь не по принципу национальностей, а, по крайней мере на востоке Европы, по праву победителей. Не так важно оказалось и то, что народы Восточной Европы сменили немецкую оккупацию на советскую и там были установлены марионеточные тоталитарные режимы — они просуществовали лишь четыре с половиной десятилетия.

Наибольшие потери в войне понесла наша страна. И еще более трагичными их сделало то обстоятельство, что Великая Победа значительно продлила время бытия советского режима, дала моральное оправдание его существованию в глазах огромной массы народа, не желавшего знать о преступлениях большевизма, колоссально затруднила путь России к свободе. И получилось так, что десятки миллионов советских

граждан, погибших во многом из-за Сталина, пожертвовали своими жизнями ради укрепления его диктатуры. Такую невероятную тяжелую цену пришлось уплатить за Победу.

В этой книге собраны мои статьи, посвященные ряду ключевых проблем истории Второй мировой войны. В них рассматривается проблема определения советских и германских военных потерь, роль поставок по ленд-лизу в укреплении советской способности к сопротивлению германской военной машине и разбирается ставший особенно актуальным в последние годы вопрос, собирался ли Сталин напасть на Гитлера. Соотношение потерь Красной Армии и вермахта, явно неблагоприятное для советской стороны, позволяет поставить вопрос об уровне полководческого искусства советских и германских полководцев, о том, в какой мере полководцами были Сталин и Гитлер. В книге также исследуется вопрос, какие сражения и кампании оказали решающее влияние на ход и исход войны, об уровне боевой подготовки и технической оснащенности сторон, их умении применять современное вооружение и боевую технику. И наконец, в книге анализируются правда и мифы о советских военных подвигах и то, как отразилась война в некоторых отечественных кинофильмах и литературных произведениях.

Большинство публикуемых в данной книге статей впервые появились на страницах журналов «Джорнэл оф Слэвик милитэри стадиэз» и «Знание — сила», редакторам которых, Дэвиду Глэнцу и Григорию Андреевичу Зеленко, я приношу свою искреннюю благодарность.

Известный украинский историк и журналист Ярослав Тинченко (многие помнят его книгу «Белая гвардия Михаила Булгакова», изданную в Киеве в 1997 г.) проделал огромную архивную работу и написал замечательное исследование, посвященное трагической судьбе русского офицерства.

Замечу, что в книге отразился интерес автора к литературным прототипам. Некоторые из персонажей книги имели интересную судьбу не только в жизни, но и в литературе. О прототипе булгаковского Хлудова Я. А. Слащеве Тинченко сообщает факты достаточно нелицеприятные. Как показали сослуживцы генерала, арестованные по делу «Весна», он отличался совершенно невероятным пьянством, на его квартире всегда можно было угоститься доброй чаркой водки, а гости и хозяева непременно напивались до такого состояния, что ни о каких «политических разговорах», на которых мечтали подловить генерала в ОГПУ, и речи быть не могло. Сперва у чекистов родилась мысль инкриминировать Слащеву умышленное спаивание молодых слушателей курсов «Выстрел», но затем от этой идеи отказались как от совсем уж фарсовой. В результате генерала, очевидно, решили убрать без ареста и суда, как лицо популярное, подослав к нему убийцу, некоего Б. Колленберга, будто бы мстившего за расстрелян-

* Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. — М.: Московский общественный научный фонд, 2000.

ного Слащевым брата. Потом его признали невменяемым и освободили от наказания (в наши дни ту же схему пытались применить в случае с полковником Будановым).

Кстати сказать, жена Слащева вела драмкружок при курсах «Выстрел», и на его спектаклях бывал Булгаков. Так что с прототипом главного героя «Бега» он, скорее всего, был лично знаком.

Тем же пороком, что и Слащев — безудержным пьянством, — страдал и другой видный «возвращенец» — донской генерал Секретев, в эмиграции вступивший в просоветский Союз возвращения, а в СССР преподававший на кавалерийских курсах ОГПУ и расстрелянный по делу «Весна». Он также стал героем литературного произведения — шолоховского «Тихого Дона», причем там он один из немногих белых генералов, показанных неприглядно — в сильно пьяном виде. И, что любопытно, столь же негативно Шолохов отнесся в своем романе к другому деятелю просоветского Союза возвращения на родину — подьесаулу Шеину.

Главное же содержание книги — судьба тех представителей царского офицерства, кто остался в СССР или вернулся на родину из эмиграции. Здесь названы сотни фамилий, прослежены судьбы многих жертв «Весны». Как доказывает автор, наиболее значимый для судьбы Красной Армии погром командного состава произошел не в 1937–1938 гг., как принято думать, а в 1921–1931-м, когда были вычищены почти все офицеры и генералы императорской армии. Кульминацией этой чистки стало сфальсифицированное ОГПУ от начала и до конца дело «Весна», по которому в 1930–1931 гг. были арестованы тысячи, а расстреляны — сотни бывших царских офицеров и генералов, в том числе служивших в РККА. В результате «военачальники, репрессированные в 1937–1938 гг., были да же не на голову, а на две ниже своих немецких коллег. Во Вторую мировую войну немецкая армия вступила,

имея в каждом батальоне по 5–6 офицеров, участвовавших в Первой мировой войне. Подавляющее большинство командиров дивизий Гитлера в 1917–1918 гг. командовали полками, полковые командиры — батальонами, батальонные — ротами... А большинство репрессированных в 1937-м комбригов и часть комдивов даже не участвовала в Первой мировой войне!» Из 417 репрессированных тогда советских генералов (от комбрига до маршала) лишь 30 могли быть генералами немецкой армии, 46 — полковниками и 105 — подполковниками. А уж из оставшихся и пришедших на смену генералами вермахта могли стать лишь единицы. В этом — одна из причин того, что Красная Армия действовала в 1939–1945 гг. крайне неудачно и ее безвозвратные потери были почти в 10 раз больше, чем у вермахта. Из прославленных военачальников Великой Отечественной лишь пятеро — Б. М. Шапошников, А. М. Василевский, А. И. Антонов, М. Г. Ефремов и Ф. И. Толбухин были офицерами царской армии, а Л. А. Говоров и И. Х. Баграмян стали прапорщиками уже при Керенском. В среднем в советской дивизии насчитывалось к 1941 г. лишь 4–5 офицеров Первой мировой войны — меньше, чем их было тогда в немецком батальоне. И Тинченко делает обоснованный вывод о том, что даже если бы не было репрессий 1937–1938 гг., соотношение сил вермахта и Красной Армии принципиально не изменилось бы. Возможно, Сталин потому и провел такую беспощадную чистку советских выдвиненцев, что не слишком ценил их в боевом отношении и считал несложным заменить их такими же выдвиненцами, но чуть моложе, которых быстрый карьерный рост побудит воевать за большевиков не за страх, а за совесть. От царских офицеров он избавился еще раньше, подозревая их в нелояльности в случае нового «похода на Запад». Характерно, что массовые репрессии против офицеров и полное изгнание их из армии начались в 1925 г., когда Троцкий был смещен с поста главы военного ведомства. Троцкий

о походе на Запад в обозримом будущем не помышлял, а для обороны от возможной интервенции считал необходимым сохранять офицеров и генералов в штабах и академиях, равно как и во главе ряда дивизий и в штабах округов. Ведь тогда можно было положиться на их патриотизм. А вот попытка принести на штыках мировую революцию, о которой думал Сталин, у них сочувствия бы не вызвала.

Если бы царские офицеры остались в РККА, появился бы шанс сократить тот громадный разрыв в уровне боевой подготовки с вермахтом, который существовал вплоть до 1945 г. Однако шансов остаться на службе в конкретной обстановке 1920–1930-х годов у подавляющего большинства офицеров практически не было. Именно тогда-то и был сделан решающий шаг по пути к той деградации нашей армии, которую мы видим сегодня. Недавно я наблюдал в метро символическую картину. В вагоне поезда сидели два абсолютно пьяных офицера — верных наследников Слащева и Секретева, и мирно посапывали. Один из них, в полковничьих погонах, держал фуражку на манер нищего на паперти. Его я как-то даже видел на какой-то презентации в первые недели второй чеченской кампании, знал, что он из Генштаба, запомнил его слова о российской армии, наконец-то поднявшейся с колен. Его товарищ был в штатском, но, судя по футболке с надписью «Harvard University US-Russian Generals Executive Program», погоны носил, как минимум, полковничьи, если не генеральские. Этот второй держал в руке початую бутылку «Клинского», из которой пиво лилось на пол. Это был своего рода символ сегодняшней российской армии, нередко напоминающей нищего на паперти, глушащей тоску по советской сверхдержаве в вине и сильно зависящей от совместных с Западом программ, которые дают хоть какое-то финансирование. И офицеры в ней, понятно, соответствующие. А последних по-настоящему кадровых вывели в расход еще в начале 1930-х.

Тинченко убедительно доказывает, что все дела в рамках «Весны» и других операций против «военспецов» были фальсифицированы самым грубым образом. Так, например, полковника С. И. Добровольского заставили поведать о будто бы совершенной в декабре 1929 г. тайной поездке в Киев одного из руководителей РОВС — генерала П. А. Кусонского. При этом генерал якобы упоминал об исчезновении из Парижа главы РОВС генерала А. П. Кутепова, которого в действительности ОГПУ похитило только в январе 1930 г. Точно так же шиты белыми нитками и все другие дела фигурантов «Весны». Дружеские встречи однополчан царских полков и сослуживцев по новой советской службе выдавались за сходки контрреволюционных офицерских организаций, готовивших восстания едва ли не во всех крупных городах Союза на случай мифической иностранной интервенции. Чекистов не смущало, что под видом плана восстания подследственные часто излагали... мобилизационные планы соответствующих частей и соединений. А критика советской власти на дружеских застольях расценивалась как заговор с целью ее свержения. Фабrikаторов этих сценариев не смущало, что с началом войны гарнизоны покинут города и двинутся к границам, так что восставить будет просто некому. Да, подавляющее большинство оставшихся в СССР или вернувшихся из эмиграции офицеров и генералов не любили советскую власть, которая постепенно оттирала их на второразрядные позиции преподавателей академий и военруков гражданских вузов или даже совсем изгоняла из армии. Но офицеры в большинстве были удовлетворены своим материальным положением, хорошо помнили, кто именно с их помощью победил в Гражданской войне, и о втором издании братоубийственного конфликта не помышляли. В этом также, по всей вероятности, заключалась и причина того, что основная часть офицеров на допросах, где широко применялись физические методы воздействия, в конце концов признали самые фантас-

тические обвинения. Те, кто когда-то пошел в Красную Армию для борьбы с германским нашествием, верили, что она рано или поздно станет национальной русской армией, а Советская Россия переродится в цивилизованное государство. Очень скоро иллюзии рассеялись. Офицеров, оставив их семьи в заложниках, послали под присмотром комиссаров сражаться с белыми. И многие очень неплохо командовали красными дивизиями, армиями и фронтами, что, однако, не спасло их от «Весны». Так же и бывшие белые, попавшие в плен и поступившие в РККА или вернувшиеся из эмиграции умирать под родными березами, уже поменяли знамена хотя бы раз в жизни. Некоторые же вообще успели послужить у всех правительств, которые сменяли друг друга в их местностях. Поэтому у многих просто не осталось к 1930 г. убеждений, ради которых стоило проявлять стойкость. Разве что — семьи. Но следователи-змии ласково советовали: признайся — и семью не тронем. Но тогда, по иронии судьбы, наименьшие сроки или даже полное освобождение получили как раз те, кто ни в чем не сознался. Хотя иногда и их расстреливали. Подписывавшие же продиктованные следователями признания в руководстве «контрреволюционными организациями» на самом деле почти всегда подписывали себе смертные приговоры. В начале 1930-х ОГПУ еще не могло просто так расстрелять человека, ни в чем не признавшегося и ни в чем не уличенного. Недаром фактический руководитель ОГПУ Г. Ягода как-то на даче у Горького на вопрос Исаака Бабеля, как себя вести, если попадешь в лапы к чекистам, дал совет: «Все отрицать! Тогда мы бессильны!» Это в 1937—1938 гг., при Ежове, не было большой разницы, признался обвиняемый в политических преступлениях или нет. Вот при Берия опять более стойкие получили преимущественные шансы остаться в живых.

Была еще одна трагическая закономерность. Тех офицеров, кто еще состоял на службе в РККА, чаще

приговаривали к тюремному заключению (видно, рассчитывали использовать при необходимости как консультантов). Тех же, кто находился в запасе, чаще расстреливали.

Операция «Весна» была в чистом виде превентивным террором не против действительных врагов большевиков, а против тех, кто когда-нибудь в будущем, в случае, например, военного поражения советского режима, мог бы выдвинуть кадры для организованной оппозиции ему. Проведение операции не случайно совпало со временем установления полного единовластия Сталина в партии и стране. Он готовился к войне и стремился обезопасить себя от всяких случайностей. Тем более что диктатор, похоже, искренне верил, что бывших офицеров вполне заменят новые рабоче-крестьянские выдвиженцы, выученные в академиях и училищах теми же генералами и полковниками.

Почему погром царского офицерства происходил именно в 1930–1931 гг.? Не исключено, что он был связан с планировавшимся в 1932 г. нападением на Польшу и Румынию. План польского похода был разработан лично Тухачевским, и в этом документе имеются ссылки о возможности аналогичных действий против Румынии и Латвии. Тогда же войска были подтянуты к западным границам. Как доказывает Тинченко, тех командиров из числа бывших офицеров, кто не был репрессирован, все равно перевели в 1930–1931 гг. из пограничных во внутренние округа.

Согласно приводимым Тинченко в приложении именным спискам, в 1930–1931 гг. было расстреляно 130 бывших офицеров и генералов императорской армии, а еще 4 скончались в тюрьме во время следствия. При этом автор подчеркивает, что данные списки охватывают лишь меньшую часть репрессированных в ходе операции «Весна». Его работа является лишь первым шагом в исследовании «Весны» на основе документов, сохранившихся в архиве Службы безопасности Украины. Здесь осели дела не только тех, кто был репресси-

рован в пределах Украинского военного округа, но и дела ряда офицеров, арестованных в Воронежской области и Ленинграде (всего таких дел 3496), а также трехтомный сборник показаний тех, кто был привлечен по делу «Московской контрреволюционной офицерской организации». Наиболее интересные показания публикуются в приложении к книге. Из них, в частности, становятся понятными мотивы, приведшие офицеров в РККА. Это — желание бороться с немцами и сохранить для России армию, желание работать по профессии и при новом режиме, коварство которого они недооценивали. Показания дают представление о настроении офицерства в период с 1917 по 1929 г. Будем надеяться, что когда-нибудь откроются архивы российской ФСБ и вся правда о «Весне» будет наконец сказана.

Отмечу, что в предисловии к книге, написанном ее редактором А. Н. Цамутали, упоминается некий С. Н. Гуревич, расстрелянный ОГПУ 9 июня 1927 г., который будто бы тоже был офицером, окончив в 1917 г. школу прапорщиков. Его осудили за то, что он «попытался совершить террористические акты против Бухарина, Рыкова и Сталина», причем из контекста может создаться впечатление, что это обвинение сфабриковано. Между тем это один из редких случаев, когда фальсификации не было. Как явствует из перехваченного ОГПУ письма Гуревича, он действительно пришел на торжественное заседание в Большом театре с револьвером в кармане, намереваясь застрелить кого-нибудь из трех перечисленных вождей, но так и не решился осуществить задуманное. А из собственноручных показаний репортера «Правды» Соломона Наумовича Гуревича следует, что прапорщиком он никогда не был (в 1917 г. ему было лишь 14 лет) и служил только в Красной Армии, причем — рядовым. Невозможность поступить в военное училище из-за меньшевистских взглядов и стала одним из побудительных мотивов его умысла на теракт.

Книга иллюстрирована архивными фотографиями военных, арестованных по делу «Весна», а также фотографиями полковых реликвий, изъятыми при аресте. Все эти фотографии извлечены из следственных дел. Пожалуй, единственным недостатком книги является отсутствие именного указателя, что затрудняет работу с текстом.

30 ноября 1939 года, 65 лет тому назад, огромный Советский Союз напал на маленькую, но гордую Финляндию. В народной памяти эта война сохранилась как «незнаменитая». Конфликт, как известно, начался с того, что 12 октября 1939 г. Сталин предложил Финляндии заключить советско-финляндский пакт о взаимопомощи, по образцу пактов, заключенных с прибалтийскими государствами. По этому пакту в Финляндии должен был быть размещен ограниченный контингент советских войск и СССР должны были быть переданы в аренду острова в Финском заливе и прилегающий к Хельсинки полуостров Ханко. Ранее, в период с 28 сентября по 10 октября, подобные договоры о взаимопомощи были заключены СССР с Латвией, Литвой и Эстонией, согласившимися принять на своей территории советские военные базы. Интересно, а как бы развивались события, если бы государства Прибалтики отвергли советские предложения и решили с оружием в руках защищать свой нейтралитет? Да еще заключили бы союз друг с другом и с Финляндией? Рискнул бы Сталин в этом случае еще осенью 1939 г. напасть на Финляндию и на Балтийские государства? Думаю, однозначного ответа на этот вопрос нет. А если бы Сталин все-таки не рискнул атаковать эти страны в конце 1939-го, вполне возможно, что Финляндия осталась бы нейтральной, а Литва, Латвия и Эстония, которым угрожало бы германское вторжение, могли бы даже, после разгрома Франции, стать союзниками

СССР, если бы Сталин готов был сохранить их независимость. Но в последнее верится с трудом.

В реальности же Сталин, столкнувшись с несговорчивостью финнов, решил сломить Финляндию силой, чтобы захватить все, что ему полагалось по секретным протоколам к советско-германским договорам. 26 ноября 1939 г. сотрудники НКВД осуществили провокационный обстрел советских позиций у пограничного поселка Майнила. По официальной советской версии, при этом было убито четверо и ранено восемь красноармейцев. В действительности, как установил историк Павел Аптекарь, донесения расположенного в этом районе 68-го стрелкового полка 70-й дивизии свидетельствуют, что он в этот день никаких потерь не имел и выстрелов не фиксировал.

21 ноября войска Ленинградского округа и подчиненного ему Балтийского флота получили директиву Военного совета ЛВО, где отмечалось: «Финская армия закончила сосредоточение и развертывание у границы СССР». Советским войскам предписывалось начать наступление, план которого требовалось представить 22 ноября (тогда же был отдан приказ начать выдвижение к границе). Эта операция была рассчитана на три недели. При этом специально оговаривалось: «О времени перехода в наступление будет дана особая директива» и предписывалось: «Подготовку к операции и занятие исходного положения вести скрытно, соблюдая все меры маскировки». Впрочем, слухи о грядущем советском нападении циркулировали теперь даже среди гражданского населения приграничных районов. 23 ноября политуправление ЛВО направило в войска следующие разъяснения: «Мы идем не как завоеватели, а как друзья финского народа... Красная Армия поддерживает финский народ, который выступает за дружбу с Советским Союзом... Победа над противником должна быть достигнута малой кровью».

Ни в одном из известных сегодня документов даты нападения на Финляндию 30 ноября 1939 года не зафик-

сировано. Очевидно, Сталин отдал приказ о вторжении устно, о чем, кстати, пишет и Хрущев в своих мемуарах.

«Линия Маннергейма» состояла из полосы обеспечения (ширина 15–60 км), главной полосы (глубина 7–10 км), второй полосы, удаленной на 2–15 км от главной, и тыловой (Выборгской) полосы обороны. Главная полоса обороны состояла из 25 узлов сопротивления, насчитывавших 280 дотов* и 800 дзотов**. Однако только 130 дотов были боеготовы и лишь 8 имели артиллерийское вооружение. На промежуточной и тыловой полосе были пригодны к использованию только 10 дотов и 98 дзотов. Плотность укреплений была примерно в 10 раз шире, чем на «линии Мажино». При грамотно организованном наступлении хорошо подготовленной армии, имеющей подавляющее превосходство в танках, артиллерии и авиации, «линия Маннергейма» не представляла собой серьезного препятствия. Однако Красная Армия не умела толком обходиться с боевой техникой, штабы не умели планировать операции, командиры — организовывать взаимодействие родов войск на поле боя, а рядовые красноармейцы в массе своей не умели, в отличие от финнов, не только ходить на лыжах, но даже стрелять.

В тот момент и в советской элите, и в народе были распространены представления о том, что «освободить» Финляндию будет столь же легко, как только что «освободили» Западную Украину и Западную Белоруссию. Трудящиеся писали вождям: «Хорошо будет, если наше правительство прикажет освободить финский народ. Мы его освободим так же, как освободили народы Западной Украины и Белоруссии». Бедняги не ведали, что в «освободительном походе» в Финляндию жертв

* Дот — долговременная огневая точка. Пулеметное или артиллерийское оборонительное сооружение.

** Дзот — деревоземляная огневая точка. Укрепленное оборонительное сооружение.

будет раз в сто больше, чем во время «освобождения» Восточной Польши, обошедшегося Красной Армией в 1475 погибших.

Был разработан проект инструкции «С чего начать политическую и организационную работу коммунистов» в районах, освобожденных от власти «белых». Там требовалось «распространять Декларацию Народного правительства, договор, заключенный между Финляндией и СССР, газету «Кансан валта» («Власть народа»), обращение ЦК Компартии Финляндии и другие коммунистические издания... Выяснить настроения и острейшие нужды населения, в первую очередь рабочих и крестьян. Если «белым» удалось внушить части трудового народа такое предубеждение, что виновниками его страданий являются коммунисты или Советский Союз и Красная Армия, то надо немедленно принять особые энергичные меры — развернуть работу пропагандистов, распространять особые листовки, составленные с учетом условий данной местности и т. д., для того, чтобы как устными, так и печатными средствами пропаганды убедительно показать лживость демагогии белых...». Предписывалось «найти несколько левых социалистов — членов рабочего общества и, посоветовавшись с ними, созвать собрание рабочего общества. На этом собрании следует осветить создавшееся положение и разъяснить позицию Народного правительства, призвать очистить рабочее общество, особенно его руководящие органы, от... агентов белого режима». Ясно, что речь шла о полной советизации Финляндии с последующим включением ее в состав СССР и превращением Финской Демократической Республики в Финскую Советскую Социалистическую Республику. Позднее, когда был заключен Московский мир, признавший правительство в Хельсинки, ФДР пришлось преобразовать в Карело-Финскую ССР, с включением в нее прежней Карельской ССР и отвоёванных у Финляндии территорий к северу от Ладожского озера. Как отметил 30 ноября 1939 г. в беседе

с германским послом в Москве Шуленбургом Молотов, «не исключено, что в Финляндии будет создано другое правительство — дружественное Советскому Союзу, а также Германии. Это правительство будет не советским, а типа демократической республики. Советы там никто не будет создавать, но мы надеемся, что это будет правительство, с которым мы сможем договориться и обеспечить безопасность Ленинграда». Точно такие же марионеточные правительства были созданы в государствах Прибалтики после их оккупации Красной Армией в июне 1940 года. Они сразу же попросили принять их страны в состав СССР. Та же участь была уготована Финляндии, но мужественное сопротивление финской армии и народа сорвало сталинские планы.

1 декабря 1940 года в поселке Териоки (ныне Зеленогорск), занятом советскими войсками, было образовано «народное правительство» Финской Демократической Республики во главе с деятелем Коминтерна Отто Куусиненом, давно эмигрировавшим из Финляндии. О его создании первым сообщил ТАСС, ссылаясь на мифический радиоперехват. На самом деле «правительство» Куусинена всю войну оставалось в столице советской Карелии.

Согласно Договору о взаимопомощи и дружбе между Советским Союзом и правительством Куусинена от 2 декабря 1939 года, к Финляндии присоединялись районы Восточной Карелии площадью 70 тыс. км², а Советскому Союзу отходил район Карельского перешейка втрое меньшей площади. Все эти манипуляции нужны были для того, чтобы в ответ на осуждение агрессии в западных странах советская дипломатия могла утверждать, что СССР не воюет с Финляндией, а, наоборот, дружит с ФДР и помогает ей в борьбе с «белофиннами». Эта уловка не помогла, и 14 декабря 1939 г. СССР за агрессию против Финляндии был исключен из Лиги Наций, что никак не повлияло на ход войны.

Не буду подробно останавливаться на ходе боевых действий. Он хорошо известен. Отмечу только, что несколько советских дивизий попали в окружение к северу от Ладожского озера и были почти полностью уничтожены. Даже когда после двух с лишним месяцев топтания перед «линией Маннергейма», утром 11 февраля 1940 г., началось генеральное наступление, финская армия смогла осуществить организованный отход и не допустила прорыва фронта и выхода неприятеля на оперативный простор. В первый день дивизии 7-й армии смогли вклиниться в систему обороны Суммского укрепленного узла, но Сумма была взята только 14 февраля. Финское командование, осознав, что прорыв в районе Суммы ликвидировать не удастся, 23 февраля начало отход на тыловую оборонительную полосу, чтобы сохранить целостность фронта. Когда атаки возобновились, финнам удалось нанести частичное поражение нескольким батальонам 23-го стрелкового корпуса 13-й армии и даже взять пленных, но это никак не повлияло на общий ход боев. К концу февраля советские войска вышли к финским тыловым оборонительным позициям в районе Выборга. Сражение за этот город продолжалось вплоть до заключения перемирия. Заключительным аккордом войны стал бессмысленный штурм Выборга, предпринятый за несколько часов до вступления в силу мирного договора, по которому Выборг и так отходил к Советскому Союзу. Этот штурм стоил сотен жизней, но не привел к успеху. Финны спокойно продержались до часа прекращения огня в полдень 13 марта, а затем ушли из города, недоумевая, для чего русские зазря губят своих солдат.

Почему Советский Союз пошел на компромиссный Московский мир? Широко распространено мнение, что Сталин испугался англо-французского экспедиционного корпуса, который хотели направить на помощь Финляндии и как раз в день заключения мира, 12 марта 1940 г., начали грузить на суда. Но еще 26 февраля нарком Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецов напра-

вил флотам директиву, согласно которой вероятными противниками предписывалось считать Германию, Италию, Финляндию и Венгрию. Сталин не гипотетического союзного десанта боялся, а хотел, в преддверии ожидавшегося в конце весны генерального наступления Германии на Западе, освободить Красную Армию от финского бремени, чтобы всеми силами ударить в спину «другу Адольфу», который, как надеялся Коба, завяжет на «линии Мажино».

Вот еще одна загадка. 2 января 1940 г. Сталин встретился с неким Грюнвальдом, которого публикаторы предположительно определяют как финского генерала Гренвалля, ориентируясь на адъютанта президента Кекконена генерал-майора Рагнера Гренвалля. А ведь в 1939–1940 гг. он был адъютантом главнокомандующего финской армии маршала барона Карла Густава Маннергейма! Значит, была какая-то связь через линию фронта и была попытка переговоров? И только после их провала начался последний штурм «линии Маннергейма». Действительно, еще в 1971 г. в Финляндии вышла книга бывшего личного радиста и шифровальщика Маннергейма Вилно Тахванайнена «Специальные миссии». Он утверждал, что с 1932 по 1945 г. Маннергейм, не симпатизировавший немцам, поддерживал секретный радиообмен со Сталиным. Может быть, когда-нибудь подтверждение этого мы найдем и в российских архивах?

В «зимней войне» финские потери известны точно. Они составили 22 830 убитых и умерших от ран и в плену военнослужащих. В плен попало 876 человек, из которых 13 умерли, а 20 остались в СССР. Кроме того, погибли 1029 гражданских лиц. СССР потерял не менее 131,5 тыс. погибших, учтенных в именных списках. Если же добавить сюда потери ВМФ и войск НКВД, а также погибших, не попавших в списки, то безвозвратные потери Красной Армии, возможно, увеличатся до 170 тысяч. В плен попало около 6 тыс. красноармейцев. 5486 из них были репатриированы в мае 1940 г.,

и еще 200—300 человек — позднее в том же году, 113 умерли в плену, а, возможно, 200—300 человек остались в Финляндии. Автобронетанковые войска Красной Армии безвозвратно потеряли в боях с противником 650 танков, около 1800 было подбито, а более 1500 вышли из строя по техническим причинам. В качестве трофеев финны захватили 131 танк. Безвозвратные потери советской авиации составили не менее 522 машин (из которых 182 разбились в авариях). Финны безвозвратно потеряли 67 самолетов и 27 танков.

В финскую войну родилась предшественница РОА — Русская народная армия (РНА) из пленных красноармейцев и офицеров-эмигрантов. Она под руководством бывшего секретаря Сталина Бориса Бажанова собиралась бок о бок с финнами бороться против большевиков, но так и не успела вступить в бой.

Из вернувшихся в СССР пленных 158 было расстреляно по обвинению в измене (всего было осуждено 344 человека, в том числе 168 — за участие в РНА). А еще более 4,5 тыс. были отправлены в лагеря на 5—8 лет по решению Особого совещания.

Интересно, что русскому исследователю Дмитрию Фролову удалось найти в финских архивах документы только на 29 красноармейцев, обращавшихся с просьбой остаться в Финляндии. Из них всем, кроме одного, было отказано. Показательно, что ни один из них в качестве аргумента не ссылался на участие в РНА. Можно предположить, что несколько десятков (а возможно, и одна-две сотни) бывших бойцов РНА были каким-то образом спрятаны финскими властями в Финляндии и им выданы финские паспорта, а все документы на них уничтожены. К концу 1940 г. не были возвращены, по официальным данным, еще 65 советских пленных, из которых 35 были из числа национальностей — украинцы, татары, узбеки и т. д., а 30 — перебежчики, которым финны ранее обещали, что их не выдадут. Возможно, их судьбу еще удастся прояснить.

В результате Московского мира СССР получил Карельский перешеек с Выборгом, часть финской Карелии к северу от Ладоги, острова в Финском заливе и базу на Ханко.

Выступая 29 марта 1940 г. на сессии Верховного Совета, Молотов утверждал: «Советский Союз, разбивший финскую армию и имевший полную возможность занять всю Финляндию, не пошел на это... Никаких других целей, кроме обеспечения безопасности Ленинграда, Мурманска и Мурманской железной дороги, мы не ставили...» Советский премьер просто делал хорошую мину при плохой игре.

Замечу, что последствия «зимней войны» не оставили незаживающих ран в сердцах двух народов. Может быть, потому, что они оказались квиты. В 1941—1944 гг. Финляндия вместе с Германией выступила против СССР, и это лишило финнов морального основания требовать возвращения территорий, отторгнутых в результате советской агрессии. Президент Путин в сентябре 2001 г. во время визита в Финляндию первым из советских и российских лидеров возложил венок к могиле маршала Маннергейма. Это стало символом преодоления прошлого в российско-финских отношениях.

Проблема, готовил ли Советский Союз превентивную или наступательную войну против Германии накануне 22 июня 1941 г., вновь стала актуальной после публикации книг В. Суворова «Ледокол» и «День-М», где автор утверждает, что советское нападение на Германию было запланировано на 6 июля 1941 г., причем вне всякой связи с германским планом «Барбаросса»⁴. На наш взгляд, факты, приводимые В. Суворовым, а особенно попавшие в поле зрения исследователей уже после публикации названных книг, позволяют не только согласиться с этим выводом В. Суворова, но и предположить, что поначалу Сталин собирался напасть на Гитлера еще летом 1940 г., но этот план был сорван слишком быстрым крахом Франции, подобно тому как летом 1941 г. аналогичный план был сорван германским вторжением.

Первым по времени в ряду рассматриваемых фактов стоит сообщение бывшего командующего Балтийским флотом В. Ф. Трибуца о том, что «народный комиссар ВМФ Н. Г. Кузнецов в феврале 1940 г. издал специальную директиву, в которой указывал на возможность одновременного выступления против СССР целой коалиции стран, возглавляемой Германией и включающей Италию, Венгрию, Финляндию», причем фактическая подготовка Балтфлота в 1940–1941 гг. проходила именно в рамках этих указаний наркома⁵. Данное сообщение заслуживает полного доверия. С одной стороны, оно не было опровергнуто самим

Н. Г. Кузнецовым ни в его мемуарах, ни в посмертно опубликованных рукописях⁶. С другой стороны, хотя предвоенные оперативные планы флотов и флотилий после войны были уничтожены, они были подробно изложены в составленном в 1946 г. отчете Главного морского штаба по итогам Великой Отечественной войны. Считаю необходимым привести это место отчета полностью:

«Согласно оперативным планам 1941 г. советским флотам и флотилиям на случай развязывания агрессором войны против СССР ставились следующие задачи:

Северный флот

1. Уничтожение флота противника при появлении его в Баренцевом и Белом морях.
2. Содействие 14-й армии в захвате Петсамо (Печенга).
3. Совместная с 14-й армией оборона побережья полуостровов Средний, Рыбачий и Кольский, не допуская высадки десантов противника.
4. Не допустить проход судов противника в Белое море.
5. Совместная с частями Архангельского военного округа оборона побережья Белого моря.
6. Крейсерские операции подводных лодок на морских сообщениях у западного побережья Норвегии и в Скагерраке.

Краснознаменный Балтийский флот

1. Не допустить морских десантов немцев на побережье Латвийской и Эстонской ССР и на острова Моонзундского архипелага.
2. Совместно с ВВС КА нанести поражение германскому флоту при его попытке пройти в Финский залив.
3. Не допустить прорыва кораблей противника в Рижский залив.
4. Содействовать сухопутным войскам на побережье Финского залива и на полуострове Ханко, обеспечивая их фланги и уничтожая береговую оборону финнов.
5. Уничтожить боевой флот Финляндии и Швеции (при выступлении последней против СССР).
6. Обеспечить в первые же дни войны переброску двух стрелковых дивизий с северного побережья Эстонской

ССР на полуостров Ханко, а также крупного десанта на Аландские острова.

7. Прервать морские коммуникации Финляндии и Швеции в Балтийском море и Ботническом заливе.

Черноморский флот

1. Обеспечить господство нашего флота на Черном море.
2. Активными минными постановками и действиями подводных лодок не допустить прохода флота враждебной коалиции в Черное море.
3. Не допустить подвоза через Черное море войск и боевого снаряжения в порты Румынии, Болгарии и Турции.
4. Не допустить высадку морского десанта на северное побережье Черного моря.
5. В случае выступления Румынии уничтожить ее флот и прервать морские коммуникации.
6. Не допустить действий кораблей противника против нашего побережья.
7. Быть готовым к высадке тактического десанта.
8. Блокировать побережье Румынии, включая устья Дуная, и уничтожить или захватить румынский флот.
9. Содействовать левому флангу Красной Армии при форсировании р. Дунай и дальнейшему продвижению вдоль побережья Черного моря.
10. Обеспечить ПВО главной военно-морской базы и Керченского сектора береговой обороны.

Дунайская флотилия

1. Не допустить форсирования противником р. Дунай на участке от устья р. Прут до устья Килийского гирла.
2. Не допустить прохода военных и др. кораблей на участке Рении — устье Килийского гирла.
3. Оказать содействие сухопутным войскам в отражении возможного удара противника с направления Галац.

Каспийская флотилия

1. Оказать содействие флангу армии на западном и юго-западном побережье Каспийского моря огнем корабельной артиллерии и высадкой тактического десанта.
2. Совместно с ВВС КА обеспечить коммуникации между портами на Каспийском море.

3. Не допустить высадку десантов противника на западное и восточное побережье Каспийского моря совместно с Красной Армией.
4. Выполнить совместно с ВВС КА набеговые операции на базы противника Пехлеви и Наушехр.
5. Организовать и обеспечить службу ВНОС и морской сектор ПВО г. Баку.

Пинская (Днепровская) флотилия

1. Содействие войскам КА при ведении ими наступательных операций: огнем кораблей, переправами и перевозками войск, высадкой тактических десантов, прикрытием флангов войск, упирающихся в реку.
2. Борьба с переправами противника.
3. Борьба с речными силами противника.
4. Обеспечение водных коммуникаций»⁷.

К этим планам мы еще вернемся. Пока отметим, что в целом по составу вероятных противников они соответствуют планам 1940 г. в изложении В. Ф. Трибуца. Состав враждебной коалиции здесь расширен за счет Румынии, Болгарии, Швеции, Турции и Ирана. Не исключено, что эти страны в 1940 г., еще до оккупации Бессарабии, не рассматривались в качестве потенциальных противников или что Трибуц просто опустил их при перечислении, поскольку, кроме Румынии, все они в конечном итоге по отношению к СССР сохранили нейтралитет. То же, что уже с февраля 1940 г. Балтийский флот вел подготовку к войне именно против германской коалиции, доказывает, что Германия и ее союзники в директиве Н. Г. Кузнецова были названы не одними из вероятных, а единственными возможными противниками. Для февраля 1940 г. такая ориентировка, принятая, безусловно, с санкции высшего политического руководства, паразитерна. Ведь в то время Англия и Франция всерьез рассматривали возможность высадки экспедиционного корпуса с помощью Финляндии, что не было тайной для советского руководства и традиционно считалось одной из главных причин, вынудивших Сталина заключить Мос-

ковский мир и отказаться от полного поглощения Финляндии⁸.

Февральская директива Н. Г. Кузнецова позволяет предположить, что на самом деле главной причиной советского миролюбия стало стремление поскорее освободить связанные финской войной значительные силы Красной Армии в преддверии ожидавшегося вскоре германского наступления на Западе. Если это предположение справедливо, то парадоксальным образом оказывается, что для финской стороны наиболее выгодным было бы следовать линии министра обороны Ю. Ниюккенена и его сторонников, предлагавших не принимать советские условия и продолжать войну в ожидании помощи западных союзников. В случае упорства финнов Сталин, опасаясь затяжки войны из-за весенней распутицы и нехватки горючего у Красной Армии (в начале мая горючего было лишь на полмесяца войны)⁹, вероятно, согласился бы на мир на основе предвоенного предложения об обмене территорий или даже на основе сохранения довоенного статус-кво. В этом случае Финляндия, скорее всего, осталась бы нейтральной в советско-германской войне в 1941 г.¹⁰

В пользу предположения о том, что мир с Финляндией был продиктован стремлением освободить советские войска для действий против Германии, свидетельствует, на наш взгляд, и судьба содержащихся в советском плену польских офицеров. 5 марта 1940 г., еще до Московского мира, Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о расстреле 14,7 тыс. польских офицеров и 11 тыс. гражданских поляков. Эти люди были казнены (в количестве около 22 тыс.) в апреле и первой половине мая 1940 г.¹¹ Нам представляется, что этот расстрел был вызван планами Сталина на скорую войну с Германией. Польские офицеры и гражданские лица из числа представителей интеллигенции и имущих классов не питали в своем большинстве симпатий ни к коммунизму, ни к СССР. В случае же войны с Германией Польша становилась союзником, и поляков при-

шлось бы освободить из плена. Тогда они наверняка сыграли бы главную роль в формировании новой польской армии, которая была бы фактически неподвластна жесткому советскому контролю. Опыт двух армий Войска Польского, состоявших в значительной мере из советских граждан, связанных с Польшей лишь своим происхождением и польскими фамилиями, или польских эмигрантов-коммунистов, показывает, что контроль над польскими военными формированиями Сталин придавал решающее значение в деле превращения Польши в своего сателлита. Единственным способом не допустить польских офицеров в новую польскую армию было уничтожение их до начала советско-германского вооруженного конфликта, что, очевидно, и было сделано советским руководством.

Сохранилось косвенное свидетельство того, что решение о расстреле польских офицеров обсуждалось на Политбюро именно в свете возможности формирования антигерманской польской армии, хотя стенограммы заседания не сохранилось (или она до сих пор не рассекречена). По свидетельству С. Л. Берия, ссылающегося на своего отца, Л. П. Берия на этом заседании выступал против расстрела, аргументируя это так: «Война неизбежна. Польский офицерский корпус — потенциальный союзник в борьбе с Гитлером. Так или иначе мы войдем в Польшу, и конечно же, польская армия должна оказаться в будущей войне на нашей стороне»¹².

Одним из доказательств в пользу того, что Л. П. Берия действительно был против уничтожения поляков, может служить тот факт, что в тексте предложения НКВД по решению судьбы пленных поляков, которые «все... являются закоренелыми, неисправимыми врагами советской власти», из состава тройки, призванной вынести смертные приговоры, фамилия Берия вычеркнута, вероятно рукой самого наркома, и заменена фамилией Кобулова¹³. Вполне возможно, что Л. П. Берия на самом деле предполагал возможность союза с не-

коммунистической Польшей, вспоминал его послевоенные идеи о воссоединении некоммунистической Германии и предоставлении большей самостоятельности странам Восточной Европы. Поэтому Берия мог выступать против расстрела поляков. Но, вне всякого сомнения, Сталину и подавляющему большинству членов Политбюро нужна была лишь абсолютно послушная коммунистическая Польша после войны, и это предопределило судьбу польских офицеров.

17 апреля 1940 г., обобщая опыт финской войны на совещании высшего состава, Сталин в целом оценил его положительно — как успешную репетицию будущей большой войны в Европе:

«Спрашивается, кого мы победили? Говорят — финнов. Ну конечно, финнов победили. Но не это самое главное в этой войне. Финнов победить — не бог весть какая задача. Конечно, мы должны были финнов победить. Мы победили не только финнов, мы победили еще их европейских учителей — немецкую оборонительную технику победили, английскую оборонительную технику победили, французскую оборонительную технику победили. Не только финнов победили, но и технику передовых государств Европы. Не только технику передовых государств Европы, мы победили их тактику, их стратегию... Мы разбили не только финнов — эта задача не такая большая. Главное в нашей победе состоит в том, что мы разбили технику, тактику и стратегию передовых государств Европы, представители которых являлись учителями финнов. В этом основная наша победа».

Советский вождь отметил и серьезные недостатки, нерешенные задачи, например, «создание культурного, квалифицированного и образованного командного состава. Такого командного состава нет у нас или есть единицы»; «требуются хорошо сколоченные и искусно работающие штабы. До последнего времени говорили, что такой-то командир провалился, шляпа, надо в штаб его. Или... случайно попался в штаб человек с жилкой, может командовать, говорят: ему не место в штабе, его

на командный пост надо». (Здесь, кстати сказать, получался тришкин кафтан: чтобы ликвидировать острую нехватку полевых командиров, приходилось оголять штабы.) Не удовлетворили Сталина и индивидуальные качества бойцов: «...требуются для современной войны хорошо обученные, дисциплинированные бойцы, инициативные. У нашего бойца не хватает инициативы. Он индивидуально мало развит. Он плохо обучен, а когда человек не знает дела, откуда он может проявить инициативу, и поэтому он плохо дисциплинирован. Таких бойцов новых надо создать, не тех митюх, которые шли в гражданскую. Нам нужен новый боец. Его нужно и можно создать: инициативного, индивидуально развитого, дисциплинированного». Чувствуется, что к рядовым «митюхам» «великий вождь и учитель» особого сочувствия не испытывал и готов был бесчисленно жертвовать их жизнями для удовлетворения собственных внешнеполитических амбиций. Однако на счет сроков, в течение которых возможно устранить недостатки, присущие советским вооруженным силам к началу финской войны, Сталин питал опасные для себя и страны иллюзии:

«...Наша современная Красная Армия обстреливалась на полях Финляндии — вот первое ее крещение. Что тут вышло? То, что наши люди — это новые люди. Несмотря на все их недостатки, очень быстро, в течение каких-либо полутора месяцев, преобразовались, стали другими, и наша армия вышла из этой войны почти что вполне современной армией, но кое-чего еще не хватает. Хвосты остались от старого. Наша армия встала крепкими обеими ногами на рельсы новой, настоящей советской современной армии. В этом главный плюс того опыта, который мы усвоили на полях Финляндии, дав нашей армии обстреляться хорошо, чтобы учесть этот опыт. Хорошо, что наша армия имела возможность получить этот опыт не у германской авиации, а в Финляндии, с божьей помощью. Но что наша армия уже не та, которая была в ноябре прошлого года, и командный состав другой, и бойцы другие, в этом не может быть никакого сомнения».

Оговорка про германскую авиацию доказывает, что именно Германия в тот момент рассматривалась в качестве следующего после Финляндии противника, причем, поскольку на Гитлера планировалось напасть в тот момент, когда основные сухопутные силы будут заняты на Западе, основную угрозу для наступающих частей Красной Армии Сталин действительно должен был видеть в люфтваффе, которое быстро могло бы перебросить самолеты на Восток и бомбово-штурмовыми ударами замедлить продвижение советских войск. А Сталин думал именно о широкомасштабном наступлении, провозгласив в той же речи 17 апреля 1940 г.:

«Армия, которая воспитана не для наступления, а для пассивной обороны; армия, которая не имеет серьезной артиллерии; армия, которая не имеет серьезной авиации... армия, которая ведет хорошо партизанские наступления... не могу я такую армию назвать армией»¹⁴.

То, что вскоре после финской войны планировалось советское наступление на Западе в случае, если Германия увязнет на «линии Мажино», доказывается происшедшими после Московского мира изменениями в дислокации войск. К концу войны на финском фронте было 55 стрелковых дивизий, 4 кавалерийские и мотокавалерийские дивизии, 8 танковых бригад и 3 авиадесантные бригады Красной Армии с 4 тыс. танков и 3 тыс. самолетов. Из них начиная с апреля на Запад было переброшено 37 дивизий и 1 танковая бригада, в том числе: в Одесский округ — 2 дивизии, в Киевский особый — 15, включая 2 кавалерийские, в Белорусский (Западный) особый — 20, включая 2 мотокавалерийские дивизии, и 1 бригада. Еще одна танковая бригада вернулась в Московский военный округ вместе с 2 дивизиями, по 1 дивизии были переброшены в Сибирь и Закавказье. Остальные соединения, участвовавшие в войне с Финляндией, остались в Ленинградском военном округе или были расформированы. Из числа переброшенных в западные округа около 30 дивизий

прибыло до июня 1940 г., остальные 7 или 8 — в июле и августе.

А ведь и до переброски соединений с финского театра западные приграничные округа обладали немалыми силами. В Белорусском особом округе было 17 стрелковых и 3 кавалерийские дивизии, подкрепленные 5 танковыми бригадами, в Киевском — 23 стрелковые и 4 кавалерийские дивизии с 6 танковыми бригадами. Одесский округ, предназначенный для действий против Румынии, был слабее. Но и здесь имелось 8 стрелковых и 2 кавалерийские дивизии, а также 2 танковые бригады. Всего, таким образом, с учетом 3 стрелковых дивизий и 3 танковых бригад, размещенных в Прибалтике, и войск, переброшенных из Финляндии, Сталин мог к концу июня выставить против Германии до 84 стрелковых и 13 кавалерийских и мотокавалерийских дивизий вместе с 17 танковыми бригадами (по числу танков — 200 и более — каждая такая бригада не уступала германской танковой дивизии)¹⁵. Следует учесть, что в случае вторжения советских войск в Германию и Польшу (в то время выступление Румынии, еще не лишившейся Бессарабии и Северной Буковины, на германской стороне было невероятным) вермахт в начале июня на Востоке мог противопоставить этим силам только 12 пехотных дивизий, 9 из которых были ландверными и обладали очень ограниченной боеспособностью. В июне здесь была сформирована еще одна пехотная дивизия, но это не меняло общей картины подавляющего советского превосходства¹⁶.

Вероятно, учитывая возможность скорой войны с Германией, срок начала демобилизации 686 тыс. военнослужащих, оказавшихся после войны с Финляндией «излишними», был перенесен с 1 мая на 1 июля 1940 г. Штат Красной Армии (без ВМФ) с 1 мая 1940 г. установили в 3 млн 200 тыс. человек¹⁷. Создавалась и группировка авиации на Западе: сюда перебросили основную часть освободившейся после финского конфликта авиации. Как признавал на совещании высшего комсо-

става РККА в декабре 1940 г. тогдашний командующий авиацией Ленинградского военного округа А. А. Новиков, «в 1940 г. боевая подготовка частей ВВС ЛВО проходила в несколько своеобразных условиях: до августа месяца все части ВВС округа были заняты выполнением особых заданий и только к августу месяцу возвратились с Украины...»¹⁸. Показательно и то, что, по свидетельству А. М. Василевского, уже в апреле 1940 г. был в основных чертах готов в Генеральном штабе план стратегического развертывания войны против Германии, коррективы в который пришлось вносить только под влиянием результатов боевых действий Германии на западе¹⁹.

Материалы так и не завершеного весеннего 1940 г. плана стратегического развертывания Красной Армии против Германии не опубликованы. Неизвестно, сохранились ли они вообще. Однако, основываясь на опубликованном варианте стратегического развертывания от 18 сентября 1940 г.²⁰ и на моих подсчетах распределения сил к лету 1940 г. между западными приграничными округами, можно предположить, что тогда главный удар предполагался на варшавском направлении. План сентября 1940 г. предусматривал основным вариантом нанесение главного удара к югу от Брест-Литовска, но в зависимости от обстановки допускал главный удар северной группировкой советских войск с целью овладения Восточной Пруссией, причем в условиях мирного времени считалось необходимым «иметь разработанными оба варианта»²¹. К началу июня 1940 г. удар по Восточной Пруссии представлялся весьма проблематичным, поскольку в формально независимой Литве тогда была еще слишком слабая группировка советских войск — 1 усиленная стрелковая дивизия с 1 танковой бригадой²². Основная же группировка советских войск тогда была в Белоруссии, откуда напрашивался удар на Варшаву. Второй же удар, очевидно, планировался на юго-западном направлении силами Киевского особого военного округа, также располагавшего значи-

тельными силами. Судя по срокам демобилизации тех, кто был призван на финскую войну с 1 июля 1940 г., Сталин планировал начать вторжение на Запад в конце июня или начале июля, когда, по расчетам, Гитлер, начавший весной наступление против Франции, должен был увязнуть в борьбе с английскими и французскими войсками и ввести в бой все свои резервы. 10 мая 1940 г. Германия начала генеральное наступление на Западе, предварительно уведомив об этом СССР²³.

В тот же день был опубликован указ от 7 мая о введении генеральских званий в Красной Армии, и через несколько дней после начала боевых действий командующими западными приграничными округами — Киевским особым и Западным особым были назначены имевшие большой боевой опыт в Монголии, Испании и Финляндии свежееиспеченные генерал армии Г. К. Жуков и генерал-полковник Д. Г. Павлов. 7 мая наркомом обороны стал командовавший советскими войсками в финской войне маршал С. К. Тимошенко. Сталин, сообщая Жукову о новом назначении, многозначительно заметил: «Теперь у вас есть боевой опыт (успешная наступательная операция на Халхин-Голе. — Б. С.)... Принимайте Киевский округ и свой опыт используйте в подготовке войск». И при этом, уже зная о начале германского наступления на Западе, добавил, что западным союзникам «придется самим расплачиваться за недаленовидную политику» отказа от коалиции с СССР и «умиротворения» Гитлера за счет агрессии на Восток²⁴.

По свидетельству бывшего офицера правительственной охраны Г. А. Эгнаташвили (его отец, А. Я. Эгнаташвили, был заместителем начальника охраны Сталина), в ночь с 6 на 7 мая 1940 г. на вечеринке в квартире Эгнаташвили Сталин произнес примечательный тост. У хозяйки дома, немки по национальности, дочь от первого брака тогда жила в Америке, и мачеха Г. А. Эгнаташвили очень боялась, что СССР будет воевать с США. Сталин ее успокоил: «Уважаемая Лилия

Германовна, не беспокойтесь, не волнуйтесь... — и задумался. — Воевать с Америкой мы не будем». Потом переложил стакан в другую руку и застыл, как сфинкс. Прошла минута, прошла вторая, прошла третья... А он все усы поглаживает. Мы глаз с него не сводим, шелохнуться боимся. И тут он поднял правую руку, погладил усы и отчеканил: «Воевать мы будем с Германией! Англия и Америка будут нашими союзниками! Не беспокойтесь, не волнуйтесь! За ваше здоровье!» — и выпил...»²⁵

Характерно, что Жукову фактически было предписано готовить войска к наступлению. Сомневаться в том, что с 12—13 слабыми германскими дивизиями справятся даже советские войска, показавшие в финской войне крайне низкую боеспособность, не приходилось. Но все расчеты спутал Гитлер, который менее чем за три недели разгромил французскую армию и отеснил англичан к Атлантическому побережью.

Теперь Красная Армия рисковала в случае вторжения в Польшу и Германию встретиться с основными силами победоносного вермахта, и такое вторжение стало слишком опасным. Советские генералы, по свидетельству Л. М. Сандалова, с удивлением сокрушались: «Кто бы мог подумать, что немцам потребуется лишь немногим больше двух недель, чтобы разгромить основные силы французской армии?»²⁶

Нам представляется, что Сталин вряд ли стал бы длительное время выжидать истощения сторон в ходе боевых действий на Западе. Ведь невозможно было заранее предсказать, когда и которая из сторон первой потеряет способность сопротивляться. Судя по разговору с Жуковым, боеспособность вермахта Сталин расценивал все же выше, чем боеспособность союзных армий. Если поражение Германии не несло угрозы СССР, который в этом случае, очевидно, мог бы без труда оккупировать Польшу и другие страны Восточной Европы, то крах Франции грозил остаться с Германией один на один. Так что в интересах Сталина было не медлить

с нападением, как только все германские силы втянутся в бои на Западе. Однако «блицкриг» Гитлера во Франции исключил возможность немедленного советского нападения. Советская сторона стала готовиться к войне более основательно.

Здесь играло роль не только и, возможно, не столько то обстоятельство, что теперь Красной Армии пришлось бы столкнуться с главными силами вермахта. Еще более важным могло быть то, что после падения Франции перед СССР открывалась соблазнительная перспектива в случае решительной и быстрой победы над Германией оккупировать всю континентальную Европу. Но подобная операция на такую большую глубину требовала еще больше сил и средств, более тщательной подготовки.

В частности, развернувшееся уже после поражения Франции ускоренное формирование воздушно-десантных корпусов может быть понято именно в свете планов оккупации Западной Европы. Как показали последние недели войны с Японией в 1945 г., воздушно-десантные войска лучше всего использовать тогда, когда противник уже деморализован, находится на грани капитуляции и почти не оказывает активного сопротивления. В случае скорого крушения вермахта в столкновении с Красной Армией свежесформированные воздушно-десантные корпуса легко могли бы высадиться во Франции или даже Испании.

В июне 1940 г. было начато формирование механизированных корпусов трехдивизионного состава (в танковые дивизии преобразовывались существовавшие ранее бригады, формирование же моторизованных дивизий было начато еще в мае), а в июле — новых стрелковых дивизий, предназначенных для западного театра. При создании механизированных корпусов проявился авантюризм и гигантомания, свойственные советскому военному планированию и организации. В условиях острой нехватки средств связи, недостатка опыта эксплуатации техники и организации маршей

два советских танковых корпуса, участвовавших в сентябре 1939 г. во вторжении в Польшу, отстали при продвижении даже от кавалерии, хотя почти не встречали сопротивления. Новые механизированные корпуса имели вдвое больше танков по сравнению с прежними танковыми корпусами (1031 против 560) и были еще менее управляемы, так как количество средств связи не увеличилось, а уровень подготовки личного состава оказался еще ниже. Одновременно было начато формирование 9, а в феврале 1941 г. — еще 20 корпусов, предназначенных к дислокации в западных приграничных округах, включая Ленинградский. Для этого не хватало ни техники, ни обученных кадров. В результате год спустя, в июне 1941 г., корпуса еще не были полностью укомплектованы, так что сроки их формирования (по крайней мере первых 9) оказались беспрецедентными в мировой военной истории. Но небоеспособность новых механизированных корпусов стала ясна советскому командованию только после 22 июня 1941 г.²⁷

Наряду с усилением армии Сталин обеспечил себе новые плацдармы для вторжения в Восточную Европу и Германию. В июне 1940 г. советские войска оккупировали государства Прибалтики, а также румынские Бессарабию и Северную Буковину. Тем самым появился плацдарм в Литве для вторжения в Восточную Пруссию и Красная Армия продвинулась по направлению к румынским нефтяным источникам. Определенные шаги были предприняты и по отношению к Польше и Чехословакии: не позднее октября 1940 г. Сталин поручил Л. П. Берия провести предварительные мероприятия по подготовке создания польских и чехословацких военных формирований в СССР. 2 ноября нарком внутренних дел доложил о проведенной работе среди оставшихся польских пленных, работе по отбору тех офицеров и солдат, которые готовы были бы воевать против Германии на стороне СССР без какой-либо санкции польского правительства в изгнании во главе

с В. Сикорским. Отобранной группе «правильно политически мыслящих» офицеров, которым будущая Польша представлялась как «тесно связанная в той или иной форме с Советским Союзом», предлагалось «предоставить возможность переговорить в конспиративной форме со своими единомышленниками в лагерях для военнопленных поляков и отобрать кадровый состав будущей дивизии». После этого польскую дивизию предполагалось формировать «в одном из совхозов на юго-востоке СССР» с созданием при ней Особого отделения НКВД, но в рамках РККА. Так же была отобрана и группа чехословацких офицеров из числа военнопленных, изъявивших желание сражаться с Германией «по приказу Бенеша или, как минимум, своего командира полковника Свободы», в связи с чем Л. Свобода был вызван из-за границы органами НКВД²⁸.

Перед финской войной в РККА уже был опыт таких формирований. Еще 26 октября 1939 г., ровно за месяц до советской провокации в Майнила, К. Е. Ворошилов отдал приказ о формировании 106-го особого стрелкового корпуса из финского и карельского населения СССР. 23 ноября сформированный корпус был переименован в 1-й горнострелковый, а с началом советско-финской войны сразу же переброшен на фронт и назван 1-м стрелковым корпусом финской народной армии с номинальным подчинением марионеточному правительству О. Куусинена. Первоначально корпус имел 2 дивизии, а с января 1940 г. — 4, причем в значительной степени он был укомплектован русскими и лицами других национальностей, к Финляндии никакого отношения не имевших и финского языка не знавших. Боеспособность корпуса была крайне низкой, и к маю 1940 г. он был расформирован, а из части его личного состава сформировали 71-ю особую стрелковую дивизию на случай новой войны с Финляндией²⁹.

Как видим, формирования, подобные планируемой польской дивизии, создавались незадолго до инициируемого СССР военного конфликта. Сталин предпо-

читал скрывать существование финского соединения до начала войны, хотя в тех условиях даже утечка информации о формировании финского корпуса ничего изменить не могла, поскольку Финляндия была не в состоянии нанести превентивный удар и не имела союзников, готовых осуществить такой удар. Случай же с польской дивизией не только прямо нарушал один из секретных протоколов к советско-германскому договору «О дружбе и границе», где речь шла о недопущении польской агитации на своей территории, но и, при условии, что о формировании дивизии стало бы известно германской стороне, мог вызвать ответные военные действия. Поэтому польскую дивизию можно было начать формировать только перед самым началом войны. Осенью 1940 г. время для этого еще не настало.

Между тем Гитлер уже в июле 1940 г. начал перебрасывать на Восток дивизии с Запада и разрабатывать планы войны против СССР. При этом авторы первых и последующих разработок не только не опасались активных наступательных действий Красной Армии, но даже считали их благоприятным фактором для успеха германского вторжения в Россию. Так, в своей разработке от 5 августа 1940 г. генерал Э. Маркс отмечал, что «нам было бы выгодно, чтобы русские вели наступательные действия, но они нам такой услуги не окажут», оговаривая при этом, однако, опасность советского вторжения в Румынию и налетов авиации на румынский нефтяной район³⁰. Германский же план войны против России строился совсем не как превентивный против возможного русского вторжения в Европу, а как направленный на ведение наступательной войны с целью достижения политических целей — расширения германского «жизненного пространства» и ликвидации потенциального союзника Англии и конкурента в разделе Европы.

18 декабря 1940 г. после провала переговоров с Молотовым в Берлине, когда стало ясно, что за присоединение к Тройственному союзу Сталин требует непомер-

ную с германской точки зрения цену — аннексию Финляндии и советскую гегемонию на Балканах и в Турции³¹, Гитлер подписал директиву № 21, санкционирующую план «Барбаросса». В директиве, предназначенной лишь для высших руководителей вермахта, об угрозе превентивной войны со стороны России ничего не говорилось, а лишь указывалось, что «немецкие вооруженные силы должны быть готовы к тому, чтобы еще до окончания войны с Англией победить путем быстротечной военной операции Советскую Россию»³². В директиве же по сосредоточению войск от 31 января 1941 г., с которой уже на первом этапе должен был быть ознакомлен значительно более широкий круг лиц, до первых офицеров Генерального штаба в штабах корпусов включительно, тезис о возможности русского нападения присутствовал, хотя и не в очень явной форме. «В случае, если Россия изменит свое нынешнее отношение к Германии, следует в качестве меры предосторожности осуществить широкие подготовительные мероприятия, которые позволили бы нанести поражение Советской России в быстротечной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии»³³. Такая формулировка, на наш взгляд, преследовала пропагандистскую цель убедить офицерский корпус в оправданности предстоящей войны. Никаких признаков подготовки советского нападения на Германию германские военные тогда еще не зафиксировали. После войны В. Кейтель, начальник штаба верховного главнокомандующего вермахта (ОКВ), признал на допросе, что германский генштаб располагал данными о начале концентрации советских войск в западных приграничных округах только «с ранней весны 1941 г.»³⁴.

Тот факт, что вермахт готовился к агрессивной наступательной войне против СССР, не означал, что германские военные не принимали предупредительных мер против возможного советского нападения. Например, в стратегической разработке подполковника Лосс-

берга от 15 сентября 1940 г. рассматривалась возможность советского вторжения в Румынию с использованием авиации, сухопутных и воздушно-десантных войск. Для отражения этой угрозы предлагалось «использовать немецкие «учебные части» и организовать противовоздушную оборону силами румын» и указывалось, что «в подготовке соответствующих оборонительных мер на указанный случай и будет состоять ближайшая задача немецкой военной миссии в Румынии»³⁵. Также и в распоряжении В. Кейтеля от 3 апреля 1941 г. подтверждалось, что «оборонительные приготовления, предпринимаемые против превентивных мероприятий русских в воздухе и на земле, должны продолжаться в увеличенном объеме и с большей интенсивностью»³⁶. Ряд мероприятий по отражению возможного советского вторжения, в первую очередь в Румынию, зафиксирован и в дневнике начальника генштаба сухопутных сил Ф. Гальдера³⁷. А в расчете времени к операции «Барбаросса» от 1 июня 1941 г. немцы учитывали вероятность того, что после 18 июня, когда намерение наступать уже невозможно будет маскировать, Красная Армия попытается нанести превентивный удар. На этот случай германским войскам предоставлялась свобода действий³⁸. В целом же боеспособность советских войск с учетом опыта финской войны оценивалась довольно низко.

В выпущенном 15 января 1941 г. бюллетене «Вооруженные Силы СССР», подготовленном начальником отдела «Иностранные армии — Восток» Генштаба подполковником Э. Кинцелем, отмечалось, что «слабость Красной Армии заключается в отсутствии гибкости у командиров всех степеней, в тенденции к схематизму, в недостаточной для современных требований боевой подготовке, в страхе перед ответственностью и в недостатке организации, ощущаемой во всех областях», указывалось на низкий уровень овладения личным составом боевой техникой и слабую тактическую подготовку. При этом считалось, что новые методы боевой подготовки, введенные новым наркомом после фин-

ской войны, могут дать заметный успех «по истечении ряда лет, если не десятилетий», в частности потому, что содержащиеся во Временном полевом уставе РККА «тактические принципы, несомненно, слишком высоки для общеобразовательного уровня русского солдата и отнюдь не являются еще общим достоянием широкой массы офицеров»³⁹.

В Красной Армии неудачи финской войны вызвали смену военного руководства и приказ № 120 нового наркома обороны С. К. Тимошенко от 16 мая 1940 г., где провозглашалось: «Учить войска только тому, что нужно на войне, и только так, как делается на войне»⁴⁰. Однако критика в основном касалась действий войск до того, как 7 января 1940 г. Северо-Западный фронт возглавил сам Тимошенко. Уже на совещании высшего руководящего состава РККА в Москве в декабре 1940 г. преобладало мнение, что «какая бы сильная оборона ни была, она всегда будет проломлена, это показывает опыт и на Карельском фронте»⁴¹, и ставилась под сомнение справедливость утверждения Г. С. Иссерсона, основанного на опыте германо-польской войны, что «начального периода войны не будет», поскольку сразу начнется вторжение главных сил. Считалось, что по отношению к СССР с его многочисленной армией этот вывод неприменим и что в начальный период войны Красная Армия должна предпринять «операции вторжения для решения целого ряда особых задач»⁴².

В заключительном выступлении С. К. Тимошенко признавал, что «война с белофиннами выявила всю пагубность нашей системы боевой подготовки — проводить занятия на условностях, кабинетным методом», что «на сегодня оперативная подготовка высшего командного состава не достигает требуемой высоты», что «боевая подготовка и сегодня хромает на обе ноги» и «нужно теперь же добиться действительного перелома в одиночной подготовке бойца». Он также подчеркнул «чрезмерную громоздкость» нашего тыла. Однако основной пафос выступления наркома сводился

к утверждениям, что «в смысле стратегического творчества опыт войн в Европе, пожалуй, не дает ничего нового» (а ведь это был первый опыт удавшегося блицкрига!) и «германская армия не отважилась атаковать и прорвать «линию Мажино», предпочтя обход ее через Бельгию и Голландию, тогда как «Красная Армия, впервые в истории войн, успешно прорвала современную железобетонную полосу, сильно развитую в глубину». Тимошенко считал, что РККА «располагает отличным личным составом и всеми новейшими средствами вооруженной борьбы». Прорыв «линии Маннергейма», по его мнению, доказал, что в РККА присутствует «искусное управление, специальная выучка и правильное воспитание войск, сочетаемые с героизмом и отвагой бойцов и командиров», и «должен рассматриваться главным образом как акт величайшего героизма и самоотверженности Красной Армии и как итог достижений военной техники и военного искусства в нашей стране»⁴³. И уже весной 1941 г. инспектирование боевой подготовки показало, по мнению руководства наркомата обороны, что «в целом уровень боевой выучки личного состава возрос»⁴⁴. Здесь сказалась особенность советской системы: всякое начинание нового начальства, по крайней мере в докладах подчиненных, должно давать быстрые и эффективные результаты. Великая Отечественная война, когда и в последние годы боев на фронт часто бросалось необученное и даже невооруженное пополнение, развеяла⁴⁵, среди прочих, и миф об успехах боевой подготовки в предвоенный период.

5 мая 1941 г. Сталин выступил с программной речью на приеме в Кремле в честь выпускников военных академий. Она во многом перекликалась с его выступлением 17 апреля 1940 г. по итогам войны с Финляндией. Теперь Сталин еще более настойчиво декларировал антигерманскую направленность советской политики: «В кольце против Германии мы играем решающую роль... В 1914—1918 гг. наше участие предопределило поражение Германии... СССР разворачивает свои силы...

В Европе нет ресурсов — они у США и у СССР. Эти мировые силы и определяют исход борьбы». Кроме того, вождь прямо назвал Германию страной, начавшей Вторую мировую войну, тогда как осенью 1939 г. советская пропаганда основную вину за развязывание Второй мировой войны возлагала на Англию и Францию⁴⁶. На самом же кремлевском приеме в ответ на тост неизвестного генерал-майора танковых войск за мирную сталинскую внешнюю политику Сталин позволил себе примечательную реплику: «Разрешите внести поправку. Мирная внешняя политика обеспечила мир нашей стране. Мирная политика — дело хорошее. Мы до поры до времени проводили линию на оборону — до тех пор, пока не перевооружили нашу армию, не снабдили армию современными средствами борьбы. А теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны, — теперь надо перейти к военной политике наступательных действий. Нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, агитацию, нашу печать в наступательном духе. Красная Армия есть современная армия, а современная армия — армия наступательная»⁴⁷. Практически эти слова означали, что советский вождь полагал: Красная Армия преодолела все те недостатки, которые выявила финская война и которые мешали ей стать полностью современной армией. Сталинский тост свидетельствовал, что подготовка к вторжению на Запад вступила в заключительную фазу, когда надо было думать о прямой антигерманской пропаганде в войсках (в вермахте такая пропаганда началась буквально накануне вторжения на советскую территорию)⁴⁸. В ходе проведенных в январе 1941 г. сразу после декабрьского 1940 г. совещания высшего состава РККА, оперативно-стратегических игр было выявлено, что наступление советских войск на укрепленный район Восточной Пруссии скорее всего окончится неудачей⁴⁹. Поэтому в уточненном плане стратегического развертывания от 11 марта 1941 г.

предпочтение окончательно было отдано главному удару на юго-западном направлении, подкрепленному вторжением в Румынию. При этом было отмечено: «Развертывание главных сил Красной Армии на Западе с группировкой главных сил против Восточной Пруссии и на варшавском направлении вызывает серьезные опасения в том, что борьба на этом фронте может привести к затяжным боям»⁵⁰.

Советское командование, невольно или умышленно, чтобы оправдать концентрацию собственных войск, преувеличивало силы вермахта. Так, в сентябрьском плане стратегического развертывания 1940 г. силы вермахта оценивались в 205–226 пехотных дивизий (из них до 8 — моторизованных) и в 15–17 танковых дивизий, подкрепленных 10 тыс. танков и 14–15 тыс. самолетов. Из этого числа Гитлер, по оценке Генштаба РККА, должен был бросить против СССР до 173 дивизий, включая все танковые и моторизованные, вместе с 12 тыс. самолетов⁵¹.

В мартовском 1941 г. плане стратегического развертывания германские силы оценивались в 225 пехотных, 20 танковых и 15 моторизованных дивизий, 10 тыс. танков и до 15 тыс. самолетов, из которых 9–9,5 тыс. боевых. Против СССР ожидали действия 200 дивизий, включая все танковые и моторизованные, и 10 тыс. самолетов⁵². В сообщении Разведывательного управления Генштаба от 5 мая 1941 г. группировка немецких войск против СССР определялась в 103–107 дивизий, в том числе 12 танковых, 7 моторизованных и 1 кавалерийскую⁵³. В действительности к началу мая вермахт имел против СССР только 45 дивизий, в том числе 2 танковые и 1 кавалерийскую⁵⁴. Всего же к 22 июня 1941 г. вермахт имел 209 дивизий (включая 1 парашютную в ВВС) и 3 бригады. На Востоке в этот момент к вторжению изготовились, учитывая войска в Финляндии и Северной Норвегии, 126 дивизий, в том числе 17 танковых, 12 моторизованных, 1 кавалерийская, 9 охранных (последние имели ограниченную боеспо-

собность) и 3 бригады, что весьма далеко отстояло от советских оценок, даже с учетом переброшенных в июле и августе 27 дивизий 2-го эшелона⁵⁵.

В мае 1941 г. на Восток было переброшено 13 пехотных дивизий⁵⁶, но и с их учетом советская разведка завышала общее количество дивизий, развернутых против СССР вдвое, а число танковых дивизий — в 6 раз. И на основе этих разведанных 15 мая 1941 г. был подготовлен план превентивного удара против Германии. Он предусматривал главный удар Юго-Западным фронтом в направлении Краков — Катовице, где 152 советские дивизии должны были разбить 100 германских. Вспомогательный удар уже после перехода ЮЗФ в наступление планировался Западным фронтом на Варшаву и Демблин и Южным фронтом — в Румынии⁵⁷. На самом деле вермахт ни в тот момент, ни к 22 июня таких сил на юго-западном направлении не имел.

Германия всячески маскировала сосредоточение войск на Востоке и никакой дезинформации по преувеличению численности войск, сосредоточенных против СССР, в 1941 г. не распространяла. Единственным исключением была Румыния, где немцы опасались советской атаки на нефтепромыслы в Плоешти. По поручению Риббентропа германский посол В. Шуленбург в конце февраля 1941 г. распространил в Москве слухи, что численность немецких войск в Румынии превышает 600 тыс. человек⁵⁸. Вместе с тем напрашивается предположение, что советская военная разведка сознательно завышала силы потенциального противника, дабы оправдать наращивание собственных войск на Западе. По мартовскому 1941 г. плану стратегического развертывания для действий на этом театре предназначалось 158 стрелковых, 27 мотострелковых и 53 танковые дивизии и 2 стрелковые бригады. Еще 13 стрелковых и 1 танковая дивизия должны были действовать против Финляндии. Все эти силы подкреплялись 253 авиационными полками⁵⁹. К началу советско-гер-

манской войны только в западных приграничных округах Красная Армия имела 12,8 тыс. танков, в том числе 1475 КВ и Т-34. Боеготовыми из них считалось 10 540, или 82,5%. Всего же танков было 23,1 тыс., из них боеготовых — 18,7 тыс., или 80,9%. Танков КВ и Т-34 выпустили до войны 1864 единицы. Боеготовность танков советское командование сильно завышало с помощью манипуляций с категориями износа. Только после разгрома и уничтожения основной части советских танковых войск в первые недели войны в отчетах стали фигурировать цифры о том, что 73% танков старых конструкций не были в действительности готовы к боевым действиям и требовали капитального или среднесрочного ремонта⁶⁰. Боевых самолетов в западных приграничных округах насчитывалось не менее 10,1 тыс., из них не менее 7230 — боеготовых⁶¹. Всего же Красная Армия располагала, по разным оценкам, от 23 до 35 тыс. боевых самолетов⁶². На Востоке этим силам вермахт мог противопоставить 3680 танков, включая и танки двух дивизий резерва ОКВ, переброшенных на фронт только в октябре. Еще 350 танков находилось у Роммеля в Северной Африке⁶³. Несколько сот устаревших румынских танков соотношение сил принципиально не меняли. Боевых самолетов на Востоке, включая Северную Норвегию и Финляндию, люфтваффе имело около 1830, из них 1280 — боеготовых⁶⁴.

Германские танки по своим характеристикам примерно соответствовали советским танкам старых конструкций и резко уступали новым — Т-34 и КВ. Германские самолеты-истребители Ме-109 превосходили советские истребители старых конструкций. Но таких истребителей на Востоке насчитывалось лишь чуть более 500, около 1300 самолетов здесь были бомбардировщиками или штурмовиками⁶⁵. Новые же советские самолеты мало в чем уступали «мессершмиттам», а таких самолетов только в западных приграничных округах к началу войны имелось 1540. Всего к 22 июня 1941 г. СССР располагал 3719 самолетами новых конструкций⁶⁶.

Как видно, Красная Армия, даже с учетом 37 соединений, выставленных союзниками Германии, далеко превосходила противника по числу дивизий, имея на Западе в перспективе 252 дивизии и 2 бригады, то есть в 1,4 раза больше, чем вермахт и его союзники. В плане восполнения людских потерь возможности сторон были вообще несопоставимы: население СССР в два с половиной раза превышало население Германии в границах 1939 г. Германская разведка просчиталась в оценке способности Советского Союза мобилизовать свои людские ресурсы, полагая, что потенциальная численность РККА после мобилизации в 11–12 млн человек вряд ли достижима на практике, поскольку вызовет острую нехватку рабочих рук в народном хозяйстве. Кроме того, невозможно обеспечить такую массу людей командным составом, вооружением и техникой, а также в достаточной степени обучить пополнение⁶⁷. Германские генштабисты недоучли готовность СССР практически прекратить гражданское производство, аккумулировать помощь по ленд-лизу для наращивания военного производства и безжалостно бросать в бой необученных и невооруженных солдат без достаточного числа командиров.

В советском плане превентивного удара от 15 мая 1941 г. присутствовала традиционная фраза о том, что «Германия в настоящее время держит свою армию от мобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар». В связи с этим предлагалось «упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие войск⁶⁸. По мнению В. Д. Данилова, написанный А. М. Василевским план превентивного удара по Германии был одобрен Сталиным и конкретная разработка деталей, названных «планами обороны госграницы», должна была, согласно распоряжениям руководства наркомата обороны,

быть закончена к 1 июня 1941 г.⁶⁹ Что же, справедливо мнение русского писателя М. А. Алданова, писавшего с иронией, что «наступательных войн в истории никогда не было и не будет: все войны делятся на оборонительные и превентивные»⁷⁰. Точно так же, по утверждению К. А. Мерецкова, нападение на Финляндию в 1939 г. готовилось как «контрудар» в рамках плана прикрытия госграницы⁷¹, хотя никто, конечно, не предполагал, что Финляндия отважится первой напасть на СССР. Сходным образом И. С. Конев, командовавший 19-й армией, выдвигавшейся с середины июня 1941 г. с Северного Кавказа на Украину, сообщает, что еще в январе 1941 г., в связи с назначением на Северный Кавказ с последующей запланированной переброской к западной границе, Тимошенко сказал ему: «Мы рассчитываем на вас. Будете представлять ударную группировку войск в случае необходимости нанесения удара». В начале же июня нарком, ставя задачу командующему 19-й армией, говорил уже о контрударе: «Армия должна быть в полной боевой готовности и в случае наступления немцев на юго-западном театре военных действий, на Киев, нанести фланговый удар и загнать немцев в Припятские болота»⁷². Как мы помним, и оперативные планы флотов 1941 г. содержали стандартную оговорку об ответных действиях в случае нападения Германии, предусматривая при этом наиболее активные операции флота против Румынии. На самом деле советское руководство в 1941 г. германского нападения не ожидало и к обороне не готовилось. Перед началом войны оборона рассматривалась и отрабатывалась в масштабах не больших, чем оборона одной армии, но никак не фронта. В оперативно-стратегических играх января 1941 г. нападение Германии и бои по его отражению излагались лишь во вводных данных, отрабатывались же только наступательные операции советских войск⁷³. Ни один из вариантов предвоенного стратегического развертывания Красной Армии на Западе не содержал каких-либо планов оборонительных

операций на случай, если Германия ударит первой. Поэтому-то после германского вторжения 22 июня 1941 г. были сразу же предприняты контрудары в рамках спланированных до войны наступательных операций, а последующие оборонительные действия Красной Армии, ввиду отсутствия предвоенных оборонительных планов, строились как импровизация.

Немецкая сторона если и рассматривала планируемую войну против Советского Союза как превентивную, то только в самом широком смысле слова — как действия, направленные на предотвращение возможных будущих наступательных действий потенциального противника. В этих терминах «превентивной» может считаться любая агрессия. Бывший начальник штаба оперативного руководства (ОКВ) А. Йодль на допросе 17 июня 1945 г. показал: «...существовало политическое мнение, что положение усложнится в том случае, если Россия первой нападет на нас. А поскольку раньше или позже, но война с нею неизбежна, нам лучше самим выбрать время для нападения»⁷⁴.

Как известно, подготовку войны против России Гитлер маскировал планами якобы предстоящего летом 1941 г. вторжения в Англию. Беда в том, что по погодным условиям такое вторжение было возможно в широкий промежуток времени — с мая по октябрь и требовало гораздо меньше войск — 45–50 дивизий, чем выполнение плана «Барбаросса»⁷⁵. Так что сосредоточение войск на Востоке само по себе не могло помешать высадке на Британских островах.

Лишь после войны стало общеизвестно, что германское вторжение в Англию было неосуществимым ни в 1940-м, ни в 1941 г. из-за проигрыша люфтваффе в «битве за Британию», слабости германского военного флота и нехватки тоннажа для подобной широкомасштабной десантной операции. Впрочем, летом 1941 г. такой уверенности не могло быть ни у Великобритании, ни у СССР. Другое дело, что в случае высадки в Англии туда должны были бы отправиться почти все

германские танковые и моторизованные дивизии. Однако переброску всех моторизованных и почти всех танковых дивизий на Восток Гитлер начал лишь после 10 июня и завершил буквально накануне вторжения. Чтобы замаскировать переброску последнего эшелона войск, была осуществлена публикация в «Фелькише Беобахтер» 13 июня 1941 г. статьи Й. Геббельса «Крит — как пример» с прямым намеком на скорое вторжение в Англию. В ночь с 12 на 13 июня номер был конфискован военной цензурой, но с таким расчетом, чтобы часть тиража успела распространиться в Берлине и достичь иностранных посольств. 14 июня Геббельс с удовлетворением констатировал мнение английских и мировых средств массовой информации о том, что «наше развертывание против России — чистый блеф, с помощью которого мы рассчитываем замаскировать подготовку к вторжению в Великобританию». Как реакцию на этот инцидент он расценил и известное заявление ТАСС, переданное вечером 13 июня, отметив, что «русские, кажется, еще ни о чем не подозревают»⁷⁶. Германская реакция на заявление ТАСС, вернее, отсутствие какой-либо официальной реакции было продолжением прежней игры. Дело в том, что в случае, если бы германское сосредоточение на Востоке было лишь прикрытием грядущей высадки на Британские острова, то германская реакция на заявление ТАСС была бы точно такой же: молчание, чтобы создать у британской стороны убеждение, что действительное германское намерение — это вторжение в Россию. Очевидно, Сталин так первоначально и расценил все эти события и мер по повышению готовности войск не принял, продолжая подготовку к собственному вторжению в Польшу, Германию и Румынию.

Возможно, инцидент с публикацией статьи Геббельса убедил советского лидера в том, что вермахт уже начал непосредственную подготовку к вторжению в Англию и в ближайшие недели основные ударные силы германской армии будут перебрасываться к побережью

Ла-Манша, что создаст благоприятные условия для советского нападения.

Слабым местом Красной Армии оставалось снабжение горючим. Так, на 1 мая 1941 г. РККА была обеспечена горючим следующим образом: бензином Б-78 — на 10 дней войны, Б-70 — на 3 месяца 19 дней, Б-74 — на 1 месяц 8 дней, автобензином — на 1 месяц 14 дней и дизельным топливом — на 24 дня боевых действий⁷⁷. Но следует учитывать, что и германская армия перед вторжением в СССР испытывала определенный дефицит топлива. Если с авиационным бензином благодаря производству синтетического горючего дело обстояло более или менее благополучно, то с автобензином и дизельным топливом уже в июле предусматривался 10-процентный дефицит, а в августе армия вторжения должна была снабжаться в значительной мере за счет прямых поставок из Румынии. Осенью же запасы горючего у немцев должны были истощиться, составив по авиабензину лишь 50% потребности, по автобензину — 25% и по дизельному топливу — 50% потребности⁷⁸. Германское руководство надеялось на скоротечность русской кампании, поставки из Румынии и, в меньшей степени, на трофеи. Более острый дефицит авиабензина в Красной Армии объяснялся как недостатком собственных мощностей и американским эмбарго, введенным после финской войны, так и тем фактом, что советский парк военных самолетов многократно превосходил германский. Несомненно, советское руководство, как и германское, рассчитывало на быстрое успешное вторжение, надеясь к его началу пополнить запасы горючего в западных приграничных округах за счет других районов страны и гражданского сектора и предполагало использовать румынские месторождения и мощности, а также трофеи в Польше и Германии. В случае же затяжной войны расчет был на поставки из Великобритании и США.

Возможный крах Англии в случае германского вторжения резко ухудшил бы геостратегическое положение

СССР, позволив Гитлеру бросить на Восток всю авиацию и дивизии, оставленные на Западе, а также осложнив получение жизненно важных для ведения войны поставок из США и Канады. Угроза, что Англия в любой момент может рухнуть, как перед этим Франция, заставляла Сталина спешить. Во второй половине мая начался призыв 800 тыс. запасных в приграничных западных округах, а с начала июня — переброска туда из внутренних округов четырех армий и одного стрелкового корпуса резерва Главного командования⁷⁹. 4 июня Политбюро приняло решение о формировании к 1 июля в составе Красной Армии 238-й стрелковой дивизии Средне-Азиатского военного округа, «укомплектованной личным составом польской национальности и знающими польский язык» общей численностью в 10 298 человек. Очевидно, что, несмотря на всю конспиративную работу, проведенную НКВД и уцелевшими польскими офицерами из числа избежавших Катыни «стукачей» и «правильно политически мыслящих», достаточного количества добровольцев среди пленных поляков для дивизии не набралось, и поэтому дивизию решено было сформировать путем переукомплектования не только поляками, но и «лицами, знающими польский язык, состоящими на службе в частях Красной Армии»⁸⁰. Это также делало дивизию вполне «благонадежной». На практике, как это позднее имело место с двумя армиями Войска Польского, а ранее — с финским корпусом, речь, скорее всего, шла об укомплектовании 238-й дивизии красноармейцами с «польскими» фамилиями, даже не знавшими польского языка. В связи с началом войны эта дивизия была сформирована только в сентябре и уже не из поляков, а из казахского и русскоязычного населения Казахстана. «Польский след» остался лишь в фамилии начальника штаба дивизии — полковника В. Л. Михликовского, назначенного на этот пост еще до начала войны⁸¹.

Решение о формировании польской дивизии к 1 июля указывает на то, что советское руководство действова-

ло по «финскому» варианту. Тогда финское соединение начали формировать за месяц до начала войны. Теперь, очевидно, Сталин решил, что пришло время для вторжения в Польшу. Никакими другими целями объяснить формирование польской дивизии невозможно. Такую дивизию формировать было труднее, чем обычную стрелковую дивизию (польские уставы, форма, обучение польскому языку), само ее существование в мирное время представляло немалый риск: узнай о польском соединении германская разведка, это могло бы подтолкнуть Гитлера на войну против СССР, так как явно показало бы агрессивные намерения Сталина. Утаить существование польской дивизии, в которую свозили «лиц, знающих польский язык», со всей Красной Армии и куда могли попасть и не вполне надежные (в том числе и как потенциальные германские агенты) поляки, было довольно трудно, особенно если речь шла о длительном периоде времени, скажем до весны 1942 г. — до этого момента, по сообщениям некоторых мемуаристов, Сталин будто бы рассчитывал оттянуть неизбежное столкновение с Германией⁸². Кроме того, на моральном духе тех поляков, которых собирались направить в польскую дивизию, негативно сказался бы факт длительного пребывания в Красной Армии, если бы СССР при этом все еще оставался «невоюющим союзником» Германии. В случае если бы Советский Союз первым на Германию нападать не собирался, а только опасался германского нападения, наиболее благоприятным временем для формирования в Красной Армии польского соединения был бы сам момент германского вторжения. Для поляков сразу исчезли бы многие сомнения. Времени же для формирования дивизии вполне бы хватило. Ведь даже по весьма оптимистическим вводным данным оперативно-стратегических игр января 1941 г. в случае германской агрессии первые две недели войны бои шли на советской территории, и лишь потом Красная Армия вступала в Польшу⁸³.

В тот же день, 4 июня, когда состоялось решение Политбюро о польской дивизии, происходило заседание Главного военного совета под председательством члена Политбюро А. А. Жданова, и на нем обсуждался проект директивы Главного управления политической пропаганды РККА о подготовке личного состава к ведению «наступательной и всесокрушающей войны». Проект был направлен на доработку и утвержден 20 июня⁸⁴. В этой директиве, уже через два дня потерявшей смысл, в частности, говорилось: «О войнах справедливых и несправедливых иногда дается такое толкование: если страна первой напала на другую и ведет наступательную войну, то эта война считается несправедливой, и наоборот, если страна подверглась нападению и только обороняется, то такая война якобы должна считаться справедливой. Из этого делается вывод, что якобы Красная Армия будет вести только оборонительную войну, забывая ту истину, что всякая война, которую будет вести Советский Союз, будет войной справедливой»⁸⁵.

Советские военные и политические руководители сверх всякой меры переоценивали боеспособность собственных вооруженных сил и недооценивали решительность намерений Гитлера и качественную мощь вермахта. Г. К. Жуков вспоминал свои чувства, когда, будучи командующим Киевским особым военным округом, в декабре 1940 г. присутствовал на совещании высшего состава: «Мы предвидели, что война с Германией может быть тяжелой и длительной, но вместе с тем считали, что страна наша уже имеет все необходимое для продолжительной войны и борьбы до полной победы. Тогда мы не думали, что нашим вооруженным силам придется так неудачно вступить в войну, в первых же сражениях потерпеть тяжелое поражение и вынужденно отходить в глубь страны». А уже после того, как в конце января 1941 г. он стал начальником Генерального штаба, состоялся следующий разговор со Сталиным: «Помню, как однажды в ответ на мой доклад

о том, что немцы усилили свою воздушную, агентурную и наземную разведки, И. В. Сталин сказал:

— Они боятся нас. По секрету скажу вам, наш посол имел серьезный разговор лично с Гитлером, и тот ему конфиденциально сообщил: «Не волнуйтесь, пожалуйста, когда будете получать сведения о концентрации наших войск в Польше. Наши войска будут проходить большую переподготовку для особо важных задач на Западе»⁸⁶.

Вероятно, разговор В. Г. Деканозова с германским фюрером состоялся еще в декабре 1940 г., сразу после его назначения советским послом в Берлине. Реакция Сталина на сообщение Гитлера показывает, что он не только не боялся Германии, но и считал, что сами немцы должны бояться СССР. Началось выдвижение к границе и дивизий западных приграничных округов. План превентивного удара от 15 мая 1941 г. предусматривал их сосредоточение в 20–80 км от границы, начиная с 1 июня. А с середины июня 32 дивизии резерва этих округов тоже получили приказ к 1 июля занять позиции на том же расстоянии от границ. Не исключено, что события, связанные со статьей Геббельса и заявлением ТАСС, побудили советское руководство ускорить сосредоточение войск. К 10 июля армии и корпус РКК должны были выдвинуться на рубеж Днепра и Западной Двины. Советское командование имело абсолютно не соответствующее реальности и крайне преувеличенное представление о боеспособности соединений Красной Армии и их возможностях к быстрому развертыванию по штатам военного времени. Мобилизационный план 1941 г., носивший зловещее название «Гроза»⁸⁷, предусматривал, что войска первого эшелона на Западе, включавшие 114 дивизий, и укрепрайоны первой линии, а также 85% войск ПВО, воздушно-десантные войска, более 75% ВВС и 34 полка РКК должны завершить отмобилизование в течение 2–6 часов с момента объявления мобилизации за счет призыва приписного состава и использования автотранспорта

из близлежащих районов. 58 дивизий второго эшелона завершали от мобилизацию на 2–3-е сутки. Еще 60 дивизий должны были стать полностью боеготовыми на 4–5-е сутки мобилизации, а оставшаяся 71-я дивизия — на 6–10-е сутки. От мобилизацию ВВС должно было завершиться на 3–4-е сутки, причем все боевые части и обслуживающие их тыловые подразделения приводились в боевую готовность уже через 2–4 часа, а первый эшелон войск ПВО — уже через 2 часа⁸⁸. Абсурдность этих сроков доказала лишь война, когда призывники из недавно присоединенных территорий разбежались или переходили на сторону противника, транспорта катастрофически не хватало, а самолеты уничтожались на аэродромах, не успев подняться в воздух.

К границе, на полевые аэродромы, согласно плану от 15 мая, скрытно подтягивалась и авиация, причем с середины июня из восточной части страны на Запад начали перебазироваться несколько авиадивизий⁸⁹. Однако боеготовность и боеспособность советской авиации оказалась значительно ниже, чем предусматривалось планами. Бывший командующий Западным Особым военным округом Д. Г. Павлов на следствии признавал: «Допустил преступную ошибку, что авиацию разместили на полевых аэродромах ближе к границе, на аэродромах, предназначенных для занятий на случай нашего наступления, но никак не обороны». На суде же он уточнил, что виновен лишь в том, что «физически не мог» проверить правильность доклада подчиненных о рассредоточении авиации⁹⁰. Никаких оборонительных мероприятий на границах Красная Армия не проводила и даже не имела планов их проведения. Вермахт же вплоть до 22 июня не рассчитывал на ширококомасштабный превентивный удар со стороны русских.

Правда, в июне от одного из агентов в Москве поступило донесение, что план такого удара обсуждался в Кремле и был отклонен⁹¹. Трудно сказать, была ли это сознательная советская дезинформация, или агент

просто передал какие-то дошедшие до него слухи, не вполне соответствовавшие истине. Не исключено также, что планы стратегического развертывания против Германии и нанесения ей упреждающего удара так и не были подписаны руководителями советских вооруженных сил именно по соображениям секретности. Ведь даже если подобный неподписанный документ попал бы в руки вражескому агенту, тот не смог бы с уверенностью заключить, действительно ли это план, имеющий директивную силу, или только один из ряда возможных, предварительно рассматриваемых вариантов. Вполне вероятно, что немецкий агент из того обстоятельства, что подписей высших руководителей на майском плане вторжения в Германию и Польшу не было, сделал бы ошибочный вывод, что данный план был в конце концов отклонен советским военнополитическим руководством, то есть самим Сталиным.

На самом деле мероприятия, фактически осуществленные в рамках плана от 15 мая, а также формирование к 1 июля польской дивизии однозначно доказывают, что план превентивного удара начал претворяться в жизнь. Мероприятия же по мобилизации войск, вследствие занижения ее реальных сроков, еще не начали осуществляться, за исключением призыва 800 тыс. запасных. Германское командование, вероятно, не оценило донесение агента как сигнал опасности, во всяком случае коррективы в свои планы не внесло. Еще в разработке Лоссберга самым неблагоприятным вариантом действий Красной Армии с точки зрения вермахта признавался тот, когда советские войска будут стремиться сначала «принять удар немецких войск малыми силами, а главную свою группировку сконцентрировать в глубоком тылу». Однако такое развитие событий считалось маловероятным⁹². Между тем в свое время именно такой вариант действий для Красной Армии предлагал Л. Д. Троцкий в бытность свою председателем Реввоенсовета и наркомвоенмором⁹³. Однако Сталин имел весьма амбициозные планы и об обо-

роне не думал. Лишь 21 июня, когда признаки готовившегося вторжения стали явными, а германская сторона отклонила предложение о приезде Молотова в Берлин (Сталин рассчитывал переговорами выиграть время для завершения собственного развертывания), последовала директива о приведении войск на Западе в боевую готовность. Но было уже поздно⁹⁴.

Причины, по которым разработанные стратегические планы плохо практически доводились до войск и реально не отрабатывались в системе боевой подготовки, хорошо показал в своих воспоминаниях тогдашний нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов:

«Деловые связи с Наркоматом обороны в бытность Ворошилова (и с ним) у меня были прежде всего по линии оперативных планов войск. Когда в Европе вспыхнула мировая война, Главный морской штаб и я более активно пытались выяснить, каковы наши задачи на случай войны. Сейчас я с ответственностью могу утверждать, что серьезно проработанных планов тогда не было. Были планы развертывания войск, засекреченные до такой степени, что реально в жизнь не вводились. Флоты мы всячески готовили к войне, но данные приготовления не нацеливали на конкретные задачи, а без них это еще не подготовка. Научить корабли (и войска. — Б. С.) драться безотносительно к противнику — это важно, но далеко еще не все. Конкретные директивы Наркомата обороны вышли в феврале 1941 г. Но уже в это время наша политика связывала по рукам и ногам нашу стратегию, и боязнь показать Гитлеру, что мы готовимся против него, не позволила понастоящему готовиться к войне. Все усилия и огромные средства, затраченные на подготовку армии и флота, пошли прахом, поскольку оперативно стратегические вопросы не получили нужного разрешения со стороны высшего политического и военного руководства. В чем были развязаны наши руки, так это в том, чтобы готовиться к нападению и не оказаться застигнутыми врасплох»⁹⁵.

Кузнецов приводит примеры осуществленных советских агрессий, когда соответствующие планы вовремя не были доведены до войск и флота:

«Как могло произойти, что наступление наших войск на Польшу и переход границы после нападения немцев на Польшу в сентябре 1939 г. произошли даже без извещения меня об этом, хотя Пинская флотилия должна была участвовать в этой операции? Я с возмущением заявил об этом Молотову, сказав, что если мне не доверяют, то я не могу быть на этой должности. Он в ответ предложил мне читать сообщения ТАСС, которые приказал посылать мне с этого дня...

Впервые я удивился отсутствию указаний из центра, еще будучи командующим Тихоокеанским флотом в 1938 г. во время хасанских событий, которые могли перерасти в более крупную авантюру со стороны японцев и потребовать более подготовленных и организованных действий с нашей стороны. Тогда мне было просто непонятно, чем это объяснить. Неосведомленность о действиях на Западной Украине и в Западной Белоруссии, когда меня совсем не поставили в известность, уже беспокоила, но, к сожалению, даже после моего решительного протеста по этому вопросу положение не изменилось... Еще больше меня поразили методы подготовки и «планирование» наступления на финском фронте в зиму 1939/40 гг. — результаты служат подтверждением этого.

Закончилась война с Финляндией, и, казалось, были вскрыты крупные недостатки в системе подготовки, принимались меры по их исправлению...

Но совсем не изменилась обстановка в руководстве всеми вооруженными силами и страной в военном отношении. Освобождение Бессарабии летом 1940 г. происходило также без какого-либо планирования, подготовки и согласованности всех вооруженных сил. Вспоминаю, как уже в последний момент мне было сказано, что через несколько дней последуют определенные действия на суше против Румынии и Черноморскому флоту надлежит быть готовым выступить в случае серьезного сопротивления. Мне ничего не оставалось, как, быстро дав указания, самому выехать в Севастополь и лично обсудить все с комфлотом, а потом выйти на эсминце в Одессу для личной связи с находившимися там Тимошенко и другими армейскими начальниками»⁹⁶.

«Наличие огромных армий, богатой и многочисленной техники, прекрасных солдат и командиров (насчет «прекрасных» можно поспорить. — Б. С.) разбилась об отсутствие четкого руководства, своевременных приказаний и согласованных действий между армией, авиацией и флотом. Это, как известно, стоило огромных лишних потерь и, нужно прямо сказать, поставило страну в известный период в критическое положение»⁹⁷.

Соображения секретности в СССР превалировали над практическими интересами военного планирования и подготовки войск. В результате немцы так и не узнали о планах советского нападения на Германию, но зато Красная Армия оказалась плохо подготовленной не только к столкновению с вермахтом, но и к гораздо менее крупным конфликтам в Польше и Финляндии. Что же касается оккупации Бессарабии, отсутствие планов проведения соответствующей операции, вероятно, объясняется тем, что, по сути, это была ускоренная импровизация, поскольку первоначально планировалось широкомасштабное вторжение в Польшу и Германию, а вовсе не захват Прибалтики и Бессарабии. Такого рода стиль планирования и подготовки крупномасштабных боевых действий, как мы видели, укоренился в СССР за несколько предвоенных лет. Как свидетельствует тот же Н. Г. Кузнецов: «Была кинокартина «Если завтра война», которую Сталин любил смотреть и показывать заграничным гостям даже после войны. Но, как показал опыт, поставить кинокартину — это одно, а на деле подготовиться к тому, чтобы «ни одного вершка своей земли не отдать никому», — это другое и значительно более трудное и кропотливое дело»⁹⁸. Он также утверждает, что «Генштаб, сам связанный по рукам и ногам, не имел возможности распорядиться без Сталина своими армейскими делами...»⁹⁹. Следовательно, совершенно невероятно, чтобы высшие офицеры Генштаба могли разрабатывать без сталинской санкции план упреждающего удара против Германии. Нарком же флота, скорее всего, даже не был

поставлен в известность о подготовке нападения на Германию.

Имеющиеся данные позволяют определить наиболее вероятное время начала планировавшегося советского вторжения. К 1 июля все советские дивизии первого эшелона должны были сосредоточиться на расстоянии от одного до четырех суточных переходов от границы, а авиация — перебазирована на полевые аэродромы. Не позднее 5 июля все эти дивизии могли выйти на саму границу. 6 июля — воскресенье, наиболее подходящий день для внезапного нападения. Гитлер напал на Югославию и СССР как раз в этот день недели — 6 апреля и 22 июня 1941 г. К 6 июля можно было перебросить к западным границам и свежесформированную польскую дивизию из Казахстана, хотя эта дивизия, очевидно, предназначалась для второго эшелона и имела скорее политическое, чем военное значение. Дивизии второго эшелона могли прибыть к месту боев в середине или второй половине июля, подобно тому как германские дивизии второго эшелона постепенно вводились в бой в течение двух месяцев после 22 июня. Поэтому дата 6 июля 1941 г., впервые названная В. Суворовым как предполагаемое время начала советского вторжения, может быть недалеко от истинной. Предполагаемой дате советского вторжения не противоречит и тот факт, что только 19 июня 1941 г. была отдана директива наркомата обороны о перекраске самолетов в летний маскировочный цвет. Это трудоемкое мероприятие требовало около месяца времени. Оно должно было завершиться к 20 июля с одновременной маскировкой взлетно-посадочных полос, а к 30 июля — всех аэродромных сооружений. Скрыть это от разведки противника было практически невозможно, равно как и попытаться представить данные меры как дезинформацию, предназначенную для вероятного противника. Просто так тратить огромные силы и средства не стали бы, чтобы покрасить весь авиапарк Красной Армии в летний маскировочный цвет. Это могло означать

только, что советская сторона этим летом собирается начать полномасштабные боевые действия. А если Сталин рассчитывал на внезапность, то давать Гитлеру предупреждение задолго до его начала было никак нельзя. Поэтому приходилось мириться с тем, что часть советских самолетов будут спешно перекрашивать уже после начала войны. А с 1 июля промышленность должна была выпускать самолеты уже только с летней маскировочной окраской¹⁰⁰.

На наш взгляд, в действительности существовала альтернативная возможность, что советское нападение последует ранее германского. Для этого было бы достаточно, чтобы антигерманский переворот в Белграде произошел не 27 марта 1941 г., а, скажем, в первой декаде апреля, уже после начала вермахтом операции «Марита» — вторжения в Грецию из Болгарии, первоначально намеченного на 1 апреля¹⁰¹. В этом случае Германии пришлось бы спешно создавать новую группировку войск против Югославии, югославская армия успела бы завершить развертывание, и Балканская кампания могла затянуться. В результате Германия не успела бы завершить развертывание на Востоке и вынуждена была отложить вторжение в СССР хотя бы на 3 недели. Тогда бы сталинский удар оказался первым. Но ход и исход войны, по нашему убеждению, это обстоятельство не могло изменить. Отметим, что в связи с событиями на Балканах один из тогдашних руководителей советской разведки П. А. Судоплатов сообщает: «Мне приходится признать, что мы не ожидали такого тотального и столь быстрого поражения Югославии. Во время всех этих событий 18 апреля 1941 г. я подписал специальную директиву, в которой всем нашим резидентурам в Европе предписывалось всемерно активизировать работу агентурной сети и линии связи, приведя их в соответствие с условиями военного времени». Судоплатов также подтверждает, что в мае и июне 1941 г. с Л. Свободой «начали обсуждать план формирования чешских частей, чтобы затем выбросить их

в немецкий тыл для ведения партизанских операций в Чехословакии»¹⁰². Заметим, что для партизанских действий целые части по воздуху не забрасывают, зато для похода в третьем эшелоне освобождающей Чехословакию Красной Армии (как это и произошло в дальнейшем) легион Свободы мог очень пригодиться.

Практически предусмотренный предвоенным планом вариант удара на юго-западном направлении попытались осуществить в ходе танкового сражения в районе Луцк — Дубно, когда советские войска, имевшие почти шестикратное количественное и абсолютное качественное превосходство в танках и значительный перевес в авиации и личном составе, за неделю были полностью разгромлены, безвозвратно потеряв почти две трети бронетехники¹⁰³. Дело было в низком уровне боевой подготовки и руководства советских войск. Вплоть до конца 1942 г. механики-водители получали практику вождения от 5 до 10 моточасов, тогда как для уверенного вождения танка требовалось 25 моточасов, но для такой практики вождения не хватало горючего¹⁰⁴. Налет часов у советских летчиков перед войной был крайне мал — от 4 до 15,5 часов за первые 3 месяца 1941 г., а самолеты новых типов были слабо освоены¹⁰⁵. В результате из-за недостатка горючего и опыта до лета 1943 г. советская авиация барражировала над полем боя не на максимально возможных, а на наиболее экономичных скоростях¹⁰⁶. В результате вплоть до конца войны советская авиация редко углублялась далее чем на 30 км от линии фронта и не вызывала особых опасений со стороны немцев. Также вплоть до конца войны сохранялась шаблонность в наступлении¹⁰⁷. Не слишком эффективно действовала и советская артиллерия. В последние годы войны Красной Армии для прорыва обороны противника приходилось создавать плотность артиллерии и минометов порядка 300 стволов на 1 км фронта¹⁰⁸, тогда как вермахт, например, достиг оперативного прорыва на участке Воронежского фронта в июле 1943 г. при плотно-

сти артиллерии на участке прорыва в 22 ствола на 1 км фронта¹⁰⁹. И в конце войны советские войска не были вполне готовы к ведению боевых действий. Характерна дневниковая запись командующего 4-м Украинским фронтом А. И. Еременко от 4 апреля 1945 г.: «Нужно спешить, а войска очень слабо подготовлены к наступательным действиям, на 4-м Украинском фронте своевременно не занимались этим решающим успех дела вопросом»¹¹⁰.

Если бы Сталину удалось в 1941 г. ударить первым или оттянуть начало войны до 1942 г., это не спасло бы Красную Армию от поражений. Увеличение числа танков и самолетов потребовало бы больше летчиков и танкистов, которых все равно не успели бы должным образом подготовить, а также больше горючего, что значительно усилило бы его дефицит. В то же время и в случае советского нападения война очень быстро перекинулась бы на советскую территорию и большинством населения все равно воспринималась бы как Отечественная и справедливая. Исход же войны, причем примерно в те же сроки, что и в действительности, решили бы превосходство СССР в людских резервах и территории, способность тоталитарной системы сохраняться в критических условиях и помощь западных союзников, чьи поставки имели решающее значение в снабжении Советского Союза горючим, алюминием, медью, средствами связи, промышленным и транспортным оборудованием и многим другим¹¹¹. Германская сторона недооценила способность советской промышленности и вооруженных сил аккумулировать западную помощь. Англии же и США, питавшим к коммунизму не больше симпатий, чем к национал-социализму, приходилось помогать Сталину, а не Гитлеру, поскольку германский военный и экономический потенциал был больше советского и победа Гитлера, неизбежная при столкновении СССР и Германии один на один, таила для них гораздо большую опасность, чем победа зависимой от импорта передовых технологий России. Так

что, начиная войну с Гитлером, Сталин фактически приближал момент получения столь необходимой помощи союзников. Советская же, а как показывают бои в Чечне, и наследовавшая ей Российская армия, в силу коренных внутренних пороков к войне никогда не была готова должным образом и победу могла покупать лишь большой кровью и никак не в результате блицкрига.

Есть один документ, который фиксирует предполагаемую дату нападения на Германию в 1941 г. На плане стратегического развертывания Красной Армии, составленном 11 марта 1941 г., заместитель начальника Генштаба генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин на разделе, посвященном юго-западному направлению, оставил весьма красноречивую резолюцию: «Наступление начать 12.06.»¹¹² Ясно, что назначить дату предполагаемого нападения на 11 июня Ватутин мог только по приказу Сталина. Однако сосредоточить войска и необходимые запасы к планируемой дате не удалось, и она была отнесена на июль. Вполне возможно, что на этот раз точной даты заранее устанавливать не стали, поставив ее в зависимость от реального сосредоточения на границе войск и запасов.

Советская сторона раньше вермахта начала развертывание на Западе — с апреля 1940 г. (немцы — в июле), но завершить его планировала немного позже — в начале июля 1941 г. (а немцы — с 22 июня). Здесь сыграло роль то, что Сталин развертывал гораздо больше соединений, чем Гитлер, перебрасывал их на более значительные расстояния и по менее развитой сети дорог. 20 марта 1941-го начальник управления военных сообщений Генштаба Трубецкой писал, что «на новую границу может быть послано (в сутки. — Б. С.) 444 поезда в сравнении с 998 поездами противника»¹¹³. Опоздание же в начале германского развертывания на Востоке было вызвано кампанией во Франции, а в 1941 г. — югославским переворотом, потребовавшим широкомасштабного вторжения на Балканы. Случайное сочетание и взаимодействие этих факторов привело к тому,

что германское нападение состоялось, а советское запоздало. Отсутствие же в наших руках документов с точной датой планируемого советского вторжения не может быть аргументом в пользу того, что оно не должно было произойти в ближайшее время. Ведь никто не сомневается, что осенью 1939 г. СССР напал на Финляндию, однако до сих пор не найдены и, может быть, не существуют в природе документы с указанием 26 ноября 1939 г. как даты провокации в Майнила и 30 ноября как даты запланированного советского вторжения. Последний предвоенный приказ Военного совета Ленинградского округа от 22 ноября 1939 г. о переходе границы уже ставил соединениям конкретные боевые задачи, но и в нем оговаривалось, что о дне перехода границы будет сообщено дополнительно¹⁴. К тому времени почти все войска округа уже осели непосредственно на советско-финляндской границе, поскольку финского превентивного удара не опасались, а на внезапность собственного вторжения не рассчитывали. В случае же с Германией не только существовала угроза упреждающего удара вермахта, но и был расчет на внезапность советского вторжения. Поэтому до последнего момента дивизии должны были находиться на некотором расстоянии от западных границ. Вероятно, дата 22 ноября 1939 г. в случае с нападением на Финляндию была аналогична 1 июля 1941 г., в случае с так и не состоявшимся нападением на Германию, отражая один и тот же этап в подготовке вторжения. Тогда же, к 23 ноября 1939 г., было сформировано управление «финского» корпуса Красной Армии (до начала боевых действий успели полностью сформировать лишь одну из двух первоначально запланированных дивизий). Скорее всего, 1 июля 1941 г. советские войска на Западе получили бы приказ выдвинуться к линии границы, с тем чтобы перейти ее 6 июля, с постановкой тогда же боевых задач.

Германское нападение 22 июня 1941 г. направило развитие событий по другому сценарию.

22 июня 1941 г. Красная Армия и советский народ столкнулись с самым трагическим испытанием в своей истории. В каком состоянии, с какими достижениями и просчетами страна и армия в чисто военном отношении подошли к часу X? Мы все еще знаем об этом не слишком много, в наших знаниях остается много пробелов. А ведь ответ на этот вопрос помогает понять не только истоки конечной победы и причины поражения 1941 г., но и сущность общества и советского режима. Группа томских историков собрала под одной обложкой, прежде всего в виде статистических таблиц, все данные о состоянии Красной Армии и ее противников в июне 1941 г. Здесь использовались как открытые публикации в журналах и сборниках документов, так и данные прежде секретных сборников Министерства обороны о кадровом составе и вооружении Красной Армии. В книге приведены, в частности, номера всех советских дивизий, вступивших в бой в 1941-м, и прослежена их дальнейшая судьба. Также перечислены все командиры дивизий, бригад, корпусов и армий, вступивших в бой 22 июня 1941 г. Есть и полный список советских генералов 1941 г. и их должности на конец войны или на момент гибели. Таким образом, в книгу, состоящую по большей части из сухой статистики,

* Калашников К. А., Феськов В. И., Чмыхало А. Ю., Голиков В. И. Красная Армия в июне 1941 года (статистический сборник). — Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003.

привнесена человеческая составляющая. В целом авторами сделано большое и нужное дело. Они представили нам моментальный срез Красной Армии по самым различным параметрам накануне Великой Отечественной войны. В результате Красная Армия предстает перед нами в виде весьма мощной и грозной машины, которая, однако, при ближайшем рассмотрении отличалась громоздкостью, неповоротливостью и плохой пригонкой друг к другу отдельных частей. Авторы стремятся оценить лишь собственно военную составляющую, отказавшись от любой оценки «с каких-либо идеологических, экономических или политических позиций, предоставив эту возможность читателю». В книге кратко рассказывается, как в процессе подготовки к войне формировались те или иные соединения Красной Армии. Описаны также рода и виды вооруженных сил, их состав и вооружение. Оригинальной представляется предложенная в книге методика оценки сравнительной боеспособности советских и немецких войск. Максимальная оценка — три плюса, минимальная — два минуса. В этой системе обозначений получается, что по опыту планирования и проведения операций вермахт превосходил Красную Армию в высшем командном звене вдвое, а в среднем и в младшем звене — втрое. Уровень оперативно-стратегической и тактической подготовки сторон авторы признают равным в высшем звене, зато в среднем и младшем звене превосходство в два и в три раза было на стороне вермахта. По качеству танков советское превосходство считается двукратным по средним и по легким танкам и абсолютным — по тяжелым (таких танков у немцев просто не было). Замечу, что, наверное, по средним танкам советский перевес надо оценить большей величиной, поскольку в начале войны у немцев не было танков, способных противостоять Т-34. Зато по качеству подготовки танкистов и уровню ремонта, эвакуации и техобслуживания танков немцы превосходили нас втрое. Самое интересное, что такое же соотношение в качест-

ве подготовки танкистов и организации технических служб сохранилось до конца войны, тогда как разрыв в качестве боевой техники сошел на нет, и превосходство здесь с появлением «тигров» и «пантер» даже оказалось на немецкой стороне. Боевую подготовку советской пехоты авторы оценивают вдвое ниже, чем немецкой, а по качеству стрелкового оружия преимущество почему-то отдается РККА в соотношении 2:1, хотя к тому времени немцы уже имели автоматы, а их винтовки были менее капризны в обращении. В книге же утверждается, будто более простыми и надежными были советские образцы стрелкового оружия. По оценке авторов, как в качестве артиллерии, так и в подготовке артиллеристов РККА имела превосходство в 2–3 раза. В этом позволительно усомниться. Во-первых, у немцев были лучше прицелы, благодаря цейсовской оптике. Во-вторых, учитывая большую функциональную грамотность немецких солдат, они никак не могли уступать по уровню подготовки красноармейцам в таком требующем технических навыков роде войск, как артиллерия. Скорее здесь стоит говорить о равенстве как техники, так и подготовки личного состава, что само по себе было достижением для РККА. Недаром немецкие мемуаристы подчеркивают, что русские были особенно сильны в артиллерии. В авиации же люфтваффе по качеству подготовки летчиков, аэродромному обслуживанию и организационной структуре превосходило советские ВВС втрое. На флоте, по мнению авторов, профессиональная подготовка сторон была равна, хотя в целом неудачный для советского ВМФ ход войны этого вывода не подтверждает. А вот германская ПВО, как подчеркивается в книге, превосходила советскую по всем параметрам.

В книге дана впечатляющая картина развертывания советских вооруженных сил накануне и в первые месяцы войны. При этом отмечается: «В первые недели за счет внутренних округов было около 10 млн человек при общей потребности армии 4 млн 887 тыс. человек».

Пока военкомы ломали головы, что делать с 5 миллионами «избыточных» призывников, 11 августа 1941 г. было принято решение призвать еще 6,8 млн человек 1895–1904 годов рождения. В результате оснащать новые формирования все равно было нечем, так как 52% складов было потеряно уже к 10 июля. По этой причине, как подчеркивают авторы книги, «формирование большинства соединений и частей затянулось на многие месяцы, часть из них отправлялась на фронт не обеспеченная не только вооружением и материальной частью, но и продовольствием, вещевым, санитарным, ветеринарным и другим имуществом». Так погоня за количеством в ущерб качеству лишь увеличивала бессмысленные жертвы.

Среди причин неудачного для Красной Армии начала войны авторы выделяют:

- 1) ошибки руководства в оценках сроков и перспектив вступления страны во Вторую мировую войну, а также в планировании и стратегическом развертывании, приведшие к запаздыванию сосредоточения войск и приведения их в боевую готовность, перевооружения на новые образцы техники;
- 2) неудачную дислокацию войск, создание группировок, сильных в центре и слабых на флангах, неготовность войск к оборонительным действиям; расчет на «молниеносный разгром вторгшегося противника без учета возможностей своих войск, оборону по линии госграницы без создания инженерного оборудования в глубине»;
- 3) неправильно избранную систему одновременной реорганизации большинства соединений, что привело к их небоеспособности;
- 4) недооценку значения вспомогательных родов войск и служб;
- 5) непоследовательную, непродуманную и порой просто преступную политику в отношении военных кадров;
- 6) ошибки в оценке опыта действий своих и чужих войск в ходе прошедших кампаний;
- 7) ошибки в политической работе по определению понятий «союзников» и «врагов» в будущей войне;

- 8) отсутствие единого мобилизационного плана работы оборонной промышленности и размещение ее преимущественно в европейской части страны.

Замечу, что многие из этих ошибок могут считаться таковыми только в том случае, если предполагать, будто Сталин собирался придерживаться оборонительного образа действий. Если же он готовил наступление, то многие из этих ошибок на самом деле ошибками счесть нельзя. Ясно, что в этом случае и группировка войск должна была быть наступательной, а строительство инженерных сооружений в глубине собственной территории представлялось ненужной роскошью. И если расчет был на скорую победу Красной Армии, то размещение военной промышленности в Европейской части СССР ничем угрожать не могло. Ведь ни Сталин, ни Тимошенко, ни Жуков поначалу даже и мысли не допускали, что немцы могут дойти до Ленинграда, Москвы и Сталинграда.

Как подчеркивают авторы книги, «резкое увеличение числа новых воинских формирований требовало и соответствующего обеспечения, что повлекло быструю, порой коренную перестройку всей работы промышленности. При такой работе не обошлось без ошибок». Как признают авторы книги, ни в канун войны, ни в ходе ее «не удалось наладить производство в достаточном количестве средств связи... высокооктановых сортов бензина, магистральных паровозов, тепловозов, электровозов, вагонов, рельсов, постоянно ощущалась нехватка пороха, алюминия, меди и ряда других материалов. Существенную помощь армии и промышленности страны оказали в последующем поставки по ленд-лизу, которые практически покрывали их потребность в этой технике и материалах». Пожалуй, главной ошибкой было то, что, всемерно наращивая выпуск новейших вооружений и боевой техники, советские руководители и генералы не озаботились соответствующим наращиванием гражданской продукции, необходимой для обслуживания вооруженных сил: бензина, транс-

портных средств, радиостанций и иных средств связи. А ведь ради этого стоило бы немного притормозить выпуск самолетов и танков. Также и при строительстве собственно вооруженных сил, впечатляющая картина которого приведена в книге, наблюдались гигантомания, погоня за большими цифрами самолетов и танков, без учета реальных возможностей освоить в короткий срок новую технику и обеспечить ее всем необходимым. Как отмечают авторы книги, если в западных приграничных округах остро не хватало пилотов, то во внутренних и восточных округах многие летчики остались «безлошадными». Красной Армии прежде всего не хватало организованности и порядка. Казалось бы, в таком состоянии нечего было и думать о нападении на Германию. Однако на самом деле эти органические пороки были присущи советским вооруженным силам всегда, в том числе и в победном 1945-м. К тому же Сталин, да и многие другие руководители Красной Армии не сознавали всей серьезности присущих ей недостатков и считали, что она может успешно воевать. В конце концов, кроме неудач начального периода финской войны был еще успешный, как считали Сталин и Тимошенко, прорыв «линии Маннергейма», а также успех на Халхин-Голе. В то же время, как подчеркивают авторы, парадокс стратегического развертывания заключался в том, что на Западе, где ожидалось столкновение с Германией, почти не было войск, имевших опыт боевых действий в Монголии.

Анализ судеб генералов 1941 года показывает, что больше всего пострадали от сталинских репрессий авиационные генералы. Из 590 пехотных генералов и маршалов были расстреляны или умерли в тюрьме в годы войны лишь 12 человек. Для артиллеристов соответствующие цифры — 3 из 118, для танкистов — 2 из 46, для войск связи — 1 из 22, для инженерных и технических войск — 2 из 55 (оба расстрелянных — генералы технических, а не инженерных войск), из 43 генералов интендантской службы не был расстре-

лян ни один. А вот среди генералов-авиаторов было расстреляно 10 из 15 генерал-лейтенантов и генерал-полковников (генерал-полковниками здесь я считаю А. Д. Локтионова и Г. М. Штерна. Первый, хотя и носил армейское звание, прежде проходил службу в авиации, а второй в момент ареста возглавлял Управление ПВО). Всего же от репрессий погибло 17 из 105 генералов — каждый шестой. Думаю, что уровень репрессий хорошо отражает степень неудовлетворенности Сталина действиями соответствующих родов и видов войск, особенно в первые годы войны (почти все расстрелы пришлось на 1941—1942 гг.). Конечно, на уровень репрессий в авиации повлияло начатое накануне войны «дело авиаторов», однако в действительности это дело, по которому было репрессировано руководство ВВС и ПВО, отражало не страх Сталина перед очередным мифическим заговором, а недовольство уровнем подготовки ВВС. Непосредственными поводами к репрессиям послужили высокая аварийность в авиации и то, что ВВС и ПВО в мае 1941-го пропустили до самой Москвы немецкий Ю-52. Меньше всего от репрессий пострадали генералы-пехотинцы, а дальше доля репрессированных возрастала по мере усложнения рода войск. Поэтому на печальное второе место после летчиков вышли танкисты, инженерно-технические генералы и связисты. Лучше пришлось артиллеристам — все-таки традиционный род войск, показавший себя в войну сравнительно неплохо — это и немцы признавали. Отсталость Красной Армии проявилась в том, что хуже всего воевали относительно передовые и сложные рода войск, требующие большей самостоятельности командного состава и более сложного технического оснащения. Из этой картины как будто выпадает только ВМФ, но это скорее исключение, подтверждающее правило. Из 124 адмиралов и генералов береговой службы и авиации ВМФ не был расстрелян ни один. Однако дело здесь только в том, что для немцев советский флот представлял собой сугубо второстепенного

противника, и на Востоке было задействовано лишь незначительное число немецких кораблей и морской авиации, что не помешало советскому флоту понести тяжелые потери, хотя и не столь значительные, как сухопутные силы и авиация. Потери флота также приведены в книге. За время войны советский ВМФ потерял 1 линкор, 1 крейсер, 4 лидера, 25 эсминцев и 89 подлодок.

Отмечу, что в данных о противостоявших друг другу группировках Красной Армии и вермахта авторы допускают отдельные неточности. Так, определяя численность советской группировки на Западе в 1-м эшелоне в 2 млн 584 тыс. человек, они не учитывают, что в эти войска были влиты 400 тыс. человек, ранее имевших отсрочки и впервые призванных в апреле 1941 г., и примерно 800 тыс. запасных, призванных в мае — июне 1941 г. Кроме того, противостоявшими Красной Армии 22 июня считаются 153 немецкие дивизии и 4,6 млн солдат и офицеров. Между тем сюда включены 9 охранных дивизий, которые, в отличие от оперативных частей НКВД, в 1941 году еще не были предназначены для ведения боевых действий и в боях с Красной Армией не участвовали, являясь чисто оккупационными войсками. Кроме того, здесь учтены 27 дивизий 2-го эшелона, переброшенных на фронт только в июле и августе, и 2 танковые дивизии резерва, оказавшиеся на фронте только в сентябре. Сравнивается же вся эта группировка только с советскими дивизиями 1-го стратегического эшелона, тогда как правильнее сравнивать ее со всеми советскими силами на Западном ТВД, насчитывавшими, по оценке авторов, 4 млн 329 тыс. человек, а с учетом 1,2 млн вновь призванных и запасных — около 5,5 млн человек. У немцев же в 1-м эшелоне было, согласно дневнику Гальдера, только 2,5 млн человек (советская разведка полагала, что 5 млн). С немецкой же стороны завышено число танков и штурмовых орудий — 4215, тогда как в действительности 22 июня вермахт на Востоке имел 3350 танков и штур-

мовых орудий (Шмелев И. П. История танка (1916—1996). — М.: Техника — молодежи, 1996. — С. 77). Также и по самолетам данные по люфтваффе завышены. Общая численность истребителей, штурмовиков и бомбардировщиков люфтваффе на 22 июня определяется в 4891, что больше истинной цифры примерно на тысячу самолетов, так как, по немецким данным, 28 июня было только 3583 машины, а потери за первые две недели войны на Востоке составили лишь 807 самолетов всех типов (Мировая война 1939—1945. — М.: Издательство, 1957. — С. 517, 472). В связи с этим ошибочен и один из выводов, содержащийся в книге: «Общая оценка состава вооруженных сил обеих армий была выведена с большей достоверностью советской разведкой, но противостоящие группировки на границе точнее указаны Абвером». С учетом истинных цифр, относящихся к оснащенности немецких войск танками, самолетами и общей численности группировки у советских границ, приходится признать, что именно советская разведка завысила неприятельские силы в 1,5—2 раза.

В целом же общее впечатление от результатов строительства советских вооруженных сил можно суммировать следующим образом. Увеличивая число дивизий, численность личного состава, количество вооружений и боевой техники, Сталин и его маршалы и генералы исходили из несколько наивной веры в то, что само по себе превосходство в несколько раз в танках, самолетах, артиллерийских орудиях гарантирует победу над любым потенциальным противником. Важно только как можно скорее обрести такое превосходство, а остальное приложится. То, что боевая техника требует и достаточного количества средств связи, и четко работающих служб тылового обеспечения, не то чтобы совсем игнорировалось, но в расчетах и планах неизменно отходило на второй план, тогда как прежде всего думали о грозных бронированных чудовищах и дюралевых птицах. О специалистах же, нужных для грамотного использования вооружения и техники,

о тактической выучке командиров думали еще меньше, чем о радиостанциях и грузовиках. Стройной системы подготовки командного состава низшего и среднего звена, особенно специальных родов и видов вооруженных сил, у нас не было всю войну.

Болезненно сказались репрессии 1930-х годов, начиная с операции «Весна», в результате которых был уничтожен слой мало-мальски опытных офицеров и генералов. А ведь они могли бы передать свой опыт молодым. В развитии же вооруженных сил часто копировали немецкий опыт, без учета советской специфики. Так, прежние танковые корпуса были расформированы после похода в Польшу в сентябре 1939 г., когда из-за низкой степени управляемости они на марше отстали от кавалерии. Когда же в ходе кампании во Франции выявилась решающая роль немецких бронетанковых соединений, в СССР спешно начали формировать еще более крупные, чем прежние танковые, механизированные корпуса. Танков там было почти вдвое больше, 1031 против 560, а количество средств связи ничуть не увеличилось, так что новый корпус стал практически неуправляемым. И не случайно одновременно формировали все 29 механизированных корпусов — чтобы сразу иметь как можно больше танков в боевом составе.

То, что это будет только для галочки в отчете, поскольку многие корпуса, лишённые радиостанций и вспомогательной техники, фактически небоеспособны, Генштаб и Автобронетанковое управление не волновало. В ходе войны пришлось формировать новые танковые корпуса, где танков было в 3–4 раза меньше. Но служба эвакуации и ремонта танков, подготовка танкистов и обеспечение их радиостанциями и к концу войны оставались на низком уровне, что приводило к очень большим потерям в технике.

Вообще, система, по которой строилась Красная Армия, воспроизводила систему построения советского общества той поры и была приспособлена только

к заваливанию противника миллионами солдатских трупов, десятками тысяч уничтоженных танков и самолетов. Победа была достигнута потому, что хватило солдат и техники для этой истребительной стратегии. А после высадки союзников в Нормандии вермахт уже не имел того минимума сил и средств, чтобы сдерживать натиск на Восточном фронте. Сталин предпочитал бросать в бой необученных солдат и офицеров. Для него бóльшую опасность представляли не огромные безвозвратные потери, а хорошо обученная армия, в которой могла зародиться оппозиция тоталитарному режиму.

Принято считать, что в 1941-м мы войны не ожидали, оттого Гитлер и застал Красную Армию врасплох. Но давайте проверим это утверждение и проследим отношение к будущей войне сверху вниз, от Сталина до рядовых бойцов. Тогда, быть может, станет понятно, почему германское нападение оказалось внезапным как для высшего руководства страны, так и для простых граждан.

В 1940-м и первой половине 1941 г. Сталин произнес две большие речи, при его жизни не публиковавшиеся и ставшие доступными исследователям и общественности лишь в последнее десятилетие XX века. Это — выступление по итогам войны с Финляндией на совещании начальствующего состава Красной Армии 17 апреля 1940 г. и выступление 5 мая 1941 г. на приеме в Кремле в честь выпускников военных академий. Кроме того, сохранились свидетельства нескольких высших военных руководителей о беседах со Сталиным в этот период.

Какие же мысли заботили Иосифа Виссарионовича после бесславно закончившейся «зимней войны»? В речи 17 апреля 1940 г. он сделал упор на то, что «с этой психологией, что наша армия непобедима, с хвастовством, которые страшно развиты у нас... надо покончить... надо вдолбить нашим людям правила о том, что непобедимой армии не бывает. Надо вдолбить слова Ленина о том, что разбитые армии или потерпевшие поражения армии очень хорошо дерутся по-

том. Надо вдолбить нашим людям, что, начиная с командного состава и кончая рядовым, что война — это игра с некоторыми неизвестными, что там, в войне, могут быть и поражения. И потому надо учиться не только наступать, но и отступать... С этой психологией — шапками закидаем — надо покончить, если хотите, чтобы наша армия стала действительно современной армией».

Что же предлагал Сталин сделать для того, чтобы Красная Армия научилась хорошо драться, и когда он мыслил себе это «потом», когда советские войска должны будут превратиться в современную армию? Обращаясь к своим побитым командирам, Верховный Главнокомандующий перечислил пункты, которые надо выполнить, чтобы достичь успеха:

«А что такое современная война — интересный вопрос, чего она требует? Она требует массовой артиллерии. В современной войне артиллерия — это Бог... Кто хочет перестроиться на новый современный лад, должен понять — артиллерия решает судьбу войны, массовая артиллерия. И поэтому разговоры, что нужно стрелять по цели, а не по площади, жалеть снаряды, — это несусветная глупость, которая может загубить дело. Если нужно в день дать 400–500 снарядов, чтобы разбить тыл противника, передовой край противника разбить, чтобы он не был спокоен, чтобы он не мог спать, нужно не жалеть снарядов и патронов...

Второе — авиация, массовая авиация, не сотни, а тысячи самолетов. И вот, кто хочет вести войну по-современному и победить в современной войне, тот не может говорить, что нужно экономить бомбы. Чепуха, товарищи, побольше бомб нужно давать противнику для того, чтобы оглушить его, перевернуть вверх дном его города, тогда добьемся победы. Больше снарядов, больше патронов давать, меньше людей будет потеряно...

Дальше — танки, третье, тоже решающее, нужны массовые танки, не сотни, а тысячи. Танки, защищенные броней, — это все. Если танки будут толстокожими, они будут чудеса творить при нашей артиллерии, при нашей пе-

хоте. Нужно давать больше снарядов и патронов для противника, жалеть своих людей, сохранять силы армии... Дальше. Создание культурного, квалифицированного и образованного командного состава. Такого командного состава нет у нас или есть единицы... Требуются хорошо сколоченные и искусно работающие штабы».

Заставлять артиллерию стрелять по площадям — это значит расстреливать снаряды в белый свет как в копеечку. Вождь требовал как можно больше танков и самолетов, не обращая внимания на то, что не было возможности обеспечить их необходимым количеством пилотов и танкистов, не говоря уже о бомбах и снарядах. В результате советские летчики имели налет в 5–10 раз меньше, чем немецкие, а механики-водители советских танков имели практику вождения в 3–5 раз меньшую, чем необходимо было для уверенного вождения «толстокожей» машины. Уже после начала Великой Отечественной войны, 19 сентября 1942 г., Сталин издал специальный приказ, предписывающий танкам вести артиллерийский огонь преимущественно с ходу и в обязательном порядке устанавливать на броне дополнительные баки с горючим для увеличения запаса хода. Поскольку стабилизаторы, позволяющие вести прицельную стрельбу из танка в движении, появились только в 1950-е годы, сталинский приказ обрекал танкистов на бесполезную трату снарядов. Дополнительные же топливные баки превращали танк в костер при попадании пули или осколка. Неудивительно, что, несмотря на сохранявшееся вплоть до середины 1943 г. качественное превосходство Т-34 и КВ над немецкими машинами и ощутимый количественный перевес, наши танкисты проигрывали в сражениях неприятелю.

Сталин требовал больше танков и самолетов, больше снарядов и бомб, больше орудий и больше пехоты, рассчитывая, что это уменьшит потери в людях. Но на самом деле массовое и бестолковое применение боевой техники могло только увеличить, а не уменьшить потери

в живой силе. На практике мы забросали немцев не шапками, а танками, самолетами, артиллерийскими орудиями, но прежде всего — трупами солдат и офицеров.

Иосиф Виссарионович не склонен был драматизировать неудачи Красной Армии в финской войне. И выступление 17 апреля 1940 г. завершил на оптимистической ноте:

«...Наша армия, как бы вы ее ни хвалили, и я ее люблю не меньше, чем вы, но все-таки она молодая армия, необстрелянная. У нее техники много, у нее веры в свои силы много, даже больше, чем нужно... Наша современная Красная Армия обстрелялась на полях Финляндии — вот ее первое крещение. Что тут выявилось? То, что наши люди — это новые люди. Несмотря на все их недостатки, очень быстро, в течение каких-либо полутора месяцев, преобразовались, стали другими, и наша армия вышла из этой войны почти что вполне современной армией, но кое-чего еще не хватает... Наша армия стала крепкими обеими ногами на рельсы новой, настоящей советской современной армии. В этом главный плюс того опыта, который мы усвоили на полях Финляндии, дав нашей армии обстреляться хорошо, чтобы учесть этот опыт. Хорошо, что наша армия имела возможность получить этот опыт не у германской авиации, а в Финляндии, с Божьей помощью. Но что наша армия уже не та, которая была в ноябре прошлого года, и командный состав другой, и бойцы другие, в этом не может быть никакого сомнения».

Очень скоро Сталин решил, что не Красной Армии стоит бояться вермахта, а, наоборот, немцам следует с опаской смотреть на восточного соседа. Маршал Жуков, занимавший перед войной пост начальника Генштаба, свидетельствует, что в феврале 1941-го, еще до начала массовой переброски германских войск на Восток, «однажды в ответ на мой доклад о том, что немцы усилили свою воздушную, агентурную и наземную разведку, И. В. Сталин сказал:

«Они боятся нас. По секрету скажу вам, наш посол имел серьезный разговор лично с Гитлером, и тот ему

конфиденциально сообщил: «Не волнуйтесь, пожалуйста, когда будете получать сведения о концентрации наших войск в Польше. Наши войска будут проходить большую переподготовку для особо важных задач на Западе».

И позднее германский посол в СССР В. Шуленбург информировал Кремль в том же духе, не зная, что передает чистой воды «дезу». 5 мая 1941 г. он встретился в Москве с советским послом в Германии В. Г. Деканозовым. За неделю до этого Шуленбург виделся с Гитлером и теперь познакомил своего советского коллегу с взглядами фюрера на состояние советско-германских отношений. Гитлер, в частности, был недоволен, что СССР пытается распространить свое влияние на Балканы и даже заключил договор с Югославией в самый канун германского нападения на эту страну. Как записал Деканозов в дневнике, «Шуленбург в своей беседе с Гитлером заявил... что слухи о предстоящем военном конфликте Советского Союза с Германией, которые, начиная с января этого года, так усиленно циркулируют в Берлине и в Германии вообще и о которых рассказывают проезжающие через Москву немцы, конечно, затрудняют его, Шуленбурга, работу в Москве... На его заявление Гитлер ему ответил, что он в силу упомянутых действий Советского правительства вынужден был провести мероприятия предосторожности на восточной границе Германии. Его, Гитлера, жизненный опыт научил быть очень осторожным, а события последних лет сделали его еще более осторожным».

Сталин поверил и на этот раз, потому что не сомневался: Красная Армия сильнее вермахта. И спокойно готовил нападение на Германию, первоначальный срок которого в мартовском 1941 г. плане развертывания советских войск на Западе был назначен на 12 июня. В мае, вероятно в связи с опозданием в сосредоточении войск, он был перенесен на более позднюю, июльскую дату. Сталин тем не менее решил, что пора подготовить командный состав армии к скорому походу на Запад.

5 мая 1941 г., в день, когда Деканозов беседовал с Шуленбургом, Сталин заявил выпускникам военных академий и собравшемуся в Кремле высшему комсоставу, что советские солдаты не должны ограничиваться решением оборонительных задач, а должны быть готовы продемонстрировать свое умение наступать в столкновении с теми державами, что стремятся к мировому господству, то есть с Германией. Согласно записи Всеволода Вишневского, советский вождь прямо утверждал: «В кольце против Германии мы играем решающую роль... В 1914—1918 годах наше участие предопределило поражение Германии... СССР развертывает свои силы... В Европе нет ресурсов — они у США и у СССР. Эти мировые силы и определяют исход борьбы». На последовавшем же за приемом банкете в ответ на тост одного генерал-майора танковых войск за мирную сталинскую внешнюю политику Сталин совсем разоткровенничался: «Разрешите внести поправку. Мирная внешняя политика обеспечила мир нашей стране. Мирная политика — дело хорошее. Мы до поры до времени проводили линию на оборону — до тех пор, пока не перевооружили нашу армию, не снабдили армию современными средствами борьбы. А теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны, — теперь надо перейти к военной политике наступательных действий. Нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, агитацию, нашу печать в наступательном духе. Красная Армия есть современная армия, а современная армия — армия наступательная».

О своих собственных словах, что «надо учиться не только наступать, но и отступать», Иосиф Виссарионович успел позабыть. Он уверовал, что Красная Армия изжила недостатки, выявившиеся во время войны с Финляндией, и теперь полностью отвечает требованиям современного боя. Не случайно перед войной в западных приграничных округах отработывалось проведение только наступательных операций. Бывший на-

чальник штаба 4-й армии Л. М. Сандалов признавал, что «все предвоенные учения по своим замыслам и выполнению ориентировали войска главным образом на осуществление прорыва укрепленных позиций. Маневренные наступательные действия, встречные бои, организация и ведение обороны в сложных условиях обстановки почти не отработывались». Также и проведенные в январе 1941-го большие оперативные игры предусматривали лишь наступление «восточных», тогда как предшествовавшие оборонительные действия по отражению агрессии «западных» оставались за пределами обеих игр, только во вводных данных. Последнее объяснялось необходимостью следовать пропагандистскому стереотипу, согласно которому удар Красной Армии должен был представляться как ответный, вызванный «империалистической агрессией».

Тогдашний нарком военно-морского флота Н. Г. Кузнецов в мемуарах свидетельствовал: «И. В. Сталин представлял боевую готовность наших Вооруженных Сил более высокой, чем она была на самом деле. Совершенно точно зная количество новейших самолетов, дислоцированных по его приказу на пограничных аэродромах, он считал, что в любую минуту по сигналу боевой тревоги они могут взлететь в воздух и дать надежный отпор врагу. И был просто ошеломлен известием, что наши самолеты не успели подняться в воздух, а погибли прямо на аэродромах».

Не менее оптимистически были настроены и руководители Красной Армии. Нарком обороны маршал Тимошенко мемуаров не оставил. А вот Жуков оставил, и в них черным по белому написано: «Мы предвидели, что война с Германией может быть тяжелой и длительной, но вместе с тем считали, что страна наша уже имеет все необходимое для продолжительной войны и борьбы до полной победы. Тогда мы не думали, что нашим вооруженным силам придется так неудачно вступить в войну, в первых же сражениях потерпеть тяжелые поражения и вынужденно отходить в глубь страны».

Действительно, помимо почти не ограниченных, по сравнению с вермахтом, людских ресурсов Красная Армия имела в 6 раз больше танков, как минимум, в 5 раз больше боевых самолетов, в 2–3 раза больше артиллерии. А то, что по боеспособности она на голову уступала вермахту, выяснилось только в ходе первых сражений Великой Отечественной войны. В конце войны в специальной записке, направленной 22 августа 1944 г. начальнику Главного управления кадров Наркомата обороны Ф. И. Голикову, Жуков признавал, что Красная Армия все еще не стала действительно современной армией:

«Мы не имели заранее подобранных и хорошо обученных командующих фронтами, армиями, корпусами и дивизиями. Во главе фронтов встали люди, которые проваливали одно дело за другим (ПАВЛОВ, КУЗНЕЦОВ, ПОПОВ, БУДЕННЫЙ, ЧЕРЕВИЧЕНКО, ТЮЛЕНЕВ, РЯБИШЕВ, ТИМОШЕНКО и др.) (бывшего наркома Георгий Константинович тоже не пощадил, хотя как раз в эти дни Семен Константинович руководил весьма успешной Яссо-Кишиневской операцией. — Б. С.)... Людей знали плохо. Наркомат обороны в мирное время не только не готовил кандидатов, но даже не готовил командующих — командовать фронтами и армиями. Еще хуже обстояло дело с командирами дивизий, бригад и полков. На дивизии, бригады и полки, особенно второочередные, ставились не соответствующие своему делу командиры... Каждому из нас известны последствия командования этих людей и что пережила наша Родина, вверив свою судьбу в руки таких командиров и командующих».

Сам Жуков как бы дистанцировался и от руководства Наркомата обороны, и от других командующих фронтами, будто и не был начальником Генштаба накануне и в начале войны.

Георгий Константинович остался невысокого мнения и об офицерах в целом:

«Все командиры, призванные из запаса, как правило, не умели командовать полками, батальонами, ротами

и взводами. Все эти командиры учились войне — на войне, расплачиваясь за это кровью наших людей...

В культурном отношении наши офицерские кадры недостаточно соответствовали требованиям современной войны. Современная война на $\frac{8}{10}$ война техники с техникой врага, а это значит, нужно быть культурным человеком, чтобы уметь быстро разобраться со своей техникой и техникой врага и, разобравшись, грамотно применить свою технику. ...Нужно правду сказать, что из-за неграмотности и бескультурья наших кадров мы очень часто несли большие потери в технике и живой силе, не достигнув возможного успеха... Существовавшая в мирное время система обучения и воспитания наших кадров не дала нам для войны образцового и авторитетного командира... Наши командиры очень плохо знали и знают технику (авиацию, артиллерию, танки и пр.)».

Советским командирам и комиссарам войны оказалось мало, чтобы на практике усвоить основные принципы взаимодействия войск в современном бою.

Громкие победы германских войск в Польше, Норвегии, Франции и на Балканах Сталин объяснял не силой немцев, а слабостью их противников. Не случайно в речи 5 мая 1941 г. он подчеркнул: «У французов закружилась голова от побед, от самодовольства. Французы прозевали и потеряли своих союзников (имелись в виду Советский Союз и Италия. — Б. С.). Франция почилла на успехах. Военная мысль армии не двигалась вперед. Осталась на уровне 1918 года. Об армии не было заботы, и ей не было моральной поддержки. Появилась новая мораль, разлагающая армию. К военным относились пренебрежительно. На командиров стали смотреть как на неудачников, как на последних людей, которые, не имея фабрик, заводов, банков, магазинов, вынуждены были идти в армию. За военных даже девушки замуж не выходили».

При этом Сталин внушал своим генералам и офицерам, что Гитлера победить можно: «Действительно ли германская армия непобедима? Нет. В мире нет и не было непобедимых армий. Есть армии лучшие, хорошие

и слабые. Германия начинала войну и шла в первый период под лозунгом освобождения от гнета Версальского мира. Этот лозунг был популярен, встречал поддержку и сочувствие всех обиженных Версалем. Сейчас обстановка изменилась. Сейчас германская армия... сменила лозунги освобождения от Версаля. Германия не будет иметь успеха под лозунгами захватнической завоевательной политики».

Советский вождь, искренне или просто с целью ободрить свой командный состав, всячески принижал боевую мощь вермахта: «С точки зрения военной, в германской армии ничего особенного нет ни в танках, ни в артиллерии, ни в авиации. Значительная часть германской армии теряет свой пыл, имевшийся в начале войны... Появилось хвастовство, самодовольство, зазнайство. Военная мысль не идет вперед, военная техника отстает не только от нашей, но Германию в отношении авиации начинает обгонять Америка (о том, что Америка в этой области очень скоро оставит далеко позади не только Германию, но и СССР, Иосиф Виссарионович не предполагал. — Б. С.)... Германская армия потеряла вкус к дальнейшему улучшению военной техники. Немцы считают, что их армия — самая идеальная, самая хорошая, самая непобедимая. Это неверно. Армию необходимо изо дня в день совершенствовать. Любой политик, любой деятель, допускающий чувство самодовольства, может оказаться перед неожиданностью, как оказалась Франция перед катастрофой».

Сталин под таким «деятелем» подразумевал Гитлера, но очень скоро выяснилось, что все эти нелестные эпитеты с большим основанием применимы к самому Иосифу Виссарионовичу. Он верил, что Красная Армия усвоила уроки финской войны и в 1941 г. уже стала современной армией. Просчет обернулся катастрофой первых недель Великой Отечественной войны.

Каково же было настроение на более низких ступенях иерархической лестницы? Здесь любопытный материал дает дневник военного корреспондента «Прав-

ды» Петра Лидова. 22 июня 1941 г., находясь в Минске, Петр Александрович так описал первые часы войны:

«В 9 часов зазвонил телефон. Говорил секретарь редакции «Правды» Ильичев. «Неужели газета сегодня вышла так поздно, что в редакции еще не ложились спать?» — подумал я.

Ильичев был, судя по голосу, чем-то возбужден.

— Как настроение?

— Прекрасное.

— Там у вас тихо? Ничего не слышно?

— Все спокойно, Леонид Федорович. Собираюсь на открытие озера, передам заметочку.

— На озеро, пожалуй, не стоит. Свяжись там на месте. Будь в курсе дела. Может быть, придется выехать туда, где ты недавно был (имелся в виду Брест), а потом, вероятно, и дальше.

Я догадался, что речь идет о войне с Германией.

— Ты готов?

— Готов!

— Ну, действуй. Не подкачай!»

Лидов тотчас отправился к секретарю компартии Белоруссии П. К. Пономаренко. Тот был зол на корреспондента за недавнюю критическую статью и встретил гостя не очень ласково:

— Явился? Учужал нюхом? — сказал Пономаренко, поднимаясь мне навстречу. — Война уже идет. Дерутся на нашей территории. Немцы взяли Брест, перешли границу в районе Цехановца и Друскеник. Бомбили Белосток, самолеты прорываются к Барановичам.

Я просил его не отказать мне, как и в дни польского похода, в помощи и в информации. Он охотно согласился. Я напомнил ему, что в первый день похода в Польшу он, как глава Военного Совета, дал мне интервью.

— Ну, это теперь, пожалуй, еще рано, — ответил Пономаренко».

Бросается в глаза, что ни Ильичев, ни Пономаренко не говорят Лидову, что немцы на нас напали. По всей вероятности, ни ответственный секретарь «Правды»,

ни глава коммунистов Белоруссии не были уверены, что войну начал Гитлер. Ильичев был уверен, что начался второй «освободительный поход» и что корреспонденту вскоре придется отправиться в Варшаву, а там и в Берлин. Пономаренко, как член Военного совета Западного Особого военного округа, возможно, был в курсе плана «Гроза» — готовящегося советского вторжения в Западную Европу и знал, что главный удар предполагается нанести на юго-западном направлении. Поэтому Пантелеймон Кондратьевич даже захват немцами Бреста не считал доказательством того, что Германия напала на СССР, а не наоборот. Вероятно, он рассуждал примерно так: наши ударили южнее, а в ответ немцы перешли Буг. Но вскоре все образуется, Красная Армия на юго-западном направлении разобьет немцев, а тогда и Западный фронт двинется вперед. Так что и назначенный на 3 июля пленум ЦК, по свидетельству Лидова, Пономаренко 22 июня отменить еще не собирался.

И наконец, посмотрим так, как смотрели в 1941-м на возможность скорой войны с Германией рядовые граждане. Известный филолог Юрий Михайлович Лотман тогда был рядовым 427-го артиллерийского полка. Вот его свидетельство:

«Начало боевых действий воспринималось нами как давно ожидаемое и потому облегчающее событие... Нас привезли в Шепетовку (с Кавказа, где ранее дислоцировался 427-й полк. — Б. С.), и вскоре мы переехали в летние лагерь в Юзвин. Война явно приближалась — это было видно из того, как часто нам на политзанятиях разъясняли, что войны с союзной Германией, конечно, не может быть...

Война началась для меня так: лагерная жизнь шла в палатках. За палатками проходила «линейка», по которой проходили только дежурные часовые и офицеры, находившиеся в тот день в наряде... Еще дальше проходила еще одна «линейка», по которой не ходил никто... По ней мог ходить командующий, если бы он заехал в часть. Однажды мы, как всегда утром, отправились на учебу, то есть

нагрузили себя катушками, лопатками, топорами... и отправились в лес спать. Выспавшись к обеду, мы строевым шагом с боевой песней отправились назад. Но, подходя к лагерю, мы вдруг увидели, что на «святая святых» стоит разворотивший дорожку пытящий трактор. Сразу стало ясно, что ничего, кроме конца света, произойти в наше отсутствие не могло. Лагерь был весь перевернут. Была объявлена боевая тревога. Выстроенные с полной боевой выкладкой, мы выслушали объявление (произнес его комиссар Рубинштейн — командир полка Дольст отправился в штаб армии получать боевое задание), что мы отправляемся, в точном соответствии с учебным планом, на новый этап боевой подготовки (за три дня до войны — 19-го), что тот этап обучения, который предстоит пройти, называется «подвижные лагеря» — двигаться будем только ночью, днем — маскироваться в лесах и придорожных кустах. И, несколько изменив голос, комиссар добавил: «Кто будет ночью курить — расстрел на месте». После этих слов дальнейших пояснений уже не потребовалось.

...Точно помню охватившее нас — пишу «нас», потому что мы на эту тему говорили, — общее чувство радости и облегчения, какое бывает, когда вырвешь больной зуб...

Для нас союз с Гитлером был чем-то противоестественным, ощущением опасности в полной темноте. А теперь и началось то, к чему мы всегда готовились и для чего себя воспитывали: началась война, которая, как мы полагали, будет началом мировой революции или, по крайней мере, продолжением испанской увертюры. Не могу утверждать, что именно так чувствовали все вокруг меня, но чувства ленинградской молодежи, моих друзей, были приблизительно такими. Правда, мой друг Перевошиков оказался умнее. Когда мы говорили: «Слава богу, началась война!» — он добавлял: «Теперь и Сталин, и Гитлер полетят...» (не уточняя куда). Другие так не считали... В любом случае, нарыв прорвался.

Мы в касках, в подогнанных по росту шинелях, с трехлинейными винтовками... с гордостью проезжали (в дальнейшем движение все убыстрялось, и мы уже ехали и днем и ночью) через деревни, и девушки из приграничных деревень забрасывали нас цветами и кричали: «Не пускайте к нам немцев!» Как потом, «драпая»... стыдно было вспоминать эти минуты!»

Как минимум, за три дня до 22 июня Юрий Лотман, как и сотни тысяч красноармейцев, ночными маршами выдвигавшиеся к границе, уже не сомневались в скором начале войны. Но они, равно как и Сталин и высшие военачальники, думали, что Красная Армия понесет на своих штыках мировую революцию в Западную Европу, и в страшном сне не могли себе вообразить, что придется отступать к Москве и Сталинграду.

И народ, и вождь ждали совсем не ту войну, какой она оказалась в действительности.

В самом конце 1940 г. в Москве прошло совещание высшего состава Красной Армии. Сразу после него, в январе 1941 г., были проведены две оперативно-стратегические игры на картах¹¹⁸. В ходе них Сталин и его генералы прорепетировали планировавшееся вторжение в Германию и другие страны Восточной Европы. Еще 11 октября 1940 г. нарком обороны маршал Тимошенко одобрил план игры на северо-западном направлении (на территории Прибалтики и Восточной Пруссии) на тему «Наступательная операция фронта с прорывом УР». Цели игры формулировались следующим образом:

«Дать практику высшему командованию в организации и планировании фронтовой и армейской операции... Проработать и усвоить основы современной наступательной операции фронта и армии, в частности: а) организацию и методы прорыва УР с преодолением сильно развитых в глубину заграждений; б) форсирование крупной речной преграды; в) организацию и проведение противодесантной операции с целью не допустить высадки морского и воздушного десанта; г) организацию и обеспечение выброски крупного авиадесанта; д) ввод в прорыв конно-механизированных групп; е) взаимодействие с морским флотом».

Вопросы обороны должны были затрагиваться лишь в том объеме, в каком они могли возникнуть по ходу игры в связи с контрударами противника.

Подобные же игры месяцем раньше, 29 ноября, 3 и 7 декабря 1940 г. провели и немцы. Там отрабаты-

вались соответственно три этапа будущей Восточной кампании: приграничное сражение; разгром второго эшелона советских армий и выход на линию Минск — Киев; уничтожение советских войск к востоку от Днепра и захват Москвы и Ленинграда. По итогам этих игр 18 декабря был окончательно утвержден и введен в действие план «Барбаросса». В частности, выяснилось, что в Белоруссии продвижение немецких войск будет более быстрым, чем ожидалось, а на Украине они, наоборот, могут встретиться с более ожесточенным сопротивлением. И действительно, Минск был взят еще в ходе приграничного сражения. В ходе игр немцы делали конкретные расчеты по материально-техническому снабжению своих наступающих соединений и с учетом полученных результатов откорректировали план операции. В советских играх вопросы материально-технического снабжения вообще не отрабатывались.

Первая игра, прошедшая 2–6 января 1941 г., стала репетицией вспомогательного удара «в интересах главной операции», осуществляемой на юго-западном направлении.

По сценарию «западные» в союзе с «северо-западными» (финнами), «южными» (румынами) и «юго-западными» (венграми) 15 июля 1941 г. напали на «восточных» (Красную Армию), нанося главный удар к югу от Бреста в направлении Владимир-Волынский — Тернополь. К северу от Бреста «западные», не ожидая сосредоточения всех своих сил, в интересах главной операции перешли в наступление двумя фронтами, Восточным и Северо-Восточным, имея своей целью разбить белостокскую и каунасскую группировки «восточных» и к исходу 15 августа выйти на рубеж Барановичи — Двинск — Рига. Тут бросается в глаза одна странность: почему «западные» не стали дожидаться сосредоточения всех сил, если нападение было заранее подготовлено и время начала войны определяли они сами? К 23–25 июля «западные» достигли рубежа Осовец — Скидель — Лида — Каунас — Шяуляй, где были

встречены контрударом «восточных» и к 1 августа отошли на заранее подготовленный рубеж на границе.

Такова была предыстория событий, которые должны были развернуться в ходе игры. Собственно же события игры начинались с условной даты 1 августа, когда войска «восточных» на северо-западном и западном направлениях достигли линии государственной границы и собирались вторгнуться в Восточную Пруссию и Польшу. В качестве задачи «западным» ставилось сдержать наступление противника до подхода собственных резервов, который ожидался около 10 августа. Затем «западные» должны были вновь перейти в наступление и к 5 сентября выйти на рубеж Рига — Двинск — Минск — Лунинец. Естественно, прямо противоположные задачи получили войска «восточных». Северный фронт должен был 5 августа перейти в наступление и разгромить группировку «северо-западных», безуспешно атаковавших Ленинград. Северо-Западный фронт должен был разгромить противника в Восточной Пруссии и к 3 сентября выйти на Вислу от Влоцлавека до устья реки. Западный же фронт «восточных», нанося вспомогательный удар, должен был также к 20 августа выйти к Висле в районе Варшавы.

Таким образом, фактически отрабатывались только наступательные действия «восточных», а вводная легенда должна была лишь представить в глазах участников игры действия советской стороны как ответ «ударом на удар», о чем всегда твердила пропаганда.

Командующий Северо-Западным фронтом «восточных» генерал-полковник танковых войск Д. Г. Павлов (в тот момент он занимал пост командующего войсками Западного Особого военного округа) принял решение уничтожить плацдарм противника на восточном берегу Немана, а в период с 6 по 11 августа предполагалось форсировать Неман и прорвать Сувалкинский оборонительный рубеж, уничтожив противника восточнее Мазурских озер. После перегруппировки войска фронта должны были 16–22 августа прорвать вто-

рую оборонительную полосу «западных», а до 3 сентября разбить подходящие резервы противника и выйти на Вислу.

В период с 6 августа Северо-Западный фронт наносил главный удар 19-й и 27-й армиями в направлении Остроленка — Млава — Дойтш-Айлау — Мариенбург, чтобы отрезать и уничтожить войска противника в Восточной Пруссии. Здесь же предполагалось использовать фронтной эшелон для развития прорыва в составе двух механизированных и одного кавалерийского корпусов. Он должен был отрезать пути отступления восточнопрусской группировки «западных».

К 8 августа 1-я и 14-я армии продвинулись на 15–30 км по направлению к Инстербургу. Войска 14-й, 9-й и 19-й армий очистили сувалкинский выступ, но попавшая в окружение 9-я армия «западных» смогла прорваться к своим. 27-я армия «восточных» вышла на реку Нарев к югу от Остроленки. Однако попытки преодолеть первую оборонительную полосу «западных» вплоть до 13 августа успеха не имели. 11 августа в прорыв была введена конно-механизированная группа. Вместе с частями 19-й армии 13 августа она достигла рубежа Дойтш-Айлау — Бродница, где встретила сильную противотанковую оборону и вступила в бой с подвижной группой противника из танковой дивизии, танковой бригады и легкой пехотной дивизии.

12 августа Северо-Восточный фронт «западных», который возглавлял командующий Киевским округом генерал армии Георгий Жуков, нанес удар в стык 9-й и 19-й армии «восточных». Ударная группировка 9-й армии «западных» состояла из четырех армейских и одного механизированного корпусов, а также двух танковых дивизий и четырех танковых бригад. 13 августа она вышла на рубеж Бяла — Граево — Лыкк. Одновременно 4-я армия Восточного фронта «западных» нанесла поражение 21-й армии Западного фронта «восточных», а затем и группировке «восточных», форсировавшей Западный Буг, и 13 августа заняла рубеж Семя-

тыче — Соколув — Чижев — Вышкув — Сероцк — Пултуск.

Дальнейшие планы сторон сводились к следующему. Жуков собирался развить успех на Ломжу и во взаимодействии с Восточным фронтом окружить и уничтожить остроленкско-праснышскую группировку «восточных». В Остроленке 15 августа должен был высадиться воздушный десант. В окружении могли оказаться до 20 стрелковых дивизий и до 4 танковых бригад «восточных». Павлов же решил продолжить наступление правого фланговыми 1-й и 14-й армиями к северу от Мазурских озер, чтобы соединиться с конно-механизированной группой. Основные же силы 19-й и 27-й армий, оставших на фронте лишь по два стрелковых корпуса, были брошены для ликвидации прорыва ударной группировки «западных».

После принятия этих решений игра была прекращена. Однако объективный анализ сложившегося положения показывает, что у «западных» Жукова было гораздо больше шансов на успех, чем у «восточных» Павлова. 1-я армия «восточных» вдвое уступала в силах и средствах противнику в районе Кенигсберга. 14-я армия сохраняла двойное превосходство в пехоте и артиллерии и шестикратное — в танках, но ранее за тринадцать дней боев так и не смогла прорвать долговременную оборону противника. Маловероятно, что ей удалось бы сделать это в дальнейшем. Противостоявшая контрудару «западных» 9-я армия уступала неприятелю вдвое по пехоте и артиллерии и впятеро по танкам и не продержалась бы до подхода подкреплений. А поражение 9-й армии ставило под удар и конно-механизированную группу.

Общее соотношение сил перед началом наступления в Восточной Пруссии было в пользу «восточных». У них было в 1,2 раза больше стрелковых дивизий, в 2,5 раза больше танков, в 1,7 раза больше самолетов. При этом, однако, силы «западных» только на данном направлении для игры были взяты значительно боль-

шие, чем смогла выставить Германия по реальному плану «Барбаросса». Так, Северо-Восточный фронт имел 3512 танка, тогда как на всем советско-германском фронте 22 июня 1941 г. немцы располагали лишь 3350 танками и штурмовыми орудиями, включая танки двух танковых дивизий резерва Верховного Главнокомандования, прибывших на фронт только осенью. Самолетов «западным» предоставили 3336 — почти в полтора раза больше, чем немцы выставили на всем фронте операции «Барбаросса». В целом же считалось, что в Восточной Пруссии и северо-западной Польше Германия может иметь 50—60 дивизий, а к югу от Бреста — до 120 дивизий (а вместе с союзниками — до 150 дивизий). Это примерно в полтора раза превышало реальное число немецких дивизий, вступивших в бой 22 июня 1941 г.

Вторая игра, где отрабатывались действия сторон на юго-западном направлении, прошла 8—11 января 1941 г. Ее цели были те же, что и в первой игре. Опять отрабатывались только наступательные действия «восточных», и основной упор делался на то, чтобы дать высшему комсоставу практику «вождения крупных оперативных и прежде всего подвижных соединений во взаимодействии с авиацией».

Вводная второй игры сводилась к следующему. «Западные» в союзе с «юго-западными» и «южными» перешли в наступление двумя фронтами, Юго-Западным и Южным, но почему-то в разное время. К 10 сентября 1941 г. они должны были достичь рубежа Одесса — Винница — Шепетовка — Сарны. Юго-Восточный фронт атаковал львовско-тернопольскую группировку «восточных» 1 августа 1941 г., но на рубеже Львов — Ковель был встречен сильным неприятельским контрударом, потерял 20 пехотных дивизий и отошел на заранее подготовленный рубеж в Южной Польше по линии Старина — Грыбув — Тарнув — река Дунаец — река Висла. Южный фронт начал наступление 2 августа в направлении на Проскуров. К исходу 8 августа его

войска достигли Днестра и форсировали его на ряде участков. Зато соседний с Юго-Западным Западный фронт успешно продвигался на своем левом фланге по польской территории. События этой игры начались с условной даты 8 августа. К этому времени войска «западных» уже были отброшены на расстояние 90–180 км к западу от линии границы. 11 августа Западный фронт должен был перейти в наступление для разгрома варшавской группировки «западных». В свою очередь, Юго-Западный фронт должен был, прикрываясь с запада Вислой, уничтожить основные силы «юго-западных» и «южных» на их территории и 16 сентября занять позиции по линии Краков — Будапешт — Тимишоара — Крайова.

Южным фронтом «западных» командовал генерал-лейтенант Федор Кузнецов, командующий войсками Прибалтийского Особого военного округа. Он планировал 10 августа нанести удар на Проскуров, Шепетовку, чтобы во взаимодействии с Юго-Восточным фронтом окружить противника и к 10 сентября дойти до Одессы, Винницы и Шепетовки. Слабым пунктом плана было изолированное наступление на Кишинев, которое, в случае неудачи соседних армий, грозило завести наступающих в мешок. Юго-Восточный фронт, возглавляемый Дмитрием Павловым, собирался ударить фланговыми ударными группировками 13 августа на Стрый, Золочев, Люблин и Ковель и к 19 августа выйти на рубеж рек Днестр и Вепш, а 10 сентября достигнуть рубежа Шепетовка — Сарны — Столин. Павлов полагал, что лучше всего наступать двумя ударными группировками на флангах. Он рассчитывал окружить до пяти армий «восточных» к западу от Львова.

Его противником опять был Жуков, командовавший Юго-Западным фронтом «восточных». Он планировал, удерживая рубеж на Висле, силами 13-й и 15-й армий уничтожить группировку Южного фронта «западных» и «южных», наступавшую на Проскуров, разгромив 33–35 пехотных дивизий противника. Одновременно

части 9-й армии «восточных» наступали на Краков — Мысленице, которые должны были быть захвачены 18 августа. В дальнейшем главные силы фронта Жуков собирался бросить в наступление на Будапешт.

В ходе развернувшихся боевых действий под ударами 8 армейских корпусов и 2 танковых дивизий «западных» соединения 13-й и 15-й армий отошли на проскуровском и кишиневском направлении. Однако 12 августа ударные группировки «восточных» нанесли удар под основание наступающего клина «южных». 3-я армия «западных», наступавшая на Стрый, встретила упорное сопротивление. Введенная для ее поддержки подвижная группа «западных» в составе одной танковой дивизии и четырех танковых бригад натолкнулась на механизированный корпус «восточных». На люблинском направлении 24-я армия «западных» прорвала оборону 14-й армии Западного фронта «восточных» и 14 августа заняла Любартов, угрожая тылу 25-й армии, оборонявшейся по Висле и Вепшу. 9-я армия «восточных» отбросила противника на краковском направлении до рубежа Опатовец — Старый Сонч, а механизированный корпус «восточных» оказался в районе к юго-западу от Кракова.

Чтобы помочь 3-й армии, командующий Южным фронтом повернул 6-ю армию вместо Проскурова на Тернополь, а 5-ю армию — на Станислав вместо Волочиска. Однако для ликвидации прорыва на Ботошани 7 стрелковым и 2 кавалерийским дивизиям и танковой бригаде «восточных» Кузнецов мог противопоставить только 2 пехотные дивизии и 2 танковых полка.

14 августа Павлов отказался от глубокого охвата и окружения во взаимодействии с Южным фронтом крупной группировки «восточных» в районе Ковеля. Теперь 24-я армия должна была пытаться уничтожить лишь два корпуса «восточных» к западу от Любартова. 3-я армия продолжала наступать в направлении Ходоров — Львов, а 18-я армия — на Красныстав — Львов, имея задачей ликвидировать прорыв на краковском на-

правлении и разгромить львовскую и люблинскую группировки «восточных».

В тот же день Жуков приказал 9-й, 13-й и 15-й армиям продолжать наступление и выйти на рубеж Краков — Попрад — Ньиредьхаза — Матесалка — Хуст — Ботошани. 11-я армия наступала на Кошице, а конно-механизированная армия из 2 кавалерийских и 1 танкового корпусов должна была развивать ее прорыв на Будапешт. 3 авиадесантные бригады предполагалось высадить в Ньиредьхазе, Матесалке и Чопе. 3-я армия должна была выйти на рубеж Ужгород — Мукачево — Чоп.

В период с 15 по 20 августа 24-я армия «западных» потерпела поражение и была отброшена за Вепш. 18 августа подвижные соединения 9-й армии «восточных» захватили Катовице, а ее стрелковые дивизии осадили Краковскую крепость, упорно обороняемую сильным гарнизоном «западных». 16 августа 11-я и 3-я армии «восточных» пробились через Карпаты, а на следующий день в прорыв была введена конно-механизированная армия. Она вышла в район Мукачево — Ньиредьхаза — Чоп, где соединилась с 7 тыс. парашютистов, поддержанных танками. 3-я и 14-я армии «западных» отступили на Венгерскую равнину, где создали новый фронт, обращенный к югу. Тем временем 18 августа 13-я и 15-я армии «восточных» соединились на Пруте и отрезали основные силы Южного фронта к северу от Днестра. Те не смогли прорваться обратно на юг и вынуждены были пытаться организовать отход на запад в направлении на Станислав.

20 августа командующий Южным фронтом Кузнецов потребовал от своих войск на следующий день ликвидировать прорыв противника и продолжить совместно с Юго-Восточным фронтом операцию по уничтожению львовской группировки противника. Павлов, в свою очередь, решил прекратить наступление на флангах своего фронта и сформировать новые ударные группировки в районе Мукачево — Севлюш — Ченсто-

хова — Кельце, чтобы ликвидировать прорыв «восточных».

Командующий Юго-Западным фронтом Жуков 20 августа в директиве потребовал от войск уничтожить две полуокруженные группировки «юго-западных» в районах Перечин — Хуст — Долина (3 армейских корпуса и танковая дивизия) и Чортков Хотин — Старая Ущица (22–23 пехотные и 2 танковые дивизии). После этого Жуков планировал овладеть районом Будапешт — Кечкемет — Сольнок и плацдармом в районе Ченстоховы. Параллельно 15-я армия должна была нанести удар из района Ботошани на юг для захвата Фокшанских ворот и окружения группировки «южных», наступающей на Кишинев.

По состоянию на 20 августа игра была прекращена. Ее исход не вызывал сомнений. Шансов выправить положение у «западных» и их союзников практически не осталось.

Соотношение сил во второй игре было в пользу «восточных», но при этом силы «западных» и их союзников значительно преувеличивались по сравнению с реальными возможностями Германии, Венгрии и Румынии. Стрелковых дивизий у «восточных» было даже в 1,2 раза меньше, чем у противника, зато кавалерийских — втрое, а танковых — вдвое больше. Кроме того, у «восточных» было 12 танковых бригад, а у «западных» — ни одной. По общему числу дивизий (принимая две бригады за дивизию) «восточные» даже уступали неприятелю — 109 против 115. Зато танков имели больше в 3 раза, а самолетов — в 1,3 раза. При этом «западные» все равно получили по условиям игры несуразно много танков — 3311 и самолетов — 4456, тогда как к началу «Барбароссы» у Германии на Востоке было не более 2000 боевых самолетов, а венгерская и румынская авиация, вместе взятые, считывали лишь около 150 машин. В действительности к 22 июня 1941 г. на южном крыле фронта Германия имела только 38 дивизий (не считая 3 охранных). Кро-

ме того, в боях участвовал 1 венгерский корпус из 3 бригад и 13 дивизий и 9 бригад армии Румынии, а еще до 15 венгерских дивизий оставались на территории Венгрии. Но даже с учетом всех этих соединений общие силы потенциальных противников на юге и юго-западе были завышены вдвое, а по танкам и самолетам — в 4–5 раз. Советская же сторона имела на западе к 22 июня 1941 г. 12,8 тыс. танков и 8154 боевых самолета.

Из обеих игр руководство Красной Армии сделало вывод, что наиболее многообещающим может быть удар в юго-западном направлении. Поэтому в плане стратегического развертывания Красной Армии на Западе, подготовленном в марте 1941 г., отмечалось: «Развертывание Красной Армии на Западе с группировкой главных сил против Восточной Пруссии и на варшавском направлении вызывает серьезные опасения в том, что борьба на этом фронте может привести к затяжным боям». В результате главный удар было решено нанести на юго-западном направлении. Именно в разделе мартовского плана, посвященном этому направлению, заместитель начальника Генштаба Н. Ф. Ватутин оставил резолюцию: «Наступление начать 12.6». Это — единственная зафиксированная документально дата планировавшегося нападения на Германию. Позднее, в составленном в середине мая 1941 г. Ватутиным и его заместителем по оперативному управлению Генштаба А. М. Василевским плане «упреждающего удара», предусматривалось, что на юго-западном направлении 152 советские дивизии разгромят 100 немецких и на 30-й день наступления, захватив район Катовице — Краков, выйдут на рубеж Оломоуц — Оппельн — Крейцбург — Лодзь — Модлин — Остроленка. Затем наступающие должны были повернуть к Балтике и отрезать немецкие силы в Польше и Восточной Пруссии. Для содействия этой операции Западный фронт наступал на Варшаву. Вспомогательный же удар наносился в Румынии. Как и в ходе игры, группировку противни-

ка предполагалось окружить в районе Ботошани, а затем идти на Яссы и Плоешти.

Характерно, что в ходе второй игры на практике отсутствовала координация действий между командующими Юго-Восточным и Южным фронтом «западных». Если бы «западные» и их союзники действительно были агрессорами, о такой координации наверняка договорились бы заранее. Но фактически в ходе игры отработывался вариант с наступлением Красной Армии, которое застало бы противника врасплох и, естественно, ни о какой координации действий армий Германии, Венгрии и Румынии в первое время и речи не было. Также показательно, что в обеих играх со стороны «восточных» фронтами командовали командующие тех округов, которые в случае войны должны были быть развернуты в соответствующие фронты. Репетировалось вторжение советских войск под командованием Павлова и Жукова в Восточную Европу. Репетиция показала, что лучше дела пойдут на юго-западном, а не на северо-западном направлении и что Жуков командует успешнее, чем Павлов. В соответствии с этим и определили, что главный удар в будущей войне Красная Армия будет наносить на Краков, а возглавит Юго-Западный фронт Жуков, который пока займет пост начальника Генштаба и будет руководить разработкой плана наступления.

На бумаге все выходило очень гладко. Советские танковые и механизированные соединения в ходе игры двигались точно теми темпами, которыми предписывали уставы. Ни Тимошенко, ни Павлов, ни Мерецков, ни Жуков предпочитали не вспоминать, что во время польского похода советские танковые корпуса отстали от кавалерийских дивизий. А Жуков, всего полгода назад возглавивший вторжение в Бессарабию и Северную Буковину, должен был хорошо помнить, как много танков и другой техники вышло из строя в первые же дни, хотя никакого сопротивления оказано не было: румынские войска без боя покинули оспариваемые террито-

рии. Точно так же, по условиям игры, все приказы в войска передавались вовремя, средств связи хватало, управление войсками ни разу не нарушалось. Между тем советские механизированные корпуса 1941 г. имели вдвое больше танков, чем танковые корпуса 1939 г., но ничуть не больше средств связи. То, что подвижными соединениями не будет никакой возможности управлять, организаторам и участникам игры просто не приходило в голову. Точно так же они не учитывали, что советские летчики имеют критически малый налет часов, особенно на самолетах новых конструкций, поэтому рассчитывать на то, что они смогут отвоевать господство в воздухе у опытных и гораздо лучше подготовленных и руководимых асов люфтваффе по меньшей мере наивно. Пусть советские генералы и маршалы не могли признаться себе, что немецкие солдаты по уровню боевой подготовки наголову превосходят красноармейцев, а немецкие офицеры, генералы и фельдмаршалы гораздо лучше умеют управлять войсками. В этом они не признавались себе никогда, даже когда с началом боевых действий это стало ясно любому непредвзятому наблюдателю. Психологически подобная aberrация зрения вполне объяснима. Но об аховом положении хотя бы со средствами связи и с подготовкой пилотов генералы и маршалы обязаны были знать! Однако никаких поправок на это не сделали ни в планах оперативно-стратегических игр, ни в скорректированных с их учетом планах стратегического развертывания Красной Армии на Западе и «упреждающего удара» против Германии.

Если бы Павлов и Жуков, Тимошенко и Мерецков могли взглянуть правде в глаза и реально оценить состояние своих войск, то они должны были постараться убедить Сталина в следующем: Красная Армия против вермахта в ближайшем будущем успешно наступать не может. Оптимальным способом боевых действий будет оборона с основной группировкой войск по линии укреплений на старой государственной границе. В запад-

ных районах Белоруссии и Украины и в Прибалтике надо держать только небольшие подвижные части прикрытия, которые должны будут лишь выяснить группировку и направление основных ударов противника, а затем отступить к главным силам. Самолеты надо применять лишь над боевыми порядками своих войск для отражения вражеских атак, а танки — лишь небольшими группами для непосредственной поддержки пехоты. Это больше отвечало бы уровню подготовки советских солдат и офицеров.

Обороняться в целом легче, чем наступать. Таким способом действий Сталин быстрее смог бы достичь истощения Германии и одержать победу в войне с гораздо меньшими потерями, чем это произошло в действительности. Соотношение потерь впечатляет. В 1941—1944 гг. вермахт потерял на Восточном фронте 65,2 тыс. офицеров сухопутных сил погибшими и пропавшими без вести, тогда как Красная Армия за тот же период (без ВМФ и ВВС и с исключением политического, административного и юридического состава сухопутных сил, представленного в Германии не офицерами, а чиновниками) потеряла около 784 тыс. офицеров только погибшими и не вернувшимися из плена¹¹⁹. Вероятно, близким к этому соотношению — 11,6:1 — было и общее соотношение безвозвратных потерь. За одного немца платили своими жизнями 10—12 красноармейцев. Думаю, что при оборонительном способе действий соотношение упало бы примерно до 3:1. Но, естественно, ничего подобного Сталину ни один генерал или маршал так и не предложил. И Иосиф Виссарионович продолжал пребывать в благодушном настроении относительно способности Красной Армии справиться с вермахтом. Поэтому на приеме в Кремле в честь выпускников военных академий 5 мая 1941 г. он уверенно заявил: «Немцы ошибаются, что их армия непобедима и ее вооружение самое лучшее в мире. В истории не было непобедимых армий... Война против Германии неизбежно перерастает в победоносную на-

родно-освободительную войну». А в одном из тостов прямо признал:

«Германия хочет уничтожить наше социалистическое государство... Спасти нашу Родину может только война с фашистской Германией и победа в этой войне. Я предлагаю выпить за войну, за наступление в войне, за нашу победу в этой войне».

Еще одна нелепость, которая отразилась как в игре, так и в реальном стратегическом развертывании, — это наличие на стороне «восточных» большого количества кавалерийских дивизий. В первой игре их было 3, во второй — 6. У немцев же к тому времени была всего одна кавалерийская дивизия, которая уже в ноябре 1941 г. была переформирована в танковую. Советские генералы не сознавали, что кавалеристы только тормозили темп продвижения механизированных и танковых частей, а на поле боя были всего лишь удобной мишенью для неприятельской авиации, артиллерии и пулеметов.

В целом оперативно-стратегические игры января 1941 г. во многом дезориентировали советское руководство. Неудача «восточных» в Восточной Пруссии была целиком отнесена на счет мощи восточнопрусских укреплений. Удачливый Жуков заменил Мерецкова на посту начальника Генштаба, но два других командующих основными приграничными округами остались на своих постах. Сталина не насторожил тот факт, что в обоих случаях проиграли те войска, которым командовал генерал Павлов. Видно, он счел поражение руководимых им войск следствием объективных причин, мало зависящих от полководческого искусства. Павлов вскоре был произведен в генералы армии и продолжал командовать Западным округом. Другой неудачник, Федор Кузнецов, продолжал командовать Прибалтийским военным округом. Оба генерала далеко не лучшим образом показали себя в первые недели настоящей войны. Успех же «восточных» в ходе игры на юго-

западном направлении, да еще в условиях, когда силы «западных» были завышены в полтора-два раза, навел Сталина и Тимошенко на мысль, что удар на Краков — Катовице гарантирует успех «блицкрига». От наступления на Будапешт, планировавшегося в ходе игры, отказались. Очевидно, Венгрию решили пока не трогать, рассчитывая, что в случае советского нападения на Германию она предпочтет соблюдать нейтралитет.

Все эти оптимистические планы разбились вдребезги после 22 июня 1941 г.

8 сентября 1941 г., ровно 60 лет назад (эта статья написана в 2001 г. — Б. С.), вокруг Ленинграда замкнулось кольцо блокады. 3 миллиона жителей были обречены на голод и холод в городе, почти лишенном запасов продовольствия и топлива. Каждый третий погиб. В годы войны и после ее окончания советская пропаганда предпочитала говорить о героическом подвиге ленинградцев, забывая о том, что о выживании населения «северной столицы» никто всерьез не заботился. То, что Верховный Главнокомандующий думал лишь о сохранении армий Ленинградского фронта, ради чего готов был пожертвовать сотнями тысяч ленинградцев, доказывают переговоры заместителя начальника Генштаба А. М. Василевского и командующего Ленинградским фронтом И. И. Федюнинского по прямому проводу, состоявшиеся 23 октября 1941 г. в 4 часа 25 минут утра. Тогда, после разгрома Красной Армии под Вязьмой и Брянском, немцы рвались к Москве. Положение на фронте складывалось критическое. И операция по прорыву ленинградской блокады рассматривалась Сталиным лишь с точки зрения переброски новых войск на московское направление, а не удержания Ленинграда и спасения его жителей от голодной смерти. Вот какой разговор вел Василевский по поручению Сталина с командованием Ленинградского фронта:

«У аппарата Василевский. А где товарищ Кузнецов? (Член Военного совета, 2-й секретарь Ленинградского обкома

и горкома партии Алексей Кузнецов был расстрелян по «ленинградскому делу» в 1950 г. — Б. С.)

У аппарата Федюнинский. Тов. Жданов находится в Ленинграде, тов. Кузнецов выехал на командный пункт. Василевский. Прошу принять следующее указание тов. Сталина и немедленно довести до сведения товарищей Жданова и Кузнецова.

«Федюнинскому, Жданову, Кузнецову.

Судя по вашим медлительным действиям, можно прийти к выводу, что вы еще не осознали критического положения, в котором находятся войска Ленфронта. Если вы в течение нескольких ближайших дней не прорвете фронта и не восстановите прочной связи с 54-й армией, которая вас связывает с тылом страны, все ваши войска будут взяты в плен. Восстановление этой связи необходимо не только для того, чтобы снабжать войска Ленфронта, но и особенно для того, чтобы дать выход войскам Ленфронта для отхода на восток для избежания плена, если необходимость заставит сдать Ленинград. Имейте в виду, что Москва находится в критическом положении и она не в состоянии помочь вам новыми силами. Либо вы в эти два-три дня прорвете фронт и дадите возможность нашим войскам отойти на восток в случае невозможности удержать Ленинград, либо вы все попадете в плен.

Мы требуем от вас решительных и быстрых действий.

Сосредоточьте дивизий восемь или десять и прорвитесь на восток. Это необходимо и на тот случай, если Ленинград будет удержан, и на случай сдачи Ленинграда. Для нас армия важней. Требуем от вас решительных действий.

Сталин».

Передал генерал Василевский 23/10, 4 часа 25 минут. Все ли понятно? Подтвердите получение. У меня все. До свидания.

Федюнинский. Ясно и понятно. Сейчас доведу до товарищей Жданова и Кузнецова. Все. До свидания. Приказ ясен. (РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 488, л. 12–13).

лю: вывести войска из блокированного города на восток, бросив миллионы ленинградцев на произвол судьбы. Как откровенно признавался Верховный, «для нас армия важней». Мирные жители никакой ценности не представляли. Тут уж можно сказать: не было бы счастья, да несчастье помогло. Если бы тогда, в октябре или ноябре 1941 г., блокаду удалось прорвать, можно не сомневаться, что войскам Ленинградского фронта приказали бы оставить осажденную «северную столицу» и прорываться на восток. В этом случае судьба населения Ленинграда могла бы оказаться еще более трагичной, чем оказалась в действительности. Немцы вряд ли бы смогли прокормить ленинградцев зимой 1941/42 г., как не смогли прокормить они миллионы военнопленных. Для этого у немецкой армии не было ни необходимых запасов продовольствия, ни воли политического руководства. Ведь Гитлер собирался многократно уменьшить численность славян. В результате население Ленинграда осталось бы без снабжения продовольствием и теплом. Вероятно, в зиму 1941/42-го погибло бы не миллион, как это действительно случилось в блокаду, а гораздо больше.

Но и на помощь Ленинградского фронта Сталин при таком развитии событий рассчитывал напрасно. Скорее всего, при прорыве через узкую горловину основная часть советских войск погибла бы или была пленена, как это и произошло в сходных обстоятельствах со 2-й ударной армией летом 1942 г. Тогда бы у немцев освободились основные силы группы армий «Север» и у Сталина было бы мало шансов удержать Москву. И исход войны для Советского Союза мог быть иным.

В наших учебниках истории маршал Георгий Жуков предстает главным архитектором Великой Победы, действовавшим часто вопреки мнению Сталина. Он изображен как герой-страдалец, подвергшийся после войны незаслуженной опале со стороны того же Сталина и Хрущева. Да, возможно, порою он был излишне суров, но он делал все ради народа, ради победы. И достоин вечной памяти и памятников на центральных улицах главных российских городов.

Я хочу процитировать только один документ, который безнадежно губит репутацию «народного маршала» и делает кощунственным всякое его прославление. Это — письмо начальника Главного политического управления Рабоче-крестьянского военно-морского флота армейского комиссара II ранга Ивана Рогова секретарю Центрального Комитета ВКП(б) Георгию Маленкову, датированное 5 октября 1941 г.:

- «Начальник Политического управления Балтфлота издал 28.9.41 г. директиву за № 110/с, в которой указывает: «Разъяснить всему личному составу кораблей и частей, что все семьи краснофлотцев, красноармейцев и командиров, перешедших на сторону врага, сдавшихся в плен врагу, будут немедленно расстреливаться, как семьи предателей и изменников Родины, а также будут расстреливаться и все перебежчики, сдавшиеся в плен врагу, по их возвращении из плена».

Я немедленно запросил ПУБалт, на основании каких указаний издана директива, противоречащая указаниям

приказа Ставки Верховного Командования Красной Армии № 270.

Член Военсовета КБФ т. СМИРНОВ и начальник ПУ КБФ т. ЛЕБЕДЕВ в своей телеграмме от 4.10.41 г. сообщают, что директива № 110/с составлена на основе шифрограммы командующего Ленинградским фронтом т. Жукова за № 4976, в которой сказано:

«Разъяснить всему личному составу, что все семьи сдавшихся врагу будут расстреляны и по возвращении из плена они также будут все расстреляны».

Народному комиссару ВМФ т. КУЗНЕЦОВУ и мне неизвестно, что п. 2 приказа Ставки № 270 изменен.

Считаю, что шифрограмма № 4976 командования Ленинградского фронта противоречит указаниям приказа № 270 Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии». (РГАСПИ, ф. 83, оп. 1, д. 18, л. 18–19).

Напомню, что драконовский приказ № 270 от 16 августа 1941 г. предусматривал только лишение семей попавших в плен красноармейцев государственного пособия и помощи. Жуков же готов был расстреливать даже грудных младенцев — только так можно понимать слова о расстреле всех членов семьи. Политуправление Балтфлота даже не решилось буквально воспроизвести жуковский текст и смягчило его, указав, что после возвращения из плена расстрелу подлежат лишь перебежчики. Сталин, лично продиктовавший приказ № 270, в сравнении с Георгием Константиновичем выглядит истинным человеколюбом. Я не знаю, успели ли кого-нибудь расстрелять по зловещему приказу № 4976 за те несколько дней, что Жуков командовал Ленинградским фронтом до срочного вызова в Москву после немецкого прорыва под Вязьмой. В прифронтовой полосе семьи пленных, по счастью, вряд ли сыскали бы за столь короткий срок. А вот десяток-другой красноармейцев, заподозренных в том, что они побывали в плену, пустить в расход вполне могли.

Г. М. Маленков ознакомился с письмом 8 октября, вскоре после катастрофы под Вязьмой, где были окру-

жены силы трех фронтов. Никакой письменной реакции Георгия Максимилиановича пока не найдено. Не исключено, что в дни, когда члены Политбюро ломали голову над вопросом, удержим ли Москву, а Жуков с его чрезвычайной жестокостью казался им последней надеждой на спасение, никаких мер взыскания за людоедский приказ к нему применять не стали. Может быть, Маленков лишь пожурил тезку: не следует, мол, впредь превышать свои полномочия.

И после своего людоедского приказа Георгий Константинович без тени смущения, блестяще сыграв искреннее возмущение, говорил в 1956 г., уже после XX съезда, Константину Симонову: «У нас Мехлис додумался до того, что выдвинул формулу: «Каждый, кто попал в плен, — предатель Родины» — и обосновывал ее тем, что каждый советский человек, оказавшийся перед угрозой плена, обязан был покончить жизнь самоубийством, то есть, в сущности, требовал, чтобы ко всем миллионам погибших на войне прибавилось еще несколько миллионов самоубийц. Больше половины этих людей было замучено немцами в плену, умерло от голода и болезней, но, исходя из теории Мехлиса, выходило, что даже вернувшиеся, пройдя через этот ад, должны были дома встретить такое отношение к себе, чтобы они раскаялись в том, что тогда, в сорок первом или сорок втором, не лишили себя жизни... Трусы, конечно, были, но как можно думать так о нескольких миллионах попавших в плен солдат и офицеров той армии, которая все-таки остановила и разбила немцев. Что же, они были другими людьми, чем те, которые потом вошли в Берлин? Были из другого теста? Хуже, трусливей? Как можно требовать огульного презрения ко всем, кто попал в плен в результате всех постигавших нас в начале войны катастроф?..» А потому довольно странно убеждать нас, будто Жуков верил в Бога. Когда настоятель Троице-Сергиевой Лавры архимандрит Кирилл писал дочери Жукова Марии о ее отце: «Чувствуется, что душа его христианская... Пе-

чать избранничества Божия на нем чувствуется во всей его жизни», то, похоже, не ведал он о том, что маршал готов был истреблять даже грудных младенцев. Жукову, по моему глубокому убеждению, нельзя ставить памятники, тем более сравнивать его подвиги с подвигами святого Георгия. Если мы хотим сохранить в наших детях хоть какое-то нравственное начало, то в учебниках истории этот персонаж должен стоять не в одном ряду с Суворовым и Кутузовым, а рядом со Сталиным, Ежовым и Берия.

Если взять известное библейское сказание и представить в его образах двух главных сухопутных противников во Второй мировой войне, то Давидом как будто следует назвать Красную Армию, одержавшую, как принято думать, полную победу над германским вермахтом, который кажется подходящим кандидатом на роль поверженного Голиафа. Ведь, как многие десятилетия твердила советская пропаганда и официальные историки, немцы вплоть до Сталинграда превосходили советские войска в людях, танках и самолетах. Однако при более тщательном изучении проблемы получается, что маленьким, но ловким и смекалистым Давидом был скорее вермахт, вынужденный сражаться против превосходящих сил своих противников при очень ограниченных ресурсах вооружения и техники. При этом немцы проявили немалое военное искусство, одержали ряд тактических побед, выиграли множество кампаний, но потерпели общее сокрушительное поражение. Красная же Армия вплоть до конца войны, несмотря на одержанную общую победу, больше походит на громадного, неуклюжего Голиафа, никак не могущего поразить своего верткого противника и одолевшего его лишь в тот момент, когда он был загнан в угол, где его можно было задавить преобладающей массой.

Как известно, уровень боеспособности любой армии определяется двумя факторами: качеством и количеством боевой техники и уровнем боевой и моральной подготовки солдат, офицеров и генералов. Посмотрим,

как в 1941–1945 гг. соотносились по этим показателям советские и немецкие войска.

В начале войны в том, что касается качества вооружения и техники, стороны были более или менее равны. Если и можно было говорить о каком-то качественном перевесе, то он был скорее на советской стороне благодаря тому, что ничего подобного танкам Т-34 и КВ у немцев еще не было. В стрелковой дивизии Красной Армии было больше автоматов, чем у немцев, — 1204 против 386. У красноармейцев были также самозарядные винтовки СВТ-38 и СВТ-40. Однако они были очень капризны в обращении, требовали тщательного ухода и годились только для высокопрофессиональных солдат, которых в Красной Армии было мало.

Столкнувшись с массовым применением Красной Армией автоматических винтовок, немцы развернули собственное производство такого оружия. Всего с 1942 по май 1945 г. в Германии было произведено 600 тыс. автоматических винтовок G-41, G-43, FG-42, «Фолькштурмгевер» и в 1944–1945 гг. — 450 тыс. штурмовых винтовок (автоматов) STG-44 с патроном калибра 7,92 мм, произведенных на заводе, принадлежащем конструктору Гуго Шмайссеру. В 1939–1945 гг. в Германии было произведено около 1 млн единиц пистолетов-пулеметов MP-38 и MP-40, которые у нас больше известны под ошибочным наименованием «Шмайсер». Общее производство пистолетов-пулеметов в Германии составило 1 млн 200 тыс.

Советская промышленность всего за время Великой Отечественной войны выпустила 1 млн 516 тыс. пулеметов всех типов, 12 млн 139 тыс. винтовок и карабинов, в том числе около 2,5 млн самозарядных, 6 млн 174 тыс. пистолетов-пулеметов. Столь заметная разница в выпуске стрелкового вооружения пехоты отнюдь не является показателем недостаточного внимания германского руководства к этой отрасли военной промышленности. Тем более что в последний год было

выпущено около 450 тыс. единиц штурмовой винтовки 1944 г., разработанной конструкторским бюро Гуго Шмайссера, — лучшего автомата Второй мировой войны, едва ли не полной копией которого является знаменитый «калашников». Просто безвозвратные потери личного состава Красной Армии почти в 10 раз превышали безвозвратные потери вермахта на Восточном фронте. Поэтому красноармейцы на поле боя теряли в несколько раз больше стрелкового оружия, в том числе автоматического, чем немецкие солдаты, поэтому относительная обеспеченность теми же автоматами (пистолетами-пулеметами) в Красной Армии оказывалась даже ниже, чем в вермахте.

Немаловажным было то, что советская дивизия была гораздо менее механизирована, чем немецкая. В стрелковой дивизии Красной Армии по штату 1941 г. было 558 машин, у немецкой пехотной дивизии — 902. И лошадей в немецкой дивизии было вдвое больше. Хотя самих стрелковых дивизий, равно как танковых и моторизованных, в Красной Армии было значительно больше, чем в вермахте: 303 дивизии (в том числе 92 танковые и моторизованные и 13 кавалерийских) против 207 в вермахте. Также в германских танковых и моторизованных дивизиях автомобилей было примерно вдвое больше, чем в соответствующих советских дивизиях. Уровень моторизации Красной Армии повысился только в середине 1943 г., в связи с поставками автомобильной техники по ленд-лизу. У немцев уже в начале войны были бронетранспортеры, которые в Красной Армии так и не появились. У нас предпочитали перевозить пехотинцев к линии атаки прямо на броне танков, не считаясь ни с удобствами, ни с потерями.

А как обстояло дело в авиации? Здесь немцы имели истребитель Me-109, обладавший скоростью 550 км/ч и вооруженный 2 пушками и 2 пулеметами. Советская авиация могла противопоставить ему только самолеты новых конструкций — МиГ-3, развивавший скорость

640 км/ч, ЛаГГ-3 — 535 км/ч, Як-1 — 573 км/ч. Правда, вооружение у них было слабее — к двум пулеметам только одна пушка, а у МиГа вместо пушки был только третий пулемет. Однако численный перевес в июне 1941-го был на советской стороне — у люфтваффе на Восточном фронте было лишь 500 Me-109, а советских истребителей было около 3 тысяч. МиГ-3, создававшийся как высотный истребитель, бесполезно терял значительную мощность на привод нагнетателя своего высотного двигателя, поскольку почти все воздушные бои на Восточном фронте шли на высоте не выше 4,5 км. Это объяснялось тем, что авиация была ориентирована в основном на поддержку сухопутных войск и действовала на малых высотах. Поэтому уже с 1943 г. МиГ-3 не выпускали. Но главной причиной того, что вплоть до конца 1943 г. советская авиация не смогла завоевать господство в воздухе, был несопоставимый уровень подготовки немецких и советских пилотов. Советские летчики накануне войны имели до смешного малый налет часов — от 4 до 15,5 за первые три месяца 1941 г. В дальнейшем в летном училище советские летчики успевали налетать лишь 20–30 часов и освоить только взлет и посадку, но не выполнение сложных маневров в воздухе. Пилоты же люфтваффе вплоть до начала 1944 г. только в училищах имели летную подготовку 450 часов. Затем из-за нехватки горючего она была уменьшена до 150 часов, но все равно оставалась в несколько раз большей, чем у советских пилотов. Главной задачей авиации обеих сторон стала поддержка сухопутных войск, поэтому воздушные бои велись на малых и средних высотах. Как правило, летчики-истребители люфтваффе во время «свободной охоты» находили группы советских самолетов, пикировали на них и, сбив два-три, вновь набирали высоту, чтобы атаковать следующую волну неприятельских машин, когда она приблизится.

Другое дело, что две трети боевой авиации люфтваффе вынуждено было использовать против своих

западных противников даже тогда, когда на Востоке шли широкомасштабные сражения, например в период Курской битвы. А с июня 1944 г., после высадки союзников в Нормандии, немецкой авиации на Востоке почти не осталось и она лишилась возможности оказывать даже ограниченную поддержку своим войскам (с конца 1944-го из-за союзных бомбежек почти прекратились поставки авиабензина), чем и объясняются наиболее значительные успехи Красной Армии в последний год войны.

Что интересно, немцы за время войны смогли существенно обновить свой авиационный парк. В конце 1941 г. начал производиться истребитель ФВ-190, развивавший скорость 615 км/ч, имевший солидную бронезащиту и вооруженный двумя пулеметами и шестью 20-мм пушками (на Восточном фронте они появились в конце 1942 г.). В 1944 г. появились также реактивные истребители Ме-262 (правда, на Востоке они почти не использовались).

Как справедливо отмечает немецкий генерал Вальтер Швабедиссен, «до конца войны русские так и не смогли достигнуть абсолютного господства в воздухе. Это объясняется тем обстоятельством, что в индивидуальном плане советские летчики-истребители были слабее своих немецких оппонентов. Данный факт не позволял им полностью предотвратить атаки немецких бомбардировщиков. Однако продолжающееся постепенное ослабление немецкой авиации и системы ПВО также явилось результатом значительного советского воздушного превосходства на заключительном этапе войны... Добившись подавляющего количественного преимущества, русские в 1944 г. достигли определенного равенства и по качеству авиационной техники, а в заключительной фазе войны иногда имели и некоторое техническое превосходство, но реализовать его не могли, прежде всего из-за отсутствия квалифицированного летного персонала». И, как подчеркивает тот же автор, к концу войны «приказы высшего командно-

го звена стали более ясными и конкретными, но им не хватало гибкости. Командиры низшего уровня были лишены необходимой инициативы, когда надо было принять самостоятельное решение в соответствии с требованиями текущей обстановки. Этим недостаткам советская авиация в значительной степени была обязана общепринятому в русской военной среде формализму, а также невысокому интеллектуальному уровню офицерского состава, который в лучшем случае можно было считать средним». Это ограничивало возможности использования достижений советских авиаконструкторов.

Так, безусловным достижением был штурмовик Ил-2, поступивший на вооружение накануне Великой Отечественной войны. Мощная броня и хорошее вооружение (у модификации 1943 г. было две 37-мм пушки) сделали его лучшим штурмовиком Второй мировой. Его немецкий аналог бомбардировщик «хеншель-129», появившийся на фронте в 1942 г., уступал «Илу» по скорости на малых высотах, вооружению и не имел защиты с задней полусферы, что делало его легкой добычей истребителей. К тому же «Илов» было изготовлено 36 тысяч, а «хеншелей» — только 870 машин. Появились и новые советские истребители — Як-3, развивавший скорость до 660 км/ч, Ла-5 — 648 км/ч, Як-9 — 605 км/ч и оснащенный 37-мм пушкой, и другие, которые могли на равных драться с «мессершмиттами» и «фокерами». Но главным оставался все же огромный численный перевес советской авиации, позволивший компенсировать низкий уровень подготовки пилотов и огрехи в управлении авиацией, которая обычно расплывалась для фронтовых нужд и не применялась массивно вплоть до 1943 г.

Вопреки распространенному мнению, в первые дни войны на аэродромах погибла меньшая часть советской авиации. Тут сыграла свою роль как ошибка командующего Западным фронтом генерала Д. Г. Павлова, разместившего аэродромы у самой границы, всего

в 15–70 км, так и искусство фельдмаршала Кессельринга, командующего 2-м воздушным флотом, поддерживавшим самую мощную группу армий «Центр». Он применил оригинальный технический прием, обеспечивший полный успех. Бомбардировщики подошли к советским аэродромам на большой высоте ровно в 3 часа 15 минут, одновременно с началом артиллерийской подготовки, что обеспечило полную внезапность нападения. Против каждого аэродрома были брошены три бомбардировщика с экипажами, имевшими опыт ночных полетов.

В результате 22 июня в полосе Западного фронта было уничтожено на аэродромах 528 из 1909 боевых самолетов, причем главным образом уничтоженные самолеты принадлежали к трем из шести авиадивизий округа (9-й, 10-й и 11-й), которые и располагались у самой границы. На Юго-Западном фронте на земле погибло 204 самолета из 2003, на Северо-Западном фронте — 32 из 1140 и на Южном фронте — 23 из 950. Основное количество советских самолетов было потеряно в воздушных боях.

Не лучше, чем в авиации, обстояло дело с подготовкой личного состава в танковых войсках Красной Армии, хотя советские танкисты в первый год войны располагали самыми сильными танками в мире. Еще в 1943 г. механики-водители советских танков, перед тем как идти в бой, получали практику вождения в 3–5 раз меньшую, чем требовалось для того, чтобы уверенно водить танк (5–10 моточасов вместо 25). Вплоть до конца войны в Красной Армии полноценные радиостанции ставились только на танки командиров подразделений, тогда как на остальных танках стояли только радиоприемники. Если танк командира выходил из строя, никто другой не мог взять на себя управление подразделением.

Кроме того, в Т-34 и других советских танках командир одновременно выполнял функции наводчика, что крайне затрудняло для него управление боем.

В то же время немцы по достоинству оценили танк Т-34 и широко использовали его для нужд вермахта. Все трофейные «тридцатьчетверки» были отправлены на заводы для модернизации. Т-34(г) (таково было немецкое обозначение трофейного танка) оборудовали командирскими башенками, установили радиопередатчики и новые прицелы. Пригодных к боевому использованию «тридцатьчетверок» на начало 1942 г. в вермахте оказалось около 300 единиц. Часть танков была переделана в артиллерийские тягачи, транспорты и самоходные зенитные орудия. Сильно поврежденные машины использовались для испытаний противотанковой артиллерии. Башни «тридцатьчетверок» устанавливали на бронепоезда.

Последнее крупное поступление Т-34(г) в войска было в марте 1943-го, когда немцы вновь захватили Харьков и им досталось 50 «тридцатьчетверок». Позднее 24 танка были переданы на вооружение армии Власова.

Более или менее успешно бороться с «тридцатьчетверками» смогли немецкие штурмовые орудия, а также модернизированные танки Т-IV с более толстой броней и длинноствольным 75-мм орудием. Как отмечает германский генерал Эйке Миддельдорф, «насколько далеко отклонились штурмовые орудия от выполнения своих непосредственных задач по поддержке атаки пехоты с дистанции 300 м, говорит хотя бы тот факт, что до конца 1943 г. ими было подбито свыше 13 тыс. танков». Он также отмечал: «В начале войны немецкие танковые дивизии состояли из полков. В состав полка входили подразделения какого-либо одного рода войск — танков, мотопехоты или артиллерии... В конце войны обычным явлением стало расчленение танковых и мотопехотных полков на отдельные подразделения и создание из них танковых боевых групп, состоявших из подразделений различных родов войск».

Модернизированные же Т-IV появились на фронте со второй половины 1942 г. А модификация Н, выпус-

кавшаяся с 1943 г., имела толщину брони 80 мм. Модернизированный Т-IV уступал Т-34 в маневренности, но благодаря лучшему качеству цейссовской оптики превосходил его в точности стрельбы. Появившиеся в 1943 г. «Тигр», «Пантера», а в 1944 г. — «Королевский тигр» превосходили не только модифицированный Т-34 с 85-мм пушкой, появившийся на фронте в марте 1944 г., но и советский тяжелый танк ИС-2 со 122-мм орудием. Так, зенитная длинноствольная 88-мм пушка «королевского тигра» пробивала на дистанции 500 метров лобовую броню ИС-2, тогда как 122-мм пушка советского танка на той же дистанции броню «тигра» не пробивала. Однако и «тигры», и «пантеры» были гораздо более дорогими в изготовлении, чем «тридцатьчетверки», и сравниться с ними в численности новые немецкие танки никак не могли. Как в производстве танков, так и в производстве самолетов немцы уступали даже одному СССР, так как им приходилось значительные ресурсы отвлекать на выпуск подводных лодок, средств связи, транспортных средств и многого другого, что советская сторона получала по ленд-лизу. Еще следует учесть, что две трети самолетов и значительную часть танков, особенно в последний год войны, немцам пришлось отвлекать на борьбу против западных союзников. С американским производством германской промышленности было не сравниться. В результате уже во второй половине 1943 г. и на Западе, и на Востоке превосходство противников Германии в танках и самолетах стало подавляющим.

Ленд-лиз помог преодолеть дефицит средств связи с помощью американских поставок грузовых машин. Также была устранена недостаточная мобильность Красной Армии. РККА была единственной крупной европейской армией, которая за всю войну так и не приняла на вооружение бронетранспортеров. Как уже упоминалось ранее, мотопехота обычно перевозилась на броне танков. Немецкие офицеры, служившие на Восточном фронте, утверждали, что недостаточная ме-

ханизация Красной Армии была одной из главных причин ее тактических проколов. Причина этого недостатка крылась больше в нехватке производственных мощностей, чем в тактических доктринах. На протяжении всей войны советская промышленность была сосредоточена на выпуске танков как на более мощном оружии, а бронетранспортеры считались ненужной роскошью. Поскольку все мощности были заняты, выпуск бронетранспортеров неизбежно привел бы к падению производства танков. В СССР привыкли гнаться за тем, что казалось мощнее и грознее для врага. Сталин и его генералы так до конца войны и не поняли, что важнее не количество оружия и техники, пусть даже самой сильной и мощной, а разумное сочетание различных видов вооружения и техники. По этой причине, например, послевоенная программа океанского флота предусматривала строительство серии тяжелых крейсеров, но при этом авианосцы строить не собирались, что обрекало будущий флот на верную гибель еще до того, как он мог бы вступить в бой, — от авиации с вражеских авианосцев.

Учитывая, что в среднем уровень вооружения и боевой техники в Красной Армии был не ниже, чем в вермахте, а вот уровень подготовки солдат, офицеров и генералов отставал на порядок, оптимальной стратегией для советского командования была бы оборонительная. В этом случае истребители действовали бы главным образом над боевыми порядками своих войск, бомбардировщики бы бомбили только цели в оперативном тылу противника и всегда в сопровождении истребителей. В этом случае не было бы гигантских потерь первых месяцев войны, когда тихоходные советские бомбардировщики бомбили цели далеко за линией фронта без сопровождения истребителей и становились легкой добычей «мессершмиттов». Советские танки могли бы больше действовать из засад или вообще в качестве неподвижных огневых точек, будучи закопанными в землю. При такой тактике им пришлось

бы значительно меньше маневрировать, чем при наступательных операциях. Таким образом было бы во многом нивелировано преимущество вермахта в уровне подготовки механиков-водителей и командиров танков, в уровне обеспечения радиосвязи между экипажами. Отметим еще отсутствие у советских танков до 1944 г. командирских башенок, что затрудняло управление боем. Оборонительный бой вообще проще наступательного, требует гораздо меньше инициативы, поскольку свою инициативу и так навязывает наступающий, а обороняющийся лишь вынужден реагировать на нее. Недостаток средств радиосвязи здесь сказывается в меньшей степени, чем при наступлении. Более низкая мобильность Красной Армии была менее пагубна при обороне, где обороняются заранее сосредоточенные группировки войск.

Практически Красной Армии надо было с самого начала войны ориентироваться не на стратегию сокрушения, а на стратегию истощения. Именно такую стратегию отстаивали в 1920-е годы Троцкий и Свечин. Но после их удаления из военного ведомства в 1930-е годы возобладала концепция войны малой кровью на чужой территории. Она предусматривала максимальное насыщение армии вооружением и боевой техникой при сокращении затрат на подготовку личного состава. Тут была не только страсть к максимальному количественному росту вооруженных сил, но и опасение, что профессионально подготовленные военные могут поспособствовать приходу нового Бонапарта, способного замыслить военный переворот. Троцкий и Свечин, предлагая оборонительную стратегию, исходили из опыта Первой мировой войны, во время которой уровень подготовки русских солдат и офицеров был ниже, чем у немцев. Они исходили из того, что большинство населения функционально неграмотно, что Красная Армия испытывает недостаток вооружения и боевой техники. Кроме того, Троцкий учитывал, что революция разрушила старую ар-

мию, хотя и стремился сохранить в рядах Красной Армии некоторое количество офицеров царской армии. Поэтому Красная Армия проигрывала потенциальным противникам в плане опыта и уровня военного образования командного состава. В начале 1930-х годов из Красной Армии были изгнаны последние офицеры царского времени. Одновременно с этим была установлена единая диктатура Сталина. Вследствие ускоренного развития военной промышленности Красная Армия к концу 1930-х годов имела избыток вооружения и боевой техники. Ставка была сделана на количество, а не на качество, и вместе с тем — на стратегию сокрушения. Войска перестали учить обороняться, а наступать они толком так и не научились. Если бы была принята оборонительная стратегия, неплохие в целом вооружение и техника Красной Армии были бы использованы оптимальным образом. Немцы бы в этом случае понесли более значительные потери, советские войска — меньшие, а война закончилась бы раньше, хотя поражений в начальный период Красной Армии все равно бы избежать не удалось. Однако два неразрешимых противоречия не позволили принять более экономную стратегию истощения. По политическим причинам Сталин боялся создавать действительно профессиональную армию, в которой он видел угрозу собственной власти. В то же время он полагал, что Красная Армия, как минимум, не слабее вермахта, а стратегию истощения считал уделом слабых и потому ориентировался, как и Гитлер, на сокрушительный блицкриг.

С трагического дня 22 июня 1941 г. прошло более полувека. Но до сих пор Великая Отечественная остается весомым аргументом в спорах не только о прошлом, но и о настоящем. В исходе минувшей войны не только коммунисты и радикальные патриоты-сталинисты, но и патриоты «путинского разлива» готовы видеть оправдание 70-летнего существования советского режима и живую традицию для нынешней российской армии.

Одним из главных аргументов стали официальные цифры потерь Красной Армии в войне, впервые опубликованные в 1993 г. в книге «Гриф секретности снят» и без изменения повторенные при переиздании 8 лет спустя: 8 млн 668 тыс. погибших и умерших. Это будто бы превышает потери вермахта и его союзников на Восточном фронте погибшими всего лишь в 1,9 раза, а с учетом пленных — всего лишь в 1,2:1. Такие цифры льстят патриотическому самолюбию, но имеют мало общего с действительностью.

Но если мы обратимся к тому виду потерь, который считали относительно точно, — к потерям офицеров, то там картина будет совсем не такая благостная. Согласно данным, опубликованным в книге немецкого генерала Б. Мюллера-Гиллебранда «Сухопутная армия Германии» (в 1976 г. она была переведена на русский язык), германские сухопутные силы на Восточном фронте в 1941–1944 гг. потеряли убитыми и пропавшими без вести 65,2 тыс. офицеров. Сюда, замечу, входят

и те офицеры, кто оказался в плену и потом вернулся на родину. В Красной Армии безвозвратные потери офицеров подсчитали уже после войны. Этот процесс занял семь лет. Результаты под грифом «секретно» опубликовали только в 1963 г. Согласно этим данным, всего за войну погибло или к 1963 г. все еще числилось пропавшими без вести 1 млн 23 тыс. офицеров и сержантов и старшин, занимавших офицерские должности. Последних было 123 тыс. (по другим сведениям — только 38 тыс.).

1 млн 23 тыс. офицеров, погибших в 1941–1945 гг., полезно сопоставить с 7280 командирами и комиссарами, репрессированными в 1937–1938 гг. Еще 26 тыс. лиц командного и политического состава было тогда уволено из армии. Даже если допустить, что все они были потом репрессированы (но далеко не все — казнены), 33 тыс. и 1 млн 23 тыс. — величины разнопорядковые. Сталин отнюдь не считал, что репрессии такого масштаба кардинально ослабят Красную Армию перед грядущей войной, где нужны будут не десятки, а сотни тысяч офицеров. Вот высший комсостав, от комбригов до маршалов, диктатор почистил действительно капитально, истребив добрую половину. Но отнюдь не потому, что опасался их восстания в случае военного поражения. Воевать ведь собирались «малой кровью и на чужой территории». Зачистка нужна была в ожидании грядущей победы. Сталин очень хорошо знал историю революций и понимал, что Бонапарты рождаются из побед, а не из поражений. И Иосиф Виссарионович загодя избавился от неблагонадежных, которые, как он боялся, могли бы двинуть победоносные полки на Кремль. Другое дело, что вселенный 1937 годом страх лишил командиров самостоятельности и инициативы, и это аукнулось в 1941-м.

Безвозвратные потери офицеров советских сухопутных войск составили 973 тысячи. Если исключить из этой цифры сержантов и старшин, занимавших офицерские должности, а также потери 1945 г., то без-

возвратные потери офицеров советских сухопутных сил за 1941—1944 гг., за вычетом политического состава, в вермахте отсутствующего, а также лиц административного (интендантского) и юридического состава, у немцев представленного чиновниками, составят около 784 тысяч. Вот эти-то 784 тысячи и надо сопоставлять с 65,2 тысячами немецких потерь, приведенных у Мюллера-Гиллебранда. Получается соотношение 11,2:1. Оно близко к общему соотношению безвозвратных потерь армий СССР и Германии. Если же принять официальную цифру советских потерь, то получится, что в сухопутных войсках Красной Армии на одного погибшего офицера приходилось всего 8 рядовых. Выходит, что у нас отделениями (обычная численность одного отделения — 9 человек) командовали офицеры. Или что в Красной Армии в атаку бросались целые батальоны и полки, состоявшие из одних офицеров.

Кстати сказать, изредка такое у нас все же случалось. В частности, генерал Василий Гордов, командовавший 33-й армией, 4 сентября 1943 г. приказал командиру одной из своих дивизий, 173-й, полковнику Зайцеву:

«Дивизия второй день продолжает топтаться на месте, имея перед собой небольшие группы автоматчиков противника. Ваши заверения меня лично выполнить поставленную задачу оказались очередным обманом. Преступное топтание на месте и окрыление мелких групп автоматчиков врага (стиль у генерала замечательный — вероятно, в данном случае он имел в виду, что немецкие автоматчики окрылены сознанием того, что сдерживают целую советскую дивизию! — Б. С.) происходит потому, что ни Вы, как командир дивизии, ни Ваши командиры полков не понимают или явно не желают организовать бой... Требую... ..Весь офицерский состав поставить в боевые порядки и цепью пройти лес, назначив небольшие отряды для выкуривания автоматчиков из их гнезд... Лучше нам быть сегодня убитыми, чем не выполнить задачу. Поймите, этого требуют интересы нашего оружия» (РГАСПИ, ф. 83, оп. 1, д. 21, л. 123—125).

Чувствуется, что на генерала Гордова неизгладимое впечатление произвел кинофильм «Чапаев», особенно «психическая» атака офицерских рот. Да и «Слово о полку Игореве», судя по цитате, было ему хорошо знакомо. Но справедливости ради отмечу, что Ставка за эти художества вынесла генералу выговор и сняла с должности. Так что подобные «психические» офицерские атаки в Красной Армии остались редким исключением.

В германских сухопутных силах на Восточном фронте на одного погибшего или пропавшего без вести офицера приходилось в среднем 36 рядовых и унтер-офицеров. В немецкой действующей сухопутной армии это соотношение было немного меньше — 34 нижних чина на одного офицера. Нетрудно заметить, что оно близко к тому соотношению, которое существовало во взводе. Там одному офицеру подчинялось примерно 30 солдат, как в вермахте, так и в Красной Армии. Нет оснований думать, что соотношение солдат и офицеров в безвозвратных потерях принципиально отличалось на советской и на немецкой стороне. Теория, будто взводные командиры Красной Армии гибли гораздо чаще, чем подчиненные им солдаты, далека от истины. Говорят, что взводный поднимал людей в атаку, бежал впереди и первым получал вражескую пулю. Но не менее 80 процентов безвозвратных потерь во Второй мировой войне приходились на воздействие артиллерии и авиации, а снаряду все равно, солдат это или офицер, впереди он бежит или позади.

Если допустить, что в сухопутных войсках Красной Армии на одного погибшего офицера приходилось столько же рядовых, как и в вермахте, то общие потери советских сухопутных войск погибшими можно оценить астрономической цифрой 32 млн человек. Эта цифра кажется завышенной, поскольку несколько преувеличено число советских боевых офицеров — за счет части политработников батальонного и более высокого звена, аналогов которым в вермахте не было. Можно

пойти другим путем: распространить соотношение офицерских потерь на всю совокупность погибших на советско-германском фронте в 1941—1944 гг. в сухопутных войсках. Германские сухопутные силы потеряли здесь около 2 млн человек, а с учетом умерших в плену — около 2,3 млн человек. Тогда безвозвратные потери советских сухопутных сил, вместе с умершими в плену, можно оценить в 25,8 млн человек. С учетом же потерь 1945 г. и не менее 300 тыс. погибших в рядах ВВС, ВМФ и войск НКВД общие потери Красной Армии должны достигнуть 27—28 млн человек. Эти последние цифры близки к сделанной мной ранее оценке безвозвратных потерь Красной Армии. Она была основана на данных о помесечной динамике раненых за всю войну и на помесечных сведениях о безвозвратных потерях за 1942 г. Я также оценивал число умерших в плену красноармейцев в 4 млн. Общее же число погибших в рядах советских вооруженных сил оценивалось мной в 26,4 млн человек (точность здесь — плюс-минус пять миллионов). С учетом новой оценки цифра 26—27 млн погибших красноармейцев представляется мне вполне реальной. Это примерно в 10 раз меньше безвозвратных потерь вермахта (вместе с умершими в плену) на Востоке. С учетом потерь союзников Германии и тех советских граждан, которые служили в вермахте и СС, соотношение станет благоприятнее для нас — порядка 1:7—1:8. Добавив примерно 17 млн погибших и умерших мирных жителей, получим общее число безвозвратных советских военных потерь, которое, на мой взгляд, превышает 43 млн человек. Разумеется, точность здесь — тоже плюс-минус 5 миллионов. Но сегодня нет никаких шансов подсчитать число погибших с точностью хотя бы плюс-минус 100 тыс. человек, а тем более установить их всех поименно.

Да, немцев буквально закидали трупами. А будь население СССР тогда миллионов на 50—60 поменьше, мы вполне могли бы проиграть войну, несмотря на помощь западных союзников. Англия и США не только

поставляли нам дефицитное сырье, топливо и боевую технику по ленд-лизу. Союзная авиация уничтожила две трети люфтваффе и практически весь германский флот. И только после высадки союзников в Нормандии в июне 1944 г. произошел окончательный перелом и на Восточном фронте, где резко возросли немецкие потери пленными. Вермахт вынужден был перебросить на Запад несколько десятков дивизий, в том числе отборные танковые соединения СС. В результате немцы лишились резервов на Востоке и уменьшили здесь плотность обороны. Это привело к катастрофическим поражениям в Белоруссии, Польше и Румынии. Вот и Константин Симонов, после войны много работавший в архивах и беседовавший как с солдатами, так и с генералами, пришел к выводу, что для Красной Армии «решительный перелом в соотношении между потерями и результатами боев... наступает летом 1944 года».

Как во время Великой Отечественной войны, так и в послевоенные десятилетия, вплоть до сегодняшнего дня, цену войны власть стремится сделать тайной, спрятать за семью печатями.

Сегодня такой же тайной, в давних советских традициях, сделали вопрос о цене чеченской войны. Но и здесь случаются порой поразительные проговорки. Так, заместитель председателя комитета Думы по обороне Алексей Арбатов, человек, безусловно, компетентный и имеющий неформальные знакомства со многими высокопоставленными чинами военного ведомства, 24 апреля 2002 г. в интервью обозревателю радио «Свобода» Петру Вайлю заявил, дабы опровергнуть обвинения Совета Европы в массовых нарушениях федералами прав человека: «Мы за месяц теряем в Чечне больше, чем за все время израильско-палестинского конфликта на Ближнем Востоке погибло людей». Но к тому времени число жертв последнего израильско-палестинского конфликта, начавшегося в ноябре 2000 г., по самым скромным оценкам, уже превышало

2 тыс. погибших. Получается, что в Чечне в среднем в день гибнет до 60–70 российских военнослужащих, а в год — и все 20 тысяч.

Даже если А. Арбатов допустил некое преувеличение или взял, например, самый неудачный для нашей армии месяц, сам порядок потерь впечатляет. Не пора ли уходить из Чечни? Сегодняшняя Россия, в отличие от сталинского СССР, вряд ли способна завалить врага трупами, даже если речь идет о таком небольшом народе, как чеченский.

Казакевич, Богомолов, Солженицын...

От «Звезды» к «В августе сорок

четвертого...»

На майские праздники по двум программам одновременно демонстрировали новый российский блокбастер «Звезда» режиссера Николая Лебедева по повести Эммануила Казакевича «Звезда» и фильм Михаила Пташука «В августе сорок четвертого». Первый призван затмить американский кинобестселлер «Спасти рядового Райана», но далеко не дотягивает до него по постановочным эффектам. Второй же приятно пересматривать из-за блестящей игры Евгения Миронова и Александра Балуева, когда группу «Неман» «качают на косвенных». И мало кто знает, что «Звезда» имеет вполне реальную документальную основу, тогда как роман Владимира Богомолова, несмотря на свою кажущуюся документальность, является плодом фантазии, за исключением ряда бытовых деталей да данных об общем стратегическом положении.

Повесть Казакевича «Звезда» хотя и действительно основана на реальных событиях, но представляет собой героический миф. Как это часто бывает в истории Великой Отечественной войны, на самом деле все происходило с точностью до наоборот.

Майор Эммануил Казакевич, несмотря на сильную близорукость, гарантировавшую ему белый билет, в годы войны был командиром разведроты, потом — начальником разведки дивизии и помощником начальника разведки армии, стал кавалером 8 боевых орденов и медалей. И в основу повести положил реальные события: контрудар, который нанесла дивизия СС «Ви-

кинг» в Белоруссии, в районе Беловежской Пуши, в июле 1944 г. по войскам 65-й армии. Только в отличие от того, как он представлен у Казакевича, этот контрудар оказался а) успешным и б) абсолютно неожиданным для советского командования. Вот что пишет в своих мемуарах «В походах и боях» бывший командующий 65-й армией генерал армии Павел Батов: «Наступила ночь на 23 июля... В блиндаж почти вбежал полковник Никитин. Свет керосиновой лампы тускло освещал его лицо, и, может быть, потому оно казалось необычно бледным.

— Что случилось?

— Перехвачен радиоразговор командира пятой танковой дивизии СС «Викинг» Галла (в действительности — группенфюрера СС Герберта Гилле. — Б. С.) с командиром четвертой танковой Петцелем. Галл в Высоколитовске, Петцель в Бельске. Готовятся в четыре ноль-ноль нанести по нашим войскам встречные удары и соединиться в районе Клещелей.

Можно было ожидать чего угодно, только не этого. Никто не предполагал, что с севера, от Бельска, может назревать такая угроза. Это был просчет нашей разведки. Немцы верно оценили слабость нашего правого фланга.

Контрудар врага преследовал ограниченные цели — вывести высоколитовскую группировку на соединение с бельской. Чтобы ускорить решение этой задачи, генерал Галл открытым текстом по радио попросил командира 4-й немецкой танковой дивизии оказать ему помощь» (в повести Казакевича информацию о дивизии «Викинг» передает в эфир открытым текстом группа Травкина).

И своих целей немцы в тот раз достигли. Как признает П. Батов, уже к полудню следующего дня «стало ясно, что северной и южной немецким группировкам удастся соединиться... Врагу.. удалось вывести на Бельск часть боевой техники и штабы соединений». Суровая военная действительность была далека от оп-

тимистической концовки «Звезды»: «Важно было то, что сосредоточившаяся в этих лесах, чтобы нанести удар исподтишка по советским войскам, отборная дивизия с грозным именем «Викинг» обречена на гибель. И машины, и танки, и бронетранспортеры, и тот эсэсовец с грозно поблескивающим пенсне, и те немцы в подводе с живой свиньей, и все эти немцы вообще — жрущие, горланящие, загадившие окружающие леса, все эти гилле, мюлленкампы, гаргайсы, все эти карьеристы и каратели, вешатели и убийцы — идут по лесным дорогам прямо к своей гибели и смерть опускает уже на все эти пятнадцать тысяч голов свою карающую руку». Вероятно, Казакевич, которому крепко попало за то, что проморгал дивизию «Викинг», в повести заново переиграл в свою пользу сюжет действительности, наделив его, по законам героического мифа, совсем другим исходом.

Но еще интереснее, что между «Звездой» и «В августе сорок четвертого» существует прямая связь. Начальник капитана Алехина и его товарищей подполковник Поляков, бывший профессиональный литератор и журналист, близорукий интеллигент в очках и с характерным заиканием, имеет своим прототипом... Эммануила Казакевича. И сюжет «Звезды» в Богомоловском романе присутствует, но в перевернутом виде. У Казакевича — советская разведгруппа пытается найти и находит скрытно сосредоточенную для контрудара армию противника и ценой своей жизни передает бесценную информацию в Центр. У Богомолова — немецкая разведгруппа из бывших советских граждан ищет в тылу скрытно сосредоточенную для наступления танковую армию, но частью гибнет, частью попадает в плен и задачу не выполняет. Как у Казакевича разведчики убивают после допроса «языков»-немцев, чтобы не выдать себя, так у Богомолова немецкая разведгруппа убивает после пыток друга Таманцева Лешку Басоса, шофера Гусева и других. Советская разведгруппа — это три мушкетера — Алехин, Таманцев и Блинов, рыцари

без страха и упрека. А противостоящий им «Неман» — это их отражение в кривом зеркале, но отнюдь не карикатурное. Мищенко — двойник Алехина, «амбал» — Таманцева, лейтенант-радист — Блинова.

Но есть у «Августа сорок четвертого» еще одно литературное зеркало. Это — «Август четырнадцатого» Александра Солженицына, опубликованный на Западе незадолго до романа Богомолова. Солженицын рассказывал о бездарном, проигрышном наступлении русских армий на Восточную Пруссию в 1914-м. Богомолов — о блестяще подготовленном и успешном наступлении Красной Армии на Восточную Пруссию 30 лет спустя. Но полемика «Августом» не ограничивается. Богомолов заставляет Сталина лично брать на контроль дело «Немана». На самом деле подобных групп у немцев одновременно действовало десятки и сотни, в основном из пленных и перебежчиков. Такие группы засылали буквально тысячами. 90 процентов таких групп или сразу обезвреживались, или их члены являлись с повинной. Но немцы делали расчет на те несколько процентов, что уцелеют. И сведения о группе типа «Неман» дальше штаба армии никогда бы не пошли. Но Богомолову нужен был Сталин — чтобы опровергнуть того Сталина, который был у Солженицына в романе «В круте первом». Там Абакумов — жалкий и злобный, крик души которого: «Товарищ Сталин, верните нам смертную казнь!» А Сталин — мрачный диктатор, замышляющий мировую войну. У Богомолова Сталин — мудрый стратег, хорошо разбирающийся в военном деле, а жестокости — удел Берия и Меркулова, в каждом готовых видеть врага, неверно истолковывающих указания вождя. Абакумов же — самый мудрый из сталинских собеседников. У Солженицына смершевцы — палачи, более страшные своим офицерам и солдатам, чем немецким шпионам, мародеры, грабящие на сотни, тысячи, а сам Абакумов — на миллионы рублей. У Богомолова смершевцы — герои-молодцы, лихо расправляющиеся со шпионами, стреляю-

щие по-македонски (по свидетельству некоторых ветеранов, смершевцы зачастую вообще стрелять не умели). Книга оказалась идеологически очень полезной, оттого и очень охотно переиздавалась в советское время. При том, что книга — прекрасная, лучшее, что написал Богомолов, живо передающая быт войны, и без какой-либо неправды. А все равно рождает миф!

30 декабря, за день до Нового 2004 года, не стало Владимира Богомолова.

Он ушел в возрасте 77 лет. Всем нам писатель памятен своим великим романом «Момент истины» («В августе сорок четвертого...»), интерес к которому не ослабевает вот уже 30 лет и был недавно подогрет довольно удачной его экранизацией (хотя писателю она не понравилась). Фронтовику Богомолову очень органично удалось сочетать правду о войне с увлекательным детективным сюжетом и благородными героями в стиле трех мушкетеров. В советское время роман многократно переиздавался, получив официальное признание.

Действительно, на первый взгляд содержание «Момента истины» сводится к тому, что наши герои контрразведчики обезвреживают группу германских шпионов из числа предателей Родины. При этом показано, как хорошо воевала Красная Армия в августе 1944-го и как здорово работал Смерш. Но при внимательном чтении в романе обнаруживается скрытый подтекст, позволяющий предположить, что к советской власти Богомолов относился совсем не так положительно, как это казалось самой власти. Правду о войне — о громадных потерях Красной Армии, о страданиях мирного населения — мы узнаем исключительно из писем и упоминаемых событий. Все же, что относится к основному сюжету, в том числе и цитируемые секретные документы, от начала и до конца придуманы писате-

лем, сознательно гиперболизированы. Богомолов дает понять читателю, что перед ним — красивая сказка, имеющая не так уж много общего с действительностью.

Так, в документах упоминается 91-я армия, тогда как нумерация советских армий заканчивалась на 70. Масштаб чрезвычайной операции по поимке группы «Неман» впечатляет, но ничего такого не могло быть на самом деле. Не мог быть оснащен радиостанцией каждый пятый из 200 грузовиков, предназначенных для блокирования Шиловичского леса. Радиостанций остро не хватало, ими даже не все танки оснащались, а только командирские. Не могли все многочисленные команды для операции доставляться самолетами, да еще в течение суток, — для этого пришлось бы задействовать едва ли не всю транспортную авиацию. И совсем гротеском выглядит документ с жалобой на отсутствие котлового довольствия у служебных собак. Фантастичен и «немецкий Джеймс Бонд» Мищенко, который ухитряется одновременно служить Чан Кай-ши и японцам, люто враждовавшим друг с другом, и представлять одновременно все группировки эмиграции в Маньчжурии.

В то же время впечатляет картина расцвета частной торговли в западнобелорусской Лиде, причем по отношению к ней автор использует редкое в советской литературе слово «предпринимательство», хотя Таманцев и замечает провидчески, что скоро всю эту лавочку прикроют. Богомолов уважительно пишет о немцах, которые сотни верст несли, выходя из окружения, своих тяжелораненых товарищей. Герои романа с презрением говорят о власовцах, плюют на их трупы. Но эти «власовцы» одеты в эсэсовскую форму, а так экипировались обычно палачи из зондеркоманд, на две трети состоявших из советских граждан.

И наконец, последнее. В цитируемых в романе «документах» немало филиппик против бойцов польской Армии Крайовой, подчинявшейся польскому правительству в изгнании. Да и сами смершевцы отзываются

о них соответствующе (а разве могло быть по-другому?). Но при этом капитан Алехин с одобрением относится к тому, что у пани Гролинской открыто висит на стене портрет Пилсудского. А муж пани Гролинской, тюремный надзиратель, героически погиб в сентябре 1939-го, бросившись с гранатой под немецкий танк. Богомоллов заставил его погибнуть тогда, похоже, прекрасно понимая, что в советском плену пана Гролинского ждала Катынь (точнее, поселок Медное в Тверской области, где расстреливали польских полицейских и тюремщиков).

Посмотрел фильм «Штрафбат». Очень хороший фильм. Этакая злая, страшная сказка про войну. Нас прежде усиленно пичкали добрыми пропагандистскими сказками, теперь пришел черед сказкам страшным, хорошо поставленным и блистательно разыгранным популярными актерами.

Сначала хочу рассказать, как обстояло дело со штрафниками в действительности. Все командиры и комиссары (эта должность существовала до отмены института комиссаров в октябре 1942 г., затем вместо них появились замполиты) назначались не из штрафников, а из кадровых офицеров, так что штрафник Твердохлебов никак не мог командовать батальоном штрафников (а в последней серии — даже бригадой). Кстати, то, что главный герой единственный остается в живых, создает потенциальную основу для «Штрафбата-2».

Положение о штрафных частях было утверждено заместителем наркома обороны Г. К. Жуковым 26 сентября 1942 г. Тогда же и начали реально формироваться штрафные батальоны и роты. Срок пребывания — от 1 до 3 месяцев. В батальон направлял командир дивизии или бригады, в роты — командир полка. В батальоне было 800 человек, в роте — 150–200. В батальоны направляли проштрафившихся офицеров, в роты — рядовых и сержантов. Они лишались всех званий и наград, получая новое звание — рядовой штрафной роты (или батальона). После трехмесячного пребывания

в штрафбате, или боевого ранения, или подвига, удостоенного правительственной награды, судимость с них снималась, им возвращались прежние звания и награды и они направлялись обратно в свои части. То, что рядовой штрафбата Савелий Цукерман, будучи дважды раненым, все равно возвращается в свой штрафбат, — чистая фантастика. Но режиссеру важна была идея, что на протяжении фильма ни один из штрафников так и не покидает ряды своего батальона иначе, как в случае смерти. Это должно символизировать обреченность героев.

Согласно положению о штрафных батальонах и ротах действующей армии, командир и военный комиссар батальона пользовались по отношению к штрафникам властью командира и комиссара дивизии, то есть могли расстреливать на месте за неисполнение приказа или представлять к награде и проводить награждения.

Командир и комиссар отдельной армейской штрафной роты пользовались властью командира и комиссара полка. Кроме кадровых офицеров в штрафные части командовать отделениями назначались сержанты из кадрового состава армии. Однако на должности командиров отделений (но не офицерские) могли назначаться и сами штрафники, которые тогда получали звание ефрейтора или сержанта, оставаясь при этом штрафниками.

Всему постоянному составу штрафных частей сроки выслуги в званиях по сравнению с командным, политическим и начальствующим составом строевых частей действующей армии сокращались наполовину. Кроме того, каждый месяц службы в постоянном составе штрафной части засчитывался при назначении пенсии за шесть месяцев.

К примеру, среднемесячные потери переменного состава за 1944 г. составили 10 506 человек, постоянно — 3685 человек. Это, кстати сказать, доказывает значительный недоучет потерь переменного состава, то есть собственно штрафников. Ведь переменного

состава в штрафной роте или батальоне было не в три раза больше, чем постоянного состава, а больше раз в десять. Просто потери кадровых офицеров и сержантов штрафных частей считали более или менее точно, а потери штрафников — как бог на душу положит.

Штрафные части Красной Армии, созданные по приказу № 227, существовали с сентября 1942 по май 1945 г. Согласно архивным отчетно-статистическим документам, численность их переменного состава (штрафников) ежегодно составляла:

1942 г. — 24 993

1943 г. — 177 694

1944 г. — 143 457

1945 г. — 81 766

Всего — 427 910

Таким образом, через штрафные батальоны и роты, составленные из солдат и офицеров действующей армии, за всю войну, по официальным данным, прошло около 428 тыс. человек. Однако эти оценки выглядят заниженными. Кроме того, сюда не вошли штрафники из числа бывших заключенных. Они появились даже раньше, чем, так сказать, «официальные штрафники». Маршал Рокоссовский писал в мемуарах, как к нему на Брянский фронт прибыла бригада, состоявшая из бывших заключенных, еще в июле 1942 г. Как спокойно пишет маршал, использовалась эта бригада почти исключительно для разведки боем, то есть практически бросалась на убой. С учетом штрафников-зэков специалисты Института военной истории оценили общее число штрафников в 1,5 млн человек, но, возможно, и эта цифра занижена. Сколько именно штрафников погибло, неизвестно до сих пор, но, учитывая, что, по моей оценке, общее число погибших среди всех призывников составляет не менее 60 процентов, штрафников должно было погибнуть никак не менее двух третей. Отмечу еще, что практически на положении штрафников находились призывники с оккупиро-

ванных территорий. Их считали виноватыми уже тем, что они жили под немцем. Необмундированными и невооруженными, их бросали на неподавленную систему обороны противника. Эти истребительные атаки хорошо описаны в документах и литературе. Существовали также так называемые штурмовые батальоны, куда направляли освобожденных из плена офицеров, разжалованных в рядовые. Их положение мало отличалось от штрафников, но штрафниками они не считались.

В 1944 г. общее количество штрафных батальонов на всех фронтах Красной Армии колебалось от 15 (в январе) до 8 (в мае), а среднемесячное их число в этом году равнялось 11, при этом среднемесячная численность штрафников в одном батальоне составляла около 226 человек; общее количество штрафных рот во всех армиях колебалось от 199 (в апреле) до 301 (в сентябре), а среднемесячное число рот составляло 243, при этом среднемесячная численность штрафников в одной роте составляла 102 человека; общие потери личного состава (убитые, умершие, раненые и заболевшие) всех штрафных частей за год (нарастающим итогом) составили 170 298 человек постоянного состава и штрафников (кстати, за 1944 г. общая численность штрафников показана в 143 457 человек; даже если добавить сюда постоянный состав, получится, что личный состав штрафбатов выбыл из строя полностью, — скорее всего, просто сильно занижена общая численность штрафников); среднемесячные потери постоянного и переменного личного состава всех штрафных частей за год составили 14 191 человек, или 52 процента от среднемесячной их численности (27 326 чел.). Это в 3–6 раз больше, чем официальные среднемесячные потери личного состава в обычных войсках в тех же наступательных операциях 1944 г. Но поскольку эти потери (в части безвозвратных) явно занижены раза в три, можно предположить, что потери штрафников на самом деле не так уж сильно отличались от потерь обычных армейских частей. Характерно, что численность

штрафных рот была на порядок больше, чем численность штрафных батальонов, тогда как в армии численность солдат, из которых и комплектовались штрафные роты, была на порядок выше, чем офицеров, и правонарушения они поэтому должны были совершать гораздо чаще. Но загадка разрешается просто. Солдаты были для командования расходным материалом в чистом виде. И за серьезную провинность их предпочитали расстреливать, а в штрафную роту отправляли лишь в качестве своеобразной милости — как замену расстрелу. Офицеров же ценили больше и зачастую их предпочитали не расстреливать за те же проступки, за которые безжалостно расстреливали рядовых, а отправляли в штрафбат, чтобы дать им шанс искупить вину и уцелеть.

В фильме Николая Досталя есть еще целый ряд условностей. Освобожденные из лагерей уголовники попадали в штрафные части, но никогда не могли оказаться в одном батальоне или роте с разжалованными офицерами или красноармейцами. А вот политических заключенных (то есть осужденных по 58-й статье) в штрафные части не посылали никогда, как неблагонадежных. Кстати, никогда не попадали в штрафбаты «особисты»-смершесцы. Если трибунал не присуждал их к расстрелу, то людей Абакумова отправляли в тыл — в лагерь или в тюрьму. «Особистов» считали носителями особо важных государственных секретов и в штрафбаты не посылали (да и не провинившихся «особистов» на передовую тоже не посылали, поэтому случай в фильме с майором Харченко и его подчиненными в реальности не мог иметь места). И уж штрафники были бы последними, кому поручили бы прочесывать освобожденный от немцев город в поисках власовцев и других пособников. Но режиссеру важно было ввести в фильм власовскую тему, и ее ввели, может быть несколько неуклюжим образом.

Между прочим, до августа 1943 г. трибуналы порой направляли в штрафные части и женщин, но потом

Наркомюст издал секретную директиву, признавшую такую практику ошибочной.

Все это наверняка знали автор сценария Эдуард Володарский и режиссер Николай Досталь, документы-то они читали. Неслучайно в конце фильма приводится список штрафных частей Красной Армии. Но создатели фильма сознательно пошли на условность, сведя в одном штрафбате и разжалованных солдат и офицеров, и освобожденных, и политических, и даже православного священника, открыто проповедующего слово Божье (в реальности бы его проповедь продлилась не больше получаса — до тех пор, пока не стукнули в Смерш). Штрафбат — это как бы модель всей России в миниатюре. И в фильме правильно показано, что власть рассматривала весь народ как пушечное мясо и победа была достигнута этими людьми — одновременно и сильными и слабыми. Сильными — потому что сражались в нечеловеческих условиях, слабыми — потому что допустили, что с ними так обходились.

В заключение отмечу для любопытствующих еще ряд неточностей (или условностей) в фильме. Вор-законник, которого играет Юрий Степанов, похудевший для этой роли на тридцать с лишним килограммов, вспоминает, как в прошлом зарезал при ограблении кассира. Для настоящего законника такое сделать за падло. Вор в законе не должен проливать кровь. Для этого есть шестерки. В одном из боев штрафникам из резерва армии придают батарею «сорокопятки». Но дело происходит в 1943 г. Тогда даже в резерве дивизии были уже 76-мм орудия. 45-мм пушки уже были почти бесполезны, так как не пробивали броню модернизированных немецких танков. Но именно «сорокопятка» сохранилась в народной памяти как пушка, которая спасала пехоту от вражеских танков в тяжелейших 1941-м и 1942-м, поэтому сценарист и режиссер и ввели ее в свой фильм. Кстати, у немцев, в свою очередь, вообще не было отдельных танковых полков, а потому они никак не могли находиться в резерве ар-

мии. Также миф — весь эпизод с продовольственным складом, в попытке захватить который бессмысленно гибнут штрафники. Мало кто знает, что немецкая армия на Восточном фронте очень плохо снабжалась продовольствием, потому солдаты и подметали в деревнях всех кур и все яйца, а кружок копченой колбасы шел как деликатес (об этом и Манштейн в мемуарах пишет). Так что никак не могло немецкое командование забыть о стратегическом продовольственном складе — для нужд всей группы армий «Центр». И не могли там храниться ром и другие деликатесы, и уж тем более не могли там сохраниться сосиски — за два года они бы давно протухли. Но Володарскому и Досталою важно было показать дьявольское искушение материальными благами, и символом такого искушения стал огромный склад продуктов на нейтральной полосе. Недаром ведет штрафников к складу «особист» Харченко, которого в фильме прямо сравнивают с чертом.

1 августа 1944 г., 60 лет тому назад, началось Варшавское восстание, направленное против немецких оккупантов и организованное подпольной Армией Крайовой (Армией Родины), подчинявшейся польскому правительству в изгнании в Лондоне. Еще 20 июля это правительство отдало приказ отрядам Армии Крайовой во взаимодействии с Красной Армией освобождать польские города и провозглашать там власть польского правительства в изгнании. Когда советские войска захватили два плацдарма за Вислой, Сандомирский и Мангушевский, командование АК сочло момент подходящим для начала восстания. Тем более что московское радио обратилось к варшавянам с призывом восстать против немцев. Немцам удалось удержать мосты через Вислу, но бóльшая часть Варшавы оказалась в руках восставших, поддержанных горожанами. Однако советское наступление не началось. Армия Крайова была мощной силой. В ее отрядах насчитывалось 350 тыс. солдат и офицеров, из которых в боях в Варшаве участвовало от 40 до 50 тыс. человек. Однако оружия у варшавских повстанцев было очень мало — около 2,5 тыс. винтовок, около 600 пистолетов-пулеметов, 40 станковых и 130 ручных пулеметов, порядка 3 тыс. пистолетов, от 15 до 50 противотанковых ружей и от 25 до 50 тыс. гранат. Немецкий же гарнизон располагал танками и артиллерией и мог рассчитывать на поддержку авиации.

В Кремле, похоже, не вполне адекватно оценивали положение в Польше и рассчитывали, что в ходе вос-

станции в Варшаве ведущую роль будет играть находившаяся под влиянием коммунистов Армия Людова (Народная армия). На Варшавское восстание делали расчет еще при планировании операций Красной Армии. В книге Джона Эриксона «Дорога на Берлин» (Erickson J. The Road to Berlin. Boulder (Colorado): Westview Press, 1983) приведено представленное начальником отдела «Иностранные армии — Восток» Рейнхардом Геленом в Генштаб 3 мая 1944 г. донесение неизвестного агента о том, что в советской Ставке под председательством Сталина будто бы еще в конце марта обсуждались два варианта летнего советского наступления. Первый предусматривал главный удар в районе Львов — Ковель с одновременной атакой на Варшаву. Согласно второму варианту, который в результате и был принят, главный удар наносился в направлении Балтики, причем в ходе его планировалось овладеть Варшавой, где ожидалось антинемецкое восстание поляков. Вспомогательный же удар планировался южнее, в направлении на Львов. Нетрудно убедиться, что именно так и действовали советские войска летом 1944 г., когда основное наступление — знаменитая операция «Багратион» привела к разгрому группы армий «Центр» в Белоруссии и Литве и вывела Красную Армию к Висле у Варшавы и к балтийскому побережью на подступах к Восточной Пруссии. Вспомогательный же удар на Львов позволил занять Восточную Галицию и овладеть Сандомирским плацдармом за Вислой. Гитлер не стал отводить заблаговременно войска с «белорусского балкона». Иначе Красная Армия была бы на Буге, а то и на Висле уже в мае 1944 г., а фюрер стремился всячески затянуть войну.

Когда выяснилось, что ведущую роль среди варшавских повстанцев играет Армия Крайова, а немногочисленные отряды Армии Людовой вынуждены ей подчиняться и не могут играть какой-либо самостоятельной роли, Сталину как-то расхотелось быстро брать Варшаву. Еще 30 июля в Москву прибыл премьер польского

правительства в изгнании Станислав Миколайчик. СССР разорвал отношения с его правительством еще в апреле 1943 г. после раскрытия немцами советского преступления в Катыни. Во время двух бесед со Сталиным, 3 и 9 августа, Миколайчику было предложено объединиться с просоветским Польским комитетом Национального освобождения, созданным в занятом Красной Армией Люблине 20 июля 1944 г. Там преобладали коммунисты. После того как Миколайчик отверг предложение подчиниться ПКНО, судьба варшавских повстанцев была решена. Сталин не хотел создавать себе дополнительную политическую проблему, столкнувшись в освобожденной Варшаве с польской властью и армией, не питавшей никаких симпатий к коммунистам и признаваемой западными союзниками — Англией и США.

Советские историки объясняют неудачу восстания тем, что немцы, сосредоточив у Варшавы пять танковых дивизий, смогли остановить советское наступление с завислинских плацдармов и потеснить части Красной Армии к Висле. При этом намеренно забывают, что уже в середине августа все эти пять дивизий отправились на север, чтобы прорубить коридор и восстановить сухопутную связь между группами армий «Север» и «Центр». Операция началась 16 августа, и к концу месяца немцам удалось оттеснить советские войска с балтийского побережья и восстановить сухопутные коммуникации с группой армий «Север». Но эта операция теряла смысл в случае советского наступления на Варшаву. Ослабленные немецкие силы не смогли бы его сдержать, а тем более удержать на севере фронт от Латвии до Одера. Однако войска 1-го Белорусского фронта на Висле не сдвинулись с места, пока немецкая 3-я танковая армия пробивалась к Балтийскому морю у Тукумса. Вместо наступления на Висле 21 августа началось советское наступление в Румынии. Сталин не торопился заканчивать войну с Германией. Прежде надо было обеспечить себе политический кон-

троль над Польшей и Балканами. В результате группы армий «Север» и «Центр» вновь на короткое время соединились. Эта операция теряла бы смысл, если бы Красная Армия начала наступление у Варшавы. Тогда немецким войскам, скорее всего, пришлось бы откатиться к Одеру. В этом случае прибалтийский коридор удержать не было бы никакой возможности. Зато время окончания войны наверняка бы приблизилось. Но Сталин предпочел затянуть войну на несколько месяцев, чем допустить возможность, что Варшава окажется под контролем вооруженных сил не признаваемого им польского правительства.

Немцы вряд ли рискнули бы так оголить фронт под Варшавой ради довольно второстепенной операции, если бы не были уверены в том, что советские войска под Варшавой не сдвинутся с места. Вероятно, они получили от своей агентуры данные о какого-то рода «стоп-приказе», отданном Сталиным советским фронтам, стоявшим под Варшавой. Этот приказ в российских архивах до сих пор не обнаружен, возможно потому, что отечественные историки не слишком стремились найти его. Не исключено, конечно, что впоследствии этот приказ был уничтожен или что он вообще отдавался Сталиным в устной форме — непосредственно начальнику Генштаба Василевскому и командующим 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами. Тем не менее ход событий можно объяснить только исходя из предположения, что «стоп-приказ» существовал. Характерно, что 26 августа 1944 г. командующий 1-м Белорусским фронтом маршал Константин Рокоссовский уверенно говорил англо-американскому журналисту Александру Верту, что Варшавское восстание — «это была грубая ошибка. Повстанцы начали его на собственный страх и риск, не проконсультировавшись с нами». А как же, интересно, они могли проконсультироваться, если польское правительство в изгнании не признавалось Москвой? На прямой же вопрос корреспондента, как же быть с передачей мос-

ковского радио, прямо призывавшей варшавян к восстанию, маршал пренебрежительно заметил: «Ну, это были обычные разговоры». Правда, маршал признал, что рассчитывал взять Варшаву, если бы не неожиданно сильная немецкая танковая контратака, но ничего не сказал насчет того, что в момент беседы с Вертом немецких танковых дивизий давно уже не было под Варшавой. Они дрались в Прибалтике, что было известно фронтовой разведке. Не стал говорить Рокоссовский и о том, что еще 8 августа он вместе с маршалом Жуковым предложил план операции по освобождению Варшавы, которую можно было начать 25 августа. Однако Сталин так и не отдал приказ на ее проведение. 12 августа было опубликовано заявление ТАСС, в котором советская сторона полностью снимала с себя ответственность за судьбу варшавских повстанцев. Вероятно, к этому времени советским войскам уже было приказано остановиться на Висле. А 16 августа Сталин направил письмо Миколайчику, где охарактеризовал восстание в Варшаве как «легкомысленную авантюру, вызвавшую бесцельные жертвы населения». После этого Рокоссовскому оставалось только повторить сталинскую оценку.

А ведь советское наступление в тот момент, несомненно, привело бы к краху немецкой обороны на Висле. Немецкий генерал Курт Типпельскирх в «Истории Второй мировой войны» (М.: Издательство «Историческое», 1956) признавался: «Вначале успехи польских повстанцев были ошеломляющими: большинство немецких военных и гражданских учреждений, находившихся в этом крупном городе, были отрезаны от внешнего мира; вокзалы заняты повстанцами, располагавшими минометами, 20-мм зенитными пушками и противотанковыми средствами (по большей части захваченными у немцев. — Б. С.); магистрали города блокированы. Лишь мосты через Вислу удалось удержать. Если бы русские продолжали атаковать предместное укрепление, положение немецких войск в городе стало бы без-

надежным». Но политические соображения оказались для Сталина важнее чисто военных.

Лишь в середине сентября была предпринята во многом демонстративная акция находившейся под советским контролем 1-й польской армии. 14 сентября она захватила Прагу. В это время советские самолеты наконец начали сбрасывать грузы повстанцам. Однако десант, высаженный 1-й польской армией за Вислой, завершился к 23 сентября полной неудачей, в том числе и потому, что был предпринят слишком незначительными силами, он лишь должен был обозначить, что были попытки помочь повстанцам. Из 2614 бойцов, переправившихся в Варшаву, было убито 1987 и ранено 289. Кроме того, на пражском берегу погибли 310 и были ранены 1178 солдат и офицеров 1-й польской армии.

Дальнейшее известно. Лишенные поддержки, отряды Армии Крайовой в Варшаве 3 октября 1944 г. капитулировали, выговорив себе статус военнопленных. В боях с гораздо лучше вооруженными частями вермахта и СС погибли десятки тысяч варшавян (по некоторым оценкам — до 40 тыс.), а также около 16 тыс. бойцов Армии Крайовой. Еще 25 тыс. варшавян было ранено. Немцы потеряли убитыми 17 тыс. солдат и офицеров, еще 9 тыс. было ранено и 2 тыс. попало в плен к повстанцам. Было уничтожено и повреждено более 200 немецких танков и штурмовых орудий. По-рой говорят о 200 тыс. погибших среди восставших, но эта цифра кажется преувеличенной. В последнем номере «Информационного бюллетеня» повстанцев, вышедшем 4 октября, в первый из двух дней, отведенных на капитуляцию, говорилось:

«Борьба закончилась. Завершился более чем двухмесячный период одной из самых возвышенных и трагических страниц нашей истории... Счет наших потерь и выигрышей, заслуг и ошибок, жертв и завоеванных ценностей мы должны передать истории... Поражение, размеров которого мы не хотим преуменьшать, — это поражение одно-

го города, одного этапа нашей борьбы за свободу... Оно не является поражением нашего народа, наших планов и исторических идеалов».

По соглашению о капитуляции немцы обещали, что к жителям Варшавы не будет применяться принцип «коллективной ответственности» за восстание. Этот пункт соглашения был сразу же нарушен. После подавления восстания по приказу Гитлера немцы почти полностью сровняли Варшаву с землей. 50 тыс. жителей депортировали в концентрационные лагеря, а 150 тыс. — на принудительные работы в Германию. Руководивший расправой над Варшавой обергруппенфюрер СС Эрих фон дер Бах-Зелевски за эти и другие преступления был впоследствии приговорен к пожизненному заключению.

Западные союзники в силу очевидных географических и стратегических причин могли оказать только очень ограниченную помощь варшавским повстанцам. Американские и английские тяжелые транспортные самолеты с баз в Италии летали к Варшаве и сбрасывали восставшим продовольствие, вооружение и боеприпасы. Однако они достигали польской столицы лишь на пределе своего радиуса действия и могли оставаться в небе над Варшавой считанные минуты. Грузы сбрасывались очень не прицельно, и больше половины из них так и не дошло до повстанцев, частью попав в руки немцев. Тем более и речи не могло идти о каком-либо англо-американском десанте в Варшаву. На просьбу Рузвельта и Черчилля разрешить англо-американским самолетам приземляться после рейдов к Варшаве на советских аэродромах на польской территории, уже занятой Красной Армией, что значительно увеличило бы их возможности помочь восстанию, Сталин ответил решительным отказом. 16 августа генералиссимус писал Черчиллю:

Этого бы не произошло, если бы советское командование было заранее информировано и поляки поддерживали с ним контакт. Советское командование должно отмежеваться от варшавской акции, так как не может нести за нее ни прямой, ни косвенной ответственности».

Сегодня польские политики если и упрекают западных союзников, то лишь за то, что они отдали Польшу в советскую сферу влияния. Это было окончательно закреплено соглашениями в Ялте в феврале 1945-го, но фактически было predetermined еще в Тегеране в конце 1943 г., и сомнений насчет этого ни у Черчилля, ни у Рузвельта в период Варшавского восстания не возникало. Упрек, вероятно, справедлив, но в конкретных геополитических условиях 1944–1945 гг. у западных лидеров вряд ли был иной выбор. Даже в случае внезапного и быстрого краха германского сопротивления у английской и американской армий все равно не было никакой возможности предотвратить советскую оккупацию Польши.

Трагический парадокс заключался в том, что судьба 15–20 тыс. варшавских повстанцев, попавших в немецкий плен, была счастливее, чем судьба тех бойцов АК, которым пришлось иметь дело с Красной Армией. Большинство тех, кто был в плену у немцев, после войны эмигрировали на Запад, в том числе командующий АК генерал Тадеуш Бур-Комаровский, а некоторые вернулись в Польшу. Отряды же Армии Крайовой, например, совместно с советскими войсками освободившие в июле 1944 г. Вильно (Вильнюс) от немцев, сразу же после освобождения города были разоружены. Многих офицеров расстреляли, а солдат отправили в лагеря. Такова была судьба и других частей АК, рискнувших выполнить приказ из Лондона об осуществлении плана «Буря» — плана взаимодействия с Красной Армией и участвовавших в боях против немцев в районе Львова и на Волыни.

Российское правительство до сих пор отказывается признать советскую ответственность за поражение

Варшавского восстания и за необоснованные репрессии против Армии Крайовой и отказаться от сталинского наследия в этом вопросе. Слишком многие российские политики, в том числе на самом верху, ностальгируют по тем временам, когда Польша была советским сателлитом. Может быть, стоит признать вину хотя бы в дни 60-летнего юбилея восстания в Варшаве? Такой шаг, безусловно, способствовал бы росту доверия между народами наших двух стран.

Президент Путин по случаю 60-летия Варшавского восстания выступил с обращением к его ветеранам. Он, в частности, заявил: «Это восстание, героическая борьба польских патриотов в годы Второй мировой войны стали важным вкладом в нашу общую Победу. Сегодня мы отдаем дань уважения героям польского Сопrotивления. Мужество и самоотверженность миллионов верных сыновей и дочерей Польши, сражавшихся с нацизмом, навсегда сохранятся в памяти россиян».

Очень хорошо, что сегодня российская сторона воздает дань мужеству варшавских повстанцев и не повторяет кощунственных слов о «легкомысленной авантюре», являвшейся официальной позицией советских времен. Однако места для извинения за действия Сталина, обречшего повстанцев на гибель и плен, в обращении российского президента, к сожалению, не нашлось. Поэтому Путин, наверное, и не поехал в Варшаву, упустив шанс для исторического примирения. А германский канцлер Герхард Шредер таким шансом воспользовался сполна. В польской столице он нашел в себе мужество извиниться за преступления немцев в Варшаве. Может быть, нам тоже стоит извиниться за преступления, совершавшиеся советскими карательными органами против бойцов Армии Крайовой?

При подготовке этой статьи использована работа профессора Эугениуша Дурачиньского «Варшавское восстание» (в кн.: Другая война 1939–1945. М.: РГГУ, 1996)

Российские и советские военные

подвиги в Первой мировой и Великой

Отечественной войне: от мифов войны

к мифам литературы¹²⁴

В России в XX веке военная мифология была связана главным образом с двумя мировыми войнами. При этом между мифами Первой мировой и Великой Отечественной существует принципиальная разница. В 1914–1917 гг. российская пропаганда акцентировала внимание на подвигах солдат и офицеров, которые спасали раненых товарищей или уничтожали неприятельских военнослужащих, оставаясь при этом в живых. Напротив, в 1941–1945 гг. советская пропаганда делала упор на те подвиги, когда красноармейцы ценой своей жизни уничтожали врагов или обеспечивали успех своим товарищам. Для периода Первой мировой войны нами взяты материалы о мифологизированных героических поступках — подвиге донского казака Кузьмы Крючкова, летчика Петра Нестерова и некоторых других, отразившихся также и в художественных произведениях, в частности в романе Михаила Шолохова «Тихий Дон». Для Великой Отечественной войны мы рассмотрим в качестве образцов жертвенных мифов подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев во главе с политруком Василием Клочковым у разъезда Дубосеково под Москвой 16 ноября 1941 г., подвиг пяти моряков-севастопольцев во главе с политруком Николаем Фильченковым у селения Дуванкой 7 ноября 1941 г. и подвиг рядового Александра Матросова у деревни Чернушки недалеко от Великих Лук 23 февраля 1943 г. Их критический анализ приводит к выводу, что всех этих подвигов либо вовсе не было в действительности, либо про-

исходили они совсем не так, как гласит официальная патриотическая традиция. При этом прослеживается трансформация мифов первых двух подвигов в художественной литературе — в очерке Александра Кривицкого «О 28 павших героях», поэме Николая Тихонова «Слово о 28 гвардейцах» и рассказе Андрея Платонова «Одухотворенные люди». Советские героические мифы сравниваются также с немецкими героическими мифами Второй мировой войны.

Все три выбранные нами жертвенных мифа характерны еще и тем, что позволяют установить истинный ход событий. В случае с 28 гвардейцами-панфиловцами подлинные обстоятельства боя у разъезда Дубосеково оказывается возможным выяснить благодаря материалам следствия по делу одного из участников. Подвиги же пяти моряков-севастопольцев и Александра Матросова в их официальной трактовке не выдерживают критики с точки зрения здравого смысла, законов природы и некоторых твердо установленных фактов, связанных с боевыми действиями в Крыму в ноябре 1941 г. и в районе деревни Чернушки в феврале 1943 г.

1. РОССИЙСКИЕ ГЕРОИЧЕСКИЕ МИФЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ОТ ЛУБКА К ПРАВДЕ

Обращение к опыту Первой мировой войны опровергает расхожее мнение об «исконной жертвенности» русского народа. Тогда в России пропагандировали главным образом подвиги тех офицеров и солдат, которые сумели нанести большой урон врагу, а сами при этом смогли остаться в живых. Вот, например, брошюра «Славянский герой генерал Радко Дмитриев и славные русские герои Великой войны с Германией и Австрией», выпущенная в Москве в 1914 г. Здесь наряду с генералами Радко Дмитриевым и Николаем Рузским, умело руководившими действиями своих войск, упомянуты полковник Лопухин, мужественно пережив-

ший гибель сына, казак Кузьма Крючков и корнет Кобелянский, уничтожившие по несколько неприятельских кавалеристов, поручик Лавин, взявший в плен 3 австрийских офицеров и 16 солдат, рядовой Давид Выжимок, вынесший с поля боя тяжело раненного офицера, пулеметчик Максим Кашеваров, уничтоживший чуть ли не целый немецкий полк, некий пожилой солдат-поляк, захвативший в плен 50 человек, 15-летний мальчик Володя Лукошников, добровольно пошедший на фронт, и т. п.

Единственный известный пример подвига Первой мировой войны, связанного с самопожертвованием, — это воздушный таран, осуществленный знаменитым летчиком Петром Николаевичем Нестеровым. Причина особой популяризации этого подвига заключается в широкой известности Нестерова, еще до войны превратившегося почти в культовую фигуру основоположника высшего пилотажа в России. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что сам Нестеров, совершая таран, надеялся уцелеть и не собирался уничтожать вражеский самолет ценой собственной жизни. В «Акте расследования по обстоятельствам геройской кончины начальника 11-го корпусного авиационного отряда штабс-капитана Нестерова» подчеркивалось: «Штабс-капитан Нестеров уже давно выражал мнение, что является возможным сбить неприятельский воздушный аппарат ударами сверху колесами собственной машины по поддерживающим поверхностям неприятельского аппарата, причем допускал возможность благополучного исхода для таранящего летчика»¹²⁵.

Из всех героев Первой мировой войны наибольшую известность приобрел донской казак Кузьма Крючков, первым удостоенный знака отличия Георгиевского креста («солдатского Георгия»). Вот стандартное описание его подвига: «Пруссаки, ничего не подозревая, постепенно приближались к засаде. Лишь только неприятель приблизился на ружейный выстрел, казаки открыли по нему огонь. Прусский офицер остановился

и что-то скомандовал своему отряду, и отряд стал удаляться. Быстро вскочив на своих коней, Крючков и товарищи выскочили из засады и бросились за неприятелем.

Крючков скорее всех настиг пруссаков и врезался в неприятельский отряд, размахивая шашкой. Пруссаки окружили храбреца, и к нему с шашкой мчался прусский офицер, готовясь нанести удар. Один из подоспевших в тот момент товарищей Крюčkова, заметив это, выстрелил и свалил офицера.

Крючков же, вложив шашку в ножны и выхватив винтовку, хотел выстрелить в неприятельского унтер-офицера, но тот ударом шашки рассек ему руку, и у Крюčkова выпала винтовка. Снова выхватив шашку, Крючков рассек своему сопернику шею.

Едва успел Крючков разделаться с одним, на него бросились два пруссака с пиками наперевес, намереваясь вышибить его из седла. Снова вложив шашку, Крючков быстро схватил обе пики руками и сильно рванул на себя. Оба пруссака свалились на землю, а он, вооружившись неприятельской пикой, бросился на остальных немцев.

Скоро справились и с остальными, и из 27 человек немцев лишь трое успели ускакать, а 24 были убиты и ранены. Крючков, в самом начале боя получивший рану в руку, получил всего 16 ран в себя и 11 в лошадь (любопытно, что сумма ран, полученных Крючковым и его конем, равна общему количеству немцев, будто бы сражавшихся с отрядом Крюčkова; данное обстоятельство может служить доказательством вымышленности всех этих цифр; вероятнее всего, такое совпадение произошло подсознательно. — Б. С.), один свалив одиннадцать человек немцев. За этот подвиг Кузьма Крючков награжден знаком отличия военного ордена первой степени (т. е. вне очереди, без получения трех предыдущих степеней. — Б. С.)»¹²⁶.

Подвиг Крюčkова отразился и в поэтических произведениях. В былине Владимира Вишнякова¹²⁷ памят-

ный бой казаков Крючкова, Астахова, Иванькова и Щеголькова с отрядом прусских драгун описывался следующим образом:

В одной из первых стычек немцы пали,
Сраженные отважным казаком,
Вторым Ильею Муромцем. Лежат,
Распластанные на земле ничком,
Одни — пробитые казачьей пикой,
Другие же — немецкою, отнятой
У одного из них во время боя. Лихо
Крючков врубился в гущу толстопятых,
Опередив товарищей. С налету
Он их колот, чтоб впредь не воевали.
11 немцев положил он точным счетом,
И все б двенадцать у него под пикою лежали,
Да немцы вовремя от наших ускакали.

Запели в полночь петухи протяжно.
Зашевелились немцы, стали все рядком,
Взяв руки в бок, и важно
Разговорились об обиде, казаком им нанесенной.
« — Страм, и только!
Всех нас побил один донской казак».
« — Он был один, а нас побито сколько!»
« — С позором помириться нам нельзя никак!
Гут, гут, яволь». — И тут же порешили,
Что раз одиннадцать на одного убито казаком,
То впредь, чтоб русского осилить,
На одного не всемером,
А всем одиннадцать ходить гуртом».

Вторая же часть былины посвящена казначею Соколову, при вступлении немцев в Калиш уничтожившему кредитные билеты и за это расстрелянному оккупантам. Этот подвиг-миф нельзя, однако, считать проявлением специфического жертвенного менталитета русских. В годы войны пропаганда всех стран прославляла подвиги гражданских лиц, казненных неприятелем. Можно вспомнить медсестру Эдит Кавель, расстрелянную немцами в 1915 г. в Бельгии по неосновательному

обвинению в шпионаже (в действительности она только оказывала помощь союзным пленным), из которой пропаганда стран Антанты сделала символ немецких преступлений, равно как и символ мужества простой женщины, не дрогнувшей перед лицом смерти¹²⁸.

Что же касается образа Кузьмы Крючкова, то у Вишнякова он превратился в былинного русского богатыря, лихо орудующего сразу двумя пиками. Казак-удалец, в одиночку побеждающий 11 немцев, должен был убедить народ, что с супостатом можно будет справиться без особого труда. Позднее, когда война стала затягиваться, основной упор пропаганда сосредоточила на героях — солдатах и офицерах, бежавших из плена. Такие случаи, в частности, были единственным видом военных подвигов, который можно встретить в подшивке журнала «Нива» за 1916 г.

Гораздо более близкую к реальности картину боя Кузьмы Крючкова и его товарищей дал Михаил Шолохов в «Тихом Доне». Не исключено, что писатель опирался на устные рассказы казаков, знавших участников знаменитой схватки. В 8-й главе 3-й части 1-й книги романа читаем:

«В стороне человек восемь драгун огарновали Крючкова. Его хотели взять живьем, но он, подняв на дыбы коня, вихляясь всем телом, отбивался шашкой до тех пор, пока ее не выбили. Выхватив у ближнего немца пику, он развернул ее, как на ученьи.

Отхлынувшие немцы шепили ее палашами. Возле небольшого клина суглинистой невеселой пахоты грудились, перекипали, колыхаясь в схватке, как под ветром. Озверев от страха, казаки и немцы кололи и рубили по чем попало: по спинам, по рукам, по лошадям, по оружию... Обеспамятевшие от смертного ужаса лошади налетали и бестолково сшибались. Овладев собой, Иванков несколько раз пытался поразить наседавшего на него длиннолицего белесого драгуна в голову, но шашка падала на стальные боковые пластинки каски, соскальзывала.

Астахов прорвал кольцо и выскочил, истекая кровью. За ним погнался немецкий офицер. Почти в упор убил его

Астахов выстрелом, сорвав с плеча винтовку. Это и послужило переломным моментом в схватке. Немцы, все израненные нелепыми ударами, — потеряв офицера, рассыпались, отошли. Их не преследовали. По ним не стреляли вслед. Казаки поскакали напрямки к местечку Пеликалие, к сотне; немцы, подняв упавшего с седла раненого товарища, уходили к границе».

У Шолохова подвиг совершают люди, «озверевшие от страха», впервые в жизни вынужденные убивать. Оттого так неумелы их удары. И лишь один человек гибнет в этой bestолковой схватке, гибнет от руки неудачливого соперника Григоря Мелехова Степана Астахова, фамилию получившего от соратника Крючкова. Нет тут Кузьмы Крючкова, нанизывающего немцев на две пики, нет 24 убитых и раненых немцев.

Писатель показывает нам, как рождался миф:

«Из этого после сделали подвиг. Крючков, любимец командира сотни, по его реляции получил георгия. Товарищи его остались в тени. Героя отослали в штаб дивизии, где он слонялся до конца войны, получив остальные три креста за то, что из Петербурга и Москвы на него приезжали смотреть влиятельные дамы и господа офицеры (в действительности Крючков сразу был удостоен солдатского Георгия первой степени. — Б. С.)...

Чубатая голова Крючкова не сходила со страниц газет и журналов. Были папиросы с портретом Крючкова. Нижегородское купечество поднесло ему золотое оружие...

А было так: столкнулись на поле смерти люди, еще не успевшие наломать рук на уничтожении себе подобных, в объявшем их животном ужасе натыкались, сшибались, наносили слепые удары, уродовали себя и лошадей и разбежались, вспугнутые выстрелом, убившим человека, разъехались нравственно искалеченные. Потом это назвали подвигом».

В романе Шолохова отразился и подвиг рядового Давида Выжимка. Будучи вестовым у гусарского офицера, он вынес своего начальника, тяжело раненого в голову, с поля боя. Выжимок ташил офицера по вра-

жеским тылам целых 6 верст. За этот подвиг он был удостоен Георгиевского креста 4-й степени¹²⁹. Главный герой «Тихого Дона» свой первый Георгий получил за спасение раненного в живот командира драгунского полка Густава Грозберга, которого он, и сам раненный в голову, вынес на себе из-за линии фронта. В отличие от лубочного героя Выжимки газетных реляций, не испытывавшего ни тени сомнений и колебаний в осуществлении своей благородной миссии, шолоховский Григорий — живой человек, сам страдающий от раны: «Офицер потерял сознание. Григорий тащил его на себе, падая, поднимаясь и вновь падая. Два раза бросал свою ношу и оба раза возвращался, поднимался и брел, как в сонной яви.

В одиннадцать часов утра их подобрала команда связи и доставила на перевязочный пункт».

Здесь художественное произведение корректирует патриотический миф в сторону приближения к реальности.

2. ПОДВИГ 28 ГВАРДЕЙЦЕВ-ПАНФИЛОВЦЕВ: ИСТИНУ УСТАНАВЛИВАЕТ СУД

О подвиге 28 гвардейцев-панфиловцев страна впервые узнала из корреспонденции В. Чернышева «Слава бесстрашным патриотам», напечатанной в «Комсомольской правде» 26 ноября 1941 г. Там фигурировало некое «гвардейское подразделение», подвергшееся атаке 60 вражеских танков и нескольких батальонов пехоты. Командовал подразделением, успешно отразившим немецкие атаки, продолжавшиеся «весь день, всю ночь и весь следующий день», лейтенант Безвременный, вместе с которым боем руководил старший политрук Калачев. Тогда, по утверждению Чернышева, «получив основательную трепку на этом участке обороны, противник решил взять реванш на другом участке». 54 немецких танка атаковали оборонительный рубеж, кото-

рый занимала «группа красноармейцев во главе с политруком Диевым». По словам корреспондента, эта группа сдерживала неприятеля более четырех часов.

Как родилась эта легенда, почти ничего общего не имевшая с действительностью, Чернышев поведал на допросе 17 апреля 1948 г., в ходе следствия по делу одного из «28 героев-панфиловцев» — сержанта Ивана Евстафьевича Добробабина (Добробабы), который не погиб в бою 16 ноября, а попал в плен и позднее служил в германской вспомогательной полиции. Корреспондент показал:

«В 1941 году, в ноябре месяце... мы вместе с корреспондентом газеты «Красная звезда» Коротеевым выезжали на фронт... То, что было написано потом мною в «Комсомольской правде», рассказал мне инструктор-информатор в штабе Панфиловской дивизии». Поскольку на участке дивизии шли тяжелые бои, Чернышев и Коротеев не рискнули проверить сообщение политрука у очевидцев событий. Чернышев признался следователю: «Я только перед отъездом в Москву еще раз говорил с инструктором (фамилию его не помню) и пытался установить сражавшихся с немецкими танками. Он в то время назвал мне фамилии лейтенанта Безвременного, старшего политрука Калачева и политрука Диева...»¹³⁰.

Тогда же, в апреле, следователь допросил и В. Коротеева, который рассказал следующее:

«Примерно 23–24 ноября 1941 года я вместе с военным корреспондентом газеты «Комсомольская правда» Чернышевым был в штабе 16-й армии, которой в то время командовал Рокоссовский. Мы лично говорили с Рокоссовским, который познакомил нас с обстановкой... При выходе из штаба армии мы встретили комиссара 8-й Панфиловской дивизии Егорова, который рассказал также о чрезвычайно тяжелой обстановке, но сообщил, что независимо от тяжелых условий боев наши люди героически дерутся на всех участках (несомненно, Егоров и был тем «инструктором-информатором», которого упоминал Чернышев. — Б. С.)... В частности, Егоров привел пример

геройского боя одной роты с немецкими танками... В то время вопрос шел о бое пятой роты с танками противника, а не о бое 28 панфиловцев. Егоров порекомендовал нам написать в газете о героическом бое роты с танками»¹³¹. Ехать же в полк, на участке которого произошел этот бой, и встречаться с очевидцами событий осторожный комиссар корреспондентов отговорил. Коротеев сообщил следователю: «Пробраться в полк было невозможно. Егоров не советовал нам пытаться проникнуть в полк»¹³².

Можно с полным основанием предположить, что комиссар панфиловской дивизии не был уверен, что в действительности бой у разъезда Дубосеково происходил именно так, как он рассказал Чернышеву и Коротееву. Егоров опасался, что на месте журналисты могут узнать неприятную истину о разгроме 1075-го стрелкового полка, в состав которого входила рота политрука Диева-Клочкова, и успешном прорыве неприятельских танков на волоколамском направлении.

Вслед за Чернышевым Коротеев 27 ноября 1941 г. опубликовал в «Красной Звезде» очерк «Гвардейцы Панфилова в боях за Москву». Там утверждалось: «Десять дней, не стихая, идут жестокие бои на Западном фронте... Гвардейская дивизия имени Панфилова уничтожила около 70 танков и свыше 4000 солдат и офицеров...» Упомянул Коротеев и «особо отличившуюся группу бойцов» 5-й роты Н-ского полка. В действительности Клочков и его погибшие товарищи входили в 4-ю роту, и здесь точнее был Чернышев, назвавший Диева политруком 4-й роты. Но это была отнюдь не единственная неточность, связанная с Коротеевым. Подробностей боя корреспондент «Красной Звезды» не знал и описывать их не стал. Зато благодаря ему появилось сакраментальное число 28. Коротеев рассказал следователю, как творилась легенда о схватке у разъезда Дубосеково:

Ортенберг меня спросил, сколько же было людей в роте, которая сражалась с немецкими танками. Я ему ответил, что состав роты, видимо, был неполный, примерно человек 30–40. Я сказал также, что из этих людей двое оказались предателями... 28 ноября в «Красной Звезде» была написана передовая «Завещание 28 павших героев». Я не знал, что готовилась передовая, но Ортенберг меня еще раз вызвал и спрашивал, сколько же было людей в роте, которая сражалась с немецкими танками. Я ему ответил, что примерно 30 человек. Таким образом и появилось в передовой количество сражавшихся — 28 человек, так как из 30 двое оказались предателями. Ортенберг говорил, что о двух предателях писать нельзя, и, видимо, посоветовавшись с кем-то, разрешил в передовой написать только об одном предателе... В дальнейшем я не возвращался к теме о бое роты с немецкими танками; этим делом занимался Кривицкий, который первый написал и передовую о 28 панфиловцах...»¹³³.

Понятно, почему Давид Ортенберг — редактор «Красной Звезды» — не захотел писать о двух предателях. Менталитет советских пропагандистов был таков: два изменника — это уже массовое явление, тогда как один отщепенец — куда ни шло. Литературный секретарь «Красной Звезды» Александр Кривицкий в передовой дал волю своей фантазии. В частности, он заставил бойцов немедленно покарать предателя: «Смалодушничал только один из двадцати девяти. Когда немцы, уверенные в своей легкой победе, закричали гвардейцам: «Сдавайс!» — только один поднял руки вверх. Немедленно прогремел залп. Несколько гвардейцев одновременно, не сговариваясь, без команды выстрелили в труса и предателя. Это родина покарала отступника».

Политруку Диеву (Клочкову) Кривицкий вложил в уста «историческую фразу»: «Ни шагу назад!» Корреспондент утверждал: «Разгорелся невиданный бой. Из противотанковых ружей храбрецы подбивали танки, зажигали бутылки с горючим».

Финал же боя Александр Юрьевич представил в совершенно сказочном духе, ничего общего не имевшем

ни с действительностью, ни с элементарным здравым смыслом:

«Уже восемнадцать исковерканных танков недвижно застыли на поле боя. Бой длился более четырех часов, и бронированный кулак фашистов не мог прорваться через рубеж, обороняемый гвардейцами. Но вот кончились боеприпасы, иссякли патроны в магазинах противотанковых ружей. Не было больше и гранат.

Фашистские машины приблизились к окопу. Немцы выскочили из люков, желая взять живьем уцелевших храбрцов и расправиться с ними (что сие значит, понять невозможно: неужели немцы собирались захватить панфиловцев в плен, чтобы тотчас убить их? Не проще ли было просто уничтожить их из танковых орудий и пулеметов или раздавить гусеницами? Ведь для этого совсем не надо было вылезать из танкового люка, подвергая себя совершенно ненужному риску. — Б. С.). Но и один в поле воин, если он советский воин! Политрук Диев сгруппировал вокруг себя оставшихся товарищей, и снова завязалась кровавая схватка. Наши люди бились, помня старый девиз: «Гвардия умирает, но не сдается». И они сложили свои головы — все двадцать восемь. Погибли, но не пропустили врага! Подоспел наш полк, и танковая группа неприятеля была остановлена».

По закону мифа гибель героев должна непременно обеспечить конечную победу. Поэтому и появился некий фантастический полк, остановивший немцев.

О том, как происходила дальнейшая трансформация истории 28 панфиловцев, Кривицкий поведал в послевоенном очерке «Разъезд Дубосеково», написанном не ранее 1958 г., то есть уже после процесса над Дობробабиным. На следующий день после публикации передовой ему позвонил председатель Президиума Верховного Совета СССР Михаил Калинин и попросил разузнать имена погибших в бою с немецкими танками, поскольку «нельзя, чтобы герои оставались безымянными». Кривицкий отправился в Панфиловскую дивизию, где никто из начальства, включая комиссара Егорова, не мог вспомнить политрука по фамилии Диев.

Наконец Кривицкому повезло: «К исходу дня случай свел меня с капитаном Гундиловичем из полка Капрова. Он спокойно сказал, еще ничего не зная о цели моего приезда и только услышав расспросы о Диеве: «Ну как же, Диев, Диев... Политрук моей роты. Его настоящая фамилия Клочков, а Диевым его прозвал один боец-украинец от слова «дие», дескать, всегда-то наш политрук в деле, всегда действует, — ну, «дие», одним словом. Ах, Клочков, Клочков, геройский был парень! Он со своими бойцами остановил полсотни танков у Дубосеково...»¹³⁴. Та же цифра — 50 танков — фигурирует и в передовице «Завещание 28 павших героев», так что, возможно, Кривицкий просто повторил ее от имени Гундиловича. А вот откуда взялся Диев, остается загадкой. Ведь эту вымышленную фамилию Коротеев и Чернышев могли узнать только от Егорова, а тот, по утверждению Кривицкого, ни о каком политруке Диеве ничего не слышал.

На основе бесед с однополчанами Клочкова появился канонический вариант очерка Александра Кривицкого «О 28 павших героях»¹³⁵. Подвиг здесь оброс новыми мифами. Журналист писал:

«Полк Капрова занимал оборону на линии: высота 251 — деревня Петелино — разъезд Дубосеково. На левом фланге, седлая железную дорогу, находилось подразделение сержанта Добробабина. В тот день разведка донесла, что немцы готовятся к новому наступлению. В населенных пунктах Красиково, Жданово, Муромцево они сконцентрировали свыше 80 танков, два полка пехоты, 6 минометных и четыре артиллерийские батареи, сильные группы автоматчиков и мотоциклистов. Грянул бой.

Теперь мы знаем, что прежде, чем двадцать восемь героев, притаившихся в окопчике у самого разъезда, отразили мощную танковую атаку, они выдержали многочасовую схватку с вражескими автоматчиками. Используя скрытые подступы на левом фланге обороны полка, туда устремилась рота фашистов. Они не думали встретить серьезное сопротивление. Бойцы безмолвно следили за приближающимися автоматчиками. Сержант Добробабин точно

распределил цели. Немцы шли как на прогулку, во весь рост. От окопа их отделяло уже 150 метров. Вокруг царила странная, неестественная тишина. Сержант заложил два пальца в рот, и внезапно раздался русский молодецкий посвист. Это было так неожиданно, что на какое-то мгновение автоматчики остановились. Затрещали наши ручные пулеметы и винтовочные залпы. Меткий огонь сразу опустошил ряды фашистов.

Атака автоматчиков отбита. Более семидесяти вражеских трупов валяются недалеко от окопа. Лица уставших бойцов задымлены порохом, люди счастливы, что достойно померялись силами с врагом, но не знают они еще своей судьбы, не ведают, что главное — впереди.

Танки! Двадцать бронированных чудовищ движутся к рубежу, обороняемому двадцатью восемью гвардейцами. Бойцы переглянулись. Предстоял слишком неравный бой. Вдруг они услышали знакомый голос: «Здорово, герои!»

К окопу добрался политрук роты Клочков. Только теперь мы узнали его настоящую фамилию. Страна прославила его под именем Диева. Так назвал однажды Клочкова красноармеец украинец Бондаренко. Он говорил: «Наш политрук постоянно дие» — по украински значит «действует». Никто не знал, когда Клочков спит. Он был всегда в движении. Деятельного и неутомимого, его любили бойцы, как старшего брата, как родного отца. Меткое слово Бондаренко облетело не только роту, но и полк. Клочковым политрук значился лишь в документах. Даже командир полка звал его Диевым.

В тот день Клочков первый заметил направление движения танковой колонны и поспешил в окоп. «Ну что, друзья? — сказал политрук бойцам. — Двадцать танков. Меньше чем по одному на брата. Это не так много!» Люди улыбнулись».

Теперь к танкам добавилась еще и пехота в лице роты автоматчиков, чтобы потери немцев в людях многократно превосходили 28 павших героев. Поскольку такое число бойцов — 28 — скорее соответствовало не роте, а взводу, то Кривицкий во главе 28 панфиловцев поставил сержанта Добробабина. Ведь ротному политруку Клочкову скорее следовало командовать ротой,

чем взводом. Если же признать, что под Дубосековым, как и было в действительности, оборонялась рота, то у читателей очерка неизбежно возник бы вопрос, почему в роте осталось так мало красноармейцев. Это привело бы к выводу о больших потерях советских войск, что для целей пропаганды было совершенно неприемлемо.

Появилось и объяснение, почему политрука Ключкова в первых публикациях о бое у разъезда Дубосеково называли Диевым. Откуда-то взялся и полный поименный список павших гвардейцев (пятеро из них — Иван Добробабин, Илларион Васильев, Григорий Шемякин, Иван Шадрин и Даниил Кужебергенов впоследствии оказались живы). Остался практически без изменений эпизод с расстрелом предателя, зато исчез нелепый пассаж о том, как немецкие танкисты выскочили из машин, чтобы «взять живьем и расправиться» с уцелевшими панфиловцами. На этот раз Кривицкий счел возможным поведать «предсмертные мысли героев», со ссылкой на уцелевшего бойца Ивана Натарова:

«Уже четырнадцать танков застыли на поле боя... В этот миг в сумеречной дымке показался второй эшелон танков. Среди них — несколько тяжелых (в 1941 г. в вермахте на вооружении таких танков не было; тяжелые танки «тигр» впервые приняли участие в боях только в конце 1942 г. — Б. С.)... Ты немного ошибся, славный политрук Диев! Ты говорил, что танков придется меньше, чем по одному на брата. Их уже больше чем по два на бойца (из числа оставшихся в живых. — Б. С.). Родина, мать-отчизна, дай новые силы своим сыновьям, пускай не дрогнут они в этот тяжелый час!

Воспаленными от напряжения глазами Ключков посмотрел на товарищей.

«Тридцать танков, друзья, — сказал он бойцам, — придется всем нам умереть, наверно. Велика Россия, а отступить некуда. Позади Москва».

Танки двигались к окопу. Раненый Бондаренко, пригнувшись к Ключкову, обнял его невредимой рукой и сказал: «Давай поцелуемся, Диев». И все они, те, кто был в окопе,

перецеловались, вскинули ружья и приготовили гранаты...

Тридцать минут идет бой, и нет уже боеприпасов у смельчаков. Один за другим они выходят из строя. Гибнет Москаленко под гусеницами танка, царапая пальцами его стальные плиты (интересно, каким образом это возможно, находясь под гусеницами, хотя бы пальцами дотянуться до танковой брони? — Б. С.). Прямо под дуло вражеского пулемета идет, скрестив на груди руки, Кужебергенев и падает замертво. Подбито и горит около десятка танков (в сумме подбитых и уничтоженных танков оказывается 24 — почти по одному на брата. — Б. С.). Клочков, сжимая последнюю связку гранат, бежит к тяжелой машине, только что подмявшей под себя Безродного. Политрук успевает перебить гусеницу чудовища и, пронзенный пулями, опускается на землю.

Убит Клочков. Нет, он еще дышит. Рядом с ним, окровавленным и умирающим, лежит раненый Натаров. Мимо них с лязгом и грохотом движутся танки врага, а Клочков шепчет своему товарищу: «Помираем, брат.. Когда-нибудь вспомнят нас... Если жив будешь, скажи нашим...» Он не кончил фразы и застыл. Так умер Клочков, чья жизнь была отдана мужественному деянию на поле брани. Все это рассказал Натаров, лежавший уже на смертном одре. Его разыскали недавно в госпитале. Ползком он добрался в ту ночь до леса, бродил, изнемогая от потери крови, несколько дней, пока не наткнулся на группу наших разведчиков. Умер Натаров — последний из павших двадцати восьми героев-панфиловцев. Он передал нам, живущим, их завещание. Смысл этого завещания был понят народом еще в ту пору, когда мы не знали всего, что произошло у разъезда Дубосеково. Нам известно, что хотел сказать Клочков в тот миг, когда неумолимая смерть витала над ним. Сам народ продолжил мысли умиравшего и сказал себе от имени героев: «Мы принесли свои жизни на алтарь отечества. Не проливайте слез у наших бездыханных тел. Стиснув зубы, будьте стойки! Мы знали, во имя чего идем на смерть, мы выполнили свой воинский долг, мы преградили путь врагу, идите в бой с фашистами и помните: победа или смерть! Другого выбора у вас нет, как не было его и у нас. Мы погибли, но мы победили».

Здесь — древний мифологический мотив: умирающий герой успевает рассказать людям о подвиге своих товарищей. Кривицкий не остановился и перед очевидной нелепостью, заставив Натарова несколько суток бродить по лесу и только потом умереть от потери крови. Эту нелепость исправил в своей поэме «Слово о 28 гвардейцах» Николай Тихонов. Он позволил несчастному Натарову умереть скоротечно, всего за несколько часов, и рассказ о подвиге панфиловцев умирающий ведет уже в полузабытыи:

Лежит Натаров, он не спит
И все же видит сон чудесный.

Как будто с вьюгой он летит,
И голосов полна та вьюга.
То политрук с ним говорит,
То слышит Даниила-друга.

.....
И, как бывает лишь во сне,
Он слышит голос Полководца:
«Иван Натаров, мой стрелок,
Сейчас лежишь ты, холодея,
Но ты сражался так, как мог
Сражаться истинный гвардеец!..»
И плачет радостно Иван,
И снова с вьюгой дальше мчится.

.....
Он входит в Красную Москву.
Еще не смог он удивиться, —
Как сон исчез и наяву
Над ним видны родные лица.

Красноармейских шапок ряд,
Бойцы с ним тихо говорят
И перевязывают раны...

А дальше: вьюги новый плен,
Но это вьюга белых стен,
Простынь, халатов лазаретных.

И шепчет он рассказ заветный
О всех товарищах своих,
О жизни их, о смерти их,

О силе грозных их ударов...
Сказал — задумался, затих...
Так умер наш Иван Натаров!

В целом же в поэме Тихонова повторены основные факты очерка Кривицкого. Поэт честно признался в этом на допросе у следователя: «По существу, материалами для написания поэмы послужили статьи Кривицкого, из которых я и взял фамилии, упоминаемые в поэме. Других материалов у меня не было... Вообще-то все, что написано о 28 героях-панфиловцах, исходит от Кривицкого или написано по его материалам»¹³⁶. Но Тихонов дал очень точную формулу мифа о 28 панфиловцах, равно как и многих других советских мифов военного времени: «...каждый с неотвратимой силой жаждал врага в могилу взять с собой...»

Теперь пора обратиться к действительным обстоятельствам боя у разъезда Дубосеково. Они были установлены в ходе следствия и суда по делу Добробабина.

Бывший командир 1075-го стрелкового полка Илья Васильевич Капров 10 мая 1948 г. показал:

«Техникой дивизия была очень слабо насыщена, особенно плохо обстояло дело с противотанковыми средствами; у меня в полку совершенно не было противотанковой артиллерии — ее заменяли старые горные пушки, а на фронте я получил несколько французских музейных пушек. Только в конце октября 1941 г. на полк было получено 11 противотанковых ружей, из которых 4 ружья было передано 2-му батальону нашего полка, в составе которого была 4-я рота (командир роты Гундилович, политрук Клочков)... Мой полк занял оборону (совхоз Бульчево — Федосьино — Княжево). Примерно в течение 5–6 дней полк имел возможность зарыться в землю, так как подготовленные позиции оказались негодными, и нам самим пришлось укреплять оборонительные рубежи и, по существу, все переделывать заново. Мы не успели как следует

укрепить позиции, как появились немецкие танки, которые рвались к Москве...

К 16 ноября 1941 г. полк, которым я командовал, был на левом фланге дивизии и прикрывал выходы из г. Волоколамска на Москву и железную дорогу. 2-й батальон занимал оборону: поселок Ново-Николаевское — поселок Петелино и разъезд Дубосеково. Батальоном командовал майор Решетников, фамилии политрука не помню (его фамилия была Трофимов. — Б. С.); в батальоне было три роты: 4-я, 5-я и 6-я... Четвертой ротой командовал капитан Гундилович, политрук Клочков... Занимала она оборону Дубосеково — Петелино. В роте к 16 ноября 1941 г. было 120—140 человек. Мой командный пункт находился за разъездом Дубосеково у переездной будки примерно в 1 1/2 км от позиции 4-й роты. Я не помню сейчас, были ли противотанковые ружья в 4-й роте, но повторяю, что во всем 2-м батальоне было только 4 противотанковых ружья. К 16 ноября дивизия готовилась к наступательному бою, но немцы нас опередили. С раннего утра 16 ноября 1941 г. немцы сделали большой авиационный налет, а затем сильную артиллерийскую подготовку, особенно сильно поразившую позицию 2-го батальона. Примерно около 11 часов на участке батальона появились мелкие группы танков противника. Всего было на участке батальона 10—12 танков противника. Сколько танков шло на участок 4-й роты, я не знаю, вернее, не могу определить. Средствами полка и усилиями 2-го батальона эта танковая атака немцев была отбита. В бою полк уничтожил 5—6 немецких танков, и немцы отошли... Около 14.00—15.00 немцы открыли сильный артиллерийский огонь по всем позициям полка, и вновь пошли в атаку немецкие танки. Причем шли они развернутым фронтом, волнами, примерно по 15—20 танков в группе. На участок полка наступало свыше 50 танков, причем главный удар был направлен на позиции 2-го батальона, так как этот участок был наиболее доступен танкам противника. В течение примерно 40—45 минут танки противника смяли расположение 2-го батальона, в том числе и участок 4-й роты, и один танк вышел даже в расположение командного пункта полка и зажег сено и будку, так что я только случайно смог выбраться из блиндажа; меня

спасла насыпь железной дороги. Когда я перебрался за железнодорожную насыпь, около меня стали собираться люди, уцелевшие после атаки немецких танков. Больше всего пострадала от атаки 4-я рота; во главе с командиром роты Гундиловичем уцелело человек 20—25, остальные все погибли (некоторые не погибли, а, как Даниил Кужебергенев и Иван Добробабин, попали в плен. — Б. С.). Остальные роты пострадала меньше...»¹³⁷

Капров также подтвердил, что никто из корреспондентов с ним в ноябре 1941-го не беседовал, и поведал, как возник список 28 героев-панфиловцев:

«Никакого боя 28 панфиловцев с немецкими танками у разъезда Дубосеково 16 ноября 1941 г. не было — это сплошной вымысел. В этот день у разъезда Дубосеково в составе 2-го батальона с немецкими танками дралась 4-я рота, и действительно дралась героически, причем из роты погибло свыше 100 человек, а не 28, как об этом писали впоследствии в газетах. Никто из корреспондентов ко мне не обращался в этот период, я никому и никогда не говорил о бое 28 панфиловцев, да и не мог говорить, так как такого боя не было. Никакого политдонесения (упоминавшегося Кривицким¹³⁸. — Б. С.) по этому поводу я не писал. Я не знаю, на основании каких материалов писали в газетах, в частности в «Красной Звезде», о бое 28 гвардейцев из дивизии имени Панфилова. В конце декабря 1941 г., когда дивизия была отведена на формирование, ко мне в полк приехал корреспондент «Красной Звезды» Кривицкий вместе с представителями политотдела дивизии Галушко и Егоровым... В разговоре со мной Кривицкий заявил, что нужно, чтобы было 28 гвардейцев-панфиловцев, которые вели бой с немецкими танками. Я ему заявил, что с немецкими танками дрался весь полк, и в особенности 4-я рота 2-го батальона... Комиссар дивизии Егоров мне приказал выехать на место, к разъезду Дубосеково, на место боя 4-й роты вместе с Кривицким, Гундиловичем и др. ...Фамилии Кривицкому по памяти давал капитан Гундилович, который вел с ним разговор на эту тему.. Меня о фамилиях никто не спрашивал. Впоследствии после длительных уточнений фамилий

только в апреле 1942 г. из штаба дивизии прислали готовые наградные листы и общий список 28 гвардейцев ко мне в полк для подписи...»¹³⁹

Таким образом, под случайно названную Ортенбергом цифру 28 потом набрали такое же число фамилий погибших и пропавших без вести бойцов 4-й роты, первых, которых вспомнил в беседе с Кривицким капитан Гундилович. Также вымышлены корреспондентом были и слова Клочкова «Ни шагу назад!» в первом очерке и «Велика Россия, а отступать некуда...» — во втором. В этом Кривицкий признался в ходе следствия в 1948 г. Тогда же он отметил: «...я использовал рассказы Гундиловича, Капрова, Мухамедьярова, Егорова. В части же ощущений и действий 28 героев — это мой литературный домысел. Я ни с кем из раненых или оставшихся в живых гвардейцев не разговаривал. Из местного населения я говорил только с мальчиком лет 14–15, который показал могилу, где похоронен Клочков»¹⁴⁰. Капров же и комиссар 1075-го полка Мухамедьяров тогда, в конце 1941-го — начале 1942-го, не стали разрушать легенду. Ведь она спасла их от суда и возможного расстрела. Сразу после боя у разъезда Дубосеково Капров и Мухамедьяров были отстранены от занимаемых постов за то, что допустили большие потери в полку и не смогли сдержать натиск неприятеля. Согласно донесению Мухамедьярова в политотдел 316-й дивизии от 18 ноября 1941 г., в ходе боев 16 и 17 ноября полк потерял 400 человек убитыми, 600 — пропавшими без вести и 100 человек — ранеными. Такое соотношение потерь, 10:1, указывает как на значительное число пленных, так и на то, что большое число раненых было оставлено в беспомощном состоянии на поле боя и погибло от холода и потери крови. Такое соотношение было характерно для Красной Армии, где привыкли не считаться с жертвами¹⁴¹. В том же донесении утверждалось, что полк нанес противнику значительные потери, уничтожив 15 танков и 800 неприятельских солдат и офицеров¹⁴².

Однако эти данные полностью опровергаются показаниями Капрова, сделанными в 1948 г. Он вообще не упоминает, что позиции 1075-го полка 16 ноября атаковала немецкая пехота. Если бы вместе с танками двигались германские пехотинцы, вряд ли бы командир полка спасся от неприятельских автоматчиков после того, как прямым попаданием танкового снаряда был разбит его командный пункт. Число же уничтоженных и подбитых неприятельских танков в ходе первой атаки Капров определил в 5–6 штук. О том, что в ходе второй атаки была подбита хотя бы одна машина, Илья Васильевич вообще ничего не говорит. Скорее всего, к тому времени у оборонявшихся закончились боеприпасы, а противотанковые средства были подавлены немецкой артиллерией. Поэтому танкам удалось смять позиции 2-го батальона вообще без потерь. Первая атака танков, вероятно, была своеобразной разведкой боем, позволившей выявить позиции советской артиллерии и противотанковых ружей. Кстати сказать, вина Капрова в поражении все же была. Он практически равномерно распределил имевшиеся у него противотанковые ружья, тогда как их надо было сконцентрировать на участке 2-го батальона, который только и был удобен для действий танков. Шумиха, поднятая вокруг подвига 28 панфиловцев, спасла Капрова и Мухамедьярова от суда, и они отнюдь не были заинтересованы в крушении мифа.

Столь же фантастичны данные о немецких потерях, приведенные в статье Коротеева, — более 4 тыс. немецких солдат и офицеров и 70 танков, будто бы уничтоженных дивизией Панфилова за 10 дней ноября. В действительности вся германская Восточная армия в период с 16 по 26 ноября 1941 г. потеряла погибшими и пропавшими без вести 7637 человек¹⁴³. Одна советская дивизия никак не могла нанести неприятелю свыше половины всех безвозвратных потерь, понесенных в этот период вермахтом на Восточном фронте.

Не соответствует истине и утверждение Кривицко-го, содержащееся уже в послевоенном очерке «Разъезд

Дубосеково», будто «пять фашистских дивизий противостояли бойцам Панфилова в Подмосковье. Тридцать тысяч вражеских солдат и офицеров и свыше ста пятидесяти танков еще при жизни генерала уничтожила его дивизия в боях за столицу»¹⁴⁴. Этим цифрам в донесениях подчиненных, похоже, верил и сам Панфилов, писавший жене: «Москву врагу не сдадим. Уничтожаем гада тысячами и танки его — сотнями. Дивизия бьется хорошо...»¹⁴⁵

Между тем недостоверность этой информации после издания в 1962–1964 гг. военного дневника бывшего начальника Генерального штаба германских сухопутных сил генерал-полковника Франца Гальдера стала совершенно очевидна. Согласно приведенным здесь данным, в период с 3 октября по 16 ноября 1941 г. немецкая Восточная армия потеряла убитыми и пропавшими без вести 35 591 человека¹⁴⁶ — лишь немногим больше, чем, согласно донесениям, уничтожила врагов 316-я стрелковая дивизия (она впервые вступила в бой 16 октября, а 18 ноября 1941 г. Панфилов был убит). А вот безвозвратные потери панфиловцев, если судить по тому, сколько потерял один лишь полк Капрова в бою 16 ноября, действительно за месяц боев могли составить до 30 тыс. убитыми и пленными.

Почему же выбор пал на 4-ю роту 1075-го полка 316-й дивизии и политрука Клочкова? По всей вероятности, тут сыграло свою роль то обстоятельство, что дивизия генерала И. В. Панфилова как раз 18 ноября 1941 г. была преобразована в 8-ю гвардейскую (в этот день был опубликован соответствующий указ, датированный 17-м числом) и в этот же день ее командир был смертельно ранен и тоже стал одним из мифологизированных героев войны. 21 ноября Военный совет Западного фронта ходатайствовал перед Сталиным о присвоении 8-й гвардейской дивизии имени генерал-майора Ивана Васильевича Панфилова, причем упоминались «образцовые действия» дивизии на фронте¹⁴⁷. Поражение полка Капрова срочно требовалось превратить

в победу, чтобы не портить создаваемый пропагандой образ Панфилова и панфиловцев. Сочинения Кривицкого оказались очень подходящим материалом для тиражирования мифа. Так, в очерке Владимира Ставского «Генерал Панфилов и его гвардейцы» почти дословно повторялось вымышленное описание боя у Дубосекова, данное Кривицким, а сам Панфилов погибал с «исторической фразой»: «Умираю за Родину!»¹⁴⁸ В представлении на присвоение гвардейского звания и награждение дивизии Панфилова орденом Красного Знамени командующий Западным фронтом Г. К. Жуков и член Военного совета Н. А. Булганин 16 ноября 1941 г. утверждали, что в период 20–27 октября дивизия «отбивала атаки трех пехотных дивизий и танковой дивизии фашистов. В ожесточенных боях дивизия уничтожила у противника до 80 танков и несколько батальонов пехоты. Ни один боец не дрогнул перед атаками двух сотен фашистских танков... Личный состав дивизии храбро дрался и, не имея танков, с бутылками в руках бросался в атаку на танки противника. Остановив наступление противника, дивизия твердо удерживает занимаемый рубеж, продолжая наносить большие потери врагу»¹⁴⁹. Но в тот же день так некстати случился прорыв у Дубосекова. Однако представление уже было удовлетворено, погибший генерал Панфилов был объявлен героем, а дивизии присвоили его имя.

Для того чтобы прикрыть бесславное поражение и не подорвать репутацию панфиловской дивизии, был изобретен миф о подвиге 28 гвардейцев. Ключков же центральным героем этого мифа оказался, по всей вероятности, случайно — как старший из погибших командиров 4-й роты. Ротный, капитан Гундилович, в том бою остался жив (ему суждено было погибнуть только в апреле 1942-го). Поэтому назначать героем капитана не стали. А те слова, которые первоначально Кривицкий вложил в уста политрука: «Ни шагу назад!» — были позаимствованы из приказа Жукова и Булганина войскам Западного фронта от 1 ноября¹⁵⁰.

Знаменитая же фраза «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва!» в момент своего рождения вообще имела только историческое значение. Ведь в январе 1942-го, когда появился очерк «О 28 павших героях», советские войска уже оттеснили немцев от Москвы и развивали наступление дальше на запад.

Если суммировать, что в мифе о 28 героях-панфиловцах соответствует истине, то таких совпадений будет немного. Правдой является только то, что немцы предприняли две танковые атаки в районе разъезда Дубосеково и что в бою действительно погиб политрук Клочков и большинство его товарищей. Однако кто именно погиб в том бою, неизвестно до сих пор. Позднее, уже в феврале — марте 1942-го, на поле боя удалось найти лишь шесть трупов, в том числе и труп Клочкова¹⁵¹. Поэтому нельзя исключить, что кто-то из включенных в список 28 героев в дальнейшем служил в немецкой вспомогательной полиции, подобно Добробабину, или даже во власовской Русской освободительной армии. Судьбы большинства из 28 панфиловцев, удостоенных звания Героя Советского Союза, и ныне до конца неизвестны¹⁵².

Причины, по которым в конце ноября 1942 г. началась канонизация подвига 28 гвардейцев-панфиловцев, Давид Ортенберг откровенно объяснил в беседе со следователем в 1948 г.: «Вопрос о стойкости советских воинов в тот период приобрел особое значение. Лозунг «Смерть или победа», особенно в борьбе с вражескими танками, был решающим лозунгом. Подвиги панфиловцев и являлись образцом такой стойкости (она заключалась в том, что остатки 4-й роты в беспорядке отступили не после первой, а только после второй атаки, 3—4 часа спустя. — Б. С.). Исходя из этого я предложил Кривицкому написать передовую статью о героизме панфиловцев, которая и была напечатана в газете 28 ноября 1941 г. Как сообщил корреспондент, в роте было 30 панфиловцев, причем двое из них пытались сдать немцам в плен. Считая политически неце-

лесообразным показать сразу двух предателей, я оставил в передовой статье одного...»¹⁵³ В дальнейшем критика этой легенды в печати практически не допускалась вплоть до начала 1990-х годов, а каноническим текстом оставался очерк А. Кривицкого «О 28 павших героях» и основанные на нем позднейшие публикации того же автора. Лишь с наступлением эпохи гласности были опубликованы материалы следствия по делу Ивана Добробабина, проведенного в 1947–1948 гг., и от мифа о бое у разъезда Дубосеково не осталось камня на камне.

3. ПОДВИГ ПЯТИ МОРЯКОВ-СЕВАСТОПОЛЬЦЕВ И РАССКАЗ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА «ОДУХОТВОРЕННЫЕ ЛЮДИ»: МИФ, РОЖДАЮЩИЙ МИФ

По тем же основаниям, что и подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев, был изобретен пропагандистами подвиг пяти моряков-севастопольцев во главе с политруком Николаем Фильченковым. Он очень напоминает подвиг политрука Клочкова и его товарищей, да и по времени почти совпадает с боем у разъезда Дубосеково. Но, в отличие от случая с панфиловцами, истинные обстоятельства последнего боя Фильченкова и его товарищей никогда не реконструировались в ходе следствия и суда. Поэтому сегодня мы не можем сказать ничего определенного на сей счет.

В официальном представлении к званию Героев Советского Союза Николая Фильченкова, Василия Цибулько, Даниила Одинцова, Ивана Красносельского и Юрия Паршина утверждалось, что 7 ноября 1941 г. в районе селения Дуванкой «противник семью танками и до двух рот пехоты начал атаку на высоту 103,4. Тов. Шикаев (секретарь партбюро 18-го отдельного батальона, старший политрук. — Б. С.) организовал истребительную группу танков во главе со старшим по-

литруком (в действительности — политруком. — Б. С.) Фильченковым (в указе о присвоении звания Героя Советского Союза фамилия была написана неправильно — Фильченко. — Б. С.)... Сам со станковым пулеметом и двумя бойцами выдвинулся на огневую позицию и стал отрезать вражескую пехоту.. В этом неравном бою пятеро моряков во главе с Фильченковым уничтожили 3 фашистских танка, остальные, не выдержав натиска моряков, повернули назад, Гитлеровцы возобновили атаку, уже при поддержке 15 танков... Израненные моряки не покидали поле боя, уничтожая и выводя из строя фашистские машины. Был смертельно ранен отважный пулеметчик В. Г. Цибулько, погиб геройской смертью И. М. Красносельский. Кончились патроны и бутылки с горючей жидкостью. Тогда Н. Д. Фильченков, обвязавшись гранатами, бросился под гусеницы приближавшегося танка. Его примеру последовали Ю. К. Паршин и Д. С. Одинцов. В этом бою герои-моряки уничтожили до 10 танков противника. Враг был остановлен»¹⁵⁴.

Более подробно о бое 7 ноября рассказывает в своих мемуарах Л. Н. Ефименко, бывший комиссар соседней с 18-м отдельным батальоном 8-й отдельной бригады морской пехоты:

«...Скоро главной темой разговоров в окопах стал подвиг, совершенный... на участке восемнадцатого отдельного батальона морской пехоты... Первые сведения об этом подвиге дошли до нас через связных и мгновенно распространились по бригаде. Однако сперва никто не знал фамилий героев, да и подробности всего, что произошло, излагались по-разному.

Вечером 8 ноября я соединился с соседями по телефону и спросил комиссара восемнадцатого батальона старшего политрука Мельника, не может ли он прийти на КП ближайшего к нему батальона нашей бригады — второго. Минут через сорок мы там встретились, и вот что я услышал... «Фильченков дал знать на КП, что показались танки и что он со своими краснофлотцами постарается их задержать. Шло семь танков, группа Фильченкова залегла

на их пути с гранатами и бутылками. Три танка разведчики подбили. Остальные повернули назад — немцы, с перепугу должно быть, не поняли, что наших всего пятеро... А потом там появилось пятнадцать танков. Мы уж готовились встретить их на переднем крае. Но Фильченков решил не допустить их до батальонного рубежа. И не допустил. Пятеро моряков уничтожили еще несколько танков. Гранат у них было порядочно, но на такой бой, понятно, не хватило. Гранаты кончаются, а танки лезут... Чтобы хоть как-то их задержать, наши ребята стали с последними гранатами кидаться под гусеницы. Первым Фильченков, за ним двое краснофлотцев, кажется, уже раненые... Погибла вся пятерка. Последний, Василий Цибулько, умер уже на руках у нашего военфельдшера Петренко. От него и известно главное. Подробности уточняем — кое-кто видел эту схватку издали... Трех других краснофлотцев звали Иван Красносельский, Юрий Паршин и Даниил Одинцов, а больше мне о них пока ничего не известно... Батальон новый, все незнакомые...»¹⁵⁵

По всей вероятности, здесь перед нами первоначальный вариант легенды. Он отличается от позднейшего официального одной важной деталью. Группа Фильченкова названа разведывательной, а не истребительной, и ничего не говорится о старшем политруке И. Л. Шикаеве, будто бы организовавшем группу истребителей танков и пулеметным огнем отсекавшим пехоту от танков. Из рассказа Ефименко видно, что пятерка Фильченкова — это разведчики, действовавшие в ближнем тылу немцев. Эпизод с умирающим Цибулько, перед смертью сообщавшим подробности подвига военфельдшеру Петренко, абсолютно мифологичен и напоминает историю Натарова в случае с 28 героями-панфиловцами.

Более поздний вариант легенды отражен во фронтовой листовке конца 1941 г. Там утверждалось, что в начале боя пулеметчик Цибулько меткой очередью поразил смотровые щели одного из танков. Потом краснофлотцы гранатами и бутылками сожгли три танка из семи. Примерно через два часа им на смену пришло еще 15 танков, и завязалась главная битва:

«Опять Цибулько бьет по смотровым щелям и первой же очередью подбивает один танк. Но вот патроны кончились; и Цибулько хватается за гранаты, ползет навстречу надвигающемуся танку, швыряет две гранаты — второй танк подбит! Бросается к третьему, кидает последние гранаты... Третий танк завертелся на месте с перебитой гусеницей, но сам Цибулько был смертельно ранен. Тогда с четырьмя бутылками в руках выбежал вперед Красносельский, метким ударом он зажег один танк, потом другой и пал, насмерть сраженный врагом. Остались трое — Фильченков, Паршин и Одинцов. Пять немецких танков уже в пятидесяти метрах. И тогда Фильченков решился на невиданное дело — остановить танки собственной грудью. Он прощается с товарищами и подвязывает к поясу гранаты... Фильченков вскакивает и устремляется навстречу передовому танку, навстречу смерти. Танк надвигается ближе, герой бросается под гусеницы. Раздается взрыв, и танк грузно валится набок (совсем как человек! — Б. С.). Следуя примеру своего героя-командира, Паршин и Одинцов бросаются с гранатами под танки. Взрываются и эти два танка. И тут случилось небывалое: оставшиеся восемь немецких танков стремительно повернули вспять (для мифа такая «небывальщина» — обычное дело; точно так же в официальном мифе о гибели российской десантной роты под Улус-Кертом в Чечне в марте 2000 г. утверждается, что чеченцы, уничтожив десантников, устрашились их мужества и отступили, хотя на их пути уже никого не осталось. — Б. С.)... Ценой своей жизни герои уничтожили до десяти танков и в этот день своими телами закрыли врагу дорогу на Севастополь...»

В листовке также содержался счастливый финал: на помощь пятерке Фильченкова пришли товарищи по батальону и оттеснили немцев с поля боя, где нашли истекающего кровью Цибулько. Тот успел перед смертью рассказать о гибели товарищей¹⁵⁶.

Недостоверность эпизода с пятью матросами-севастопольцами видна, что называется, невооруженным глазом. Какой смысл было бросаться под танки со связками гранат? Только затем, чтобы собственным телом ослабить силу взрыва? Ведь если удалось подо-

браться к танку почти вплотную, гораздо проще бросить гранату или бутылку с горючей смесью ему под гусеницу. Но пропаганде требовалась именно жертвенность. Герои должны были уничтожить врага ценой собственной жизни. Так появился миф о моряках, бросающихся под вражеские танки.

Более же детальное исследование приводит к выводу, что эпизод с пятеркой политрука Фильченкова вообще не имеет под собой реальной основы. Дело в том, что 7 ноября 1941 г. моряки-севастопольцы при всем желании не могли уничтожить 10 немецких танков, поскольку к этому времени 11-я немецко-румынская армия, действовавшая в Крыму, не располагала ни одним танком или штурмовым орудием. Об этом сообщает ее бывший командующий фельдмаршал Эрих фон Манштейн, и в этом пункте с ним вполне соглашаются современные российские историки. Как пишет Борис Переслегин, осенью 1941 г. «везде в наших документах наступление войск Манштейна неизменно поддерживали не существующие в природе группы танков в количестве 30–50–70 штук... Манштейн жалуется, что у него не было ни одного танка, и, исходя из общей оперативной ситуации на Восточном фронте и структуры немецких вооруженных сил, в это нельзя не поверить»¹⁵⁷. Мифические немецкие танки понадобились советским командирам только для того, чтобы оправдать свое бесславное поражение в Крыму в конце октября — начале ноября 1941 г., когда остатки 51-й Отдельной армии в полном беспорядке и с большими потерями эвакуировались на Таманский полуостров, а части Отдельной Приморской армии, не сумев оказать им помощь, откатились к Севастополю.

Широкая публика познакомилась с историей героической пятерки во главе с политруком Фильченковым главным образом благодаря рассказу Андрея Платонова «Одухотворенные люди»¹⁵⁸. Известно, что солдаты на фронте зачитывались этим рассказом¹⁵⁹. Процесс работы над данным произведением Андрей Платоно-

вич описал в 1942 г. в письмах жене: «Помнишь о тех, которые, обвязав себя гранатами, бросились под танки врага? Это, по-моему, самый великий эпизод войны, и мне поручено («Красной Звездой») сделать из него достойное памяти этих моряков произведение...

Я пишу о них со всей энергией духа, какая только есть во мне. У меня получается нечто вроде реквиема в прозе. И это произведение, если оно удастся мне, Мария, самого меня хоть отдаленно приблизит к душам погибших героев... Мне кажется... что мне кое-что удастся, потому что мною руководит воодушевление их подвигом...»¹⁶⁰

На тех, кто раньше был знаком с творчеством Платонова, рассказ «Одухотворенные люди» произвел сильное впечатление. Друг его воронежской юности поэт Николай Стальский писал Платонову вскоре после войны: «Радостно читал когда-то твоих «Одухотворенных людей» — узнавал знакомую взволнованность и душевную горячность»¹⁶¹. Писатель действительно «приближался к душам погибших героев», а не просто иллюстрировал казенные реляции о славном подвиге.

Несомненно, воодушевление помешало Платонову увидеть всю нелепость ситуации, когда люди бросаются с гранатами под танки. В «Одухотворенных людях» не критически воспроизводятся основные коллизии боя, содержащиеся во фронтовой листовке о подвиге пяти краснофлотцев:

«Привычная рука и чуткое сердце Цибулько действовали точно: первая же очередь пуль ушла в щель головного танка, машину занесло в сторону, и она стала со всего хода в руках своего мертвого водителя. Но второй танк с отважной яростью влетел на шоссейную насыпь, наехав почти в упор на подразделение Фильченко. Мгновенно, опережая свою мысль, Цибулько привстал, приноровился всем телом и швырнул связку гранат под этот танк...

Пулемет затих, питать его больше стало нечем, прошла последняя лента. Тогда Цибулько, не давая жизни машине, бросился в рост на ближний танк и швырнул под его

гусеницу, евшую землю на ходу, связку гранат. Раздался жесткий, клокочущий взрыв — огонь стал рвать сталь, и разрушенный танк умолк навечно.

Цибулько не слышал пулеметной стрельбы из этого танка; однако теперь он почувствовал, что в теле его поселились словно мелкие посторонние существа, грызущие его изнутри: они были в животе, в груди, в горле. Он понял, что весь изранен, он чувствовал, как тает, исходит его жизнь и пусто и прохладно становится в его сердце, он лег на комья земли и сжался, как спал в детстве у матери под одеялом, чтобы согреться».

У писателя, как и у его героя, вдохновение опережало мысль. Отважная пятерка в рассказе Платонова уничтожает не только танки, но и целую роту немецких автоматчиков. Это необходимо, чтобы, по законам мифа, герои продали свои жизни не только за уничтоженные бронированные машины, но и каждый — за добрый десяток жизней неприятельских солдат:

«Фильченко и Одинцов с хода запустили гранаты по темным телам пехотинцев. Пулемет Цибулько не давал врагам возможности подняться. Когда они приподымались, — Цибулько бил их точным секущим огнем; если они шевелились или ползли, Цибулько переходил на «штопку», то есть вонзал огонь под углом в землю сквозь тело врага...

Немцы, однако, тоже соображали кое-что: они поняли, что лучше на время отойти, чем до времени умереть. Человек тридцать сразу вскочили с земли, жалобно закричали и побежали вслед танкам. Фильченко и Одинцов бросили в них гранаты, потом добавили по ним из винтовок, и человек десять пали обратно на землю. Остальные пехотинцы — с полсотни — подняться уже не могли никогда».

А вот как бросается у Платонова под танк Николай Фильченко:

«Сердце его стеснилось в тоске по привычной жизни. Но танк уже сполз с насыпи, и Фильченко близко от себя увидел живое жаркое тело сокрушающего мучителя, и так мало нужно было сделать, чтобы его не было, чтобы сме-

сти с лица земли в смерть его унылое железо, давящее души и кости людей. Здесь одним движением можно было решить, чему быть на земле — смыслу и счастьем жизни или вечному отчаянию, разлуке и гибели.

И тогда в своей свободной силе и в яростном восторге дрогнуло сердце Николая Фильченко. Перед ним, возле него было его счастье и его высшая жизнь, и он ее сейчас жадно и страстно переживает, припав к земле в слезах радости, потому что сама гнетущая смерть сейчас остановится на его теле и падет в бессилии на землю по воле одного его сердца. И с него, быть может, начнется освобождение мирного человечества, чувство к которому в нем рождено любовью матери, Лениным и Советской Родиной. Перед ним была его жизненная простая судьба, и Николаю Фильченко было хорошо, что она столь легко ложится на его душу, согласную умереть и требующую смерти как жизни.

Он поднялся в рост, сбросил бушлат и в одно мгновение очутился перед бегущими сверху на него жесткими ребрами гусеницы танка, дышавшего в одинокого человека жаром напряженного мотора. Фильченко прицелился сразу всем своим телом, привыкшим слушаться его, и бросил себя в полынную траву под жующую гусеницу, поперек ее хода. Он прицелился точно — так, чтобы граната, привязанная у его живота, пришлась посередине ширины ходового звена гусеницы и приник лицом к земле с последним вздохом любви и ненависти...

Остальные, еще целые танки приостановились на шоссе и на сходах с него. Потом они заработали своими гусеницами одна навстречу другой и пошли обратно — через полынное поле, в свое убежище за высотой. Они могли биться с любым, даже самым страшным противником. Но боя со всемогущими людьми, взрывающими самих себя, чтобы погубить своего врага, они принять не умели. Этого они одолеть не умели, а быть побежденными им тоже не хотелось».

В рассказе Платонова, по всей вероятности, нашел отклик очерк Кривицкого «О 28 павших героях». Слова политрука Фильченко: «Товарищи! Я хочу сказать вам, что нам будет трудно. Я хочу сказать вам, что мы отойти не можем, мы будем биться здесь до самых своих ко-

стей...» напоминают «исторические слова» Ключкова о том, что «отступать некуда...».

Описание же кончины Цибулько очень схоже с описанием последних минут жизни Натарова в поэме Тигонова:

«На месте боя подразделения, которым командовал политрук Фильченко, остались видимыми лишь мертвые танки и один живой человек. Живым остался один Василий Цибулько; он понимал, что скоро умрет, но пока еще был живым. Он выполз на бровку шоссе, в стороне от места боя танков со своими товарищами, и видел почти все, что было там совершено.

Теперь он увидел, как с рубежа обороны подходила к шоссе рассыпным строем наша воинская часть. От кровотечения и слабости Цибулько то видел все ясно, то перед ним померкал свет, и он забывался.

Очнувшись, Цибулько рассмотрел возле себя людей и узнал среди них комиссара Лукьянова. Люди перевязали Цибулько, потом подняли на руки и понесли его к Севастополю. Ему стало хорошо на руках бойцов, и он, как мог, начал рассказывать им и Лукьянову, тоже несшему его, что видел сегодня. Но всего рассказать он не успел, потому что умолк и умер».

В рассказе «Одухотворенные люди» миф официальной пропаганды трансформируется в миф художественно-философский. Но при этом первичный миф воспринимался писателем как реальность. У Платонова танки — это тоже живые существа, только злые, которых герои-краснофлотцы превращают в мертвые, безопасные для жизни. Фильченко же и его товарищи хоть и умирают, но своей смертью рожают новую жизнь. Их души воскреснут, как души людей, свершивших добрые дела. Они обретают высшую жизнь.

Напротив, немецкие солдаты, с которыми сражаются моряки-севастопольцы, больше напоминают бездушные существа, которые кажутся даже менее живыми, чем танки. Один из платоновских рассказов, написанный в 1943 г., вскоре после завершения «Одухотворен-

ных людей», так и назывался — «Неодушевленный враг». Там тема смерти, рождающей жизнь, звучит буквально с первых строк:

«Смерть победима — во всяком случае, ей приходится терпеть поражение несколько раз, прежде чем она победит один раз. Смерть победима, потому что живое существо, защищаясь, само становится смертью для той враждебной силы, которая несет ему гибель. И это высшее мгновение жизни, когда она соединяется со смертью, чтобы преодолеть ее, обычно не запоминается, хотя этот миг является чистой, одухотворенной радостью». Немецкий солдат Рудольф Вальц, схватившийся в рукопашной схватке с героем рассказа в засыпанном взрывом окопе, «освобожден от сознания и от усилия собственной мысли». Как замечает Платонов, «у комара больше души и разума, чем в Рудольфе Вальце — живом или мертвом, все равно; комар живет своим усилием и своей мыслью, сколь бы она ни была ничтожна у него, — у комара нет Гитлера, и он не позволяет ему быть. Я понимал, что и комар, и червь, и любая былинка — это более одухотворенные, полезные и добрые существа, чем только что существовавший живой Рудольф Вальц. Поэтому пусть эти существа пережуют, иссосут и раскрошат фашиста: они совершат работу одушевления мира своей кроткой жизнью. Но я, русский советский солдат, был первой и решающей силой, которая остановила движение смерти в мире; я сам стал смертью для своего неодушевленного врага и обратил его в труп, чтобы силы живой природы размололи его тело в прах, чтобы едкий гной его существа пропитался в землю, очистился там, осветлился и стал обычной влагой, орошающей корни травы».

Вальц, способный лишь транслировать человеконенавистнические идеи Гитлера, не достоин считаться одушевленным существом. Только после смерти природа способна очистить его и подготовить к грядущему воскрешению. В отличие же от Вальца настоящие ге-

рой, будь то безымянный солдат из «Неодушевленного врага» или отважная пятерка из «Одухотворенных людей», не подвержены тлену и не нуждаются в посмертном очищении.

В рассказе о пяти моряках-севастопольцах Платонов пишет о бронированных машинах как о людях: «Танк круто рванулся вполоборота вокруг себя на одной гусенице и замер на месте: он подчинился смертному судорожному движению своего водителя»; «Фильченко близко от себя увидел живое жаркое тело сокрушающего мучителя»; «боец... закричал на машину страшным голосом, забыв, что ему внимать там не будут, потом резко и точно запустил бутылку в смертоносное тело машины и обрадовался пламени пожара»; «Цибулько вслушался сквозь скрежет гусениц и дребезг стальных кузовов в частое мелодичное дыхание дизель-моторов и произнес самому себе: «Эх, и все это против меня! Здравствуйте, инженер Рудольф Дизель! Я на вас не обижаюсь, я уважаю вас за великое изобретение двигателя, я — Цибулько, простой краснофлотец, но великий человек!» Герои-севастопольцы — это высший сорт человечества, люди как боги. Ниже их — одушевленные машины, с которыми краснофлотцы даже разговаривают, как с живыми. Техника не виновата, что ее используют в злодейских целях. И на самой низкой ступени находятся солдаты-немцы, неодушевленные существа, мертвые еще при жизни. Отважные же моряки, по мысли Платонова, могут драться с врагом и после смерти. Паршин утверждает: «И костями можно биться. Рванул из скелета — и бей». Так он откликается на слова Фильченко: «Мы будем биться здесь до самых своих костей...» А Одинцов призывает: «Пошли на смерть! Лучше ее теперь нет жизни!» Смерть становится лучше жизни, поскольку только смерть может остановить продвижение врага и дать героям новую, чистую жизнь в грядущем существовании.

У Платонова смерть становится творцом жизни. Именно с этим ощущением гибнут бойцы:

«С успокоенным, удовлетворенным сердцем осмотрел себя, приготовился к бою и стал на свое место каждый краснофлотец. У них было сейчас мирно и хорошо на душе. Они благословили друг друга на самое великое, неизвестное и страшное в жизни, на то, что разрушает и что создает ее, — на смерть и победу, и страх их оставил, потому что совесть перед товарищем, который обречен той же участи, превозмогла страх. Тело их наполнилось силой, они почувствовали себя способными к большому труду, и они поняли, что родились на свет не для того, чтобы истратить, уничтожить свою жизнь в пустом наслаждении ею, но для того, чтобы отдать ее обратно правде, земле и народу, — отдать больше, чем они получили от рождения, чтобы увеличился смысл существования людей. Если же они не сумеют превозмочь врага, если они погибнут, не победив его, то на свете ничего не изменится после них, и участью народа, участью человечества будет смерть».

Смерть, по Платонову, оправдана тогда, когда она приносит победу и становится итогом не напрасно прожитой жизни. В этом случае смерть становится порождением новой жизни и увеличивает смысл существования последующих поколений. Платонов вслед за русским религиозным философом Николаем Федоровым верил в возможность грядущего воскрешения всех мертвых, для чего надо вновь собрать из просторов Вселенной все атомы и молекулы каждого из когда-либо живших на Земле людей. При этом воскреснуть должны новые, просветленные, очищенные от скверны и обретшие способность к творческому преобразованию мира люди¹⁶². Пять моряков-севастопольцев уже достигли этого грядущего бессмертного статуса. И не случайно у первых читателей рассказ Платонова вызывал не грустное, а светлое чувство и ощущение продолжающейся жизни, несмотря на гибель героев. Читатели писали ему, что рассказ они читают «радостно» и что «Одухотворенные люди» — это «кусочек-солнца на зеленой живой траве под белой печальной березой, где и свет, и тени, и ветер, и зной, и люди, и предметы,

и жесткая известковая земля, и думы этих людей, и все проникнуто свежестью и волнением, какой-то исключительной и вместе с тем очень возможной, жизни»¹⁶³.

Сегодня уже нельзя точно установить, как именно происходил последний бой пятерки моряков во главе с политруком Фильченковым. С уверенностью можно только утверждать, что его группа пропала без вести, так как тел никого из пятерых найти не удалось. Уже один этот факт опровергает легенду о добравшемся до своих Цибулько. Неужели бойцы 18-го батальона не похоронили бы умершего на их руках героя с воинскими почестями и не отметили бы место захоронения? Точно так же отсутствие могилы Натарова служит еще одним доказательством недостоверности истории 28 панфиловцев.

Вероятно, в случае с пятью матросами-севастопольцами политрука выбрали на роль главного героя потому, что подвиг пропагандой был приурочен к годовщине Октябрьской революции. В принципе же нельзя исключить, что кто-то из легендарной пятерки в действительности оказался в плену и даже служил оккупантам.

В момент своего рождения, в ноябре 1941-го, миф о пятерке Фильченкова призван был потеснить в памяти защитников Севастополя память о только что происшедшем разгроме советских войск в Крыму. Звание Героя Советского Союза Фильченкову, Одинцову, Красносельскому, Цибулько и Паршину было присвоено 23 октября 1942 г., в тот момент, когда Севастополь уже пал и Красная Армия и флот были временно изгнаны из Крыма. Теперь подвиг пяти должен был подсластить горечь нового поражения, дать пример невероятной стойкости бойцам и командирам, откатившимся до Сталинграда и предгорий Кавказа.

Рассказ Платонова в военные годы воспринимался и переживался читателями как абсолютно реалистичное произведение. Один из них, Леонид Браславский, писал автору «Одухотворенных людей»: «Я жил некото-

рое время с десантниками-парашютистами, людьми, по своему духовному складу очень близкими морякам, и, по-моему, все, написанное Вами в объяснение поступков Ваших героев, в предельной степени верно и здорово. Недавно, еще не читая Вашего рассказа, я попытался возродить на бумаге недавние встречи и погибших друзей, и образ «ненависти в действии», исполненный, конечно, в нищенских и костлявых выражениях, совпал у меня с Вашим [бегущий, падающий и снова встающий Красносельский (на первой странице)], что меня обрадовало, как Ваше благословение... А добравшись до момента, когда моряк берет в рот землю («Цибулько изредка приподымал свое лицо от земли и вновь прикивал к ней вплотную. Опухшие, потрепавшиеся от ветра уста его были открыты, он прижимался ими к земле и отымал их, а затем опять жадно целовал землю, находя в том для себя успокоение и утешение». — Б. С.), я сам едва не сожрал журнал с Вашим рассказом»¹⁶⁴. Свою задачу Платонов видел в создании произведений, «полных истинной действительности, одухотворенных оживляющим мастерством писателя»¹⁶⁵. Оттолкнувшись от мифа, воспринимаемого как правда жизни, писатель, в свою очередь, породил миф, осознаваемый читателями-современниками как подлинная реальность.

4. ПОДВИГ АЛЕКСАНДРА МАТРОСОВА: ПРОПАГАНДА И ЗАКОНЫ ФИЗИКИ

Третий жертвенный миф, рассматриваемый нами, — это миф об Александре Матросове. Считается, что 23 февраля 1943 г., в день 25-й годовщины Красной Армии рядовой Александр Матвеевич Матросов в бою у деревни Чернушки под Великими Луками закрыл грудью амбразуру немецкого дзота, чем обеспечил успешное продвижение вперед своего подразделения. В официальных документах этот подвиг излагается стандартны-

ми фразами, без каких-либо живых подробностей. В донесении агитатора политотдела 91-й бригады добровольцев-сибиряков старшего лейтенанта Волкова говорилось:

«В бою за деревню Чернушки комсомолец Матросов, 1924 года рождения, совершил героический поступок — закрыл амбразуру дзота своим телом, чем и обеспечил продвижение наших стрелков вперед. Чернушки взяты. Наступление продолжается. Подробности доложу по возвращении».

Однако вечером того же дня Волков погиб, и подробности происшедшего так и остались неизвестны. В донесении политотдела бригады в политотдел 6-го стрелкового добровольческого корпуса отмечалось:

«Исключительное мужество и героизм проявил красноармеец 2-го батальона комсомолец Матросов. Противник из дзота открыл сильный пулеметный огонь и не давал продвинуться нашей пехоте. Тов. Матросов получил приказ уничтожить укрепленную точку противника. Презирая смерть, он закрыл амбразуру дзота своим телом. Пулемет врага замолчал. Наша пехота пошла вперед, и дзот был занят. Тов. Матросов погиб смертью храбрых за советскую Родину»¹⁶⁶.

19 июня 1943 г. Александру Матросову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Существует версия, что в действительности Матросов совершил свой подвиг не 23, а 27 февраля, но потом его передвинули на праздничный день¹⁶⁷. Документальных доказательств этой версии сегодня нет. В наградном листе Александра Матросова стоит дата его гибели — 23 февраля 1943 г.¹⁶⁸ Однако независимо от того, какого именно числа погиб Матросов, одна нелепость, связанная с его подвигом, десятилетиями находилась вне общественного сознания. Ведь закрыть своим телом пулеметную амбразуру просто невозможно. Даже одна винтовочная пуля, попавшая в руку, неизбежно сбивает человека с ног. А пулеметная очередь в упор

наверняка сбросит с амбразуры любое, самое грузное тело. Пропагандистский миф, разумеется, не в состоянии отменить законы физики, но он способен заставить народ на какое-то время об этих законах забыть. Всего за время Великой Отечественной войны будто бы свыше 400 красноармейцев совершили тот же подвиг, что и Александр Матросов, причем некоторые — раньше его. Нескольким «матросовцам» повезло — они остались в живых. Будучи ранеными, эти бойцы нашли силы забросать неприятельские дзоты гранатами. Здесь мы, похоже, имеем дело со своеобразным соревнованием частей и соединений, каждое из которых считало за честь иметь своего Матросова¹⁶⁹. Благо что записать человека в матросовы было очень несложно. Для этого годился любой командир или красноармеец, погибший поблизости от неприятельского дзота.

Командир взвода, в котором сражался Матросов, лейтенант Л. Королев так описал во фронтовой газете подвиг своего подчиненного: «...он подбежал к дзоту и упал на амбразуру. Пулемет захлебнулся кровью героя и умолк.

Мне не нужно было подавать команду. Бойцы, лежавшие впереди, услышали, как Саша, падая на амбразуру, крикнул: «Вперед!» И весь взвод, как один человек, поднялся и бросился к дзоту. Первым подбежал к входу сержант Кузнецов. За ним вбежали бойцы его отделения. Безмолвная схватка в дзоте продолжалась не больше минуты. Когда я вошел туда, там валялись среди гильз и пустых лент шесть мертвых немецких солдат и два пулемета.

А там, перед амбразурой, на снегу, покрытом копотью и кровью, лежал Саша Матросов. Последняя пулеметная очередь оборвала его молодую жизнь. Он был мертв, но батальон уже перешел лощину и ворвался в деревню Чернушки. Приказ был выполнен. Саша Матросов пожертвовал собой, чтобы проложить батальону путь к победе»¹⁷⁰.

Королев здесь превращает метафору в реальность, заставляя пулемет «захлебнуться кровью героя». Прав-

да, тут же выясняется, что в дзоте был не один пулемет, а два. Лейтенант не может объяснить, как получилось, что сразу оба ствола захлебнулись кровью. Впрочем, к информации о числе пулеметов, равно как и к данным о шести трупах немцев, будто бы оставшихся в дзоте, надо подходить с осторожностью. Больше ни в одном источнике о них не говорится. Не случайно в статье Королева не упоминается ни об одном погибшем советском воине, кроме Александра Матросова. Это объясняется цензурным требованием не писать о гибели красноармейцев. Если же все-таки в печати сообщалось о героической гибели одного советского солдата или офицера, то на него обязательно должно было приходиться несколько уничтоженных врагов. В полном соответствии с этим принципом на одного погибшего Матросова в статье Королева появилось шесть убитых немцев.

Но в одном пункте лейтенант не отклонился от истины. По его утверждению, труп Матросова лежал не на амбразуру, а в снегу перед дзотом. В связи с этим, однако, становится совершенно непонятным, как погибший автоматчик мог заглушить вражеский пулемет.

Только в 1991 г. писатель-фронтовик Вячеслав Кондратьев, возможно, опираясь на рассказы очевидцев, поставил под сомнение традиционную версию подвига Александра Матросова: «Да, Матросов совершил подвиг, но совсем не такой, какой описывался. Еще в войну, узнав о подвиге Матросова, мы недоумевали: зачем бросаться на амбразуру, когда ты так близко подобрался к огневой точке? Ведь можно закинуть гранату в широкий раструб дота (точнее — дзота. — Б. С.), можно открыть густой автоматный огонь по ней и тем самым на какое-то время заставить замолчать пулемет противника. Но у Саши, видимо, не было гранаты, не было и автомата — штрафная рота, в которой он находился, по всей вероятности, вооружена была лишь «родимыми» винтовками. И Матросов вынужден был действовать по-другому: он, обойдя дот, залез на него и сверху старался

прижать ствол пулемета, но немецкие солдаты, схватив его за руки, стащили вниз и расстреляли. Этой заминкой и воспользовалась рота. Это был подвиг разумный, умелый, и не вина Матросова, что у него не хватило физических сил, да и откуда они? После голодного лагеря? Но не сказали правду, создали легенду и усиленно распространяли ее как пример для подражания, пропагандируя «опыт» советских «камикадзе»¹⁷¹.

Эта версия согласуется с показаниями некоторых участников боя, видевших, что Матросов оказался наверху дзота¹⁷². Вот только сомнительным выглядит предположение, что Матросов пытался сверху пригнуть дуло пулемета к земле. Это практически невозможно сделать, поскольку дуло почти не высовывается из амбразуры. Более вероятно, что Матросов сумел подобраться к вентиляционному отверстию дзота и попытался расстрелять пулеметный расчет, но сам был сражен вражеской пулей. Падая, он закрыл своим телом вентиляционное отверстие. Пока немцы стлкаливали труп с крыши дзота на землю, они вынуждены были прекратить огонь, чем и воспользовалась советская рота, преодолев обстреливаемое пространство. Очевидно, немцев было всего двое с одним пулеметом. Пока один из них возился с трупом, другой вынужден был прекратить огонь. Пулеметчикам пришлось спасаться бегством, а ворвавшиеся в дзот красноармейцы обнаружили труп Александра Матросова с прошитой очередью грудью, лежащий на снегу перед амбразурой. Они решили, что боец закрыл собой амбразуру. Так родилась легенда, позднее многократно повторенная в десятках политдонесений о подвигах продолжателей Матросова. Между тем надпись на комсомольском билете Матросова, сделанная сразу после боя помощником начальника политотдела капитаном И. Г. Наздрачевым, гласит: «Лег на боевую точку противника и заглушил ее, проявив героизм»¹⁷³. Здесь можно усмотреть подтверждение той версии, что Матросов не амбразуру закрыл своим телом, а лег на вентиляционное отвер-

ствие, чем в итоге действительно «заглушил» неприятельский пулемет.

Сомнительно и утверждение, что Матросов был бойцом штрафной роты. Никаких документальных подтверждений этому не найдено. Наоборот, известно, что Матросов был бойцом элитного 6-го стрелкового Сибирского добровольческого корпуса имени Сталина, в составе которого вообще вряд ли были штрафные подразделения. Не исключено, что как раз служба героя в составе соединения, названного в честь вождя, способствовала мифологизации и тиражированию его подвига.

5. ПОДВИГ НИКОЛАЯ ГАСТЕЛЛО: КТО ГЕРОЙ?

Стоит сказать несколько слов и о знаменитом подвиге Николая Гастелло. Оказывается, в действительности в том бою 26 июня 1941 г. советский бомбардировщик ДБ-3Ф, будучи подбит, протаранил не немецкую моторизованную колонну, как утверждает канонизированная легенда, а упал метрах в сорока от сбившей его зенитной батареи, причем нет данных, что он вообще нанес ей какой-либо ущерб. Кроме того, учитывая вес и аэродинамические качества ДБ-3Ф, этот бомбардировщик даже при выходе из строя одного мотора практически терял управление и куда-либо намеренно направить его не было никакой возможности. Главное же — фамилия Николая Гастелло как фамилия летчика, который командовал экипажем бомбардировщика, упавшего вблизи шоссе Радошковичи — Молодечно, возникла благодаря ошибке. Ее назвал командир единственного уцелевшего в том бою советского бомбардировщика Федор Воробьев, утверждавший в донесении, что самолет Гастелло упал на колонну немцев, тогда как другой самолет экипажа под командованием Александра Маслова рухнул на лес. Много лет спустя, в 1951 г., при перезахоронении Гастелло

и его экипажа на трупе была обнаружена планшетка с документами Александра Маслова. Стало ясно, что именно его самолет упал у дороги. А самолет Гастелло упал в лес, в болото. По рассказам местных жителей, из этого последнего самолета один летчик спасся с парашютом и, раненный, был взят немцами в плен. По некоторым признакам это был именно Гастелло. Данный факт зафиксирован в «Списке безвозвратных потерь начальствующего и рядового состава 42-й авиадивизии с 22 по 28 июня 1941 г.», в котором против экипажа Гастелло значится: «Один человек из этого экипажа выпрыгнул с парашютом с горящего самолета, кто — неизвестно». А капитану Александру Маслову и еще трем членам его экипажа в 1996 г. посмертно было присвоено звание Героя России¹⁷⁴. Очевидно, и в данном случае мы имеем дело с чистой воды мифом. Тут недостоверно все: и случайно названная фамилия героя (в бою было очень трудно уследить, чей самолет куда упал), и придание герою сознательного стремления к самопожертвованию (чего в действительности, чисто технически, быть не могло), и нанесение противнику огромных потерь (которых на самом деле не было). Легенда о Гастелло должна была вдохновить красноармейцев на самопожертвование и прикрыть неудачи советской авиации в первые недели войны.

6. СЛУЧАЙ С ГЕНЕРАЛОМ ВАТУТИНЫМ

Генерал армии Николай Федорович Ватутин, командующий 1-м Украинским фронтом, — один из трех советских командующих фронтами, павших на поле боя в годы Великой Отечественной войны. Двое других — это командующий Юго-Западным фронтом Михаил Петрович Кирпонос, погибший 20 сентября 1941 г. от осколка немецкой мины при попытке вырваться из Киевского окружения, и командующий 3-м Белорусским фронтом генерал армии Иван Дани-

лович Черняховский, смертельно раненный осколком немецкого снаряда в Восточной Пруссии 18 февраля 1945 г. Ватутин же был смертельно ранен в стычке не с немцами, а с бойцами Украинской повстанческой армии и умер только полтора месяца спустя после ранения, 15 апреля 1944 г. Он был единственным из командующих фронтами, кто получил пулю непосредственно в ближнем бою, видя в лицо своих убийц. Особую пикантность его гибели придавало то, что он погиб от рук антисоветских украинских повстанцев, «бандеровцев», существование которых советская историография Второй мировой войны старалась всячески замолчать, а уж если и говорила о них, то только как о садистах-убийцах и грабителях, от которых больше всего будто бы страдало мирное украинское население. Поэтому, например, в киноэпопее Юрия Озерова «Освобождение» сцена с ранением Ватутина присутствует, но не сделано ни малейшего намека, что командующего обстреляли не немцы, а украинцы. В мемуарах советских военачальников обстоятельства ранения Ватутина приобретают характер героического мифа, когда генерал и его немногочисленная охрана ведут многочасовой ожесточенный бой с сотнями озверевших бандеровцев. Вот что писал, например, Г. К. Жуков в первом издании своих мемуаров в 1969 г.: «Н. Ф. Ватутин объезжал войска 60-й армии. Впереди ехала охрана. Н. Ф. Ватутин был во второй машине вместе с водителем и стрелком, а за ним на некотором удалении шли две машины Н. С. Хрущева... Они попали под обстрел... бандеровцев. Н. Ф. Ватутин, выскочив из машины, вместе со стрелками стал огнем прикрывать отход других машин. Во время перестрелки Николай Федорович был ранен в бедро». Но очень скоро выяснилось, что нелюбимого Жуковым Хрущева там и близко не было, и Георгий Константинович зря пытался возложить, пусть косвенную, вину за гибель Ватутина на дорогого Никиту Сергеевича: генерал, дескать, был смертельно ранен, когда прикрывал выход из боя члена Политбюро. Поэтому

уже во втором тираже первого издания жуковских мемуаров, напечатанном в 1970 г., слова о Хрущеве при описании последнего боя Ватутина исчезли. Теперь было указано, что Ватутин ехал во второй машине вместе с членом Военного совета фронта К. В. Крайнюковым и адъютантом. Когда они въехали в одно из сел, «машины попали под обстрел бандитско-диверсионной группы бандеровцев. Н. Ф. Ватутин, выскочив из машины, вместе с офицерами вступил в перестрелку, во время которой был ранен в бедро». К этому месту было сделано стыдливое редакционное примечание: «В первой части тиража настоящего издания этот эпизод был изложен недостаточно точно»¹⁷⁵. В последующих изданиях эта сцена приобрела совсем уж эпический характер:

«В 19 час. 40 мин. Николай Федорович и сопровождающие его лица, подъехав к северной окраине села Милятин, увидели толпу людей примерно в 250–300 человек и одновременно слышали выстрелы, раздавшиеся из этой толпы. По указанию Н. Ф. Ватутина машины остановились, чтобы выяснить, что случилось. Внезапно по машинам был открыт ружейный огонь из окон домов... Это были бандеровцы. Н. Ф. Ватутин и охранявшие его лица выскочили из машин, и Николай Федорович был ранен в ногу. Быстро повернув одну из машин, три бойца подхватили Н. Ф. Ватутина, положили его в машину и, захватив с собой документы, направились в сторону Ровно. С ними же уехал К. В. Крайнюков»¹⁷⁶.

В мемуарах Крайнюкова добавились новые подробности:

«...Неожиданно рядом послышалась стрельба. Машина с охраной начала быстро пятиться. Порученец командующего полковник Семиков взволнованно вскрикнул:

— Там бандеровская засада!..

— Все к бою! — выйдя из машины, скомандовал Ватутин и первым лег в солдатскую цепь...

Из-за строений показались бандиты, рассыпавшиеся по заснеженному полю. Их было немало, а наша охрана состояла лишь из десяти автоматчиков...

Факелом вспыхнула легковая машина командующего... Затем запылал другой автомобиль. Во время перестрелки генерал армии Н. Ф. Ватутин был тяжело ранен... Мы положили его в единственную уцелевшую машину»¹⁷⁷.

Поведение Ватутина во всех этих описаниях выглядит абсурдным. Вместо того чтобы уйти от явно превосходящих сил противника, пока машины еще на ходу, генерал ввязывается в совершенно ненужную перестрелку, во время которой и получает смертельное ранение.

Действительность же, как водится, сильно отличалась от того, что вспоминали не присутствовавшие при бое мемуаристы. Тот же Крайнюков цитирует свое донесение Сталину о трагическом происшествии, отправленное утром 1 марта:

«29.2.44 года, возвращаясь из штаба 13-й армии в составе четырех машин и с личной охраной в количестве 10 человек, в 18.50 при въезде на северную окраину д. Милятин... подверглись нападению бандитов численностью 300—350 человек. При перестрелке тов. Ватутин был ранен. Все меры по вывозу раненого тов. Ватутина из района нападения приняты»¹⁷⁸.

Здесь не сказано ничего о многочасовом бое и о том, что Ватутин им руководил. А вот что сообщал Хрущеву 6 марта 1944 г. начальник Смерша 1-го Украинского фронта генерал-майор Осетров: «...29 февраля 1944 года, примерно в 19.00, в населенном пункте Милятин Острожского района бандгруппа численностью в 100—120 человек обстреляла машину командующего Первым украинским фронтом генерала армии т. Ватутина, вследствие чего тяжело ранен в ногу генерал армии т. Ватутин». Осетров сообщил также, что виноваты в случившемся командование 13-й армии и адъютант Ватутина полковник Семиков, которые, зная, что в районе имеются «активно действующие бандгруппы», не усилили охрану и «не предложили бронированных средств передвижения».

Кроме того, о поездке не был информирован Смерш. Во время вынужденной остановки в трех кило-

метрах от Милятина пассажиры машин слышали впереди стрельбу, но все равно продолжили движение. Осетров же отыскал стрелочника: «...сопровождавшая командующего личная охрана и шофера вели себя достойно и мужественно, за исключением Моноселидзе, шофера члена Военного Совета т. Крайнюкова, который во время обстрела проявил трусость, угнал машину и сам участия в отражении нападения не принимал. Моноселидзе задержан и в отношении его ведется следствие...»¹⁷⁹

Таким образом, в донесении Осетрова уже присутствовал миф о том, как охрана героически отражала нападение бандеровцев, но ничего не говорится о том, что Ватутин лично руководил боем. Моноселидзе же, очевидно, чем-то провинился перед своим хозяином Крайнюковым, и он отдал его на растерзание Смерш. Потому что на самом деле никакого боестолкновения не было, и охрана по нападавшим огня вовсе не открывала, а тут же ретировалась с места боя вместе с раненым командующим, бросив одну из поврежденных машин.

Сразу же после ранения Ватутина в село Милятин была направлена опергруппа Смерш в составе 60 человек, которая захватила в плен бойца УПА Григория Ундира, показавшего на допросе, что нападение на Ватутина совершила сотня «Зеленого» в составе 80–90 человек. Сначала она захватила обоз со столь необходимыми повстанцам боеприпасами. Далее события развивались следующим образом: «Через некоторое время, уже перед вечером, по дороге из с. Тессова показали 4 автомашины, из коих 3 легковых... когда автомашины начали подходить к находившимся в засаде бандитам, по ним был открыт сильный огонь. После этого три автомашины развернулись и пошли обратно, а следовавшая первой автомашина была выведена из строя и осталась на месте...»¹⁸⁰

Получается, что никто нападение не отражал. Охрана просто переложила раненого Ватутина в одну из

уцелевших машин и скрылась с места происшествия. А число бойцов УПА уменьшилось с первоначальных 100–120 до 80–90 человек. Однако и это последнее, как кажется, было продиктовано Ундиру следователем, поскольку смершевцы с самого начала знали, что бойцов УПА была не рота, а взвод. Иначе бы не направили против них опергруппу численностью всего 60 человек. Ведь по законам партизанской войны число преследователей должно быть значительно больше, чем число партизан. Да и отряды УПА редко действовали группами в 100 и более человек. Для партизанской войны требовались гораздо меньшие по численности группы. А воспоминания уцелевших бойцов УПА дают именно такую картину тех событий. И, согласно им, сотня «Зеленого» не имела к этому эпизоду никакого отношения — здесь Ундир сознательно путал следствие. Бывший командующий группой УПА «Тютюнник» Федор Воробец (Верещака) утверждал, что нападение на Ватутина совершила группа Службы безопасности ОУН сел Михальковцы и Сиянцы Островского района Ровенской области, в которой насчитывалось от 17 до 27 человек. В подбитой машине они обнаружили документы и простреленную генеральскую шинель. Она в качестве трофея досталась бойцу по кличке Чумак. Другой участник нападения на Ватутина, Евгений Басюк (Черноморец), уже в 1990-е годы вспоминал, что нападение на Ватутина осуществила группа из уголовного отдела Службы безопасности ОУН численностью около 30 человек во главе с Трояном (Примаком). По словам Басюка, в тот момент, когда появились машины, повстанцы разбирали боеприпасы с захваченных обозных повозок и открыли огонь по машинам не из засады, а прямо с дороги¹⁸¹.

Как всегда, миф о героическом бое Ватутина должен был скрыть от потомков элементарную халатность, допущенную в организации его охраны.

7. СРАВНЕНИЕ СОВЕТСКИХ И НЕМЕЦКИХ ГЕРОИЧЕСКИХ МИФОВ ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Сравнение материала по двум мировым войнам для России позволяет выявить принципиальную разницу. По отношению к мифологизированным подвигам Первой мировой войны в послевоенные годы не только допускался, но даже приветствовался критический подход. Советская пропаганда представляла эту войну империалистической, несправедливой для всех стран-участниц, в том числе и для России. Поэтому мифы 1914–1916 гг. можно было подвергать объективному анализу с позиций здравого смысла. По отношению к ним была приемлема концепция, разделявшаяся Шолоховым. Согласно этой концепции подвиги совершаются почти бессознательно, едва ли не от страха или в полузабытьи. Иное положение создалось по отношению к мифам Великой Отечественной войны, в чем мы сейчас убедимся. Здесь требовалось представить героев сознательными борцами за Родину и коммунизм. В советской литературе за послевоенные десятилетия не появилось ни одного произведения, где давались иные версии, отличные от официальной, подвиги 28 героев-панфиловцев, 5 моряков-севастопольцев, Александра Матросова, Николая Гастелло и других героев. Здесь дело было не только в жесткой цензуре, но и автоцензуре самих писателей. Даже такой критически мыслящий автор, как Андрей Платонов, искренне и целиком поверил в пропагандистский миф и довольно точно воспроизвел его в своем рассказе военного времени.

Советские подвиги, мифологизированные во Второй мировой войне, принципиально отличались от тех, что превозносились пропагандой в Германии да и в других западных странах. Там в первую очередь рекламировались успехи летчиков, танкистов и подводников, сумевших уничтожить максимальное количество непри-

ягельских самолетов, танков и судов. Вся Германия знала имена летчика Эриха Хартманна, сбившего 352 неприятельских самолета, первого морского героя Понтера Прина, командира подводной лодки U-47, потопившей 28 неприятельских судов (гибель Прина два с половиной месяца скрывалась от народа), лучшего танкиста Второй мировой войны Михаэля Виттмана, подбившего более 140 танков, равно как и десятков других асов¹⁸². Подвиги такого рода отразились и в послевоенных мемуарах немецких генералов. Например, Фридрих Вильгельм фон Меллентин пишет о некоем капитане Лестмане, который в боях на Дону в декабре 1942 г. во главе подразделения из 25 новейших танков «тигр» за короткое время уничтожил 65 советских танков, не потеряв ни одного своего¹⁸³.

У нас же политрук Василий Клочков и рядовой Александр Матросов были во время войны более известны, чем лучшие советские летчики-асы Иван Кожедуб и Александр Покрышкин. А Александр Маринеско, автор самой результативной среди советских подводников атаки, в ходе которой был потоплен океанский лайнер «Вильгельм Густлов», долгие десятилетия оставался в забвении и звания Героя Советского Союза был удостоен лишь посмертно — в 1990 г.¹⁸⁴

В послевоенных мемуарах советские генералы также запечатлели героев, достигших больших успехов в уничтожении вражеской техники. Так, маршал бронетанковых войск М. Е. Катуков рассказал о своем подчиненном старшем лейтенанте Д. Лавриненко, погибшем под Москвой в декабре 1941 г.: «Двадцать восемь кровопролитных боев с противником было на его счету. Трижды горела машина Дмитрия Лавриненко, но отважный танкист из самых тяжелых ситуаций выходил невредимым. Он уничтожил 52 фашистских танка. История минувшей войны не знает другого такого примера»¹⁸⁵. В данном случае Михаил Ефимович явно грешит против истины, поскольку на счету немецкого танкиста Виттмана было почти в три раза больше уни-

чтоженных танков, чем у Лавриненко. Да и в числе уничтоженных старшим лейтенантом танков позволено усомниться. Во-первых, последний уничтоженный Лавриненко немецкий танк, по утверждению Каткуова, был тяжелым¹⁸⁶, что, как мы уже говорили, в принципе невозможно. Во-вторых, подвиги Лавриненко начали популяризировать еще в годы войны, но тогда число уничтоженных им неприятельских машин было несколько иным. Как писал корреспондент «Правды» Юрий Жуков, «больнее всего было узнать, что нет уже на свете храброго танкиста Лавриненко. Сорок семь танков уничтожил этот юноша, трем смертям смотрел в глаза, три машины сменил на поле боя, но крепко берегла его судьба до тех пор, пока пустой случай не оборвал его молодую жизнь: вышел он на дороге из танка, хотел осмотреться, и шальной снаряд, разорвавшийся рядом, убил его»¹⁸⁷. В полном соответствии с законами мифа герой-богатырь, троекратно избегавший верной смерти, в конце концов гибнет в результате нелепой случайности.

Весьма показательно и то, что наряду с описанием подвигов Лавриненко Каткуов вынужден был, отдавая дань традиции, поместить в своих мемуарах и подробный рассказ о 28 панфиловцах, хотя бой у разъезда Дубосеково не имел никакого отношения к действиям каткуовской 1-й гвардейской танковой бригады¹⁸⁸.

В Советском Союзе пропаганде необходимо было приучить красноармейцев к мысли о неизбежности громадных потерь, ценой которых врагу будто бы наносятся еще большие потери и покупается конечная победа. Мифы о 28 гвардейцах-панфиловцах, 5 моряках-севастопольцах, Александре Матросове и матросовцах и ряд других как раз и призваны были побудить народ к самопожертвованию, убедить бойцов и командиров, что можно противостоять натиску немцев даже тогда, когда они имеют перевес в технике, что можно и нужно идти на неподавленные укрепления противника, закрывая грудью амбразуру. Ради этого пропаганда допу-

скала даже реалистическое изображение гибели советских героев, которое мы видим в очерке Кривицкого, рассказе Платонова, поэме Тихонова. В других странах, в частности в Германии и в США, подобный сюжет — жизненно достоверное изображение смерти — оставался табу, особенно в кинофильмах¹⁸⁹.

Публично немецкие лидеры особо подчеркивали свое желание уменьшить жертвы как армии, так и мирного населения Германии. Правда, Гитлер, выступая в рейхстаге 1 сентября 1939 г., призывал вермахт и немецкий народ к любым жертвам, мотивируя этот призыв собственной готовностью «принести любую личную жертву». Фюрер поклялся, что не переживет поражения, и клятву, как известно, сдержал, хотя вряд ли думал об этом в первый день войны¹⁹⁰. Однако всего лишь месяц спустя, 6 октября 1939 г., выступая в рейхстаге по завершении польского похода, Гитлер подчеркивал свое стремление к минимизации германских потерь, утверждая, что только благодаря такому стремлению остатки польской армии смогли до 1 октября удерживать укрепления Варшавы, Модлина и косы Хель¹⁹¹. Также и выступая в Мюнхене 8 ноября 1942 г., в разгар кровопролитного сражения за Сталинград он утверждал, что медленное продвижение немецких войск к Волге объясняется желанием избежать здесь мясорубки, подобной Вердену, равно как длительная осада Севастополя призвана была предотвратить большие потери в немецких войсках¹⁹².

Только в последние месяцы войны, когда поражение Германии было уже очевидно для всех, мотив жертвенности стал главным в национал-социалистической пропаганде. Так, Гитлер 7 октября 1944 г. обратился с посланием к членам гитлерюгенда, добровольно отправившимся на фронт:

«Мой Гитлерюгенд! Я с радостью и гордостью узнал о вашем желании уйти на фронт добровольцами всем классом 1928 года рождения. И в этот решающий для Рейха час, когда над нами нависла угроза ненавистного врага, вы да-

ли нам всем вдохновляющий пример боевого духа и безоглядной преданности делу победы, каких бы жертв это от вас ни потребовало... Нам известны планы врагов, направленные на безжалостное уничтожение Германии. Именно по этой причине мы будем сражаться еще более преданно во имя Рейха, в котором вы сможете с честью трудиться и жить... Жертвы, принесенные нашим героическим юным поколением, найдут свое воплощение в победе, которая обеспечит нашему народу, национал-социалистическому Рейху гордое и свободное развитие»¹⁹³.

Геббельс в дневниковой записи 1 апреля 1945 г. выражал надежду, что перелом в воздушной войне будет достигнут тогда, когда немецкие истребители станут таранить англо-американские бомбардировщики: «Отныне против этих бомбардировочных эскадр будут применяться в качестве таранящих истребителей старые немецкие самолеты. Нужно исходить из того, что потери этих истребителей-таранов при их тотальном использовании против вражеских бомбардировщиков составят до 90 процентов»¹⁹⁴. Однако ни в боевых действиях, ни даже в пропаганде такая «таранная тактика» не успела найти своего применения.

И в предсмертном политическом завещании, когда все уже было кончено, Гитлер основным сделал жертвенный мотив: «...я хотел бы, оставшись в этом городе (Берлине. — Б. С.), разделить судьбу с теми миллионами других людей, которых уже настигла смерть... Из этих жертв наших солдат и из моей собственной связи с ними до самой моей смерти в германской истории так или иначе, но взойдет однажды посев сияющего возрождения национал-социалистического движения, а тем самым и осуществления подлинно народного сообщества... Командующих армией, военно-морским флотом и люфтваффе я прошу самыми крайними мерами укрепить у солдат дух сопротивления в национал-социалистическом смысле этого слова, указав на то, что я, как основатель и создатель этого движения, предпочел смерть трусливому бегству, а тем более —

капитуляции. Пусть это станет однажды частью понятия чести германского офицера, как то уже имеет место в нашем военно-морском флоте: сдача какой-либо территории или города — невозможна, а командиры должны быть впереди и служить ярким примером самого верного исполнения своего долга, вплоть до собственной гибели»¹⁹⁵. Свое самоубийство Гитлер рассматривал как подвиг, призванный вдохновить вермахт и германский народ на борьбу до последнего человека. Своих матросовых и клочковых придумать нацистская пропаганда просто не успела, хотя уже находилась на пути к созданию подобных мифов.

Характерно, что практически все советские жертвенные мифы возникли в наиболее тяжелый для СССР период войны — в первые два года, еще до коренного перелома в войне, произошедшего в результате победы на Курской дуге. Хотя, что интересно, гораздо сильнее оказались мифологизированы те сражения последних лет, в которых Красная Армия одерживала победы, по сравнению с битвами 1941–1942 гг., в которых советские войска терпели поражения. Это соответствовало схеме мифа как такового. Сначала герой должен сталкиваться с неудачами, которые в один прекрасный момент чудесным образом сменяются победами. В германской пропаганде тенденция к подобному мифотворчеству проявилась только в последний год войны, когда оставалось уже мало сомнений в скором поражении рейха. Не исключено, что здесь проявилось сходство реакции пропаганды тоталитарных режимов на критическую для них военную ситуацию. Как коммунистическая, так и национал-социалистическая идеология рассматривала жизнь граждан как достояние государства. В случае необходимости они должны без колебаний принести эти жизни на алтарь Отечества, обменяв их, как думали вожди, на еще большее число жизней врагов соответственно Советского Союза и рейха. Очень точно сказал по этому поводу писатель Вячеслав Кондратьев: «Увы, режим, который не жалел

людей и в мирное время, не мог жалеть их тем более в войну, спасая собственное существование. Клянясь народом, большевики всегда видели в нем лишь материал для осуществления своих утопических идей, да, думаю, и идеи-то эти являлись лишь прикрытием для патологического стремления властвовать»¹⁹⁶. Данная характеристика вполне применима и к национал-социалистическому режиму. Однако даже в последние месяцы войны бессмысленное самопожертвование на немецкой стороне было характерно лишь для фанатиков-эсэсовцев. Армия оставалась в целом под контролем генералов старой школы, ориентированных на минимизацию жертв в собственных войсках. Не случайно в последние месяцы войны вермахт нес основные потери не убитыми, а пленными. Генералы и чиновники также успешно саботировали приказ Гитлера о проведении тактики «выжженной земли» на территории рейха¹⁹⁷. Красная Армия в этом отношении была гораздо более послушна воле политического руководства и воевала, не считаясь с жертвами.

Сталин, как и Гитлер, публично всегда подчеркивал необходимость заботиться о сохранении жизни каждого человека. Так, в мае 1935 г. советский вождь, приветствуя в Кремле выпускников военных академий, привел пример из своей жизни в сибирской ссылке:

«Дело было весной, во время половодья. Человек тридцать ушло на реку ловить лес, разбушевавшийся громадной рекой. К вечеру вернулись они в деревню, но без одного товарища. На вопрос о том, где же тридцатый, они равнодушно ответили, что тридцатый «остался там». На мой вопрос «как же так, остался?» они с тем же равнодушием ответили: «Чего ж там еще спрашивать, утонул, стало быть». И тут же один из них стал торопиться куда-то, заявив, что «надо бы пойти кобылу напоить». На мой упрек, что они скотину жалеют больше, чем людей, один из них ответил при общем одобрении остальных: «Что ж нам жалеть их, людей-то? Людей мы завсегда сделать можем. А вот кобылу... попробуй-ка сделать кобылу». (Общее оживление в зале.) Вот вам штрих, может быть мало-

значительный, но очень характерный. Мне кажется, что равнодушное отношение некоторых наших руководителей к людям, к кадрам и неумение ценить людей является пережитком того странного отношения людей к людям, которое сказалось в только что рассказанном эпизоде в далекой Сибири»¹⁹⁸.

В действительности Иосиф Виссарионович относился к людям точно так же, как и крестьяне в далекой сибирской деревне. Однако открыто он в этом никогда не признавался. И в сталинских речах и публиковавшихся в газетах приказах периода войны, в отличие от гитлеровских, нигде не говорится о жертвах. Только в директивах, не предназначенных для печати, повторяется порой «не считаться с жертвами»¹⁹⁹. В приказе от 17 ноября 1941 г. Сталин потребовал при отходе «уводить с собой советское население и обязательно уничтожать все без исключения населенные пункты, чтобы противник не мог их использовать». Для уничтожения уже оставленных населенных пунктов в тылу немецких войск Верховный Главнокомандующий потребовал «бросить немедленно авиацию, широко использовать артиллерийский и минометный огонь, команды разведчиков и партизанские диверсионные группы, снабженные бутылками с зажигательной смесью, гранатами и подрывными средствами»²⁰⁰. Все эти мероприятия обрекали на гибель тысячи мирных жителей.

В открытой печати о неизбежности многочисленных жертв с советской стороны прямо писать было нельзя. Поэтому в мифах о погибших героях их смерть, как правило, оправдывалась значительно большей ценой, которую они заставили заплатить за свою смерть врага, в том числе и в человеческих жизнях.

Все советские мифы о героях, ценой собственной жизни обеспечивших победу над превосходящими силами врага, остались практически в неизменном виде на протяжении нескольких послевоенных десятилетий и все еще являются объектом веры для значительной части народа. Такие мифы должны были отвлечь вни-

мание от огромных потерь Красной Армии, на порядок превышавших потери русской армии в Первой мировой войне. В годы войны они играли важную мобилизующую роль для объединения усилий нации под лозунгом «Победа или смерть!». Однако те же самые мифы играли и не менее существенную отрицательную роль, понижая цену человеческой жизни в глазах командиров всех степеней и побуждая их добывать победу любой ценой, не считаясь с жертвами. Послевоенная приверженность прежним мифологическим клише препятствовала реформированию вооруженных сил на принципах сбережения солдатских жизней и упора на качественные показатели боевой подготовки. Их по-прежнему строят, стремясь к максимально высокой численности личного состава и боевой техники.

То, что все рассмотренные нами советские мифы оказались весьма далеки от действительности, наводит на мысль, что подавляющее большинство героических мифов Великой Отечественной войны на самом деле являются пропагандистскими фантазиями, имеющими целью отвлечь внимание народа и армии от огромных советских военных потерь и беспотности командования, создать уверенность у участников войны и послевоенных поколений впечатление, что Красная Армия воевала умело и самоотверженно. Однако если в самоотверженности большинства советских солдат и офицеров, безропотно выполнявших любые приказы командования, сомневаться не приходится, то высокая боевая подготовка и мастерство — это один большой миф, составными частями которого являлись, в частности, мифы о 28 гвардейцах-панфиловцах, 5 моряках-севастопольцах и Александре Матросове.

Миф был необходим не только для поддержания боевого духа народа в период войны. В послевоенные годы в СССР легенды военного времени служили оправданием коммунистического строя, замешали в глазах молодых поколений, не участвовавших в боях, подлинную картину войны, с большой кровью и большими

ошибками, не вписывавшуюся в официальную мифологию. Десятилетия господства тоталитарного режима привели к тому, что военные мифы приобрели удивительную устойчивость. Можно согласиться с американским историком Ричардом Пайпсом, утверждающим: «Г. А. Куманев с упорством, достойным лучшего применения, продолжает отстаивать традиционную картину боя у разъезда Дубосеково, даже после того, как опубликованные архивные документы не оставили на ней камня на камне. Он настаивает, что эти документы — не «Большая правда», а «Большая ложь и клевета на живых и мертвых героев», поскольку «отнюдь не по случайному стечению обстоятельств»... 28 гвардейцев оказались в самый опасный для столицы и Родины момент на самом опасном и ответственном рубеже»²⁰¹. По утверждению Куманева, в год 30-летия Победы и Ортенберг, и Кривицкий в беседах с ним утверждали, что в 1948-м дали показания об обстоятельствах боя у Дубосекова будто бы лишь под сильным нажимом следователей²⁰². Правда, при этом никак не объясняется, зачем следователям потребовалось фальсифицировать недавнюю историю в «антигероическом духе» — неужели только затем, чтобы посадить сержанта Добробабина? Но ведь того судили за службу в немецкой полиции, а отнюдь не за действия в бою у разъезда Дубосеково.

Но Куманеву вполне можно поверить в том, что оба первых творца легенды о героях-панфиловцах три десятилетия спустя предпочитали держаться прежней версии. Официальный миф оставался непоколеблен, а материалы расследования, проведенного Главной военной прокуратурой, были по-прежнему секретны, хотя слухи о них и ходили среди посвященных. Поэтому и Кривицкому, и Ортенбергу выгодно было представить свои показания на следствии как вынужденное отступление от первоначальной истины или как извращенные следователями на прямо противоположные.

В Германии, как кажется, в отношении военных мифов позиция общественного мнения была прямо противоположной, чем в России. Мифы сохранялись только после Первой мировой войны. Тогда подлинные и мнимые подвиги германских солдат на фронте вписывались в легенду об «ударе кинжалом в спину». Мифы же Второй мировой войны по большей части канули в Лету с крахом Третьего рейха. Оккупация и создание на западе Германии демократического государства, принявшего «комплекс немецкой вины» за преступления нацизма, не оставили места для массовой военной мифологии. Мужество отдельных солдат и офицеров признавалось, почитались отдельные уцелевшие герои войны, вроде Эриха Хартманна, но в целом эпоха 1939–1945 гг. получила в общественном сознании негативную оценку как из-за господства тоталитарного режима, так и из-за понесенного Германией поражения. Поэтому и военные мифы не играли здесь той роли, что в СССР. В Восточной же Германии, где на смену нацизму пришел тоталитаризм советского образца, никакие позитивные суждения о вермахте и действиях Германии во Второй мировой войне были в принципе невозможны и никакие героические мифы, за исключением мифа антифашистского сопротивления, возглавляемого коммунистами, не могли воспроизводиться.

В сегодняшней России героические мифы Великой Отечественной войны все еще играют заметную роль в общественном сознании. Их пересмотру противятся не только советские историки, сделавшие на них свою карьеру и репутацию. Критике мифов противятся гораздо более широкие слои общественности. В этом убеждает, в частности, реакция на фильм НТВ «Победа. Одна на всех», где была сделана попытка поставить под сомнение многие традиционные суждения о войне. Борис Лебедев в «Советской России» утверждает: «После всего увиденного и услышанного мне было стыдно. Не за то, как, какими потерями, какой кровью наш народ выиграл прошлую войну. Прошлым можно гор-

даться. Стыдно перед теми, кто победил. Стыдно за все то, что сотворили и творят с нашей страной и с ее историей»²⁰³.

В данном случае, пусть подсознательно, как нам кажется, раскрывается подлинная причина, почему значительная часть россиян держится за героические мифы Великой Отечественной. Они помогают заглушить бессознательный стыд за не слишком отрадное настоящее, за то, что жизнь в России гораздо хуже, чем в побежденной Германии, да и в подавляющем большинстве европейских стран. Мифы стали способом ухода от неприятной действительности, средством сохранения иллюзий величия России и надежд на ее возрождение. Когда нам довелось опубликовать в «Известиях» основные цифры, относящиеся к сражению под Прохоровкой, полностью разрушающие миф о советской победе в нем²⁰⁴, телефонные звонки, на которые нам пришлось отвечать, подтвердили это заключение о природе и функции военных мифов. Приходилось слышать такие вопросы: как же можно пропагандировать такую правду, зачем нам эта правда нужна. Подавляющему большинству народа десятилетиями внушался и, к сожалению, продолжает внушаться героический миф Великой Отечественной войны — через школьные учебники, мемуары, исторические и художественные книги о войне, а также, не в последнюю очередь, через документальные и художественные фильмы типа эпопеи «Освобождение». Сознание, привыкшее к миру иллюзий, очень болезненно с ними расстается. От мифов тяжело избавляться, но жить с мифами опасно. В Германии процесс демифологизации освобождения общественного сознания от мифов периода нацизма и Второй мировой войны уже произошел. Также и в США сегодня депортацию американцев японского происхождения в период войны открыто называют преступлением, а жертвам этой депортации официально выплачивают компенсацию. Американская же историография Второй мировой войны много внимания

уделяет, например, проблеме расовой сегрегации в американской армии времен Второй мировой войны, при том, что эта тема болезненно воспринимается и нынешним американским сознанием. А вот в России же этот процесс еще только начинается. Сегодня невозможно представить себе, к сожалению, чтобы депортация немцев Поволжья или чеченцев и ингушей была названа преступлением и пострадавшим была выплачена компенсация. Закон о реабилитации репрессированных народов остается пустым звуком. Также отсутствует официальное осуждение преступлений, совершенных Красной Армией и НКВД в Германии в последние месяцы войны и позднее, в лагерях для интернированных. Даже расстрел десятков тысяч поляков весной 1940 г. хотя и осуждается, но российскими властями не признается актом геноцида. Подобному покаению противятся не только правящие круги, но и общественное мнение. Отказ от пересмотра мифов Великой Отечественной мешает людям осознать действительное положение, в котором находятся и они сами, и страна. Распад СССР и крах коммунизма многим кажутся результатом заговора «темных сил». «Ведь социалистический строй так хорошо проявил себя во время войны», — учит мифологизированная история, и последующая деградация и крушение этого строя представляются исторической случайностью, результатом чьей-то злой воли. Миф о великих подвигах в Великой Отечественной войне — это часть мифа о Великом Государстве, будто бы только и способном спасти поданных, ценой жесткого ограничения их свободы, от внешних врагов и внутренних неурядиц. Только разрушение героических мифов освободит сознание значительной части русского народа от остатков тоталитарной идеологии, научит полагаться на собственные силы, на личную инициативу, а не на благотворительность государства, разбудит у людей дух предпринимательства²⁰⁵.

Книга американского историка Майка Спика в оригинале называется «Эксперты люфтваффе» — именно термин «эксперт» применялся в Германии в годы Второй мировой войны для обозначения летчиков, сбивших большое число неприятельских самолетов. В других странах, в том числе и в России, используется иной термин — «ас», который и стоит в названии русского перевода. Исследование Спика через судьбы экспертов Геринга демонстрирует драматизм борьбы в воздухе в 1939—1945 гг. Здесь освещена и тактика ведения воздушного боя немецкими летчиками, и их действия в составе групп. Ожесточенные схватки часто даются глазами их участников, что позволяет как бы вживую ощутить динамику боя. Этим работа Спика принципиально отличается от советских мемуаров и исследований о действиях советской авиации в Великой Отечественной войне, состоящих в основном из общих фраз и содержащих очень мало конкретной информации. Вот чего в книге почти нет, так это действий экспертов в составе более крупных подразделений, их взаимодействия с обычными летчиками-истребителями, а также с собственными бомбардировщиками и штурмовиками. Темой книги является анализ деятельности именно экспертов — летчиков, уничтоживших 60 и более неприятельских самолетов днем и 25 и более машин но-

чью. В специальных приложениях приведены краткие сведения о 231 дневном и 67 ночных экспертах. Жаль, что в списках они расположены в порядке убывания числа побед, а не по алфавиту. Это затрудняет поиск сведений о нужном летчике. Г. Корнюхиным в дополнение к американскому изданию составлены списки асов государств — союзников Германии, что можно только приветствовать, а также интересный очерк истребительной авиации Японии.

То, что по числу побед советские асы сильно уступали немецким, сомнений не вызывает. На счету попавшего в Книгу рекордов Гиннеса Эриха Хартманна 352 победы (все они одержаны на Восточном фронте, но в списке есть и 7 американских истребителей «Мустанг», сбитых над Румынией). На втором месте Герхард Баркхорн с 301 победой, а на третьем — Гюнтер Ралль с 275. Почти все свои победы первая тройка экспертов одержала в борьбе с советской авиацией. Наши же наиболее результативные летчики Иван Кожедуб и Александр Покрышкин одержали соответственно только 62 и 59 побед. Корнюхин в предисловии ставит под сомнение число побед, одержанных немецкими экспертами, и повторяет старые утверждения, будто основную часть своих потерь, около двух третей, люфтваффе понесло на Восточном фронте в борьбе против советской авиации. Насчет преувеличения, возможно, какая-то доля истины есть, поскольку в бою очень трудно установить, уничтожен вражеский самолет или нет и кто именно его сбил. Но по этой части наши пилоты давали большую фору немецким. Иначе как объяснить, например, что, по советским отчетам, в Курской битве было уничтожено 3700 самолетов, тогда как архивы люфтваффе подтверждают безвозвратные потери за июль и август 1943-го только 3213 боевых машин, из которых на всем Восточном фронте, а не на одной только Курской дуге, было сбито или погибло в авариях 1030 самолетов. Но и по книге Спика видно, что основные потери люфтваффе понесло в борьбе против

западных союзников, а не на Восточном фронте. По моим подсчетам, из 128 экспертов дневной авиации, погибших, попавших в плен, пропавших без вести или более не поднимавшихся в воздух из-за тяжелых ранений, 112 большинство своих побед одержало на Востоке, и только 16 — на Западе. Однако из 112 «восточников» 57 оказались сбиты на Западе или на Востоке, но в тот момент, когда они сражались с англо-американскими самолетами. Из 16 же «западников» на Восточном фронте нашли свой конец лишь пятеро. С экспертами ночной авиации картина еще более впечатляющая. Почти все они боролись против «летающих крепостей» союзников. Из 29 погибших ночных экспертов лишь двое стали жертвами советской авиации. Понятно, почему в последние полтора года войны пилотов люфтваффе, только что окончивших летные школы, немцы сначала посылали обстреляться в более спокойной обстановке советско-германского фронта и лишь затем бросали на Запад для куда более трудных схваток с союзной авиацией.

Отмечу также, что данные о безвозвратных потерях личного состава люфтваффе из выпущенного еще в 1973 г. ныне покойным издательством «Наука» двухтомника В. И. Дашичева «Банкротство стратегии германского фашизма», свидетельствуют о значительно большей роли западных театров по сравнению с восточным. Из 109 704 погибших, без учета персонала училищ и других тыловых учреждений, на Запад пришлось 34 147, на Юг (Италия, Северная Африка и Балканы) — 22 625, а на Восток, включая польскую кампанию 1939 г., — 52 932, или всего лишь 48,2 процента. А ведь надо еще принять во внимание и то, что училища и учебно-тренировочные части располагались в основном на Западе и действовали главным образом против англо-американской авиации. Среди пропавших без вести доля Восточного фронта опускается до 31,5 процента, а в суммарных безвозвратных потерях составляет лишь 39,9 процента. Однако необходимо учесть, что

значительная часть потерь люфтваффе на Востоке при-
шла на долю авиаполевых дивизий, действовавших
как обычная пехота. Поэтому доля потерь летного пер-
сонала немцев на Востоке в действительности была су-
щественно меньше, чем 40 процентов — доля советско-
германского фронта в общих потерях личного состава
люфтваффе. За вычетом потерь авиаполевых дивизий,
составивших не менее 10 тыс. убитых и пропавших без
вести и не менее 22 тыс. раненых, безвозвратные поте-
ри на Восточном фронте составят около 34,5 процента
всех потерь летного состава люфтваффе.

Должен заметить, что в последнее время появляются
также и труды российских авторов, где дана более
объективная, чем прежде, картина борьбы в воздухе
в годы Второй мировой войны. Укажу, в частности,
на исследование Д. А. Соболева «История самолетов
1919—1945» (М.: РОССПЭН, 1997). Однако там речь
идет о техническом прогрессе военной и гражданской
авиации и о тактико-технических характеристиках раз-
личных машин, но не об особенностях войны в возду-
хе. Между тем давно настала пора написать правдивую,
очищенную от мифов историю борьбы люфтваффе
и советской авиации. И хорошо было бы написать та-
кую же книгу о советских асах, какую Майк Спик на-
писал о немецких.

Новая книга Виктора Суворова посвящена наиболее мифологизированной личности Великой Отечественной войны — маршалу Георгию Жукову. Автор «Аквариума» и «Ледокола» развенчивает того, кого ныне русские ура-патриоты выдвигают на роль новоявленного православного святого, а власть пытается представить подлинно народным маршалом и главным архитектором победы. Суворов представляет Георгия Константиновича как «маршала-людоеда», безжалостного к собственным солдатам, офицерам и генералам, зато очень щепетильного к собственной репутации в донесениях и мемуарах. В отличие от предыдущих книг в «Тени победы» Суворову почти не пришлось прибегать к передержкам или весьма вольной интерпретации фактов. Здесь факты говорят сами за себя. Однако иной раз передержки все же случаются.

Автор книги начинает повествование с хлесткого утверждения, что ныне «Советский Союз остался без героев. Выяснилось, что вожди Советского Союза все без исключения — это банда преступников и негодяев». Думаю, что если брать не всю советскую эпоху, а хотя бы 1941–1945 гг., то с Суворовым в общем можно согласиться. Это в том случае, если понимать под вождями Сталина и членов Политбюро. Каждый из них до войны и во время войны подписал расстрельных списков на многие десятки тысяч людей, казненных

без суда и следствия. Но вот если под вождями иметь в виду также хотя бы всех командующих фронтами, данное утверждение уже не будет столь однозначным. Да, безусловно, как мы увидим дальше, за некоторыми из маршалов, в том числе за Жуковым, преступные приказы, в юридическом смысле слова, действительно числятся, но нет бесспорных доказательств, что все из командующих поступали подобным образом. За большинством из высокопоставленных советских генералов и маршалов можно безоговорочно признать только моральную, но не юридическую вину за то, что они бездарно и бездумно, в страхе за собственную шкуру перед Верховным Главнокомандующим посылали на убой сотни тысяч, даже миллионы солдат и офицеров, — потому что иначе воевать не умели и не могли. Это — мое собственное мнение. Если Суворов думает иначе, ему следовало бы начать книгу, вероятно, с разбора действий генералов и маршалов. Он же начинает с подвига 28 гвардейцев-панфиловцев. Я вполне соглашусь с Суворовым в том, что подвига у разъезда Дубосеково в том виде, в каком мы его знали, не было. Был разгром 4-й роты 1075-го полка 316-й дивизии генерала Ивана Панфилова. В роте было не 28 человек, а 130–140, из которых лишь около 25 пробрались к своим, остальные погибли или попали в плен. Танков в том бою они подбили не 18, а 5–6, немецкая же пехота вообще в нем не участвовала. Командира и комиссара полка за неудачный бой у Дубосекова сняли с должности и собирались отдать под суд, но начавшаяся шумиха в газетах насчет «подвига 28 гвардейцев-панфиловцев» спасла командование 1075-го полка если не от расстрела, то от штрафбата. Все это было установлено военной прокуратурой и МГБ уже после войны во время следствия и суда по делу Ивана Добробабина, за бой у Дубосекова удостоенного посмертно звания Героя Советского Союза. Однако панфиловец остался жив и еще успел послужить в немецкой вспомогательной полиции. Все бы обошлось, если бы уцелевший герой сидел тихо.

Но Добробабин, узнав, что удостоен высокого звания, захотел получить на руки Золотую звезду. Трибунал же решил, что столь высокой награды для бывшего полицая будет многовато, а вот 25 лет лагерей — в самый раз. Повторяю, громкий подвиг горстки героев, уничтоживших почти два десятка вражеских танков и не пропустивших врага на Москву, был целиком придуман. Вместо него был негромкий подвиг сотни бойцов, честно исполнивших солдатский долг в своем последнем бою. Но к фабрикации мифа были причастны несколько журналистов и политработников армейского звена, а также главный редактор «Красной Звезды» Давид Ортенберг, но никак не высшее командование Красной Армии. Жуков лишь подмахнул представление на составленный по случайному принципу список из 28 героев, вряд ли даже задумавшись, что же именно произошло 16 ноября 1941 г. у разъезда Дубосеково. Обвинять на этом основании Георгия Константиновича в бандитизме и в иных преступлениях совершенно не основательно. И вообще, кем-кем, а бандитом Жукова назвать никак нельзя.

Зато за прославленным маршалом много чего другого неприглядного числится. Здесь Суворов прав. Он справедливо замечает в связи с предложением посмертно присвоить Жукову звание Генералиссимуса России, что «у нас принято не только почитать мертвецов, но и советоваться с ними, просить у них помощи и заступничества». Это точно. Жуков после смерти оказался востребован никак не меньше, чем при жизни. Мифом о великом полководце и народном маршале стараются прикрыть реальность войны, где с советской стороны большая кровь соседствовала с большим разгильдяйством. Суворов на многочисленных примерах доказывает, что Жуков был и полководцем бездарным, и человеком неоправданно жестоким по отношению к собственным подчиненным. Да и откровенным мародерством в побежденной Германии не брезговал: как и другие генералы, ташил то, что плохо лежит.

Так, можно согласиться с мнением, что «необузданное самолюбие Жукова сочеталось... с нечеловеческой жестокостью». А вот утверждение там же, что он погряз также в пьянстве и разврате, остается спорным. Прямых доказательств этого нет. В подтверждение же необузданной жестокости достаточно печально знаменитой шифрограммы Жукова № 4976, посланной Балтийскому флоту и армиям Ленинградского фронта 28 сентября или днем раньше:

«Разъяснить всему личному составу... что все семьи... сдавшихся в плен врагу будут расстреляны и по возвращении из плена они также будут все расстреляны» (впервые опубликована мною в газете «Известия», 29.09.2000).

Драконовский сталинский приказ № 270 о репрессиях против пленных по сравнению с жуковским — верх гуманизма. Сталин хотя бы семьи, хотя бы грудных детей не предписывал уничтожать.

Суворов подчеркивает, что «маршал Советского Союза Конев описал Жукова тупым, ни на что не способным солдафоном и негодяем». Но в доказательство статью Конева «Сила Советской Армии и Флота в руководстве партии, в неразрывной связи с народом», опубликованную в «Правде» 3 ноября 1957 г., предпочитает не цитировать. Давайте хоть мы процитируем: «Жуков переоценил себя и свои способности (между прочим, совершенно точное определение! — Б. С.), стремился все вопросы руководства Вооруженными Силами решать единолично, не выслушивая мнений других и полностью эти мнения игнорируя». И ставил ему в вину накануне войны, в частности, «одновременное развертывание большого количества крупных механизированных соединений без учета возможности их своевременного укомплектования боевой техникой и кадрами специалистов, что отрицательно сказалось на ходе вооруженной борьбы в начальный период войны». Солдафонство, пожалуй, Георгию Константиновичу можно инкриминировать (то, что он был самоуве-

рен и груб с подчиненными, далеко не один Конев вспоминает). Равно как и слабое знание основ военного искусства. Но объявить его негодяем, пожалуй, будет чересчур. Жуков не так уж сильно отличался от других сталинских генералов и маршалов. Вот Суворов приводит цитату из отзыва маршала Еременко о маршале Жукове: «Этот узурпатор и грубиян относился ко мне очень плохо, просто не по-человечески. Он всех топтал на своем пути... Это человек страшный и недалекий. Высшей марки карьерист». У Еременко есть и более хлесткая характеристика Жукова: «Жуковское оперативное искусство — это превосходство в силах в 5–6 раз, иначе он не будет браться за дело, он не умеет воевать не количеством и на крови строит свою карьеру» (Подмосковье, 1994, № 25. С. 5). Но и тот же Еременко относился к тем, кто ниже по званию, ничуть не лучше Жукова. Суворов приводит доклад Сталину члена Военного совета 13-й армии Ганенко (у Суворова ошибочно Гапенко) о том, как «Еременко, не спросив ни о чем, начал упрекать Военный Совет в трусости и предательстве Родины... На мои замечания, что бросать такие тяжелые обвинения не следует, Еременко бросился на меня с кулаками и несколько раз ударил по лицу, угрожал расстрелом. Я заявил — расстрелять он может, но унижать достоинства коммуниста и Депутата Верховного Совета он не имеет права. Тогда Еременко вынул маузер, но вмешательство командующего армией Ефремова помешало ему произвести выстрел. После того он стал угрожать расстрелом Ефремову. На протяжении всей этой безобразной сцены Еременко истерически выкрикивал ругательства, несколько остыв, Еременко стал хвастать, что он, якобы с одобрения Сталина, избил несколько командиров корпусов, а одному разбил голову». Правда, в указанном источнике (ВИЖ, 1993, № 3, с. 24) этого текста нет, но текст — подлинный. Мне уже доводилось неоднократно публиковать его из следующего источника: РГАСПИ, ф. 558, оп. 11 (Фонд И. В. Сталина), д. 59, л. 52–53.

Дело здесь в том, что Сталину нужны были именно такие генералы — которые с охотой били подчиненных и сами, в свою очередь, безропотно сносили унижения со стороны вышестоящих. И конечно, требовалась абсолютная лояльность вождю. Готовясь ко Второй мировой войне, оснащая Красную Армию тысячами и тысячами танков и самолетов, Сталин произвел в 1937–1938 гг. масштабную зачистку высшего командного состава, избавляясь от тех, в чьей стопроцентной лояльности к себе сомневался. Заодно он зачистил и гражданскую номенклатуру. Зачистка делалась отнюдь не на случай возможного поражения. О поражении Сталин не думал. Воевать собирались «малой кровью и на чужой территории». Зачистка нужна была в ожидании грядущей победы. Сталин очень хорошо знал историю революций и понимал, что Бонапарты рождаются из побед, а не из поражений. Призрак бонапартизма преследовал его всю жизнь. Именно опасения, что кто-то из победоносных маршалов двинет полки на Кремль, заставили диктатора инспирировать «дело о военно-фашистском заговоре» и казнить Тухачевского, Якира, Блюхера (того, правда, строго говоря, не казнили, а забили насмерть на следствии) и сотни других командармов и комдивов, комкоров и комбригов, в чьей лояльности в тот момент еще не было никаких оснований сомневаться. Остались только проверенные «конармейцы» — Ворошилов и Буденный, Шапошников и Тимошенко, Мерецков и Жуков, у которых, как полагал Сталин, опасных амбиций в случае победы не возникнет. Правда, насчет Жукова к концу войны он это мнение, похоже, изменил и уже вскоре после победного 1945-го отправил его в не слишком почетную ссылку. Но не уничтожил, а все-таки сохранил для грядущих боев. Дело в том, что советские маршалы одновременно выступали и в роли палачей собственного народа, и в роли спасителей отечества. И такой парадокс принципиально неустрашим.

Причины этой опалы, на мой взгляд, Суворов трактует несколько упрощенно. Он полагает, что поводом

для отставки Жукова с поста командующего войсками в Германии стала его неспособность справиться с мародерством в войсках, поскольку сам маршал был крепко нечист на руку. Спорить с таким утверждением не буду — архивных публикаций о трофейных похождениях Жукова предостаточно, и многие из них удачно цитируются в книге Суворова. Однако среди рядового и офицерского состава мародерство было остановлено еще во второй половине 1945-го, Жукова же отозвали в Москву только в марте 1946 г. Генералам же Сталин и до опалы Жукова и ряда близких к нему военачальников не запрещал эшелонами гнать трофейное добро из завоеванной Европы. Это и делалось затем, чтобы потом иметь против них один совершенно бесспорный пункт обвинений в грабеже, а награбленное изъять (официально трофеи оформлялись как купленные за трофейные же рейхсмарки по символическим ценам). Скорее, главным здесь было желание приструнить генералов-победителей, пользовавшихся популярностью среди офицерского корпуса. Но на сей раз Сталин расстрелял очень немногих (включая генерал-полковника Василия Гордова и разжалованного маршала Григория Кулика). Остальных, включая Жукова, сохранил — для будущей войны.

Суворов подробно доказывает, что в ходе войны у Жукова было больше неудач, чем побед. Летом 1941 г. Юго-Западный фронт, действия которого он курировал, начисто проиграл приграничное сражение. Весь 1942 г. войска Западного направления под его руководством безуспешно штурмовали Ржевский плацдарм. В 1944 г. 1-й и 2-й Украинский фронты, действия которых он координировал, не смогли уничтожить окруженную под Корсунь-Шевченковским группировку противника, основная часть которой прорвалась к своим. Также в 1944 г., в пору командования 1-м Украинским фронтом, Жуков не сумел удержать в котле 1-ю немецкую танковую армию, благополучно вышедшую из окружения. В 1945 г. Жуков недооценил прочность немецкой обороны на Зееловских высотах и по-

нес большие потери при штурме этой позиции, которую, строго говоря, не было большой нужды штурмовать, поскольку она была уже обойдена с юга войсками Конева. А затем Жуков предпринял столь же бессмысленный штурм Берлина, хотя город все равно вскоре вынужден был бы капитулировать из-за истощения боеприпасов. Как доказывает Суворов, Жуков имел очень небольшое отношение к плану окружения немцев под Сталинградом и ничем особо выдающимся не проявил себя на Курской дуге. В чистом активе «маршала Победы» остается не так уж много. Это — контрнаступление под Ельней, первое успешное контрнаступление Красной Армии. Правда, этот успех был омрачен тем, что противник все-таки ускользнул из полуокруженного ельнинского выступа, а жуковское контрнаступление нисколько не помешало немцам окружить в это же время армии Юго-Западного фронта под Киевом. К успехам Жукова можно отнести и оборону Ленинграда в сентябре 1941 г., однако и здесь надо сделать оговорку о том, что Георгий Константинович был назначен командовать Ленинградским фронтом в тот момент, когда Гитлер уже отказался от идеи захватить город штурмом и перешел к его блокаде. И наконец, может быть, главная заслуга Жукова в войне — оборона Москвы и контрнаступление осенью — зимой 1941 г. Правда, и оно сопровождалось потерями, многократно превосходившими неприятельские. Так, только одна 323-я стрелковая дивизия Западного фронта за три дня боев 17–19 декабря в среднем имела ежедневно 565 убитых и пропавших без вести, а вся германская Восточная армия — 686, лишь немногим больше (Скрытая правда войны: 1941 год. М.: Русская книга, 1992, с. 222; Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3, кн. 2. М.: Воениздат, 1971, с. 120, 161).

Почему же Сталин так долго держал рядом с собой полководца, столько раз терпевшего неудачи? На мой взгляд, Суворов дает верный ответ на этот вопрос: Сталин ценил человека, который был готов по первому

приказу расходовать солдатские жизни в таком количестве. Добавлю, справедливости ради, что и другие советские генералы и маршалы воевали в большинстве своем не лучше Жукова. Впрочем, в советской системе, где упор делался на количество войск и техники, а не на качество боевой подготовки и командования, не на самостоятельность бойцов и командиров (в ней видели угрозу системе), а на следование шаблону, только такие военачальники и были нужны. Других система выбрала еще в 1937—1938 гг. Особо впечатляет заключительный рассказ об учениях 1954 г. на Тощком полигоне с использованием ядерного оружия. Суворов, привлекая материалы интервью немногих уцелевших участников тех трагических испытаний, показывает бессмысленность и бесчеловечность этих учений, на которых солдат использовали в качестве подопытных кроликов, потом тысячами погибших от лучевой болезни. Жуков никогда не сожалел о бездумно загубленных там молодых жизнях. Наоборот, некоторые апологеты Жукова за эти злополучные учения даже и превозносят его. А потому вполне можно согласиться со следующим суворовским выводом: «Сталин понимал лучше всех: социализм не может существовать без регулярного, через 5—7 лет, массового истребления массы вождей от райкомов до Политбюро, от полков и дивизий до Генерального штаба, от начальников районных отделов НКВД до главарей Лубянки. Как только прекратились массовые расстрелы руководителей, система сгнила. Процесс гниения затянулся, потому что России страшно не повезло. На ее долю выпали неисчислимые природные запасы... Неисчислимые богатства — наше несчастье, как бананы для папуаса». Жукову еще повезло. Его не расстреляли. Благодаря этому и превратили маршала в главного мифологического героя войны — для этой цели годился только уцелевший удачник. Если бы не уцелел — остался бы только невинной жертвой сталинского произвола.

Сталин, как известно, после Победы милостиво разрешил присвоить себе звание генералиссимуса. И ни один из советских маршалов, естественно, не возразил. Но интересно, считали ли они Иосифа Виссарионовича за истинного полководца? И как относился он сам к своим военачальникам, держал ли он их за настоящих полководцев? Все ответы приходится давать более или менее гадательно. Ведь, на людях Сталин, конечно же, своих маршалов и генералов хвалил, говорил, что Красная Армия — самая-самая в мире.

Были ли в высшем советском военном руководстве группировки в сталинскую эпоху? О двух из них, существовавших до 1937 г., хорошо известно: одна, возглавляемая Тухачевским, и другая, «конармейская», во главе с Ворошиловым и Буденным. Чтобы обеспечить единовластие «конармейцев», Иосиф Виссарионович в 1937–1938 гг. в значительной мере обезглавил Красную Армию. Диктатор готовился к большой войне в Европе и надеялся на быструю победу, из которой могли явиться новые Бонапарты. Ворошилова Сталин в бонапартизме не подозревал, а вот Тухачевского — подозревал, потому и уничтожил. Но надо признать, репрессии не ограничились только Тухачевским и его товарищами. Пострадали и многие высшие военачальники, занимавшие нейтральную или неопределенную позицию в противостоянии людей Тухачевского с «конармейцами». Маршал Блюхер, например, пострадал из-за неудачных боев с японцами в районе озера Хасан.

А маршал Егоров, близкий к Ворошилову и Буденному, был выведен в расход из-за болтливости по пьяному делу, когда Александр Иванович посетовал, что его заслуги в разгроме Деникина преуменьшают, говорят все больше об Иосифе Виссарионовиче. Но, наверное, все-таки не только за это. Главная беда была в том, что в современной войне Егоров мало что смыслил, и Сталин, очевидно, не считал, что тот может пригодиться ему в грядущем мировом конфликте. Правда, и Ворошилов с Буденным испытания войной не выдержали. Но они ратовали ведь не только за сохранение кавалерии, но и за всемерное развитие танковых войск и моторизацию армии. Что они никакие полководцы, выяснилось только в финскую и Великую Отечественную. Однако и тогда Сталин их не репрессировал, ценя беззаветную преданность, а перевел на военно-дипломатические и представительские должности. Но вообще-то критерием для того, чтобы избежать репрессий, были не только безусловная преданность, но и профессионализм. В профессионализме Жукова, например, Сталин не сомневался, и потому всю войну держал его на высших должностях, а после Победы тихо удалил во второстепенный округ. В целом же преданность без профессионализма не гарантировала жизни. Так, Г. М. Штерн вместе с Жуковым ковал победу на Халхин-Голе и вместе с ним стал Героем Советского Союза. Но затем не слишком удачно действовал в финскую войну. К тому же еще вскрылось его неподходящее социальное происхождение из «эксплуататорских классов», которое Григорий Михайлович всячески скрывал. Это не помешало, впрочем, назначить Штерна на высокий пост начальника Управления ПВО, хотя там он вконец осрамился, пропустив в мае 1941-го немецкий «Юнкерс-52» на Москву. По этому делу был также арестован и расстрелян целый ряд руководителей ВВС, которым инкриминировали, наряду с «юнкерсом», высокую аварийность советских самолетов. Генералов-авиаторов обильно расстреливали и в первые месяцы

войны, поскольку советские ВВС полностью проиграли люфтваффе. То есть генералы страдали все за тот же непрофессионализм. В принципе, этот непрофессионализм порождался всей системой построения советских вооруженных сил, но Сталин упорно не хотел признавать, что недостатки носят системный характер, и предпочитал карать высокопоставленных исполнителей. А куда тем было деваться, если самолетов выпускали все больше и больше, а пилотов учили все меньше, по системе «взлет — посадка»?..

Так вот, могли ли в подобных условиях вновь возникнуть соперничающие группировки в руководстве Красной Армии к началу и в годы Великой Отечественной войны? И выгодно ли было Сталину существование группировок? На последний вопрос как будто надо сразу же дать отрицательный ответ. Для чего, спрашивается, Сталин ликвидировал групповщину в армии в канун большой войны?! Но, с другой стороны, существование группировок вроде бы было Сталину выгодно. Ведь это затрудняло возможность выступления военных против его диктатуры. Как кажется, Сталин действительно играл на соперничестве военачальников, но предпочитал, чтобы это соперничество имело сугубо индивидуальную основу, не позволял генералам и маршалам сбиваться в стаи. А то вдруг еще победившая стая возьмет и набросится на него!

Разумеется, какие-то неформальные группы в армии все-таки создавались, в том числе и в годы войны. Обычно командующий фронтом или армией старался, чтобы начальник штаба, первый член Военного совета, ряд других генералов штаба, а иногда и некоторые командующие армиями и корпусами были из числа если не близких друзей, то хотя бы добрых знакомых, с которыми командующий уже сработался и с которыми не имеет антагонистических противоречий. Часто, если командующий получал повышение или его перебрасывали на другую армию или фронт, и многие из прежних подчиненных шли за ним. Но такое неформальное объ-

единение правильнее называть командой, а не группой. Строго говоря, без такой команды невозможно эффективное управление не только в армии, но и на гражданской службе, и в бизнесе. Подобный принцип управления существовал не в одной лишь Красной Армии, но и в армиях других государств. В случае же если в подчинении одного генерала находится другой, которого начальник на дух не переносит, то, как правило, подчиненный генерал вскоре перемещается на другой пост. Причем это характерно не только для нашей, но и для иностранных армий. Например, когда в декабре 1941 г. группу армий «Центр» возглавил фельдмаршал фон Клюге, он немедленно потребовал сместить со своего поста командующего 2-й танковой армией Гудериана, и Гитлер пошел навстречу этому желанию. Всем было хорошо известно, что Гудериан и Клюге друг друга терпеть не могли, и дело даже дошло до дуэли, которую, однако, запретил Гитлер. Также широко известно соперничество между Эйзенхауэром и Монтгомери, Монтгомери и Паттоном, Паттоном и Брэдли. Правда, здесь в большинстве случаев соперничавшие генералы представляли две союзные нации.

Замечу, что в мемуарах, особенно в нецензурированных версиях, дневниках и документах, а также в частных разговорах с друзьями, журналистами и офицерами советские военачальники оставили друг о друге немало замечательных отзывов, из которых становится ясно, что большой симпатии друг к другу они отнюдь не питали. Их отзывы можно вполне охарактеризовать словами гоголевского Собакевича: «Один там только и есть порядочный человек: прокурор, да и тот, если сказать правду, свинья». Давайте почитаем некоторые из них. Вот что, например, 27 июня 1941 г. маршал К. Е. Ворошилов сказал в лицо генералу армии Д. Г. Павлову, только что снятому с командования Западным фронтом:

«Как вы могли согласиться на это назначение, не имея ни опыта, ни знаний. У вас, прямо скажу, кругозор командира кавалерийского полка, от силы командира тан-

ковой дивизии. Возглавляли вы какой-то период Главное бронетанковое управление Наркомата обороны и неплохо освоились с этим делом, познакомились с промышленностью, знали людей, работающих в танкостроении, и надо было вам продолжать работу в этой области. Но у вас после Испании закружилась голова, вы вообразили себя стратегом, военачальником, не имея необходимых для такого поста данных.

Меня тогда, к сожалению, не послушали. Сейчас мне тяжело об этом говорить, а вам слушать. Но я еще раз повторяю: задолго до войны, хорошо вас зная, для меня было очевидным, что вы берете ношу не по плечу. Но тогда вы этого не хотели понять».

А маршал Г. К. Жуков 22 августа 1944 г. в письме начальнику главного управления кадров Наркомата обороны генералу армии Ф. И. Голикову, наоборот, нелестно отозвался о военачальниках-«конармейцах», хотя сам делал карьеру в этой группировке:

«Мы не имели заранее подобранных и хорошо обученных командующих фронтами, армиями, корпусами и дивизиями. Во главе фронтов встали люди, которые проваливали одно дело за другим (Павлов, Кузнецов, Попов, Буденный, Черевиченко, Тюленев, Рябышев, Тимошенко и др.)». Что любопытно, есть и противоположное высказывание Жукова о том же Тимошенко, относящееся уже к 1960-м годам. Тогда Жуков говорил писателю Константину Симонову: «Тимошенко в некоторых сочинениях оценивают совершенно неправильно, изображают его чуть ли не как человека безвольного и заискивавшего перед Сталиным. Это неправда. Тимошенко — старый и опытный военный, человек настойчивый, волевой и образованный и в тактическом, и в оперативном отношении. Во всяком случае, наркомом он был куда лучшим, чем Ворошилов, и за тот короткий период, пока им был, кое-что успел повернуть в армии к лучшему. Случилось так, что после харьковской катастрофы (в мае 1942 г. под Харьковом были окружены значительные силы Юго-Западного фронта, которым командовал Тимошенко, в плен попало 240 тыс. человек. — Б. С.) ему больше не поручалось командовать фронтами, хотя в роли командующего

фронтом он мог быть много сильнее некоторых других командующих, таких, например, как Еременко. Но Сталин был на него сердит и после Харькова, и вообще, и это сказалось на его судьбе на протяжении всей войны. Он был человеком твердым, и как раз он никогда не занимался заискиванием перед Сталиным, если бы он этим занимался, вполне возможно, что он получил бы фронт».

В свою очередь, главный маршал авиации А. Е. Голованов так говорил о Жукове через много лет после войны: «Не зря Сталин послал его в Ленинград вместо Ворошилова, и он, применив там силу, справился! Ведь он расстреливал там целые отступавшие наши батальоны! Он, как Ворошилов, не бегал с пистолетом в руке, не водил сам бойцов в атаку, а поставил пулеметный заслон — и по отступающим, по своим! Но скажу, что на его месте я точно так же поступил бы, коли решается судьба страны».

Г. К. Жуков об А. Е. Голованове (со слов Голованова в изложении Ф. Чуева): «Когда Жукова проводили на пенсию, Голованов первый приехал к нему навестить, чему тот очень удивился:

— Знал бы ты, сколько я тебе зла сделал! За Берлинскую операцию Героя тебе не дал! Прожил я жизнь, а так и не научился разбираться в людях: кого поддерживал, оказались подхалимами и ничтожествами, с кого взыскивал — настоящими людьми. Не боишься, что тебя заберут? А то ко мне два дня никто не звонит...» Из этого запоздалого признания видно, что в войну маршалы относились друг к другу прохладно. После же войны их, надо думать, объединила общая нелюбовь к Хрущеву, от которого оба пострадали.

Некоторые другие маршалы, в отличие от Голованова, крыли Жукова еще в войну самыми последними словами. Вот что, например, записал в дневнике 19 января 1943 г. маршал А. И. Еременко:

«Жуков, этот узурпатор и грубиян, относился ко мне очень плохо, просто не по-человечески. Он всех топтал на своем пути, но мне доставалось больше других. Не мог

мне простить, что я нет-нет да и скажу о его недостатках в ЦК или Верховному Главнокомандующему. Я обязан был это сделать, как командующий войсками, отвечающий за порученный участок работы, и как коммунист. Мне от Жукова за это попадало. Я с товарищем Жуковым уже работал, знаю его как облупленного. Это человек страшный и недалекий. Высшей марки карьерист...» А 28 февраля 1943 г. последовало совсем уж убийственное: «Следует сказать, что жуковское оперативное искусство — это превосходство в силах в 5–6 раз, иначе он не будет браться за дело, он не умеет воевать не количеством и на крови строит свою карьеру».

Не отличались большой сердечностью и отношения других генералов и маршалов. Вот еще один очень характерный документ. 1 марта 1944 г., командуя 3-й армией 1-го Белорусского фронта, А. В. Горбатов обратился с письмом к секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову с просьбой о переводе на другой фронт:

«Глубокоуважаемый товарищ Маленков!

...Прошу извинить за беспокойство. Был вынужден подать командующему прилагаемый к сему рапорт. Прошу, если сочтете возможным, помочь скорейшему переводу. Более желательно к тов. Попову М. М. (Прибалтийский фронт), с ним я хорошо сработался и дам максимум помощи». Такой же рапорт Горбатов направил и командующему 1-м Белорусским фронтом Рокоссовскому. Там, в частности, говорилось: «Я всегда изыскивал все возможные способы к активным действиям, и неудивительно, что проведенные операции 3 Армии были осуществлены не по Вашему приказу, а по моей инициативе, как выпрошенные, и даже с трудом.

Эти операции, предпринимаемые как частные — армейские с дивизиями небольшой численности, имели вначале большой успех, но, не подкрепленные Вами вовремя, неизбежно выдыхались в своем дальнейшем развитии. В разговорах накануне операции имели часто место такие выражения с Вашей стороны: «Мой характер не приспособлен к длительному сидению в обороне», «Если будет успех», «Если Вы будете продвигаться». Это говорит за то, что Вы не верили в успех, а поэтому не подбрасывали

заблаговременно к району наших действий необходимых подкреплений.

Когда же наступление приостанавливалось, Вы всегда бросали мне незаслуженные упреки и искали виновников в 3 Армии, а не во фронте. Ваши обычные обвинения: «упустили момент», «опустили руки», «не здраво оценили обстановку» я считаю незаслуженными, ибо они не подтверждались фактами... Помимо других упреков, Вы меня также упрекнули и в погоне за салютами. Я не считаю это большим недостатком, так как салют, заслуженный боями, воодушевляет войска... С 3 Армией я прошел большой трудный путь, она завоевала себе определенное место в Красной Армии.

С 3 Армией у меня связаны сотни случаев, когда я рисковал жизнью, чтобы добиться скорейшего и полного успеха. Уходить из нее мне очень тяжело, но интересы дела требуют, чтобы я ушел из Вашего подчинения.

Прошу рапорт мой доложить Народному комиссару Обороны».

Александр Васильевич жаловался, что ему не дают подкреплений, что не позволяет далее развивать наступление его армии, обескровленной боями. Но, строго говоря, это прерогатива командующего фронтом — решать, где наносить главный, а где — вспомогательный удар, где концентрировать силы и средства. И у Рокоссовского могли быть свои резоны не поддерживать слишком активно операцию, которую Горбатов начал по своей инициативе, явно в погоне за салютами. Кстати, тогда конфликт был благополучно улажен, и Горбатов остался на своем посту, а потом дошел со своей армией до Берлина.

Все сказанное совершенно не означает, что тот же Горбатов принадлежал к группировке Рокоссовского или к группировке Попова. Таких группировок в принципе не существовало. Хотя у того же Рокоссовского была группа генералов, которых он обычно таскал за собой с фронта на фронт. Были такие постоянные спутники и у других командующих. Но это, повторяю, были команды, а не группировки. Группировка же —

это объединение группы генералов и маршалов, занимающих равновеликие посты, вокруг неформального лидера, у которого большинство из них не находится в непосредственном подчинении. И, положив руку на сердце, такого неформального лидера, помимо Сталина, у советских генералов и маршалов в годы войны не было и быть не могло.

Обычно на роль подлинного военного вождя и главного творца победы молва и советские историки эпохи перестройки выдвигали маршала Жукова. При этом в его группировку обычно включали командующих главными фронтами Рокоссовского и Конева, а также начальника Генштаба А. М. Василевского (последний был жуковским свояком).

Эту версию всячески подчеркивал в своих послевоенных мемуарах и интервью сам Георгий Константинович, утверждавший, что именно он уговорил Сталина выпустить из тюрьмы Рокоссовского в 1940 г. и спас Конева от расстрела в октябре 1941 г., когда комиссия во главе с Молотовым после разгрома под Вязьмой уже искала для Ивана Степановича подходящую стенку. Это только потом, дескать, на заключительном этапе Сталин умело стравил трех маршалов, отобрав у Рокоссовского возможность брать Берлин и устроив гонку к столице рейха между Жуковым и Коневым. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что ни один из перечисленных командующих в жуковскую группировку никогда не входил. Освободили Константина Константиновича из ленинградских «Крестов» в марте 1940 г., и произошло это отнюдь не по инициативе Жукова, который до мая 1940-го находился в Монголии и со Сталиным не встречался. За Рокоссовского попросил новый сталинский фаворит С. К. Тимошенко, только что успешно прорвавший «линию Маннергейма» и уже намеченный на пост наркома обороны вместо осрамившегося в финскую Ворошилова. Семен Константинович был старшим товарищем Константина Константиновича по «конармейской группировке»,

которая, казалось бы, теперь безраздельно властвовала в Красной Армии. Но на самом деле она фактически перестала играть роль группировки, поскольку никаких соперников больше не было. Главное же, в 1940 г. в самой этой группировке произошел раскол. Сталин искусно противопоставил не оправдавшему надежд Ворошилову более молодого Тимошенко. При этом Ворошилов и близкий к нему Шапошников, также смещенный с поста начальника Генштаба, были уязвлены и, как мы убедились на примере Павлова, весьма прохладно относились к креатурам Тимошенко. Сталин же умело обложил Тимошенко со всех сторон, чтобы новый нарком не проявлял излишней самостоятельности. Первым заместителем Тимошенко в наркомате стал Буденный. Семену Константиновичу было весьма затруднительно командовать своим бывшим командармом, у которого он когда-то был начдивом. К тому же Сталин очень быстро избавил Тимошенко от выбранного им самим начальника Генштаба — К. А. Мерецкова, который еще в гражданскую служил под началом Тимошенко в 4-й кавалерийской дивизии. Уже в январе 1941 г. Мерецков был заменен Жуковым, причем это был всецело выбор Сталина. Если на прежних этапах карьеры Георгию Константиновичу крепко помогали те же Буденный и Тимошенко, то теперь его выбрал сам Сталин, на которого большое впечатление произвел успех Жукова на Халхин-Голе.

Но вернемся к Рокоссовскому. Даже если когда-то их с Жуковым и связывали дружеские отношения, то уже первые месяцы войны значительно убавили симпатий Константина Константиновича к Георгию Константиновичу. Вот что писал Рокоссовский о событиях осени 1941-го под Москвой в неискаженной версии своих мемуаров. Тогда под натиском противника 16-я армия Рокоссовского отходила к Истринскому водохранилищу. Командарм решил отвести войска за эту водную преграду, чтобы выделить дополнительные силы для занятия оборонительных позиций у Солнечно-

горска. Однако Жуков отход запретил и послал Рокоссовскому грозную шифровку: «Войсками фронта командую я! Приказ об отводе войск за Истринское водохранилище отменяю, приказываю обороняться на занимаемом рубеже и ни шагу не отступить». Константин Константинович в мемуарах прокомментировал этот приказ следующим образом:

«...Вышестоящие инстанции не так уж редко не считались ни со временем, ни с силами, которым они отдавали распоряжения и приказы. Часто такие приказы и распоряжения не соответствовали сложившейся на фронте к моменту получения их войсками обстановке, нередко в них излагалось желание, не подкрепленное возможностями войск».

В беседе же со слушателями Академии имени Фрунзе в 1962 г. он нарисовал куда более колоритную картину:

«Жуков был не прав (когда запретил 16-й армии отходить за Истринское водохранилище. — Б. С.). Допущенная им в этот день при разговоре по телефону ВЧ грубость переходила всякие границы. Я заявил, что если он не изменит тона, то прерву разговор».

Рокоссовский полагал, что подобными приказами Жуков стремился «обеспечить себя от возможных неприятностей свыше. В случае чего обвинялись войска, не сумевшие якобы выполнить приказ, а «волевой» документ оставался для оправдательной справки у начальника или его штаба. Сколько горя приносили войскам эти «волевые» приказы, сколько неоправданных потерь было понесено!» Не лучше обстояло дело и во время московского контрнаступления. Рокоссовский рассказал слушателям академии имени Фрунзе:

«20 декабря после освобождения Волоколамска стало ясно, что противник оправился, организовал оборону и что наличными силами продолжать наступление нельзя. Надо было серьезно готовиться к летней кампании. Но, к великому сожалению, Ставкой было приказано продолжать наступление и изматывать противника. Это была грубей-

шая ошибка. Мы изматывали себя. Неоднократные доклады о потерях Жуков не принимал во внимание. При наличных силах добиться решительных результатов было нельзя. Мы просто выталкивали противника. Не хватало орудий, танков, особенно боеприпасов. Пехота наступала по снегу под сильным огнем при слабой артиллерийской поддержке».

Не лучше были взаимоотношения двух маршалов и в период сражения под Сталинградом. Рокоссовский вспоминал, как вступал в командование Донским фронтом: «Представителям Ставки и начальнику Генерального штаба... следовало находиться именно в Ставке, у руля управления всеми вооруженными силами, где вырабатывались и принимались основные решения на действия войск, а не отрываться от своих прямых обязанностей выездами в войска... Доложив о вступлении в командование войсками фронта, я попросил предоставить мне возможность командовать войсками непосредственно... Крепко поддержал меня в этом Маленков, заявив Жукову, что моя просьба вполне обоснована, а потому действительно им сейчас здесь делать нечего. В тот же день они улетели в Москву». Запомнилась ему и сцена в штабе Сталинградского фронта, когда, услышав, как командующий фронтом генерал В. Н. Гордов материт по телефону своих подчиненных, Жуков, заместитель Верховного Главнокомандующего, «не вытерпел и стал внушать Гордову, что «криком и бранью тут не поможешь; нужно умнее организовать бой, а не топтаться на месте». Услышав его поучение, я не смог сдержать улыбки. Мне невольно вспомнились случаи из битвы под Москвой, когда тот же Жуков, будучи командующим Западным фронтом, распекал нас, командующих армиями, не мягче, чем Гордов.

Возвращаясь на КП, Жуков спросил меня, чему это я улыбался. Не воспоминаниям ли подмосковной битвы? Получив утвердительный ответ, заявил, что это ведь было под Москвой, а кроме того, он в то время яв-

лялся «всего-навсего» командующим фронтом». Поистине дьявольская разница, как говаривал Пушкин!

Что-то не похоже, что Жуков и Рокоссовский особо любили друг друга. Создается впечатление, что черная кошка между ними пробежала не осенью 1944-го, когда Рокоссовского заменили Жуковым на главном, берлинском направлении, а значительно раньше.

Точно так же и Конев в посмертно опубликованных главах мемуаров рисует совсем иную картину своего назначения заместителем командующего Западным фронтом комиссией Молотова, без какого либо участия Жукова:

«К 10 октября стало совершенно ясно, что необходимо объединить силы двух фронтов — Западного и Резервного — в один фронт под единым командованием. Сбравшиеся в Красновидове на командном пункте Западного фронта Молотов, Ворошилов, Василевский, я, член Военного совета Булганин (начальник штаба фронта Соколовский в это время был во Ржеве), обсудив создавшееся положение, пришли к выводу, что объединение фронтов нужно провести немедленно. На должность командующего фронтом мы рекомендовали генерала армии Жукова, назначенного 8 октября командующим Резервным фронтом. Вот наши предложения, переданные в Ставку:

«Москва, товарищу Сталину.

Просим Ставку принять следующее решение:

В целях объединения руководства войсками на западном направлении к Москве объединить Западный и Резервный фронты в Западный фронт.

Назначить командующим Западным фронтом тов. Жукова.

Назначить тов. Конева первым заместителем командующего Западным фронтом...

5. Тов. Жукову вступить в командование Западным фронтом в 18 часов 11 октября.

Молотов, Ворошилов, Конев, Булганин, Василевский.

Принято по «бодо» 15.45 10.10.41 года».

Получается, что никто Ивана Степановича расстреливать не собирался и все назначения были решены без участия Жукова. Замечу, что в дальнейшем Конев

не раз снимался с должности, а затем вновь возвращался на основные фронты, но никакого влияния Жукова на эти взлеты и падения не прослеживается. Зато хорошо известен конфликт между Коневым и Жуковым по поводу того, кого назначить на ликвидацию корсунь-шевченковской группировки. Тогда это было поручено Коневу, а Жуков был очень огорчен, что близкий к нему Ватугин остался в тени. Так что отношения Конева и Жукова задолго до Берлинской операции были далеки от товарищеских. Поэтому Сталину не было никакой нужды сглаживать своих маршалов путем устройства «берлинской гонки» или хитроумной перетасовки их с фронта на фронт.

Все перемены перед заключительными операциями в Германии преследовали одну, по большому счету пропагандистскую, цель — создать величественный образ Сталина — полководца и победителя, координирующего действия трех фронтов в наступлении на «фашистское логово» — Берлин. Кстати, подвернулась еще удачная возможность, благодаря гибели И. Д. Черняховского, отправить Василевского командовать 3-м Белорусским фронтом в Восточную Пруссию, освободив от должности начальника Генштаба. Преемником Василевского стал генерал армии А. И. Антонов, который большого авторитета в армии не имел и которого никто не мог заподозрить в том, что он является истинным архитектором победы. А уж подозревать Василевского в намерении как-то умалить его, Сталина, авторитет Иосиф Виссарионович никак не мог. Александр Михайлович даже помощь отцу священнику стал оказывать только после того, как Сталин приказал, о чем маршал честно признался в мемуарах.

Почему же Сталин после войны удалил Жукова в периферийный Одесский округ, несколько десятков генералов и маршалов-победителей посадил, а троих, в том числе бывшего маршала Кулика, расстрелял? Строго говоря, был расстрелян еще целый ряд генералов, служивших во власовской армии или просто ока-

завшихся в плену, но в данном случае нас интересуют только те из генералов, кто благополучно завершил войну. Кулика, Гордова и Рыбальченко расстреляли за антисталинские и антисоветские разговоры, зафиксированные «прослушкой» МГБ. Надо было приструнить генералов-победителей, надышавшихся европейским воздухом и возомнивших, что теперь товарищ Сталин без них не обойдется. А первая опала Жукова была вызвана отнюдь не тем, что Сталин видел в нем угрозу своей власти. Роковую роль сыграло то, что Георгий Константинович много болтал и хвастался на тему, что он есть главный победитель во Второй мировой войне. Сталину эта нескромность сильно не понравилась, но более сурово он наказал соратников маршала Победы, всячески превозносивших его заслуги, — Телегин, Новиков и некоторые другие отправились в тюрьму. С одной стороны, дело здесь было в международной известности Жукова — сажать партнера Эйзенхауэра и Монтгомери по управлению побежденной Германией было не совсем удобно. С другой стороны, Сталин знал, что короля играет свита. Пример жуковских товарищей должен был устрашить широкую генеральскую массу: не стоит слишком уж захваливать своих начальников и игнорировать роль в войне товарища Сталина. За это можно здорово поплатиться. На сей раз, в отличие от 1937–1938 гг., можно было обойтись без большой крови. В генералах была еще жива память о Великой чистке, и подавляющее большинство из них даже не думало перечить Сталину. Генералиссимус мог тасовать их, как карточную колоду. А генералы были довольны. Ссылка в отдаленный округ — все же не расстрел. Военачальники окончательно превратились в простых исполнителей сталинской воли, а потом исполняли волю хрущевскую, брежневскую, андроповскую, черненкоскую и так вплоть до Горбачева, когда произошел первый и последний в истории СССР военный путч, провалившийся в три дня. И в армии все вернулось на круги своя.

Были ли Сталин полководцем или нет — одна из наиболее живо обсуждаемых тем из истории Великой Отечественной войны. Сталинисты убежденно говорят — да, был. Антисталинисты столь же убежденно — нет, не был. Хрущев на XX съезде партии утверждал, например, что «Сталин был очень далек от понимания той реальной обстановки, которая складывалась на фронтах». Также и покойный Дмитрий Волкогонов считал, что Сталин был не вполне полководцем, поскольку «при наличии сильной воли и негибкого ума не мог опереться на профессиональные военные знания» и «не знал военной науки, теории военного искусства». Поклонники Сталина Борис Соловьев и Владимир Суходеев в своем труде, так и названном — «Полководец Сталин», главным аргументом в пользу того, что их герой действительно был полководец, выдвигают то обстоятельство, что он «осуществлял руководство всеми Вооруженными Силами страны, каждодневно направлял и координировал боевые действия всех фронтовых и армейских объединений действующей армии. Его деятельность пронизывала все важнейшие стороны величайшей из войн: охватывала, помимо собственно военных вопросов, все сферы внутренней и внешней политики Советского государства, от военной экономики и идеологии до дипломатии».

В том, что Сталину докладывали обо всех скольконбудь значительных событиях на фронте и с ним обсуждались все планы стратегических операций, сомне-

ваться не приходится. Более того, он сначала ставил стратегическую цель, а потом уже Генеральный штаб и штабы фронтов разрабатывали конкретные операции. С этим никто не спорит. Так же как и с тем, что в созданной Сталиным системе руководства, в том числе военного, подлинно самостоятельные решения мог принимать только сам Иосиф Виссарионович. Следовательно, если и был полководец в Красной Армии, то им мог быть только один человек — Сталин. Несомненно, и сам Иосиф Виссарионович верил, что он — настоящий полководец. В официальной «Краткой биографии» Сталина, вышедшей в 1947 г. и наверняка одобренной Кобой, утверждалось:

«Товарищ Сталин развил дальше передовую советскую военную науку. Товарищ Сталин разработал положение о постоянно действующих факторах, решающих судьбу войны, об активной обороне и законах контрнаступления и наступления, о взаимодействии родов войск и боевой техники в современных условиях войны, о роли больших масс танков и авиации в современной войне, об артиллерии как самом могучем роде войск. На разных этапах войны сталинский гений находил правильные решения, полностью учитывающие особенности обстановки.

Сталинское военное искусство проявилось как в обороне, так и в наступлении. По указанию товарища Сталина активная оборона советских войск сочеталась с подготовкой контрнаступления. Наступление сочеталось с прочной обороной. Товарищ Сталин мастерски разработал и применил новую тактику маневрирования, тактику одновременного прорыва фронта противника на нескольких участках, рассчитанную на то, чтобы не дать противнику собрать свои резервы в ударный кулак, тактику одновременного прорыва фронта противника на нескольких участках, когда один прорыв идет за другим, рассчитанную на то, чтобы заставить противника терять время и силы на перегруппировку своих войск, тактику прорыва флангов противника, захода в тыл, окружения и уничтожения крупных вражеских группировок войск. С гениальной проницательностью разгадывал товарищ Сталин планы врага и отражал их. В сражениях, в которых товарищ Сталин руководил совет-

скими войсками, воплощены выдающиеся образцы военного оперативного искусства. Творческое своеобразие, оригинальность замысла характеризуют все боевые операции, осуществленные Советской Армией под водительством Генералиссимуса Сталина».

Если присмотреться, все нынешние апологеты Сталина-полководца не выходят за пределы этого короткого, но полного банальностей текста. Можно подумать, что без товарища Сталина его генералы и маршалы не догадались бы, что противника надо обходить с флангов или что за активной обороной может следовать контрнаступление. Что же касается одновременного прорыва неприятельского фронта в нескольких местах, то эту роскошь советские войска могли себе позволить с большим или меньшим успехом только с конца 1943 г., когда их превосходство стало подавляющим. Когда же после успеха под Москвой в декабре 1941-го Сталин приказал наступать на всех фронтах сразу, это не принесло ничего, кроме неудач. Также хорошо известно и подтверждено не только мемуарами, которые в данном случае часто ненадежны, но и документами, что летом 1942 г. Сталин неверно полагал, что главный удар немцы нанесут на центральном участке фронта, против Москвы, а не на юге, как это произошло в действительности.

Проблема, впрочем, заключается в другом. И в процитированном пассаже из официальной сталинской биографии, и в современных работах на тему «Сталин — полководец» повторяются, как правило, общие места, без особой конкретики. Разумеется, Сталин утверждал и одобрял все более или менее крупные операции Красной Армии, как успешные, так и провальные. Но полководец — не тот, кто утверждает планы, а тот, кто хоть в какой-то мере участвует в их разработке, хотя бы на уровне идей, кто в критический момент сражения может решительно вмешаться в руководство войсками и своей волей и знаниями военной науки переломить неблагоприятный ход событий.

Посмотрим, подходил ли Сталин на роль полководца. Начнем с того, что в отличие от главного своего противника Гитлера Коба в армии никогда не служил. Не имел он и военного образования. Конечно, Сталин много читал, в том числе труды по военной истории и военной теории. Однако непосредственного опыта командования крупными массами войск он не имел. Характерно, что опыта успешного вмешательства Сталина в командование войсками в годы финской или Великой Отечественной войны мы не знаем. Не обнаружено пока и никаких документов, включая переговоры Сталина по прямому проводу с командующими фронтами, где он бы высказывал предложения, решающим образом повлиявшие на ход операций в пользу Красной Армии. Да, Сталин в предвоенные годы и особенно в период Великой Отечественной войны получил представление о новейших образцах вооружения и боевой техники и даже, ознакомившись предварительно с переданными ему материалами, мог задавать конструкторам и наркомам достаточно грамотные с технической точки зрения вопросы. Однако при всем при том и после войны Иосиф Виссарионович был убежден, что именно артиллерия — главный род войск, хотя совершенно очевидно, что как раз в годы Второй мировой войны на первый план выдвинулись авиация и танки. Очевидно, Иосифа Виссарионовича побудил к выводу о приоритете артиллерии тот факт, что наши летчики и танкисты наголову проигрывали немцам, тогда как артиллерия сражалась более или менее на равных, и немецкие авторы в послевоенных мемуарах с наибольшим уважением отзывались как раз о русской артиллерии. И такой результат не был неожиданностью. Дело в том, что механики-водители советских танков получали практику учебного вождения в несколько раз меньшую, чем их немецкие коллеги, а у советских летчиков к моменту окончания училищ налет часов был даже в несколько десятков раз меньше, чем у пилотов люфтваффе. Сталин не раз призывал в своих при-

казах беречь людей, но не менее часто в них содержались совсем иные призывы: не считаться с жертвами. Сталинская система изначально была ориентирована на количество, а не на качество. Ускоренная подготовка и летчиков, и танкистов, и пехотных командиров могла давать командные кадры только очень низкого качества. Пополнение же рядового состава часто бросалось в бой вообще необученным. Точно так же большинство сталинских генералов имело к началу войны лишь небольшой опыт командования крупными войсковыми соединениями и объединениями, заменив тех, кто был уничтожен в 1937–1938 гг. И во время войны они были очень скованы в принятии решений страхом, который испытывали в большей мере не перед врагом, а перед собственным Верховным Главнокомандующим. Неудивительно, что и потери были соответствующими. О соотношении потерь сторон на советско-германском фронте хорошее представление дает соотношение безвозвратных потерь офицеров сухопутных войск. До конца ноября 1944 г. германская сухопутная армия потеряла на Восточном фронте погибшими и пропавшими без вести 65,2 тыс. офицеров, а сухопутные части Красной Армии — 784 тыс. человек (за вычетом политического, юридического, административного и интендантского состава, представленного у немцев не офицерами, а чиновниками). Это дает соотношение около 12:1. Примерно таким же было и общее соотношение потерь той и другой стороны, поскольку офицеры составляли примерно одинаковую долю в боевых потерях вермахта и Красной Армии. Примерно такое же соотношение потерь получается и при других способах подсчета. Ни о каком военном искусстве с советской стороны тут говорить не приходится. Приведу такой пример. Верховный Главнокомандующий лично продиктовал приказ от 19 сентября 1942 г., который предписывал танкистам «атаку противника начинать мощным огнем с ходу из всего танкового вооружения, как из орудий, так и из пулеметов, не бояться того, что

стрельба получится не всегда прицельная. Стрельба из танков с хода должна быть основным видом огневого воздействия наших танков на противника и, прежде всего, на его главную силу». Поскольку стабилизаторы, позволявшие вести прицельный артиллерийский огонь с ходу, появились только в 1950-е годы, стрельба из танковых пушек с движения хотя и отличалась большей интенсивностью, чем стрельба с места, но означала лишь бесполезную трату снарядов в белый свет как в копеечку. Но Иосифу Виссарионовичу казалось, что чем больше снарядов будет выпущено по врагу, тем лучше. Точно так же он перед войной настоял на формировании гигантских механизированных корпусов, насчитывавших более тысячи танков, тогда как и прежние, вдвое меньшие по численности танковые корпуса оказались практически неуправляемыми из-за дефицита радиосредств. И Сталина, и его генералов всегда завораживала магия больших цифр.

Есть немало других примеров явно ошибочных решений, содержащихся в подписанных Сталиным директивах Ставки. Так, в директиве от 8 апреля 1942 г. он потребовал организации наступления советских войск по линии Ленинград — Демянск — Вязьма — Харьков — Крым, то есть практически по всему фронту. В результате распыления сил серьезных успехов не удалось достигнуть ни на одном участке фронта. Любопытно, что позднее, во время немецкого контрудара под Ахтыркой, когда на Воронежском фронте создалось критическое положение, Сталин обвинил командующего фронтом генерала Н. Ф. Ватутина в стремлении «к наступлению всюду и к овладению возможно большей территорией, без закрепления успеха и прочного обеспечения флангов ударных группировок...», то есть практически в том же, чем грешил всего год назад.

Надо сказать, что Сталин не заблуждался насчет полководческих качеств своих генералов. В дни катастрофы в Крыму в мае 1942-го телеграфировал представителю Ставки на Крымском фронте Л. З. Мехлису:

«Вы держитесь странной позиции постороннего наблюдателя, не отвечающего за дела Крымфронта. Эта позиция очень удобная, но она насквозь гнилая. На Крымском фронте Вы — не сторонний наблюдатель, а ответственный представитель Ставки... Вы вместе с командованием отвечаете... Вы требуете, чтобы мы заменили Козлова кем-либо вроде Гинденбурга. Но Вы не можете не знать, что у нас нет в резерве Гинденбургов».

А когда 20 июня 1942 г. в руки советских войск попали документы, свидетельствовавшие о начале в самое ближайшее время немецкого генерального наступления на юге (план операции «Блау»), Сталин этому не поверил и приказал готовить Брянскому фронту совместно с Западным фронтом наступление на Орел не позднее 5 июля. К трем часам утра 28 июня набросок плана наступления на Орел был готов, а через несколько часов началось немецкое наступление.

Парадокс сталинской системы заключался в том, что она хоть и создала чрезвычайно милитаризованную экономику и многочисленную, оснащенную большим количеством современного вооружения и боевой техники Красную Армию, но в принципе не могла оснастить ее качественным личным составом. Дело в том, что по-настоящему профессионально подготовленные офицеры, солдаты и генералы представляли угрозу для власти, могли критически оценивать ее действия и совершить то, что сам Сталин называл «бонапартистским переворотом». Поэтому диктатору дешевле было платить за победу лишними миллионами жизней соотечественников.

Но что, может быть, самое интересное: антисталинисты все то, что в «Краткой биографии» было отнесено к полководческим качествам Сталина, позднее, ничтоже сумняшеся, отнесли к полководческим качествам Жукова (в особенности), а также Рокоссовского, Василевского, Конева и других маршалов, объявленных настоящими полководцами и истинными творцами победы. Но глупо списывать поражения на «плохо-

го» Сталина, а победы отдавать «хорошим» маршалам. Хотя последние без санкции Верховного Главнокомандующего шага не могли сделать и наряду с ним ответственны за громадные потери Красной Армии. Роль же Сталина в победе сводилась к тому, что он создал режим, способный устоять при самых критических обстоятельствах, и воспитал народ, готовый по приказу власти идти на смерть, не считая собственные жертвы.

Сразу после окончания Второй мировой войны в англо-американской, а затем и в западногерманской историографии утвердилась концепция «решающих сражений». К ним обыкновенно относят Перл-Харбор, Мидуэй, Эль-Аламейн, Сталинград, Курскую битву (не всегда, так же как и битву за Москву), высадку в Нормандии, Арденны, «Битву за Англию», «Битву за Атлантику» и ряд других, причем в любом из этих перечней бросается в глаза явное принижение значения Восточного фронта. Это, естественно, вызывало возражения советских историков, в свою очередь выдвигавших иной перечень «решающих битв», где преобладали сражения, развернувшиеся на советско-германском фронте.

Конечно, подбор «решающих битв» всегда будет субъективен. Поэтому, не настаивая, что рассматриваемыми мною сражениями и кампаниями их список исчерпывается, я попробую проанализировать главные, на мой взгляд, события Второй мировой войны с точки зрения их влияния на ее ход и исход, а также возможные альтернативы в случае иных действий сторон.

Итак, начну с первой кампании — германского нападения на Польшу в сентябре 1939 г. Ее исход и результат хорошо известен — Германия на время избавилась от Восточного фронта и получила в свое распоряжение ресурсы западной Польши (Восточная Польша была оккупирована Красной Армией). Альтернативой

Польскому походу являлся первый удар вермахта против Франции. Между прочим, вплоть до весны 1939 г. Гитлер рассматривал этот вариант, но потом отказался от него в пользу вторжения в Польшу. Очевидно, у германского командования не было уверенности, что Францию удастся разгромить в ходе одной кампании, а насчет Польши такая уверенность была. Кроме того, не существовало и полной ясности насчет позиции Советского Союза: не захочет ли он все-таки, несмотря на пакт о ненападении, ударить в спину Германии в случае затягивания кампании во Франции. Быстрый разгром Польши должен был охладить воинственный пыл Сталина и отодвинуть на восток линию будущего советско-германского фронта.

Как показали дальнейшие события, французская армия, вполне возможно, могла быть разгромлена еще осенью 1939-го, еще до того, как во Франции высадились основные силы британского экспедиционного корпуса. При таком развитии событий потенциально обе возможные дальнейшие стратегические операции вермахта имели бы значительно большие шансы на успех. Высадка на Британские острова могла бы быть удачной, поскольку германский флот еще не был ослаблен потерями в Норвежской операции. К тому же в то время Америка еще не втянулась в войну и не оказывала помощь Англии, в отличие от ситуации середины 1940 г. Также и операция против Советского Союза, которую в этом случае можно было бы провести уже летом 1940-го, имела бы больше шансов на успех, поскольку СССР не имел бы еще новых танков и самолетов, не завершил мобилизацию промышленности и вряд ли бы мог полагаться в скором времени на англо-американскую помощь.

Следующая важная операция — высадка вермахта в Норвегии и оккупация Дании в апреле 1940 г. Германские войска добились впечатляющего успеха, омраченного лишь большими потерями флота. Однако, зная исход последовавшей кампании во Франции, эту опе-

рацию следует признать бесполезной даже в случае, если бы Норвегия была оккупирована англичанами (германский десант лишь на считанные дни упредил английский). Как показывают дальнейшие события, английские войска все равно бы покинули Норвегию после краха Франции, и тогда она досталась бы Германии без каких-либо потерь, да еще в качестве искреннего союзника. А уцелевшие от гибели германские суда повысили бы шансы на успех операции «Морской лев».

Без сомнения, важное значение для исхода войны имело германское наступление во Франции в мае — июне 1940 г. В результате победы на Западе Германия обрела господство на Европейском континенте, сокрушила одного из своих главных противников и выгнала с континента британские войска. В случае если бы германский блицкриг не удался и на Западном фронте установилась позиционная война по образцу Первой мировой войны, положение Германии, в свете первоначально планировавшегося Сталиным на лето 1940 г. нападения на Гитлера, могло бы оказаться весьма опасным.

Судьба операции «Морской Лев» была, в свою очередь, тесно связана с исходом «Битвы за Англию» — схватки люфтваффе с британскими королевскими ВВС. Проигрыш «Битвы за Англию» ставил англичан на грань катастрофы и делал вполне вероятным появление германских танков на британском берегу. Но люфтваффе потерпело поражение — во многом благодаря тому, что британской авиации не приходилось летать через Ла-Манш, поэтому она больше времени могла провести в бою. До сих пор продолжают споры, могли бы немцы уничтожить британский экспедиционный корпус в Дюнкерке, если бы не гитлеровский стоп-приказ, на три дня задержавший продвижение германских танковых частей к побережью. Иначе англичанам, дескать, было бы не ускользнуть. Однако мало кто знает, что, узнав об остановке германских танков, англичане тоже остановились и даже перебросили

во Францию еще одну бронетанковую бригаду. Британское командование колебалось — отходить ли в Англию или попытаться удержать плацдарм во Франции. А вот когда германские танки вновь пошли в наступление, англичане наконец определились с эвакуацией, осознав, что фронт все равно не удержать. Задержку германского наступления они никак не использовали, но и без этой форы смогли уйти из Дюнкерка. Поэтому высадка на Британские острова для немцев осталась несбыточной мечтой. Что же касается варианта с немедленной высадкой на плечах отступающих британских войск, то она была неосуществима из-за отсутствия у немцев в тот момент минимально необходимого количества десантных средств, а также потому, что люфтваффе не имело господства в воздухе над Британскими островами. Реальных шансов избавиться от войны на два фронта у Германии не было.

Иногда высказывается мнение, что одной из ошибок Гитлера была Балканская кампания 1941 г. Она, мол, не только отсрочила на шесть недель нападение на СССР, что имело катастрофические последствия для исхода русской кампании, но и в дальнейшем оккупация Балкан вынудила немцев и их союзников отвлекать значительные силы — до 12 дивизий на борьбу с партизанами и отражение возможных англо-американских десантов. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что операцию «Барбаросса» вермахт мог начать только в начале июня 1941-г. — лишь с окончанием затянувшейся в том году распутицы. К тому же значительную часть борьбы с партизанами на Балканах несли местные формирования — хорватские войска, формирования прогерманских правительств Сербии и Словении, а до 1943 г. — также итальянцы. Главное же, если бы немцы в ходе короткой кампании не уничтожили югославскую и греческую армии, в Греции и Югославии могли бы укрепиться британские войска и оттуда угрожать Италии. Откладывая разбирательство на Балканах на период после

войны с Россией было бы для Гитлера слишком рискованно. Другое дело, что в случае, если бы Балканская кампания затянулась еще хотя бы на месяц, германское нападение на Россию пришлось бы отложить, как минимум, до середины июля и Сталин мог бы предупредить его своим ударом. Но в силу низкой боеспособности и плохой управляемости Красной Армии советское наступление и в этом случае все равно закончилось бы катастрофой.

Внезапный налет японцев на Перл-Харбор в декабре 1941 г. помог им вывести из строя американские линкоры и на полгода завоевать господство на Тихом океане, оккупировав Филиппины, Индонезию, Бирму, Сингапур, Малайю и ряд других территорий. Но то, что уцелели американские авианосцы, во многом обесценило эту победу, поскольку век линкоров уже закончился. Уже в сражении при атолле Мидуэй в июне 1942 г. были уничтожены все японские ударные авианосцы и исход кампании на Тихом океане был практически решен. Поэтому лишь эти два сражения на Тихоокеанском театре военных действий можно отнести к решающим. Впрочем, если бы японская авиация в Перл-Харборе уничтожила заодно и авианосцы, это отсрочило бы перелом в войне максимум на год — пока не вошли бы в строй новые авианосцы. Все же остальные сражения на Тихоокеанском театре — бои на Новой Гвинее и Соломоновых островах, сражение за Филиппины, в ходе которого погибла основная часть японского флота, захват американцами Иводзимы и Окинавы и др. — играли лишь вспомогательную роль, будучи реализацией американцами стратегической инициативы, завоеванной после победы у Мидуэя.

Что же касается Московской битвы, то ее одну вряд ли стоит относить к решающим сражениям. Блицкриг был сорван в ходе всех сражений 1941 г., а не одной только битвой за столицу. Весь комплекс сражений 1941 г. на Восточном фронте можно принять за одну из решающих битв Второй мировой. Характерно, что

немцы приняли решение перейти к обороне в самый канун советского контрнаступления под Москвой. Потери, понесенные в ходе этого контрнаступления, не помешали немцам организовать летом 1942-го генеральное наступление на юге. А вот гибель 6-й армии в Сталинградском котле и общее поражение южного крыла немецкого фронта, в том числе разгром армий германских союзников, действительно имели решающее значение. После этого вермахт уже ни разу не предпринимал на Востоке наступлений со стратегическими целями. Вопреки распространенному мнению операция «Цитадель», осуществленная летом 1943-го, имела своей целью не достижение решающего успеха, а лишь ликвидацию Курского выступа и уничтожение как можно большего числа советских войск, чтобы исключить проведение генерального наступления Красной Армии в 1943 г. После этого немцы собирались перебросить часть войск в бассейн Средиземного моря, где надеялись отразить ожидавшееся вторжение союзников в Италии. Частично своих целей немцы достигли. Хотя Курский выступ им срезать не удалось, но из-за тяжелых потерь, понесенных Красной Армией, мощь ее наступления была значительно ослаблена, и немецкие войска ни разу не попали в крупные «котлы» типа Сталинградского, а в конце 1943-го все еще сражались на подступах к Киеву.

Операции союзных войск в Северной Африке, включая сражение под Эль-Аламейном осенью 1942-го и капитуляцию германо-итальянских войск в Тунисе в мае 1943-го, равно как и позднейшие операции в Италии, безусловно, сыграли свою роль для Средиземноморского театра, но не оказали решающего воздействия на ход войны. Если мысленно представить себе, что боев в Северной Африке и Италии вообще не было, ход боевых действий в России и во Франции вряд ли претерпел бы принципиальные изменения. Наоборот, высадка союзников в Нормандии оказала решающее влияние на приближение конца войны. Для полноцен-

ной войны на два фронта у Германии не осталось ни сил, ни средств, прежде всего авиации. Именно после высадки в Нормандии Красная Армия смогла достичь двух своих самых значительных успехов заключительного этапа войны — разгрома группы армий «Центр» в Белоруссии и группы армий «Южная Украина» в Румынии. Вермахт больше не располагал танковыми резервами для контрударов, помогавших прежде минимизировать последствия советских наступлений. Теперь танков катастрофически не хватало ни на Востоке, ни на Западе. Основная же часть люфтваффе в последние полтора года войны действовала против западных союзников, но уже не могла сдержать натиск англо-американских «летающих крепостей». В связи с этим встает вопрос о роли стратегических бомбардировок союзников. Она была велика. В борьбе с «летающими крепостями» и сопровождавшими их истребителями были перемолоты основные силы истребительной авиации люфтваффе, что, безусловно, сказалось и на действиях германской авиации как на Восточном, так и на Западном фронте. Кроме того, на заключительном этапе войны, начиная с осени 1944-го, союзная авиация уничтожила почти все заводы по производству синтетического горючего и транспортную инфраструктуру рейха, во многом обездвигив вермахт, лишив его поддержки с воздуха и приблизив конец войны.

«Битва за Атлантику» — борьба германских подводных лодок с союзным судоходством также может быть отнесена к числу решающих. Если бы немцам удалось достичь успеха, они могли бы парализовать способность Англии к сопротивлению, отрезав ее от источников снабжения и лишив США плацдарма для вторжения в Европу. Тогда Германия имела бы шансы если не победить, то по крайней мере свести войну вничью. Однако уже к середине 1943 г. определилась победа союзников в «Битве за Атлантику», и дальнейший ход подводной войны уже не оказывал влияния на исход схватки.

В заключение я остановлюсь на нескольких сражениях последнего года войны на Европейском театре военных действий. Вопреки распространенному мнению наступление немцев в Арденнах в декабре 1944 г. не относится к числу решающих сражений войны. Вермахт здесь не мог победить даже при самом благоприятном развитии событий, поэтому угрозы, что союзников сбросят в море и заставят заключить сепаратный мир, не существовало в принципе. Также вряд ли основательно мнение, будто истощение германских сил в ходе Арденнского наступления помогло союзникам быстрее и с меньшими потерями форсировать Рейн в феврале — марте 1945 г. и приблизить конец войны. Потери сторон в Арденнском сражении были примерно равными. Можно даже сказать, что если бы не было немецкого контрнаступления, союзники вторглись бы в Германию на пару месяцев раньше, в декабре 1944-го — январе 1945-го, понеся при этом потери вряд ли большие, чем они в действительности понесли в Арденнах. Зато вермахт тогда наверняка имел бы более значительные потери. По-настоящему решающим сражением стало окружение Рурской группировки немцев, что фактически привело к прекращению организованного немецкого сопротивления на Западе. На Восточном же фронте действительно решающими стали операция «Багратион» в Белоруссии и разгром немецких войск в Румынии. После этого немцам уже не удалось воссоздать сколько-нибудь устойчивый Восточный фронт. Берлинская же операция на самом деле имела больше моральное, чем сколько-нибудь существенное военное значение. Ко времени ее начала в середине апреля 1945 г. основные силы немецких войск находились отнюдь не под Берлином, а к югу от него, в районе гипотетической «Альпийской крепости», где Гитлер первоначально планировал отсидеться до тех пор, пока дело не дойдет до конфронтации между Сталиным и западными союзниками. Однако в итоге фюрер все-таки решил, что сопротивление в «Аль-

пийской крепости», уже практически не защищенной с запада, лишь ненадолго продлит агонию Германии. Он понял, что рассчитывать на прямое военное столкновение Сталина, Трумэна и Черчилля до капитуляции Германии не приходится, и предпочел покончить счеты с жизнью не в какой-нибудь глухой альпийской деревушке, а в столице рейха. Что же касается самой Берлинской операции, то с чисто военной точки зрения ее нельзя признать особенно успешной. Три четверти берлинской группировки немцев смогли уйти на запад и сдать в плен союзникам. Советские маршалы так увлеклись гонкой к Берлину, что упустили окруженную к югу от него 30-тысячную группировку 9-й немецкой армии, которая смогла прорваться на запад.

Таким образом, не столь уж много битв и кампаний, как порой кажется, имели действительно решающее значение для исхода Второй мировой войны, что, однако, никак не сказалось на ожесточенности борьбы практически во всех сражениях. Если брать события после июня 1941 г., то на советско-германский фронт приходится 4 битвы, на прочие театры — 5, но если исключить из этого перечня Перл-Харбор, то успешных для союзников битв останется тоже 4. Думаю, что подобная пропорция отражает реальное положение вещей. Согласимся, что беспристрастный анализ хода Второй мировой войны заставляет сделать вывод о примерно равном вкладе в победу как Советского Союза, так и США с Англией. Друг без друга они победить не могли.

Автор книг, известный историк-американист Анатолий Уткин, пытается разобраться, каким образом Россия и СССР оказались вовлечены в Первую и Вторую мировую войны, почему Россия потерпела поражение и оказалась охвачена революцией, а возникший в результате революции СССР, напротив, одержал победу над еще более сильным врагом, чем была Германия в 1914 г. При этом на ситуацию 1914–1918 гг. ему удастся взглянуть гораздо более трезвым взглядом, чем на события 1939–1945 гг. Можно вполне согласиться с автором в том, что накануне Первой мировой войны «при всей огромности империи и блеске петербургского авангарда, ее политическая система несомненно отставала от требований времени — она не могла создать механизма, который, с одной стороны, сохранял бы духовно-культурную оригинальность России, а с другой — указал бы полутораста миллионам мужиков путь к материально достойной жизни». Путь к преодолению отсталости, выбранный большевиками, оказался чреват неисчислимыми жертвами, но он давал пусть слишком простые, но ответы на реальные вызовы времени. Уткин утверждает, что «начало эры несчастий России лежит в неверном дипломатическом выборе» союза с Францией и противостояния Германии, тогда как «напршивается вывод, что России нужен был союз

* Уткин А. И. Первая мировая война. М.: Алгоритм, 2001.; Уткин А. И. Вторая мировая война. М.: Алгоритм, 2002.

с обеими странами: и с Францией (который гарантировал от германской экспансии в Европе), и с Германией — лидером европейского экономического развития». Как известно, именно такую комбинацию — союз и с Францией, и с Германией — отстаивал С. Ю. Витте, но она оказалась невозможной из-за остроты германо-французских противоречий. Политическое и финансовое сближение России и Франции было неизбежным еще и потому, что собственно российские экспансионистские планы касались прежде всего германской союзницы Австро-Венгрии, а также германской части Польши и Турции, в итоге тоже оказавшейся союзницей Германии.

Уткин считает, что итогом Первой мировой войны стала изоляция России от Запада, и то, что происходит в нашей стране на рубеже XX и XXI вв. имеет своим истоком 1914 г. Вторую мировую войну он рассматривает как еще одну попытку сближения СССР и Запада, окончившуюся крахом с началом «холодной войны» по вине обеих сторон. Автор отмечает технологическую отсталость России в начале Первой мировой войны, связанную прежде всего с реальным уровнем цивилизованности основной массы населения: «Россия не породила военных гениев, ее армия отражала слабости страны в политической, социальной и культурной сфере. Никто не отказывал русским в мужестве и упорстве, но никто не может отрицать, что огромные людские силы часто использовались военными командирами бездарно. Неэффективная организация порождала дефекты снабжения во всем — вооружении, амуниции, средствах связи, медицинском оборудовании... Невоенные отрасли промышленности рухнули довольно быстро, озлобляя страдающее население... Малообразованные солдаты... плохо ориентировались на местности, трудно овладевали техникой, терялись в сложной обстановке... Иностранные наблюдатели видели и героизм, и поразительные черты ущербности... запоздалые приказы, непростительную слабость в деле органи-

зации тылового снабжения, слабость коммуникаций и слабую, бесконечно слабую организацию войск — особенно в сравнении с безупречной машиной, управляемой прусскими офицерами».

Стоит отметить оригинальный и, по-моему, верный взгляд Уткина на важный фактор успеха большевистской революции: «Фундаментальный, столетиями взлелеянный страх перед внешней уязвимостью был доведен Первой мировой войной до стадии морального террора... Порожденное массовое чувство уязвимости и создало ту почву, на которой в течение нескольких месяцев расцвел большевизм, обещавший социальный прогресс в условиях новой безопасности, построенной на основе самой передовой западной теории» (имеется в виду «мировая пролетарская революция»). В целом Уткин отказывается и от традиционной для многих отечественных публицистов демонизации западных союзников, признавая, что не они стали причиной российских несчастий, хотя делали для России только то, что «соответствовало их представлениям о собственном благе». Историк также указывает на давний российский порок всячески приукрашивать в официальных отчетах и донесениях неблагоприятное положение дел в стране.

Автор не склонен, например, поднимать на щит знаменитый Брусиловский прорыв, поскольку именно в нем погибли последние остатки кадровой российской армии, что проложило дорогу революции. Конечный неуспех блестяще начатого наступления он объясняет истощением ресурсов и слабостью российских железных дорог. Действительно, вопреки распространенным представлениям в период с мая по декабрь 1916 г. войска Юго-Западного фронта потеряли убитыми 201 тыс. солдат и офицеров, ранеными — 1 млн 91 тыс. и пропавшими без вести (главным образом — пленными) — 153 тыс. Австро-венгерские войска за тот же период в операциях против Юго-Западного фронта, а также в сражении под Барановичами с войсками Западного

фронта и на Румынском фронте потеряли 45 тыс. солдат и офицеров убитыми, 216,5 тыс. ранеными и около 378 тыс. пленными. Потери германских войск, действовавших против Юго-Западного фронта, достигли примерно 39 тыс. пленными и 101 тыс. убитыми и ранеными. Соотношение по пленным было в пользу русских войск — 2,7:1. Зато убитых в армиях центральных держав было в 3,3 раза меньше, чем в русской армии, а раненых — в 3,6 раза меньше (Нелипович С. Г. Наступление русского Юго-Западного фронта летом — осенью 1916 года: война на самоистощение? // Отечественная история, 1998, № 3, с. 40—50).

Но вот книга о Второй мировой войне не отличает столь же трезвый подход к определению истоков советской мощи и роли западных союзников. Здесь сказывается традиционная для нашего сознания мифологизация Великой Победы в Великой Отечественной войне, в которой видят главное оправдание и революции 1917 года, и десятилетий страданий и бед, которые претерпел советский народ при коммунистах.

Решающий вклад СССР в общую с союзниками победу доказывается с помощью одного нехитрого приема: «Представьте себе поражение СССР в 1941 году, смыкание Германии с Японией, превращение Евразии в контролируемую «осью» Берлин — Рим — Токио мировую крепость... Германская и японская зоны влияния наверняка сумели бы внушительно противопоставить себя Соединенным Штатам... Гейзенберг создает ядерное оружие; нефть Персидского залива в руках, далеких от англосаксонских; в Пенемюнде Вернер фон Браун завершает создание того, что позже будет названо межконтинентальными баллистическими ракетами; в Пиллау и Бременсхафене завершаются работы над самыми совершенными в мире подлодками...» Что и говорить, картина впечатляющая. Но с тем же успехом можно вообразить себе, что было бы, если бы США вдруг капитулировали после Перл-Харбора. Тогда бы на СССР с востока обрушилась японская армия и флот,

не было бы ленд-лиза, который давал до половины всего использованного в войне бензина, взрывчатки, алюминия и львиную долю транспортных средств и средств связи (Sokolov B. V. Lend-Lease in Soviet Military Efforts, 1941–1945 // The Journal of Slavic Military Studies (JSMS), vol. 7, № 3, September 1994). Не было бы и Второго фронта в Западной Европе. Справились бы тогда СССР и Британская империя со странами Оси? Правда же состоит в том, что США благодаря своей огромной военной и экономической мощи в состоянии были одолеть Германию, Италию и Японию, но только в паре с одним из союзников — СССР или Англией. Ведь советский фронт, например, отвлекал лишь меньшую часть люфтваффе и почти не влиял на германский флот, равно как и на состояние германского и американского атомных проектов. Так, даже в период Курской битвы лишь треть германских самолетов была потеряна на Востоке (Murray W. Strategy for Defeat. The Luftwaffe 1933–1945. Wash., 1983, p. 159). В случае капитуляции Москвы или Лондона война длилась бы дольше, потребовала бы значительно больших жертв со стороны американцев и дело наверняка дошло бы до использования ядерного оружия против Германии. Только выход из войны и Советского Союза, и Британской империи позволил бы Германии и Японии установить гегемонию в Евразии. Но такой вариант развития событий был совершенно невероятен.

При рассмотрении генезиса советско-германской войны Уткин представляет стратегию Сталина как глубоко оборонительную и утверждает, будто у советского вождя и мысли не было напасть на Гитлера в 1941 г. Но как же тогда объяснить, что еще на мартовском 1941 г. плане стратегического развертывания Красной Армии на Западе заместитель начальника Генштаба Н. Ф. Ватутин оставил красноречивую резолюцию: «Наступление начать 12.6»? (Гареев М. А. Готовил ли Советский Союз упреждающее нападение на Германию в 1941 году? // Война и политика, 1939–1941. М.: Наука, 1999,

с. 274.) И как следует толковать решение Политбюро от 4 июня сформировать к 1 июля 1941 г. польскую дивизию Красной Армии, вопрос о которой рассматривался еще с октября 1940 г.? (Новая и новейшая история, 1993, № 2, с. 60–62.) Точно так же за месяц до советского нападения на Финляндию было решено сформировать финский корпус Красной Армии.

Уткин вынужден абстрагироваться от экспансионистских планов Сталина в Восточной Европе под флагом «мировой революции», не упоминая, в частности, Катынской трагедии. Между тем именно советские требования во время переговоров Молотова в Берлине в ноябре 1940 г. отдать в советскую сферу влияния Балканы с Черноморскими проливами и Финляндию побудили Гитлера отдать приказ о реализации плана «Барбаросса» в 1941 г. Если бы Сталин удовлетворился предложенными ему Гитлером Ираном с Индией, для чего надо было воевать с Англией, германское нападение на СССР наверняка было бы отложено (см.: Оглашению подлежит: СССР — Германия. 1939–1941: Документы и материалы / Сост. Ю. Г. Фельштинский. М.: Московский рабочий, 1991, с. 240–289).

В книге о Второй мировой войне Уткин упоминает, что советское командование готово было платить жизнями десяти своих солдат за жизнь одного немца. Действительное соотношение безвозвратных потерь на Восточном фронте, возможно, было еще более неблагоприятным для советской стороны. Вермахт в 1941–1944 гг. потерял здесь 65,2 тыс. офицеров сухопутных сил погибшими и пропавшими без вести. Красная Армия за тот же период (без ВМФ и ВВС и с исключением политического, административного, медицинского, ветеринарного и юридического состава сухопутных сил, представленного в Германии не офицерами, а чиновниками) потеряла около 754 тыс. офицеров только погибшими и не вернувшимися из плена. (Подсчет дан по кн.: Мюллер-Гиллебранд Буркхарт. Сухопутная армия Германии. 1933–1945. Т. 3. М.: Воен-

издат, 1976, с. 354—409; Шабаетв А. А. Потери офицерского состава Красной Армии в Великой Отечественной войне // Военно-исторический архив. Вып. 3. М., 1998, с. 173—189; Россия и СССР в войнах XX века. М.: Олма-Пресс, 2001, с. 430—436). Это дает соотношение около 11,6:1. Учитывая, что на одного офицера в боевых частях сухопутных сил Красной Армии и вермахта приходилось примерно одинаковое число рядовых, соотношение безвозвратных потерь армий двух стран должно быть близко к соотношению потерь офицеров.

В этом соотношении — объяснение причин нашей победы. Советский строй мог позволить себе завалить врага трупамн, в отсутствие оппозиции и общественного мнения в стране. Уткин полагает, что после 22 июня 1941 г. «два обстоятельства спасли нашу страну. Первое — военная промышленность дала меч. Второе и главное — в час выбора между жизнью и спасением Родины наш солдат... бестрепетно пожертвовал жизнью... Он обрекал себя на смерть, но его не нужно было ни в чем убеждать».

Тут надо оговориться. Военная промышленность СССР, разумеется, была мощнее, чем в 1914 г. Но и она критическим образом зависела от западных поставок алюминия, бензина, транспортных средств. Только благодаря ленд-лизу не было транспортного кризиса, который парализовал Россию в начале 1917 г. Надо также учесть, что к концу Первой мировой русская армия была вооружена и снабжена уже не хуже, чем противник. Кроме того, тогда гораздо больше германских дивизий было сковано борьбой с западными союзниками. А мужество и неприхотливость русского солдата были хорошо известны и по Первой мировой войне. И территория, и население были примерно такими же, как и в 1914 г. Выходит, вся разница была в том, что самодержавие оказалось непрочным и не смогло заставить страну и армию сражаться до конца, а советский тоталитарный режим устоял под ударами лучшей военной машины Европы и смог, благодаря тотальной пропаганде и отсутствию возможностей для высказывания

альтернативных точек зрения на войну, заставить народ сражаться до конца и выдержать потери на порядок большие, чем в Первую мировую. Драконовские ограничения и ущемления прав и бытовых нужд населения еще в мирное время позволили сразу же перевести почти всю гражданскую промышленность, находившуюся в собственности государства, на военные рельсы. Но столь однозначный вывод Уткин не рискует делать, чтобы не оправдать, хоть частично, преступления Сталина.

Автор отстаивает ту точку зрения, что сталинский и гитлеровский режимы принципиально отличались тем, что первый опирался на классовый, а второй — на расовый принцип отбора сторонников и противников. Мне думается, что эта разница на самом деле не столь принципиальна. Коммунисты выделяли избранный класс — пролетариат и проповедовали уничтожение или подавление «эксплуататорских классов» и «мелкой буржуазии». Национал-социалисты говорили об избранном народе — немцах и проповедовали уничтожение или подавление расово неполноценных народов — евреев, цыган, поляков, русских и др. Механизм же осуществления этих принципов был практически одинаков — однопартийность, диктатура, всеобщая пропаганда, власть партбюрократии, действующей от имени избранного класса или народа, стремление государства к контролю над всеми сферами жизни народа. И число жертв у того и другого режима было примерно одинаковым, хотя нацисты уничтожали людей по национальному, а коммунисты — по социальному признаку. Конечно, Гитлер предполагал уничтожить Россию как государство, а Сталин рассчитывал сделать из Германии и других стран Восточной Европы сателлитов при сохранении их государственности. Подчеркивая это, Уткин, безусловно, прав. Однако народами Восточной и Центральной Европы и чуть более слабое ярмо, чем нацистское, все равно воспринималось как ярмо, а сравнение с процветающей Западной Европой заставляло горько жалеть о навязанном им «социалис-

тическом выборе». В этом — корни отношения к России в этих странах сегодня.

Уткин дает очень яркие описания Сталинградской и Курской битв, а также битвы за Берлин, основанные на мемуарах советских и немецких участников и работах англо-американских историков. Читать их интересно, поскольку большинство наших исторических работ лишены подлинного драматизма при рассказе о войне. Но при изложении военных действий есть немало неточностей. Так, при описании Курской битвы повторены сильно преувеличенные цифры немецких потерь в танках, восходящие к советским донесениям. В действительности же в знаменитом Прохоровском сражении немцы, по немецким донесениям, безвозвратно потеряли около 5 танков, а наши войска, по советским донесениям, — около 334 (Frieser K.-H. Schlagen aus der Nachhand — Schlagen aus der Vorhand. Die Schlachten von Char'kov und Kursk. — Gezeitenwechsel im Zweiten Weltkrieg? Hrsg. von R. G. Foerster, Hamburg — Berlin — Bonn: Verlag E.S. Mittler & Sohn — MGFA, 1996, s. 120—121).

К сожалению, в книге о Второй мировой войне фактические ошибки встречаются почти на каждой странице. Например, автор полагает, будто танки Т-34 были опробованы еще на Халхин-Голе летом 1939-го. В любом справочнике можно прочесть, что два опытных образца будущего танка Т-34 прошли заводские испытания лишь в августе 1939-го и никак не могли оказаться на Халхин-Голе. Иной раз доходит до курьезов. Так, на странице 88 утверждается, что «Манштейн, будучи среди пяти ведущих генералов, представленных к фельдмаршальскому званию, прибыл 17 февраля 1940 года к Гитлеру». А на соседней странице можно прочесть, что в этот день Манштейн представлялся фюреру в связи с назначением командиром корпуса. Последнее соответствует истине, так как фельдмаршалом Манштейн стал лишь два года спустя.

Наконец-то русские читатели могут познакомиться с переводом мемуаров одного из самых толковых германских фельдмаршалов, Альберта Кессельринга. Это знакомство произошло лишь через полвека после их публикации (а писалась книга в 1947–1952 гг. в тюрьме, где Кессельринг отбывал пожизненное заключение за расстрел заложников в Италии), но уж лучше поздно, чем никогда. Кессельринг, вероятно, был единственным германским полководцем, которому одновременно пришлось руководить боевыми действиями всех трех видов вооруженных сил: армии, авиации и флота — во время кампаний в Северной Африке и Италии. И можно сказать, что при тех крайне ограниченных силах, которыми он располагал, Кессельринг справился со своей задачей просто блестяще. Полгода войска под его командой удерживали Тунисский плацдарм и полтора года — Итальянский фронт, сдерживая наступление значительно превосходящих немцев англо-американских сил. В Первой мировой войне Кессельринг участвовал как сухопутный офицер, а затем служил в рейхсвере на штабных должностях. Но в 1933 г. Гитлер приступил к воссозданию авиации, и Альберт Кессельринг поступил в гражданское министерство авиации. В возрасте 48 лет он научился летать и стал очень неплохим летчиком, хотя, разумеется, и не асом-истреби-

телем. Как вспоминает Кессельринг, «пилотирование самолета одновременно делает человека высокомерным и прививает ему скромность. Только почувствовав все это на себе, мы могли понять психологию летчика, его особенное, подчас странное отношение к жизни и создать вид вооруженных сил, проникнутый духом воздушного братства». Во время наступления Роммеля в Северной Африке в 1942 г. и последующего отступления германо-итальянских сил Кессельринг «совершенно не щадил себя. Число полетов, совершенных им в тех районах, где господствовала вражеская авиация, достигло примерно 200. Пять раз его самолет оказывался сбитым» (Мировая война 1939—1945. М.: Издательство, 1957, с. 103—104). Знание летного дела здорово помогло ему, как и другим генералам люфтваффе, в руководстве авиацией в боевых условиях. Это только в СССР многие высшие руководители ВВС никогда не садились за штурвал самолета. Одно время Кессельринг возглавлял генеральный штаб люфтваффе. В войнах против Польши и Франции он очень успешно командовал воздушными флотами, затем участвовал в «Битве за Англию». Относительно возможности высадки в Англии Кессельринг полагает, что она имела шансы на успех только в том случае, если бы была предпринята вскоре после эвакуации англичан из Дюнкерка, причем при условии, что решающую роль в операции сыграло люфтваффе. Операцию люфтваффе против Англии, продолжавшуюся с 8 августа до 15 сентября 1940 г. и направленную на уничтожение британской авиации, фельдмаршал считал слишком растянутой во времени и пространстве. Негативную роль играла и постоянная смена целей воздушных операций. Даже в случае успеха она обернулась бы для люфтваффе тяжелыми потерями. По мнению Кессельринга, авиаудары должны были бы занять лишь небольшой промежуток времени и стать непосредственной подготовкой вторжения. Действительно, срок, намеченный Гитлером, для начала высадки в Англии — середина сентября — был абсо-

лютно нереалистичен. Даже если бы люфтваффе победило в «Битве за Англию» и высадка прошла успешно, немецкие войска в Англии оказались бы в ловушке и вскоре были бы вынуждены сдатьсь. Ведь уже с конца сентября условия погоды, постоянные штормы в Ла-Манше сделали бы практически невозможным регулярное снабжение экспедиционного корпуса, а за две недели сломить британское сопротивление наверняка бы не удалось. Кессельринг пишет: «Кто не рискует, тот не побеждает!.. Действия оставшейся в распоряжении англичан авиации можно было сдержать одним лишь огнем зенитной артиллерии... Британскую истребительную авиацию можно было, благодаря соответствующей тактике, рассеять, обработать огнем и уничтожить». Большую надежду Кессельринг возлагал также на самоходные паромы Зибеля, парашютистов и транспортную авиацию. Поскольку исход войны известен, надо признать, что высадка, предпринятая сразу после Дюнкерка и в соответствии с идеями Кессельринга, имела хоть какие-то шансы на успех. Но, как отмечает Кессельринг, даже осенью 1939 г., после победы в Польше, никаких планов высадки в Англии еще не разрабатывалось. Никто не ожидал столь быстрого краха Франции. Поэтому в июне 1940 г. у вермахта практически не было транспортных средств для масштабного десанта.

Во время вторжения в СССР Кессельринг командовал 2-м воздушным флотом, поддерживавшим самую мощную группу армий «Центр». Вот как он оценивает советские намерения в июне 1941-го:

«Точка зрения Гитлера, состоявшая в том, что русские используют первый же удобный момент для того, чтобы на нас напасть, казалась мне абсолютно правильной. Кремль мог без труда найти предлог для внезапной атаки. В любом случае, время было на стороне русских, а они, как никто, умели с толком его использовать. Из докладов специалистов люфтваффе, которые совсем недавно побывали в России, мне было известно о гигантской по сво-

им масштабам программе наращивания военно-промышленного потенциала и производства вооружений, которую русские начали осуществлять и за которой в скором времени мы оказались бы неспособны угнаться. К сожалению, Геринг и Гитлер сочли эти доклады плодами чересчур разыгравшегося воображения».

Таким образом, фельдмаршал, в отличие от многих других генералов и историков, отнюдь не считает нападение Гитлера на Сталина ошибкой, но и не утверждает, что Красная Армия готовилась к нападению на рейх еще в 1941 г. Кессельринг в то же время подчеркивает наступательный характер намерений потенциального противника. Число советских дивизий с сентября 1938 по май 1941 г. в приграничной 300-километровой полосе возросло с 65 до 189 (а по советским данным — до 172), причем войска концентрировались в основном в выступах, вклинивавшихся в германскую территорию. В одном только Белостокском выступе будто бы дислоцировалось до 50 соединений. А «размещение аэродромов русской военной авиации поблизости от границы красноречиво говорило о подготовке действительного наступательного характера». Кессельринг полагает, что минусом «Барбароссы» был слишком поздний срок ее начала, хотя и признает, что к более раннему сроку, в частности, его 2-й воздушный флот не мог быть готов к военным действиям как из-за недостатка резерва летного состава и зенитной артиллерии, так и из-за незавершенности инженерно-строительных работ и ливневых дождей, затормозивших подготовку вторжения. К плюсам же он относит то, что «в ходе двух крупных и двух небольших военных кампаний мы смогли приобрести опыт, которому русским нечего было противопоставить». Кессельринг удивлен, что советская авиация была застигнута врасплох на аэродромах, поскольку «после 20 июня у Кремля не могло оставаться больше никаких иллюзий». Отмечу, что фельдмаршал довольно точно оценивает как численность советских войск, так и понесенные ими потери в вооружении

и боевой технике. Он считает, что группе армий «Центр» противостояло 1,5–2 млн военнослужащих, группе армий «Юг» — столько же и несколько меньшая группировка — группе армий «Север». В первый же день на земле и в воздухе было уничтожено до 2500 самолетов, а всего к началу декабря 1941-го только 2-й воздушный флот уничтожил 6670 самолетов, 1900 танков, 1950 орудий, 26 тыс. автомобилей и 2800 железнодорожных составов. По советским же данным, до конца 1941-го всего было потеряно 17,9 тыс. боевых самолетов, в том числе 10,3 тыс. — в боях (Гриф секретности снят. М.: Воениздат, 1993, с. 359). Поскольку наиболее интенсивные боевые действия шли именно на фронте группы армий «Центр», можно предположить, что на флот Кессельринга могло прийти более половины советских боевых потерь. Кроме того, число 6670 самолетов может включать и часть эксплуатационных потерь.

Кессельринг считает ошибкой предпринятое по инициативе Гитлера наступление на Москву в ноябре 1941-го. По его мнению, отвод войск на зимние позиции должен был последовать не позднее начала ноября, поскольку к тому времени было уже известно о концентрации русских резервов, в том числе дивизий из Сибири. Кессельринг и тогда был против этого наступления. Он свидетельствует, что у многих генералов велик был соблазн «спустить на тормозах» данный приказ.

Как подчеркивает Кессельринг, главной для боевых действий в Средиземноморье была проблема снабжения. И он много сделал для ее разрешения, координируя действия германского флота, авиации и итальянских служб. Фельдмаршал также проявил себя хорошим дипломатом в отношениях с итальянцами, сглаживая противоречия. Одну из причин поражения он видит в отсутствии единой системы командования: вплоть до начала 1943-го сухопутные войска Роммеля ему фактически не подчинялись. Кессельринг, в отличие от многих дру-

гих германских генералов, не возлагает на Гитлера главную вину за поражения. Он разрушает легенду о повседневном вмешательстве Гитлера в оперативные дела и сковывании инициативы командующих, заявляя: «Мне всегда удавалось убедить Гитлера согласиться с моими предложениями и добиться выхода моих войск из самых сложных ситуаций без больших потерь... Он знал, что приказ стоять насмерть не свяжет мне руки, если я приду к иному решению, связанному с собственной оценкой обстановки на местности. Я не раз демонстрировал свою независимость. Гитлер вынужден был соглашаться с моими соображениями». Вместе с тем фельдмаршал считает «партийные структуры» и параллелизм в управлении, созданный в «фюрер-государстве», опасным излишеством, пагубным в военное время. Он одобряет централизованный контроль за военными структурами, так как лишь подобным образом можно было обеспечить наилучшее использование военно-экономического потенциала. Как полагает Кессельринг, Гитлер не сознавал в полной мере, что оснащение люфтваффе людьми и техникой должно было иметь приоритет перед нуждами сухопутных сил. Он утверждает, что «бои на Рейне... могли бы закончиться иначе, если бы мы бросили в них все имевшиеся у нас людские ресурсы и технику на рубеже 1944—1945 гг. или хотя бы в январе — феврале 1945 г.». Но вряд ли такая концентрация была достижима в условиях разваливавшегося Восточного фронта.

Фельдмаршал не испытывает раскаяния за то, что служил преступному режиму. Он считает себя всего лишь солдатом, выполнявшим свой долг. И хотя Кессельринг был осужден к смертной казни за расстрел 335 заложников в Риме в 1944 г. (казнь заменили пожизненным заключением, а в 1952 г. больного раком фельдмаршала помиловали), преступником он себя не считает. Аргумент здесь более чем сомнительный: да, приказ о расстреле отдал я, но расстреливала-то зондеркоманда СД, а не вермахт. Хотя в другом месте

не без гордости сообщает, что получил полномочия руководить борьбой с партизанами в Италии и в этом вопросе ему подчинялся сам рейхсфюрер Гиммлер.

К участникам заговора 20 июля Кессельринг, считавшийся одним из наиболее преданных Гитлеру фельдмаршалов, отношения не имел. О них он отзывался следующим образом: «Хотя заговорщикам удалось увлечь идеей смещения Гитлера некоторых генералов и небольшое число представителей интеллигенции... переворот требовал более серьезной подготовки... Предатели они или нет, я слишком уважаю участников заговора, которых, за редким исключением, лично знал или знаю, чтобы сомневаться в том, что они руководствовались самыми благородными побуждениями... Здесь можно усмотреть даже некоторое сожаление постфактум, что заговор не удался, хотя Кессельринг и оговаривается, что «лидеры заговорщиков были отнюдь не уверены в том, что альянс проявит по отношению к ним сочувствие». Успех заговора давал шанс избежать безоговорочной капитуляции, но даже в случае, если бы Гитлер погиб, шансы на успех заговорщиков, на стороне которых вообще не было войск, были близки к нулю. Как отмечает Кессельринг, «объявление заговорщиков о гибели фюрера и призыв к армии, ВМС и ВВС поддержать их спровоцировали бы... мятеж против отступников и предателей, обосновавшихся в верхах, и кровавые столкновения... Поскольку горячие сторонники Гитлера из гитлерюгенда составляли большинство во всех подразделениях, выражений недовольства действиями Верховного командования было немного».

Себе в заслугу Кессельринг ставит то, что, будучи высшим военным и гражданским начальником в южной половине рейха и оккупированных территорий, он сумел сохранить там порядок и плавно провел процесс капитуляции, не допустив каких-либо эксцессов и возникновения партизанской войны. Он приструнил гаулейтеров, напомнив им, что «наши противники воева-

ли с нами в течение пяти лет для того, чтобы сокрушить национал-социализм, и теперь, одержав победу, ни за что не согласятся оставить партию у руля». Замечу, что и без Кессельринга у потенциальных «партизан фюрера» не было никаких шансов: для успешной партизанской войны необходима государственная поддержка извне, а национал-социалистическое государство прекратило свое существование. По поводу же капитуляции как таковой фельдмаршал справедливо замечает: «Капитуляция армии как военного соединения может стать необходимой, если она потерпела поражение, если сопротивление стало бесполезным и если выход ее из боя не нанесет непосредственного ущерба военным и политическим интересам страны... Примерами ситуаций, когда капитуляция являлась единственным средством прекратить кровопролитие и была неизбежной, даже несмотря на ее негативное влияние на общую ситуацию, можно считать случай с войсками в Тунисе и случай с группой армий В в Руре». К сожалению, в российской и советской военной традиции такое понятие капитуляции не прижилось, что не раз приводило к бессмысленным жертвам.

Вообще же Кессельринг ухитрился сохранять веру в возможность если не победы, то ничьей едва ли не до последних месяцев войны. Может быть, сказывалось то, что он находился под гипнозом успешных действий собственных войск в Италии и не до конца представлял степень безнадежности положения на других фронтах. Фельдмаршал полагал, что после Сталинграда и Туниса «победа стала невозможной», а высадка союзников в Нормандии и крах немецкой обороны на Западе осенью 1944-го поставил Германию в отчаянное положение. Но «на решимость альянса покончить с нами, заключавшуюся в формуле «безоговорочной капитуляции», мы могли ответить только одним: продать нашу шкуру как можно дороже, сражаться как можно дольше и упорнее в надежде измотать противника и попытаться таким образом все же склонить его к переговорам».

Фельдмаршал почему-то не задумывается, что даже если каким-нибудь чудом немцы смогли бы продержаться еще несколько месяцев — до полного истощения людских ресурсов Красной Армии, массового производства реактивных истребителей и новейших подводных лодок, способных к длительному автономному плаванию, это все равно не привело бы к перелому в ходе войны, а лишь к тому, что первые атомные бомбы американцы сбросили бы на немецкие, а не на японские города.

Кессельринг сообщает интересные подробности о миссии генерала СС Вольфа в Швейцарии: «Весной 1944 года без ведома ОКВ — хотя позже я доложил о своих действиях Гитлеру — я преодолел угрызения совести и вступил в контакт с американскими посредниками в Швейцарии через генерала СС Вольфа, поскольку считал, что война должна быть закончена путем переговоров на дипломатическом уровне. Я рассматривал этот шаг не как прелюдию к капитуляции войск в моей сфере ответственности, а как помощь правительству в налаживании переговорного процесса». Это опровергает преобладавшее в нашей историографии (а также в популярном романе Юлиана Семенова и фильме «Семнадцать мгновений весны») мнение, будто переговоры Вольф — Даллес инициировал Гиммлер, чьим начальником штаба когда-то был Вольф, причем сделано это было втайне от Гитлера и направлено против него. Опровергаются и утверждения американской стороны, будто речь шла лишь о капитуляции в Италии. Оказывается, Гитлер был в курсе переговоров, хотя и не с самого начала. А вот Гиммлер, вопреки мнению Ю. Семенова, о переговорах Вольф — Даллес осведомлен не был, почему и вынужден был в последние дни войны спешно искать контактов с союзниками через графа Бернадотта.

В заключение — два слова о переводе. Он сделан с английского же перевода, а не с немецкого оригинала, поскольку в России переводчиков с английского больше и они дешевле. Но дешевизна отразилась на ка-

честве. Ошибок много. Так, в ряде случаев положительные конструкции с усилительными отрицательными частицами («не может не...») переведены как отрицательные. «Голландское побережье» (the Dutch coast) переведено как «датское побережье», хотя даже из контекста понятно, что речь идет о Голландии. Генерал-полковники люфтваффе перекрещены на английский манер в маршалы авиации, которых в вермахте никогда не было (были только фельдмаршалы). Транскрипция — вообще особая песня. Переводчик, очевидно, не в курсе, что в английских изданиях немецкие фамилии даются на языке оригинала, и дает их произношение в соответствии с нормами для английских слов. Так, например, генерал-полковник Штумпф стал Стумпфом, а начальник генштаба люфтваффе Ешонек — Есонек. Интересно, кто-нибудь из читателей догадается, что «президент Хача» — это президент Чехословакии Гаха, одобивший ввод немецких войск в свою страну?..

Роль западных поставок в годы Великой Отечественной войны традиционно умаляется советской историографией еще со времен начала «холодной войны». Так, в книге Н. А. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» о ленд-лизе западных союзников вообще не было сказано ни слова (говорилось лишь, что все западные поставки составляли 4% от советского производства), а недавний союзник по антигитлеровской коалиции именовался так: «Ожиревший на народной крови в период Второй мировой войны монополистический капитализм Соединенных Штатов Америки», который «теперь стоит во главе империалистического и антидемократического лагеря и стал застрельщиком империалистической экспансии во всех частях света»²¹⁰. И в 1980-е годы роль ленд-лиза хотя и признавалась, но всячески умалялась советскими историками. А в «Краткой истории» Великой Отечественной войны отмечается, что «СССР действительно получил во время войны по ленд-лизу некоторые виды вооружения, а также важные для народного хозяйства машины, оборудование, материалы, в частности паровозы, горючее, средства связи, различные виды цветных металлов и химикатов. Существенной помощью явилась, например, поставка США и Англией 401 400 автомобилей. Однако в целом эта помощь не была сколько-нибудь значительной и никак не могла оказать решающего влияния на ход Великой Отечественной войны». Далее авторы утверждают, что

по отношению к советскому производству иностранные поставки составили: по артиллерийским орудиям всех систем — 1,9%, по танкам — 7%, по боевым самолетам — до 13%, а в автомобильном парке Красной Армии импортных автомашин в 1943 г. было 5,4%, а в 1944 г. — 19%. Общий же объем союзных поставок будто бы составил около 4% советского военного производства²¹¹. Как будет показано ниже, данные о доле ленд-лиза в советском военном производстве скорее всего занижены за счет завышения объемов производства отдельных видов вооружения и боевой техники в СССР.

Приращение роли западных поставок в советских военных условиях было направлено в первую очередь на утверждение мифа об «экономической победе социализма» в Великой Отечественной войне и о превосходстве советской военной экономики над военными экономиками капиталистических стран, не только Германии, но и Великобритании и США. Лишь после 1985 г. в советских публикациях стали попадаться иные оценки союзной помощи. Так, маршал Г. К. Жуков в послевоенных беседах с писателем К. М. Симоновым заявил:

«Говоря о нашей подготовленности к войне с точки зрения хозяйства, экономики, нельзя замалчивать и такой фактор, как последующая помощь со стороны союзников. Прежде всего, конечно, со стороны американцев, потому что англичане в этом смысле помогали нам минимально. При анализе всех сторон войны это нельзя сбрасывать со счетов. Мы были бы в тяжелом положении без американских порохов, мы не могли бы выпускать такое количество боеприпасов, которое нам было необходимо. Без американских «студебеккеров» нам не на чем было бы таскать нашу артиллерию. Да они в значительной мере вообще обеспечивали наш фронтной транспорт. Выпуск специальных сталей, необходимых для самых разных нужд войны, был тоже связан с рядом американских поставок».

При этом Жуков подчеркивал, что «мы вступили в войну, еще продолжая быть отсталой в промышленном отношении страной по сравнению с Германией»²¹². Достоверность передачи К. Симоновым этих бесед с Жуковым, состоявшихся в 1965–1966 гг., подтверждается высказываниями Г. Жукова, зафиксированными в результате прослушивания органами безопасности в 1963 г.: «Вот сейчас говорят, что союзники никогда нам не помогали... Но ведь нельзя отрицать, что американцы нам гнали столько материалов, без которых мы бы не могли формировать свои резервы и не могли бы продолжать войну... У нас не было взрывчатки, пороха. Не было, чем снаряжать винтовочные патроны. Американцы по-настоящему выручили нас с порохом, взрывчаткой. А сколько они нам гнали листовой стали! Разве мы могли бы быстро наладить производство танков, если бы не американская помощь сталию? А сейчас представляют дело так, что у нас все это было свое в изобилии»²¹³.

В отличие от советской, в американской историографии роль ленд-лиза всегда получала адекватное отражение как решающий фактор в способности Советского Союза продолжать войну. Наиболее фундаментально военно-экономическая роль американской помощи СССР освещена в вышедшей в 1969 г. монографии американского исследователя Роберта Х. Джонсона²¹⁴. Однако он лишен был возможности показать долю американских и британских поставок в производстве отдельных видов жизненно важной продукции в СССР из-за отсутствия данных о советском производстве, хотя и смог привести весьма подробную номенклатуру поставок по ленд-лизу. Значение американского ленд-лиза и поставок из Великобритании и Канады для советской военной экономики, прежде всего с точки зрения ее сбалансированности, рассматривает также британский исследователь Марк Харрисон в монографии, опубликованной в 1985 г.²¹⁵ Однако он ведет анализ по значительно меньшей номенклатуре

ре продукции, чем Джоунс, и находится под сильным влиянием теории народнохозяйственных балансов, разработанной В. Леонтьевым не без воздействия опыта советского народнохозяйственного планирования. М. Харрисон производит расчеты главным образом по вооружению и боевой технике и, как правило, без подразделения общих показателей на конкретную номенклатуру продукции (нефтепродукты в целом, а не конкретные виды горючего; прокат в целом, а не отдельные виды проката и т. п.), что делает ситуацию более благоприятной для советской экономики, чем она была в действительности. В нашей работе мы пытаемся посчитать долю западных поставок в советском производстве некоторых важнейших для ведения войны видов продукции, пользуясь как некоторыми недавно опубликованными сведениями, так и собственными расчетами.

Одним из наиболее узких мест советской экономики перед войной было производство авиационного и, в несколько меньшей степени, автомобильного бензина. Особенно не хватало высокооктановых бензинов. Так, в 1941 г. накануне войны потребность по авиационному бензину Б-78 была удовлетворена всего на 4%²¹⁶. В 1940 г. в СССР было произведено 889 тыс. т авиабензина, в 1941 г. — 1 млн 269 тыс. т, в 1942 — 912 тыс. т, в 1943 — 1 млн 7 тыс. т, в 1944 — 1 млн 334 тыс. т и в 1945 г. — 1 млн 17 тыс. т²¹⁷. Всего за годы войны в США по ленд-лизу и в рамках советских заказов было поставлено 666 тыс. т авиационного бензина, из которых после отправки было переадресовано в другие места 37,65 тыс. т, так что чистая поставка составила 628,4 тыс. т²¹⁸. Кроме того, чистая поставка бензиновых светлых фракций из США в СССР достигла 732,3 тыс. т. Помимо этого с Абаданского нефтеперерабатывающего завода Великобритании поставила в СССР 14,7 тыс. т авиационного бензина и 902,1 тыс. т бензиновых светлых фракций (эти поставки были компенсированы Великобританией США). К этому не-

обходимо также добавить 573 тыс. т авиационного бензина, поставленного в СССР с нефтеперерабатывающих заводов Великобритании и Канады²¹⁹. В сумме все это дает 2 млн 850,5 тыс. коротких тонн авиабензина и светлых бензиновых фракций, полученных СССР из США, Великобритании и Канады, что равно 2 млн 586 тыс. метрических тонн. В Советском Союзе импортный авиабензин и светлые бензиновые фракции использовались почти исключительно для смешивания с советскими авиабензинами с целью повышения их октанового числа, так как советские самолеты были приспособлены к использованию бензинов с гораздо более низким октановым числом, чем на Западе. Достаточно сказать, что более 97% импортного бензина имело октановое число 99 и выше, тогда как в СССР в огромном дефиците, как мы уже видели, был даже бензин Б-78. Поэтому фактически поставленный по ленд-лизу авиабензин был включен в советское производство авиабензина и составил, следовательно (вместе со светлыми бензиновыми фракциями), 51,5% от советского производства 1941–1945 гг. Если же вычесть из итога советское производство авиабензина за первую половину 1941 г., оценив его примерно в половину от годового производства, то доля поставок по ленд-лизу поднимется до 57,8%. Получается, что поставки по ленд-лизу авиабензина, происходившие с августа 1941 г. по сентябрь 1945 г., в 1,4 раза превышали собственно советское производство. СССР также смог захватить в 1944–1945 гг. 82,8 тыс. т трофейного бензина в Румынии, Польше, Венгрии и Чехословакии²²⁰, что было каплей в море. Очевидно, что без западных поставок горючего советская авиация просто не смогла бы поддерживать свои войска в необходимом объеме. Надо учесть также, что из-за гораздо более высоких октановых чисел западного авиабензина его роль в обеспечении советской авиации была на самом деле еще более значительной, чем это можно было бы заключить из одних только весовых показателей.

Автобензина в СССР в 1941—1945 г. было произведено 10 млн 923 тыс. т (в том числе в 1941 — 2 млн 983 тыс. т²²¹, а из США получено по ленд-лизу 267,1 тыс. коротких, или 242,3 тыс. метрических тонн²²², что составило лишь 2,8% от общего советского производства за время войны (за вычетом производства за первую половину 1941 г.). Правда, действительная роль американского автобензина была несколько выше из-за более высоких октановых чисел. Собственных потребностей в этом виде горючего СССР удовлетворить не мог, и дефицит автобензина в Красной Армии сохранялся до конца войны. Так, например, в конце 1944 г. в докладе комиссии Генштаба, штаба тыла и Главного автотранспортного управления Красной Армии по проверке правильности использования автотранспорта на фронтах отмечалось, что на 1-м Белорусском фронте «дальнейшее увеличение автотранспорта фронта без увеличения отпуска горючего нецелесообразно». Такая же картина наблюдалась и на 1-м Украинском фронте²²³. Очевидно, подобное положение отчасти было следствием и нерационального составления заявок на помощь по ленд-лизу советской стороной — целесообразнее было бы просить меньше автомашин и больше автобензина.

Автопарк Красной Армии также в большой степени был обеспечен за счет западных поставок. Производство автомобилей в СССР в 1940 г. составило 145 390, в 1941 — 124 476, в 1942 — 34 976, в 1943 — 49 266, в 1944 — 60 549, в 1945 — 74 757²²⁴. При этом в первом полугодии 1941 г. было выпущено 73,2 тыс. автомобилей, а во втором — только 46,1 тыс.²²⁵, так что с начала войны и до конца 1945 г. общее производство автомобилей можно определить в 265,6 тыс. штук. Из США в СССР за годы войны было поставлено 409,5 тыс. автомобилей, что в 1,5 раза превышало советское производство за годы войны. К концу войны (на 1 мая 1945 г.) в автомобильном парке Красной Армии поставленные по ленд-лизу машины составляли 32,8% (58,1% составляли машины отечественного производства и 9,1% —

трофейные автомашины)²²⁶. С учетом же большей грузоподъемности и лучшего качества роль американских автомашин была еще выше («студебеккеры», в частности, использовались в качестве артиллерийских тягачей). Довоенный же парк советских автомобилей (как находившихся в Красной Армии, так и изъятых из народного хозяйства с началом войны) был сильно изношен. Перед войной потребности Красной Армии в автотранспорте определялись в 744 тыс. автомобилей и 92 тыс. тракторов, в наличии же имелось 272,6 тыс. автомобилей и 42 тыс. тракторов. Из народного хозяйства планировалось изъять 240 тыс. автомобилей, в том числе 210 тыс. грузовиков («ГАЗ-АА» и «ЗИС-5»), однако из-за сильного износа автопарка (по легковым автомобилям машин, относящихся к 1-й и 2-й категориям, то есть не требующих немедленного ремонта, было 45%, а по грузовым и специальным — 68%) фактически было изъято из народного хозяйства в первые месяцы войны лишь 206 тыс. автомашин, тогда как уже к 22 августа 1941 г. безвозвратные потери автомобилей достигли 271,4 тыс.²²⁷ Очевидно, что без западных поставок Красная Армия не обрела бы той степени подвижности, которой она обладала по крайней мере с середины 1943 г., хотя вплоть до конца войны использование автотранспорта сковывалось недостатком автобензина.

Также и функционирование советского железнодорожного транспорта было бы невозможно без ленд-лиза. Производство железнодорожных рельсов (включая рельсы узкой колеи) изменялось в СССР следующим образом (в тыс. т): 1940 — 1360, 1941 — 874, 1942 — 112, 1943 — 115, 1944 — 129, 1945 — 308²²⁸. По ленд-лизу же в СССР было поставлено 685,7 тыс. коротких тонн железнодорожных рельсов²²⁹, что равно 622,1 тыс. метрических тонн. Это составляет около 56,5% от общего объема производства железнодорожных рельсов в СССР с середины 1941 г. по конец 1945 г. Если же исключить из подсчета рельсы узкой колеи, которые по ленд-лизу не поставлялись, то американские по-

ставки составят 83,3% общего объема советского производства. Исключив же из подсчетов выпуск рельсов за вторую половину 1945 г., приняв его равным по крайней мере половине годового производства (в действительности за второе полугодие 1945 г. было произведено значительно больше половины годового производства рельсов за счет сокращения собственно военного производства), то ленд-лиз по рельсам составит 92,7% от общего объема советского рельсового производства. Таким образом, почти половина железнодорожных рельсов, использованных на советских железных дорогах во время войны, поступила из США. Резкое сокращение выпуска рельсов советской промышленностью позволило направить дополнительные мощности и ресурсы стали на выпуск вооружения (в 1945 г. выпуск рельсов составил 13% от уровня 1940 г., а в 1944 г. — всего 5,4%).

Еще более заметной была роль поставок по ленд-лизу в сохранении на необходимом уровне численности советского парка локомотивов и железнодорожных вагонов. Выпуск магистральных паровозов в СССР изменялся следующим образом: в 1940 — 914, 1941 — 708, 1942 — 9, 1943 — 43, 1944 — 32, 1945 — 8. Магистральных тепловозов в 1940 г. было выпущено 5 штук, а в 1941 г. — 1, после чего их выпуск был прекращен до 1945 г. включительно. Магистральных электровозов в 1940 г. было произведено 9 штук, а в 1941 г. — 6 штук, после чего их выпуск также был прекращен²³⁰. По ленд-лизу же в СССР в годы войны было доставлено 1900 паровозов и 66 дизель-электровозов²³¹. Таким образом, поставки по ленд-лизу превосходили общее советское производство паровозов в 1941—1945 гг. в 2,4 раза, а электровозов — в 11 раз. Производство грузовых вагонов в СССР в 1942—1945 гг. составило в сумме 1087 штук по сравнению с 33 096 в 1941 г.²³² По ленд-лизу же было поставлено в общей сложности 11 075 вагонов²³³, или в 10,2 раза больше советского производства 1942—1945 гг. Известно, что в Первую мировую войну транспортный кризис

в России на рубеже 1916–1917 гг., во многом спровоцировавший революцию февраля 1917 г., был вызван недостаточным производством железнодорожных рельсов, паровозов и вагонов, поскольку мощности промышленности и ресурсы проката были переориентированы на выпуск вооружений. В годы Великой Отечественной войны только поставки по ленд-лизу предотвратили паралич железнодорожного транспорта в Советском Союзе.

Важную роль играли и союзные поставки порохов и других взрывчатых веществ. В СССР производство взрывчатых веществ в период с середины 1941 г. по середину 1945 г. мы оцениваем приблизительно в 600 тыс. т²³⁴. Из США было поставлено 325,8 тыс. коротких тонн взрывчатых веществ²³⁵, или 295,6 тыс. метрических тонн. Кроме того, 22,3 тыс. т порохов было доставлено из Великобритании и Канады²³⁶. Таким образом, западные поставки взрывчатых веществ достигли 53% от общего объема советского производства.

В обеспечении народного хозяйства цветными металлами западные поставки имели решающее значение. Цифры советского производства основных цветных металлов в 1941–1945 гг. до сих пор остаются секретными, поэтому здесь приходится опираться не на официальные данные, а на оценки. Так, производство меди в СССР в 1941–1944 гг., по оценке Д. Б. Шимкина, составило около 473 тыс. т, а по оценке М. Харрисона, производство меди в СССР в военные годы изменялось следующим образом (в тыс. т): 1942 г. — 118, 1943 г. — 105, 1945 г. — 135²³⁷. Если экстраполировать оценку М. Харрисона, опирающегося на данные в открытых советских публикациях на 1944 г., то мы получим для этого года производство в 120 тыс. т меди. Производство же за вторую половину 1941 г. можно примерно определить в половину от годового производства 1942 г., то есть в 59 тыс. т меди. Приняв за основу цифры М. Харрисона, советское производство меди в период с середины 1941-го до конца 1945 г. можно оце-

нить в 537 тыс. т, а в период с начала 1941 г. до конца 1944 г. — в 461 тыс. т, что практически совпадает с оценкой Д. Б. Шимкина. Производство меди с середины 1941 г. по середину 1945 г. мы, с учетом оценки М. Харрисона, определяем в 470 тыс. т. По ленд-лизу из США в СССР было поставлено 359,6 тыс. коротких тонн первичной меди и 51,1 тыс. коротких тонн электролитической и рафинированной меди²³⁸. Приняв соотношение 1,3 т первичной меди = 1 т рафинированной меди и переведя данные о ленд-лизе в метрические тонны, получим, что американские поставки меди в СССР были эквивалентны примерно 387,6 тыс. т первичной меди, что составило около 82,5% советского производства меди за время войны. Кроме того, дефицит меди в СССР во многом уменьшался за счет поставок из США средств связи. Так, в СССР поступило 956,7 тыс. миль полевого телефонного кабеля, 2,1 тыс. миль морского кабеля и 1,1 тыс. миль подводного кабеля. Кроме того, в СССР по ленд-лизу было поставлено 35 800 радиостанций, 5899 приемников и 348 локаторов, что обеспечило основные потребности Красной Армии. Из США поступило также 32 200 мотоциклов²³⁹, что в 1,2 раза превышало советское производство мотоциклов за 1941–1945 гг. — 27 816 штук²⁴⁰.

Ситуация, аналогичная положению с медью, наблюдается и в советском производстве алюминия в военный период. По оценке Д. Б. Шимкина, за 1941–1944 гг. в СССР было произведено 315 тыс. т алюминия²⁴¹. М. Харрисон оценивает советское производство алюминия следующим образом (в тыс. т): 1942 г. — 51,7, 1943 г. — 62,3, 1944 г. — 82,7, 1945 г. — 86,3²⁴². Если принять производство алюминия в 1941 г. приблизительно равным производству 1942 г., то общее производство алюминия в 1941–1945 гг., базируясь на цифрах М. Харрисона, можно определить в 335 тыс. т, а в 1941–1944 гг. — в 249 тыс. т. Таким образом, оценка М. Харрисона оказывается значительно ниже, чем оценка Д. Б. Шимкина. Наша оценка советского алюминиево-

го производства основывается на сведениях Н. А. Вознесенского о том, что к ноябрю 1941 г. были потеряны мощности, на которых до войны производилось 60% всего алюминия, а общее недопроизводство алюминия в военные годы за счет мощностей на территориях, подвергавшихся оккупации, достигло 136 тыс. т²⁴³. Учитывая данные о потерях мощностей по добыче угля — 63% и стали — 58% и о натуральном выражении суммарных потерь этих видов продукции — 307 млн т каменного угля и 38 млн т стали, приведенные Н. А. Вознесенским, а также сведения о производстве в 1940 г. — 165,9 млн т угля и 18,3 млн т стали²⁴⁴, можно получить соотношение между общей суммой потерь и годовым уровнем производства 1940 г. Для угля это соотношение будет 2,0:1, для стали — 2,1:1. Для алюминия этот показатель можно принять средним между этими двумя величинами — 2,05:1, учитывая, что доля потерь по алюминию также занимает промежуточное положение между соответствующими показателями по стали и углю. В этом случае производство алюминия в 1940 г. можно оценить в 66 тыс. т. Тогда падение производства во второй половине 1941 г. можно оценить по крайней мере в 60% от среднеквартального производства 1940 г., или в 10 тыс. т. Годовое производство алюминия в 1941 г. следует оценить в 56 тыс. т, а во втором полугодии 1941 г. — в 23 тыс. т. Известно, что в 1942 г. мощности по производству алюминия в СССР возросли на 18,5 тыс. т²⁴⁵. По нашей оценке, за 1941 г. были утрачены или временно выведены из строя мощности по производству алюминия примерно в 40 тыс. т, так что с учетом ввода новых мощностей выпуск алюминия в 1942 г. все равно должен был быть ниже уровня 1940 г. примерно на 21 тыс. т и составил, вероятно, около 45 тыс. т. В 1943 г. производство алюминия в СССР на 4% превысило довоенный уровень²⁴⁶ и может быть оценено в 69 тыс. т. В таком случае оценки М. Харрисона относительно производства алюминия в СССР в 1944 и 1945 гг. выглядят

близкими к действительности (соответственно 82,7 и 86,3 тыс. т) — рост по отношению к 1943 г. составляет для 1944 г. 13,7 тыс. т, а для 1945 г. — 17,3 тыс. т, что близко к показателю роста мощностей в 1942 г. — 18,5 тыс. т. Суммарное производство алюминия за 1941—1945 гг. мы оцениваем в 339 тыс. т, а с середины 1941 г. до середины 1945 г. — в 263 тыс. т. Из США в СССР в годы войны было поставлено 189,2 тыс. коротких тонн первичного и 71,9 тыс. коротких тонн вторичного алюминия²⁴⁷. Принимая 1 т вторичного алюминия эквивалентной 1,3 т первичного алюминия и переводя все показатели в метрические тонны, получим, что ленд-лиз из США в СССР был эквивалентен 256,4 тыс. т первичного алюминия. Кроме того, в СССР поступило 35,4 тыс. т алюминия из Великобритании и 36,3 тыс. т алюминия из Канады²⁴⁸, так что суммарные западные поставки алюминия в СССР в 1941—1945 гг. составили 328,1 тыс. т, что в 1,25 раза превышает нашу оценку советского производства алюминия в период с середины 1941 г. по середину 1945 г. Советская авиационная промышленность — основной потребитель алюминия — работала главным образом за счет западных поставок. Отметим также, что алюминий использовался и в производстве моторов для знаменитых советских танков Т-34.

Общее количество алюминия, поступившее для нужд советской экономики в период с середины 1941 г. до середины 1945 г., — около 591 тыс. т — делает совершенно нереальными официальные данные о производстве самолетов в СССР в период войны. Советский Союз будто бы произвел с июля 1941 г. по август 1945 г. 112,1 тыс. т боевых самолетов²⁴⁹. Между тем Германия в 1941—1945 гг. произвела 84 420 боевых самолетов²⁵⁰. Алюминия же германская промышленность в 1941—1944 гг. получила около 1 млн 704 тыс. т (из них 1 млн 466 тыс. т произведено в Германии), причем уже в 1943 г. непосредственно для военных нужд было использовано 80,3% всего алюминия²⁵¹. Совершенно

загадочным остается, как советская промышленность, располагая почти втрое меньшими ресурсами алюминия, смогла произвести в 1,3 раза больше боевых самолетов, чем Германия, если структура производства самолетов в двух странах была весьма похожей. Ни СССР, ни Германия почти не строили тяжелых бомбардировщиков, а взлетный вес аналогичных типов самолетов (истребителей, штурмовиков и легких бомбардировщиков), производимых в этих странах, отличался весьма незначительно²⁵². Правда, в СССР в кризисные 1941–1942 гг. для замены ряда алюминиевых деталей использовалось дерево и специальный брезент (поставлявшийся, кстати, по ленд-лизу), но и этот фактор не мог бы в такой мере сократить потребление алюминия, который использовался главным образом для нужд самолетостроения. Скорее всего, дело здесь в том, что советское производство самолетов в годы войны завышено минимум в два раза за счет сознательного завышения отчетности еще в военные годы. Есть основания полагать, что подобное же явление имело место и в случае с советским танковым производством. Эта мысль косвенно подтверждается данными о резком падении трудозатрат на выпуск единицы основных типов самолетов и танков в СССР в 1941–1943 гг.²⁵³

По утверждению Н. А. Вознесенского, за первые два с половиной года войны советские ресурсы броневой стали возросли на 350 тыс. т, а в 1942 г. производство броневой стали в восточных районах в 1,8 раза превзошло производство стали на всей территории страны в 1940 г. (в 1942 г. броневая сталь производилась только на востоке страны)²⁵⁴. Эти данные противоречат сведениям о производстве броневой стали, содержащимся в справочнике «Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», где динамика производства броневой стали представлена следующим образом (в тыс. т): 1940 — 75, 1941 — 294, 1942 — 527, 1943 — 446, 1944 — 588, 1945 — 510²⁵⁵. Однако здесь мы склонны доверять лишь данным о производстве

в 1940 г. Дело в том, что указанный справочник, подготовленный еще в 1959 г. под грифом «секретно», включал также данные о производстве вооружения и боевой техники, согласно которым производство танков и САУ, на изготовление которых и шел главным образом броневой лист, составило с июля 1941 г. по август 1945 г. 102,8 тыс. единиц²⁵⁶. Скорее всего, несоответствие между первичными данными о производстве броневой стали и производстве танков бросилось в глаза либо составителям справочника, либо кому-то из их предшественников, и данные о производстве броневой стали были скорректированы в сторону увеличения. В работе же Н. А. Вознесенского данных о годовом или общем объеме производства танков или самолетов не приводилось. Кроме того, если бы он хотел исказить данные о производстве броневой стали в СССР, то в своей, во многом пропагандистской, книге скорее всего сделал бы это в сторону завышения, а не занижения. Если же принять производство броневой стали в 1940 г. в 75 тыс. т, то данные Н. А. Вознесенского прекрасно согласуются с этим числом. Тогда в 1942 г. производство бронестали можно определить путем умножения уровня производства 1940 г. на 1,8, то есть в 135 тыс. т. В этом случае производство за вторую половину 1941 г. и за весь 1943 г. должно в сумме составить 215 тыс. т. Поскольку во втором полугодии 1941 г. из-за остановки и эвакуации заводов производство броневой стали значительно сократилось, оно наверняка было меньше среднего полугодового производства 1942 г., то есть меньше 67,5 тыс. т. Мы оцениваем его приблизительно в 50 тыс. т, а производство 1943 г. — в 165 тыс. т броневой стали. Между тем только в период с июля 1941 г. и до конца 1943 г. в СССР, согласно официальной статистике, было выпущено 53,3 тыс. танков и САУ²⁵⁷, в том числе не менее 30 тыс. танков Т-34²⁵⁸, каждый из которых требовал до 20 т броневой стали. Между тем мобилизованный запас броневой стали в СССР перед войной был невелик и не

покрывал даже 6-месячных потребностей промышленности²⁵⁹. С учетом этого мы оцениваем его не более чем в 50 тыс. т. По ленд-лизу броневую сталь почти не поставляли. Лишь в 1942 г. было поставлено 5786 коротких, или 5249 метрических, тонн броневой стали (еще 2,6 тыс. т погребло в пути)²⁶⁰. Так что всего в распоряжении советской промышленности в первые 2,5 года войны должно было быть около 405 тыс. т бронестали, тогда как только на производство 30 тыс. танков Т-34 ее могло уйти до 600 тыс. т. Поставка брони по ленд-лизу была самым крайним средством, вызванным резким ее дефицитом, так как, вообще говоря, определенный тип танка всегда требует определенного сорта брони и типа броневых листов, и американская броня не очень подходила для советских типов танков. Если принять данные о производстве брони в 1942 г. из справочника «Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне» — 527 тыс. т, то поставка 5,2 тыс. т бронелиста из США выглядит загадочной — такого количества брони, составлявшего лишь 11,8% от советского месячного производства, не могло хватить на покрытие какого-либо дефицита. Иное дело, если справедлива наша оценка производства брони в 1942 г., основанная на данных Н. А. Вознесенского, — 135 тыс. т. Тогда броня, поставленная по ленд-лизу, составит около 46,7% от советского среднемесячного производства в 1942 г., что делает американскую броню значимым фактором в покрытии возможного дефицита, особенно если учесть, что в первой половине 1942 г. производство было ниже, чем во втором полугодии.

Факты сознательного завышения отчетности — неизживаемый порок социалистического планового хозяйства — известны применительно к вооружению и боевой технике в СССР как в предвоенные, так и в послевоенные годы. Так, накануне войны по мобилизационным планам частям передавались несуществующие в природе автомобили²⁶¹. И даже в последние годы существования СССР, в 1985 г., один из будущих

лидеров августовского путча 1991 г. А. Тизяков искусственно завышал путем двойного счета количество производимых ракет²⁶². И в годы войны немецкая разведка уже в 1942 г. фиксировала сознательное искажение советских статистических данных²⁶³. В военные годы чрезвычайные условия делали плановые задания нередко заведомо невыполнимыми, а текущий контроль затруднительным. Возможно также, что производство искусственно завышалось за счет двойного счета бракованной продукции. Главный маршал авиации А. Новиков, бывший Главнокомандующий ВВС, в 1946 г. был арестован за то, что в годы войны принимал на вооружение поступающую с заводов бракованную авиатехнику. По его собственному признанию, об этой практике был прекрасно осведомлен и молчаливо ее покрывал уполномоченный Государственного комитета обороны (ГКО) Г. Маленков²⁶⁴. Высшее руководство, возможно, догадывалось о несоответствии истинного положения в производстве вооружения и техники отчетам, но виновников предпочло репрессировать после войны, причем искажения отчетности фактически выступали лишь предлогом, прикрывавшим истинную, политическую причину опалы (А. Новиков в действительности был арестован из-за своей близости к маршалу Г. Жукову, а послевоенная опала Г. Маленкова была связана с борьбой внутри Политбюро). В годы же войны репрессии все равно не помогли бы наладить отчетность и увеличить производство вооружения и техники, а, скорее всего, только дезорганизовали бы управление, что могло только уменьшить, а не увеличить выпуск продукции.

По нашим оценкам, опирающимся на уменьшение трудозатрат на единицу различных видов вооружения и техники в 1941–1943 гг., производство танков и боевых самолетов в годы войны было завышено по меньшей мере вдвое. С учетом этого и доля западных поставок вооружения и боевой техники оказывается примерно вдвое выше, чем принято считать²⁶⁵. Из США

было поставлено 7057 танков и САУ, из Англии и Канады — 5480. Американских самолетов поступило 15 481, британских — 3384. Из общего числа в 18 865 машин боевые составили около 17 тыс.²⁶⁶ С учетом же завышения данных о советском производстве доля западных поставок по боевым самолетам составит не 15%, как традиционно считалось, а около 30%, по танкам и САУ же доля возрастет с традиционных 12% до 24% от общего уровня производства в СССР в военные годы. Что же касается артиллерии, то поставлялась из США только зенитная артиллерия — 7944 орудия²⁶⁷. Это число советские историки обычно соотносят с общим производством орудий и минометов в СССР — 482,2 тыс. орудий и 351,8 тыс. минометов, что делает долю американских поставок менее чем в 2% от общего объема советского производства орудий и менее 1% — от суммарного производства орудий и минометов. Между тем сравнивать здесь надо только с советским производством зенитных орудий — наиболее дефицитного для Красной Армии вида артиллерии, и здесь доля американских поставок оказывается значительно выше (к сожалению, точный подсчет пока невозможен из-за отсутствия данных о производстве зенитных орудий в СССР).

Отметим также, что американские поставки играли существенную роль в снабжении СССР автопокрышками и отдельными видами продовольствия. По ленд-лизу было поставлено в Советский Союз 3 млн 606 тыс. автопокрышек²⁶⁸, в то время как советское производство автомобильных покрышек в 1941–1945 гг. составило 8 млн 368 тыс. штук (из них больших покрышек «Гигант» было произведено только 2 млн 884 тыс.), причем в 1945 г. производство автопокрышек составило 1 млн 370 тыс. по сравнению с 3 млн 389 тыс. в 1941 г.²⁶⁹ Американские поставки составили 43,1% от советского производства, если же учесть, что поставлялись из США в основном большие покрышки, то роль этих поставок еще более возрастает. Кроме того, Великобритания поставила 103,5 тыс. т натурального каучука²⁷⁰.

В СССР из США поступило также 672,4 тыс. коротких, или 610 тыс. метрических, тонн сахара²⁷¹, в СССР же в 1941—1945 гг. было произведено 1460 тыс. т сахара-песка, причем в 1942—1943 гг. — только 231 тыс. т²⁷². Поставки по ленд-лизу составили около 41,8% от общего уровня советского производства. Большую роль в снабжении Красной Армии и гражданского населения играла поставка из США мясных консервов — 732 595 коротких, или 664,6 тыс. метрических, тонн²⁷³. В 1941—1945 гг. было произведено всех консервов 3 млрд 072 млн условных банок, а мяса (с учетом субпродуктов, но без производства в подсобных хозяйствах населения) — 3 млн 715 тыс. т²⁷⁴. Если принять, что 5 тыс. условных банок консервов приблизительно эквивалентны 1 т консервов, то только мясные консервы по ленд-лизу составили около 108% от общего производства консервов в СССР (далеко не все из них относились к мясным консервам). По отношению к советскому производству мяса поставки мясных консервов по ленд-лизу составили 17,9%, фактически же их доля была еще выше, если исключить субпродукты и учесть, что консервированное мясо эквивалентно значительно большему по весу количеству сырого мяса.

Но, возможно, наиболее важными для Советского Союза были поставки сложных станков и промышленного оборудования. Еще в 1939—1940 гг. советское руководство разместило заказы на импортное оборудование для производства артиллерийского вооружения. Потом эти заказы, размещенные в основном в СИТА, были поставлены в СССР в рамках ленд-лиза. А именно в специальных станках для артиллерийского производства в годы войны в СССР была наибольшая нужда. Вместе с тем в данных заказах содержался и крупный просчет. Значительная доля оборудования предназначалась для производства чисто наступательных вооружений — мощных морских и сверхтяжелых сухопутных орудий, предназначенных для уничтожения неприятельских укреплений. Морские орудия не понадооби-

лись, так как с началом войны судостроение было свернуто, сверхтяжелая сухопутная артиллерия также не понадобилась, так как с соответствующими укреплениями Красной Армии пришлось бороться лишь в самом конце войны, да и не в том масштабе, как думали перед ее началом²⁷⁵.

Всего из США в СССР в годы войны было поставлено 38,1 тыс. металлорежущих станков, из Великобритании — 6,5 тыс. станков и 104 пресса. В Советском Союзе в 1941–1945 гг. было произведено 115,4 тыс. металлорежущих станков²⁷⁶, то есть в 2,6 раза больше поставок по ленд-лизу. Однако в действительности, если брать стоимостные показатели, то роль западных станков окажется значительнее — они были гораздо сложнее и дороже советских. Только из США в 1941–1945 гг. по ленд-лизу в СССР было поставлено машин и оборудования для промышленности на 607 млн долл.²⁷⁷

Оценить соответствующую советскую продукцию в долларах в настоящее время не представляется возможным, но можно предположить, что она могла быть даже меньше, чем стоимость поставок по ленд-лизу, принимая во внимание более высокое качество и сложность западных станков и иного оборудования. Некоторая часть оборудования, в частности завод по производству алюминиевого проката, прибыла на завершающем этапе войны и сыграла свою роль не столько в военных усилиях, сколько в восстановлении советской экономики²⁷⁸. Без поставок западного оборудования советская промышленность не только не смогла бы увеличить выпуск вооружения и боевой техники в годы войны, но и наладить выпуск станков и оборудования, чему служила также поставка из США специальных видов проката стали и ферросплавов.

В целом можно сделать вывод, что без западных поставок Советский Союз не только не смог бы выиграть Великую Отечественную войну, но даже не был в состоянии противостоять германскому вторжению, не имея

возможности производить достаточного количества вооружений и боевой техники и обеспечивать ее горючим и боеприпасами. Эта зависимость хорошо осознавалась советским руководством в начале войны. Например, специальный посланник президента Ф. Д. Рузвельта Г. Гопкинс сообщал в послании от 31 июля 1941 г., что Сталин полагал невозможным без американской помощи Великобритании и СССР устоять против материальной мощи Германии, располагавшей ресурсами оккупированной Европы²⁷⁹. Рузвельт же еще в октябре 1940 г., объявляя о своем решении разрешить военному ведомству предоставлять излишнее для нужд американских вооруженных сил вооружение и снаряжение, а также стратегические материалы и промышленное оборудование тем странам, которые могут защищать американские национальные интересы, допускал включение в число этих стран и России²⁸⁰. Без подобного отношения со стороны президента предвоенное размещение в США советских заказов на оборудование, важное для производства вооружений и боевой техники, вряд ли было бы возможно. С другой стороны, СССР еще задолго до начала советско-германской войны рассматривал Германию как своего потенциального противника. Так, в феврале 1940 г., в разгар советско-финляндской войны, когда СССР грозило выступление на стороне Финляндии англо-французской коалиции, по свидетельству бывшего командующего Балтийским флотом В. Трибуца, народный комиссар Военно-морского флота СССР Н. Кузнецов «издал специальную директиву, в которой указывал на возможность одновременного выступления против СССР коалиции, возглавляемой Германией и включающей Италию, Венгрию, Финляндию»²⁸¹.

Маловероятно, что такая директива, не отвечавшая сложившейся на тот момент международной обстановке, могла быть отдана без ведома Сталина. К тому же накануне войны советское руководство чересчур оптимистично оценивало боеспособность своих вооружен-

ных сил и, в частности, их танкового парка. По состоянию на 1 июня 1941 г. из 23 106 танков Красной Армии 80,9% танков считалось боеготовыми (в западных приграничных округах числилось боеготовыми 10 540 танков). Лишь после потери основной массы танков в приграничных сражениях задним числом было признано, что из танков старых конструкций, составлявших до 80% всего танкового парка, 29% требовало капитального, а 44% — среднесрочного ремонта²⁸². Эти факты работают, в частности, на версию о подготовке СССР превентивного удара, отстаиваемую В. Суворовым²⁸³. Если такой удар действительно был подготовлен, то Сталин и другие советские руководители могли рассчитывать либо на короткий блицкриг на 1—2 месяца, либо на быстрое начало военно-экономической помощи со стороны США и Великобритании. Скорее всего, расчет был как на то, так и на другое, в зависимости от развития событий. В любом случае неготовность СССР к длительной войне нельзя было преодолеть за полгода или за год, а, по свидетельству советских военных руководителей, Сталин считал, что дольше чем до 1942 г. оставаться вне войны Советскому Союзу не удастся²⁸⁴. К превентивному удару СССР могло в равной мере подталкивать как опасение германского нападения на советскую территорию, так и страх, что Германия может в 1941 г. совершить успешное вторжение на Британские острова и разгромить Англию. А именно на такой вариант развития событий ориентировали советское руководство дезинформационные мероприятия германской разведки по обеспечению операции «Барбаросса» — плана вторжения в СССР. Разгром же и выведение из войны Великобритании не только позволили бы Германии двинуть против Советского Союза дополнительные силы, но и лишили бы советскую экономику помощи с британской стороны, а также резко ухудшили бы условия для поступления помощи из США и Канады.

Западные союзники оказывали СССР помощь в подготовке к войне не только поставками по ленд-ли-

зу. Борьба против США и Великобритании заставляла Германию строить подводные лодки, отвлекая на это дефицитный металл, оборудование и квалифицированную рабочую силу. Только в 1941–1944 гг. германское судостроение произвело подводные лодки общим водоизмещением 810 тыс. т²⁸⁵. На борьбу против флотов и торгового судоходства западных стран (включая конвой с поставками в СССР по ленд-лизу) были брошены главные силы германского флота. Западные союзники отвлекали на себя и значительные сухопутные силы вермахта (в последний год войны — до 40%)²⁸⁶. Стратегические бомбардировки Германии англо-американской авиацией замедляли рост ее военной промышленности, а в последний год войны практически свели на нет производство бензина в Германии, окончательно парализовав люфтваффе. С марта по сентябрь 1944 г. выпуск авиабензина в Германии, осуществлявшийся почти исключительно на заводах синтетического горючего — главном объекте союзных бомбардировок в тот период, снизился со 181 тыс. т до 10 тыс. т, а после некоторого роста в ноябре — до 49 тыс. т — в марте 1945 г. полностью сошел на нет²⁸⁷. Против ВВС Англии и США действовали главные силы германской авиации, особенно истребительной, и именно в борьбе с западными союзниками люфтваффе понесло основную часть своих потерь.

Советская оценка потерь германской авиации на советско-германском фронте: 62 тыс. машин и 101 тыс. самолетов, составивших безвозвратные боевые потери германской авиации за всю войну²⁸⁸, далека от действительности, так как получена путем простого перемножения количества германских самолетов на отдельных театрах войны на время развертывания боевых действий на данном театре, без учета сравнительной интенсивности боевых действий (в самолето-вылетах) на различных театрах. Между тем на Западе интенсивность боев в воздухе была в целом выше, чем на Востоке, и там сражались лучшие германские летчики. Так,

в июле и августе 1943 г., когда значительные силы люфтваффе были сосредоточены на Восточном фронте во время сражений за Курск, Орел и Харьков, из 3213 безвозвратно потерянных боевых самолетов на Восточный фронт пришлось лишь 1030 машин, или 32,3%²⁸⁹. Вероятно, примерно такую же часть всех безвозвратных потерь за войну понесло люфтваффе на Восточном фронте.

Поскольку без содействия Англии и США СССР не мог бы вести войну против Германии, то утверждения советской пропаганды об экономической победе социализма в Великой Отечественной войне и о способности СССР самостоятельно победить Германию — не более чем миф. В отличие от Германии, в СССР обозначившаяся еще с начала 1930-х годов цель создать автаркическую экономику, способную обеспечить армию в военное время всем необходимым для ведения современной войны, так и не была достигнута. Гитлер и его советники просчитались не столько в определении военно-экономической мощи СССР, сколько в оценке способности советской экономической и политической системы функционировать в условиях тяжелого военного положения, а также возможностей советской экономики достаточно эффективно и быстро использовать западные поставки, а Великобритании и США — осуществить такие поставки в необходимом количестве и своевременно. Перед историками ныне встает новая проблема — оценить, каким образом западные поставки промышленного оборудования по ленд-лизу, равно как поставки из Германии в рамках репараций, способствовали формированию советского военно-промышленного комплекса, способного на равных вести гонку вооружений с Западом, вплоть до самого последнего времени, и определить степень зависимости советского ВПК от импорта с Запада за весь послевоенный период.

1. МЕТОДЫ, ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблема людских потерь в войнах — одна из наиболее сложных и интересных проблем исторической и демографической наук, открывающая также широкие возможности для разнообразных философских и культурологических построений и обобщений. Во Второй мировой войне человечество понесло наибольшие до сих пор потери, а население Советского Союза и Германии понесло наиболее тяжелые потери среди стран-участниц. Лишь потери Польши за счет гитлеровского геноцида еврейского народа оказываются сравнимыми с людскими потерями Германии. Потери же советского населения, очевидно, превышают суммарные людские потери всех других народов в ходе Второй мировой войны. Основные потери СССР и Германия понесли в борьбе друг против друга. Эти потери оставили свой глубокий след в памяти германского и русского народов.

За полвека, прошедшие после окончания Второй мировой войны, ни германские, ни, особенно, советские потери не могут считаться окончательно установленными. Это связано как с их абсолютными размерами — миллионы и десятки миллионов человек, так и с трудностями и неполнотой учета потерь. В тоталитарном Советском Союзе проблема людских потерь в минувшей войне вплоть до второй половины 1980-х годов оставалась темой, закрытой для научного

изучения. В потерпевшей же поражение Германии не было возможности по горячим следам произвести суммарное исчисление потерь как армии, так и мирного населения. Определение соотношения потерь двух стран помогает нам постичь особенности политических режимов и общественных систем нацистской Германии и коммунистической России.

Для установления максимально точных цифр потерь необходим всеобъемлющий анализ первичного актового материала о потерях и численности армий и населения, который ни в России, ни в Германии еще не проведен, да и не под силу одному исследователю. Поэтому и наша работа не претендует на закрытие проблемы исчисления советских и германских потерь во Второй мировой войне.

Исследуя проблему военных потерь, мы также сталкиваемся с объективным противоречием между уникальным и универсальным. Гибель каждого человека на войне с точки зрения истории является событием уникальным. Также и всякий документ, фиксирующий величину потерь в данной конкретной войне или отдельном сражении, по-своему уникален, а его достоверность зависит от субъективных намерений и действительной информации, которой в момент составления документа располагал его автор. В то же время оценка военных потерь армии и гражданского населения той или иной страны в целом возможна только статистическими методами. При этом людские потери рассматриваются не в качестве уникального, а в качестве массового явления, подтвержденного универсальными статистическими закономерностями. Из-за этого возрастает вероятность ошибок. Чтобы свести их к минимуму, необходимо учитывать, что мы имеем дело с историческими, а не с физическими явлениями, и стремиться устранить влияние всех искажающих действительность субъективных факторов, присутствующих в подвергаемом статистическому анализу материале. Вообще, в случаях, когда людские потери исчисля-

ются сотнями тысяч и миллионами, а тем более — десятками миллионов человек, нет никаких шансов, что все они будут учтены. В этих условиях не меньшее значение, чем первичный документальный материал, приобретает точность используемых методов исследования.

Цель настоящего исследования — определить с максимально возможной точностью и с учетом всего доступного сегодня материала потери населения СССР и Германии во Второй мировой войне. В первую очередь речь пойдет об определении безвозвратных потерь²⁹¹ вооруженных сил, поскольку соотношение с потерями противника именно этого вида потерь главным образом характеризует уровень военного искусства сторон и способность соответствующих политических и экономических систем вести войну. Общий же объем людских потерь, включая потери гражданского населения, характеризует ущерб, понесенный той или иной страной в войне. При этом следует помнить, что величина безвозвратных потерь СССР и Германии в 1939–1945 гг. исчисляется миллионами и десятками миллионов, а следовательно, она всегда будет определяться исследователями только путем оценок, вне зависимости от того, какие еще документы будут введены в оборот в будущем.

Если речь идет об определении людских потерь в краткосрочном и небольшом по масштабу вооруженном конфликте, где жертвы исчисляются сотнями или немногими тысячами, то можно надеяться, что данные о потерях, содержащиеся в итоговых донесениях, совпадут или будут очень близки к истинному числу жертв. Совсем иначе обстоит дело, когда война продолжается несколько лет, а число погибших и раненых исчисляется миллионами и десятками миллионов. В этом случае, естественно, исследователь не в состоянии охватить весь массив первичных донесений о потерях, а в донесениях часто занижают (реже — завышают) истинный размер потерь. Здесь исследователь неизбежно вынужден идти путем оценок, причем чем больше величина потерь, тем меньше становится точность

оценок. Возрастает и субъективный момент, поскольку на основе одних и тех же данных разные авторы могут делать разные оценки. В случае же с советскими потерями во Второй мировой войне положение усугубляется тем, что до сих пор почти нет публикаций документов о потерях и доступ к ним исследователям затруднен.

Чисто теоретически можно взять, например, все десятидневные данные о потерях всех советских дивизий и приравненных к ним соединений за четыре года войны, а также все данные по дивизиям о поступлении пополнений и, составив баланс, сделать суммарную оценку безвозвратных потерь. Однако это будет сизифов труд сотен исследователей, поскольку сразу же обнаружится очень большая неполнота данных как о потерях, так и о пополнениях.

Первая официальная цифра советских военных потерь была дана Сталиным в интервью газете «Правда» 13 марта 1946 г. в связи с фултонской речью Черчилля. Сталин заявил: «В результате немецкого вторжения Советский Союз безвозвратно потерял в боях с немцами, а также благодаря немецкой оккупации и угону советских людей на каторгу — около семи миллионов человек. Иначе говоря, Советский Союз потерял людьми в несколько раз больше, чем Англия и Соединенные Штаты Америки, вместе взятые»²⁹².

Стоит отметить, что «семь», как и «три», — один из основных стереотипов человеческого мышления. Можно сказать, что цифра советских потерь была взята Сталиным с потолка. Когда человек называет цифру наобум, наиболее вероятно, что он назовет 3 или 7. Так что Сталин с одинаковым успехом мог сказать не о семи, а о трех миллионах погибших. Но 3 млн показалось ему слишком мало. Ведь потери уже можно было бы сравнивать с суммарным числом погибших в США и в Британской империи. В США погибло около 300 тыс. человек, в Англии — 264 тыс. человек, в остальных странах Британской империи — еще 124 тыс. человек. Речь идет о потерях только вооруженных сил²⁹³.

Работ, посвященных определению безвозвратных потерь Красной Армии научными методами, почти нет. В 1950 г. была опубликована книга перешедшего на Запад советского полковника К. Д. Калинова «Советские маршалы имеют слово», где со ссылкой на имевшийся в распоряжении автора документ приводились данные о потерях советских войск в войне с Германией: 8,5 млн погибших на поле боя, 2,5 млн умерших от ран и 2,6 млн умерших в плену (документ с такими цифрами в советских архивах не найден). Данные Калинова были приняты рядом западных исследователей близкими к истинным потерям Красной Армии²⁹⁴. В дальнейшем, в начале 1960-х годов, Н. С. Хрущев неоднократно говорил о 20 млн погибших в войне советских граждан.

В Советском Союзе вплоть до 1988 г. исследователи на работу Калинова не ссылались, а расчетов потерь советских вооруженных сил не проводили. Позднее такие оценки ими стали делаться, но без указания методики расчетов. Например, Д. А. Волгогонов, опираясь «на ряд имеющихся в военном ведомстве статистических данных, в том числе на количество советских военнопленных» и собственный анализ переписей, динамики численности соединений и данных о потерях в крупнейших операциях, считает, что «число погибших военнослужащих, партизан, подпольщиков, мирного населения в годы Великой Отечественной войны колеблется, видимо, в пределах не менее 26—27 млн человек, из них около 10 млн пали на поле боя и погибли в плену», а «соотношение безвозвратных потерь составляет 3,2:1, и не в нашу пользу»²⁹⁵. А. Н. Мерцалов, ссылаясь на «изыскания некоторых ученых из Института теории и истории социализма при ЦК КПСС», а также из ГДР и ФРГ, безвозвратные потери вермахта на Восточном фронте определяет в 2,8 млн человек, а РККА — в 14 млн, что дает соотношение 1:5, но, как и Д. А. Волгогонов, никак приведенные цифры не обосновывает²⁹⁶. Заслуживает упоминания попытка В. В. Алексеева и В. А. Исупова еще в 1986 г. опреде-

лить потери лиц призывного контингента 1890—1924 годов рождения путем анализа данных о мужском перевесе в этих возрастах по материалам переписей 1926 и 1959 г. Потери оцениваются ими в 11,8 млн мужчин (в подавляющем большинстве — красноармейцев) и 2,1 млн женщин. Однако эти авторы не учитывают, что в потерях мирного населения, сопоставимых по величине с потерями армии, в призывных возрастах неизбежно возникал большой женский перевес, что делает их расчеты потерь сильно заниженными²⁹⁷.

Методика расчета потерь советских и германских вооруженных сил и их соотношения была предложена нами в 1991 г. в книге «Цена победы»²⁹⁸. В 1993 г. вышла книга группы авторов «Гриф секретности снят», содержащая подробный статистический материал, хотя и без ссылок на источники, о потерях Красной Армии в 1939—1945 г. Однако здесь нет ясного изложения методики расчетов, непонятно даже, какого рода документы о потерях были положены в их основу: персональные (поименные) или текущие обобщающие (ежедневные, декадные и месячные) донесения²⁹⁹.

Относительно потерь вермахта наиболее достоверные (из известных автору) сведения содержатся в труде Б. Мюллера-Гиллебранда. За период с 1939 г. до конца 1944 г. они основаны на персональных (поименных) донесениях о потерях, обработанных органами военного учета в Германии, благодаря чему недоучет и двойной счет сведены здесь к минимуму. За период с конца 1944 г. и до конца войны оценки Мюллера-Гиллебранда базируются лишь на достаточно неполных текущих донесениях о потерях и гораздо менее точны³⁰⁰.

В настоящей работе наши оценки и методика расчетов претерпели большие изменения по сравнению с использованными в «Цене победы». Это связано прежде всего с введенными в оборот новыми материалами. Необходимо производить расчеты потерь несколькими независимыми способами, и лишь при получении близких между собой цифр можно пытаться делать вы-

воды о надежности избранных методик. Мы прекрасно сознаем, что для установления максимально приближенной к истинной цифры безвозвратных потерь армий (равно как и мирного населения) СССР и Германии необходим сквозной анализ первичных донесений о потерях в сопоставлении с данными о численности личного состава. Для Второй мировой войны такая работа, очевидно, требует времени, превышающего время сознательной жизни одного исследователя, и под силу лишь большим коллективам при условии свободного доступа к архивам, да и в этом случае потребовались бы многие годы. Для сравнения эффективности боевых действий сторон даны также безвозвратные потери западных союзников СССР и союзников Германии на Восточном фронте.

2. ПОТЕРИ КРАСНОЙ АРМИИ

В ходе вторжения в Польшу в период с 17 сентября по 2 октября 1939 г. Красная Армия потеряла 852 человека и 144 пропали без вести. Пораженных в боях было 2002 человека, больных — 381³⁰¹. В ходе развязанной СССР советско-финляндской войны в период с 30 ноября 1939 г. по 13 марта 1940 г. советские сухопутные войска и авиация потеряли убитыми и умершими от ран (без умерших в тыловых госпиталях) не менее 131,5 тыс. человек. Около 6 тыс. красноармейцев оказались в финском плену. Число пораженных в боях составило до 330 тыс. человек³⁰². За счет умерших в тыловых госпиталях и потерь среди пограничников и на флоте мы оцениваем общее число погибших в Красной Армии в 135 тыс. человек. Существуют и более высокие оценки — до 200 тыс. погибших. Для сравнения: финская армия в ходе этой войны потеряла 23,5 тыс. убитыми и умершими от ран, более 1 тыс. пленными и 43,5 тыс. ранеными³⁰³. Сухопутная армия Германии до июня 1941 г. потеряла погибшими и пропавшими без

вести 97,2 тыс. человек³⁰⁴, что в 1,5 раза меньше советских безвозвратных потерь в 142 тыс. человек (из них 136 тыс. погибло).

Официальная цифра советских военных потерь в 1941–1945 гг. — 8 668 400 военнослужащих (в том числе — пограничных и внутренних войск), погибших на поле боя или умерших от ран, болезней, несчастных случаев и в плену, а также казненных по приговорам трибуналов и оставшихся на Западе после освобождения из плена. Из этого числа в войне против Японии погибло и пропало без вести (вместе с умершими от ран и несчастных случаев, а также по болезни) 12 031 человек³⁰⁵.

Определение потерь советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне представляет собой крайне сложную задачу из-за плохой постановки учета и неполной сохранности документов, особенно за 1941–1942 гг. Дело в том, что в Красной Армии рядовой и сержантский состав после финской войны был лишен удостоверений личности — красноармейских книжек, что не только открывало широкие возможности для деятельности разведчиков и диверсантов противника (им достаточно было иметь красноармейскую форму и знать номера дислоцированных в данном районе частей), но и крайне затрудняло определение численности личного состава и величины потерь, даже в мирное время. Член военного совета Киевского особого военного округа Н. Н. Вашугин в декабре 1940 г. на совещании высшего руководящего состава Красной Армии рассказывал случай, «когда один красноармеец в течение четырех месяцев скрывался в окрестных селах, за это время научился говорить по-польски, систематически ходил в церковь. Его арестовали, и только тогда выяснилось, что его нет в части. А с другой стороны, в этом же полку красноармейца Степанова объявили дезертиром, хотя он никогда из расположения части не уходил»³⁰⁶. Приказ наркома обороны о введении Положения о персональном учете потерь и погребении личного состава Красной Армии в военное время по-

явился 15 марта 1941 г. Этим приказом для военнослужащих вводились медальоны с основными сведениями о владельце. Но до войск Южного фронта, например, этот приказ был доведен лишь в декабре 1941 г. Еще в начале 1942 г. многие военнослужащие на фронте не имели медальонов, а приказом наркома обороны медальоны 17 ноября 1942 г. вообще были отменены, что еще больше запутало учет потерь, хотя и диктовалось стремлением не угнетать военнослужащих думами о возможной смерти (многие потому вообще отказывались брать медальоны). Красноармейские книжки ввели 7 октября 1941 г., но еще в начале 1942 г. красноармейцы не были ими полностью обеспечены. В приказе заместителя наркома обороны от 12 апреля 1942 г. говорилось: «Учет личного состава, в особенности учет потерь, ведется в действующей армии совершенно неудовлетворительно... Штабы соединений не высылают своевременно в центр именных списков погибших. В результате несвоевременного и неполного представления войсковыми частями списков о потерях (так в документе. — Б. С.) получилось большое несоответствие между данными численного и персонального учета потерь. На персональном учете состоит в настоящее время не более одной трети действительного числа убитых. Данные персонального учета пропавших без вести и попавших в плен еще более далеки от истины».

И в дальнейшем положение с учетом личного состава и потерь не претерпело существенных изменений. Приказ наркома обороны от 7 марта 1945 г., за два месяца до конца войны с Германией, констатировал, что «военные советы фронтов, армий и военных округов не уделяют должного внимания» этому вопросу³⁰⁷. Хорошей иллюстрацией к этому служит сообщение телепрограммы «Сегодня» от 6 мая 2000 г. об истории 600 советских десантников, погибших при штурме Пиллау в апреле 1945 г. Калининградские поисковики, обнаружившие братское захоронение морских пехотинцев на 200 человек, сетовали перед камерой, что, вот, у немцев, тела которых они

находили на территории бывшей Восточной Пруссии, почти у всех есть именные медальоны, тогда как у наших, погибших в последние недели войны, в подавляющем большинстве — ни медальонов, ни документов, удостоверяющих личность.

Замечу, что тот факт, что лишь треть действительно-го числа советских безвозвратных потерь была учтена в донесениях, вполне объясним. Троищность — это один из основных архетипов человеческого мышления (см. Приложение). Поэтому командиры, отправляя донесения, подсознательно занижали действительное число безвозвратных потерь именно втрое.

Заниженность официальных цифр советских военных потерь в войне с Германией, рассчитанных группой авторов книги «Гриф секретности снят», бросается в глаза. Так, например, число пропавших без вести и пленных в советских вооруженных силах в 1943—1945 гг. определено здесь в 604 тыс. человек, тогда как по немецким данным было взято в плен в этот период 746 тыс. красноармейцев³⁰⁸. Еще разительнее пример в связи с потерями в Курской битве. В книге «Гриф секретности снят» приведены данные о том, что 5 июля 1943 г., к началу сражения, войска Центрального фронта насчитывали 738 тыс. человек и в ходе оборонительной фазы сражения с 5 до 11 июля понесли потери (санитарные и безвозвратные) в 33 897 человек. Согласно всем законам математики, к началу наступления 12 июля войска фронта должны были иметь в своем составе 704 тыс. человек, однако авторы книги «Гриф секретности снят» свидетельствуют, что 12 июля Центральный фронт насчитывал всего 645 300 человек, причем за неделю оборонительных боев его состав практически не изменился: добавилась одна отдельная танковая бригада и убыли две стрелковые бригады, что в итоге могло уменьшить численность войск фронта не более чем на 5—7 тыс. человек³⁰⁹. К тому же скорее всего еще в ходе оборонительного сражения и особенно в преддверии наступления на Центральный фронт было перебро-

шено маршевое пополнение для компенсации потерь (для соседнего Воронежского фронта факт переброски маршевых пополнений непосредственно в войска в ходе оборонительных боев зафиксирован в воспоминаниях участников)³¹⁰. И все равно к началу наступления численность войск оказалась почти на 60 тыс. меньше, чем должна бы быть, исходя из объявленного в книге «Гриф секретности снят» размера потерь.

Данный пример также доказывает порочность методики, применявшейся авторами книги для исчисления потерь в отдельных стратегических операциях. По их утверждению, за основу брались месячные, а если операция продолжалась менее месяца — декадные донесения фронтов³¹¹.

Подобных примеров множество. Остановимся весьма подробно лишь на последнем из них, поскольку именно он позволит нам нащупать способ близкой к истине оценки безвозвратных потерь советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне.

Безвозвратные потери советских вооруженных сил в 1942 г. авторами книги «Гриф секретности снят» определены в 3 258 216 человек (включая сюда и умерших от болезней и несчастных случаев, и прочие небоевые потери)³¹². Между тем значительно более высокая величина безвозвратных потерь Красной Армии за 1942 г. приводится Д. А. Волкогоновым — 5 888 236 человек, по его утверждению — «результат долгих подсчетов по документам»³¹³. Эта цифра в 1,8 раза превосходит цифру, данную в книге «Гриф секретности снят», причем Д. А. Волкогонов приводит ее разбивку по месяцам. Для сравнения у нас имеется помесечная динамика потерь Красной Армии пораженными в боях в период с июля 1941 г. по апрель 1945 г. включительно: график воспроизведен в книге бывшего начальника Главного военно-санитарного управления Красной Армии Е. И. Смирнова «Война и военная медицина»³¹⁴. Поскольку в случае с пораженными в боях мы имеем дело с более точным численным учетом, в отличие от гораз-

до менее точного (в советских условиях) персонального учета безвозвратных потерь, данные Е. И. Смирнова, при сопоставлении их с другими данными, могут быть положены в основу оценки безвозвратных потерь советских вооруженных сил, принимая во внимание определенную пропорциональную зависимость между числом убитых и умерших от ран и числом пораженных в боях. Д. А. Волкогонов не дает разбивки своей цифры безвозвратных потерь на боевые и небоевые потери. Но поскольку он нигде не говорит, что речь идет только о боевых потерях, мы предполагаем, что цифра 5 888 236 и ее составляющие помесячные данные включают все безвозвратные потери — как боевые, так и небоевые, относящиеся к действующей армии. Это несколько искажает пропорцию, так как небоевые потери, строго говоря, не пропорциональны числу пораженных в боях. Однако, принимая во внимание, что небоевые потери составляли ничтожную часть всех безвозвратных потерь Красной Армии в 1941–1945 гг. (по данным авторов книги «Гриф секретности снят» — 555,5 тыс. из 8668,4 тыс. погибших, или 6,4%, причем недоучет боевых потерь здесь, конечно, несоизмеримо больший, чем небоевых)³¹⁵, большой погрешности в ту или иную сторону здесь быть не может. Помесячные данные за 1942 г. о потерях советских вооруженных сил приведены в следующей таблице.

Потери Красной Армии в 1942 г.

МЕСЯЦ	БЕЗВОЗВРАТНЫЕ ПОТЕРИ	ПОТЕРИ ПОРАЖЕННЫМИ В БОЯХ (В % ОТ СРЕДНЕМЕСЯЧНОГО УРОВНЯ ЗА ВОЙНУ. СРЕДНЕМЕСЯЧНЫЙ УРОВЕНЬ = 100)
январь	628	112
февраль	523	98
март	625	120
апрель	435	81
май	422	78
июнь	519	61
июль	330	83

МЕСЯЦ	БЕЗВОЗВРАТНЫЕ ПОТЕРИ	ПОТЕРИ ПОРАЖЕННЫМИ В БОЯХ (В % ОТ СРЕДНЕМЕСЯЧНОГО УРОВНЯ ЗА ВОЙНУ. СРЕДНЕМЕСЯЧНЫЙ УРОВЕНЬ = 100)
август	385	130
сентябрь	473	189
октябрь	819	80
ноябрь	413	83
декабрь	318	123
Всего за год	5888	1158

Источники: *Смирнов Е. И.* Война и военная медицина. 2-е изд. М., 1979. С. 188; *Волкоготов Д. А.* Мы победили вопреки бесчеловечной системе // *Известия*. 8.5.1993. С. 5.

Сравнение этих цифр позволяет сделать вывод, что данные Д. А. Волкоготова существенно занижают истинный размер безвозвратных потерь. Так, в мае 1942 г. безвозвратные потери будто бы составили лишь 422 тыс. и по сравнению с апрельскими даже уменьшились на 13 тыс. Между тем именно в мае германские войска пленили около 150 тыс. красноармейцев на Керченском полуострове³¹⁶ и около 240 тыс. — в районе Харькова³¹⁷. Тогда как в апреле потери пленными были незначительными (наибольшее их число, порядка 5 тыс. человек, было взято при ликвидации группы генерала М. Г. Ефремова в районе Вязьмы). Получается, что в мае потери убитыми и умершими от ран, болезней и несчастных случаев не превышали 32 тыс. человек, а в апреле достигали почти 430 тыс., и это при том, что показатель числа пораженных в боях с апреля по май упал всего на 3 пункта, или менее чем на 4%. Ясно, что все дело в колоссальном недоучете безвозвратных потерь в период общего отступления советских войск: с мая по сентябрь включительно. Ведь именно тогда было захвачено немцами подавляющее большинство из 1653 тыс. советских пленных 1942 г. По Д. А. Волкоготову, с мая по сентябрь безвозвратные

потери достигли всего лишь 2129 тыс. против 2211 тыс. за 4 предшествовавших месяца, когда потери пленными были незначительны. Не случайно в октябре безвозвратные потери Красной Армии вдруг увеличились на 346 тыс. по сравнению с сентябрем при резком падении показателя пораженных в боях на целых 29 пунктов и отсутствии в это время сколько-нибудь крупных окружений советских войск: в октябрьские потери были частично включены недоучтенные потери предшествовавших месяцев.

Наиболее надежными нам представляются данные о безвозвратных потерях за ноябрь, когда Красная Армия почти не понесла потерь пленными, а линия фронта была стабильна вплоть до 19-го числа. Поэтому можно считать, что потери убитыми и умершими от ран учтены в этом месяце полнее, чем в предшествовавшие и последующие, когда быстрое перемещение фронта и штабов затрудняло учет, и что безвозвратные потери в ноябре приходятся почти исключительно на убитых и умерших от ран, болезней и несчастных случаев (отметим, что здесь могут быть учтены небоевые потери лишь действующей армии, без умерших от болезней военнослужащих тыловых округов и Дальневосточного фронта). Тогда на 413 тыс. убитых и умерших будет приходиться показатель 83% пораженных в боях, то есть на 1% среднемесячного числа пораженных в боях приходится приблизительно 5,0 тыс. убитых и умерших от ран и болезней. Если же принять за базовые показатели января, февраля, марта или апреля, то там соотношение, после исключения примерного числа пленных, будет еще большим — от 5,1 до 5,5 тыс. погибших на 1% от среднемесячного числа пораженных в боях. Декабрьские же показатели явно страдают большим недоучетом безвозвратных потерь из-за быстрого перемещения линии фронта.

Можно считать, что установленное для ноября 1942 г. соотношение числа пораженных в боях и количества убитых и умерших от ран, болезней, несчастных

случаев, а также по приговорам трибуналов близко к среднему за войну в целом. Тогда общие безвозвратные потери Красной Армии (без пленных) в войне с Германией можно оценить, умножив 5 тыс. человек на 4656 (4600) — сумма (в процентах) потерь пораженными в боях за период с июля 1941 г. по апрель 1945 г., 17 — потери пораженными в боях за июнь 1941 г., 39 — потери пораженными в боях за май 1945 г., принятые нами за одну треть потерь соответственно июля 1941 г. и апреля 1945 г. В результате мы приходим к цифре в 23,28 млн погибших. Из этого числа, очевидно, следует вычесть 939 700 военнослужащих, числившихся пропавшими без вести, но после освобождения соответствующих территорий вновь призванных в армию. Большинство из них не были в плену, часть бежали из плена³¹⁸. Таким образом, общее число погибших сократится до 22,34 млн человек. За счет небоевых потерь в тыловых округах мы увеличим это число до 22,4 млн человек, убитых в бою и умерших от ран, болезней, несчастных случаев и в результате приговоров трибуналов и самоубийств.

Для определения общей величины безвозвратных потерь Красной Армии в войне нам необходимо установить общее число советских военнопленных и оценить, сколько из них так и не дожило до освобождения. По итоговым немецким документам, на Восточном фронте было взято 5754 тыс. военнопленных, которые распределились по годам следующим образом: 1941 г. — 3355 тыс., 1942 г. — 1653 тыс., 1943 г. — 565 тыс., 1944 г. — 147 тыс., 1945 г. — 34 тыс. Американский историк А. Даллин³¹⁹, обнаруживший этот документ командования вермахта, считал данные о числе пленных неполными. Действительно, по более ранним данным ОКВ, в период с 22 июня по 1 декабря 1941 г. на Восточном фронте был захвачен 3 806 861 военнопленный, а по завлению, сделанному правительственным чиновником Мансфельдом 19 февраля 1942 г. в Экономической палате рейха, советских военнопленных насчитывалось

3,9 млн (практически все они были захвачены в 1941 г.). Мы склонны присоединиться к наибольшей оценке числа советских военнопленных 1941 г. в 3,9 млн человек³²⁰, поскольку, скорее всего, минимальная оценка в 3355 тыс. пленных недоучитывает тех 200 тыс., кто уже в 1941 г. был зачислен для несения вспомогательной службы в ряды германских вооруженных сил³²¹, умерших в первые недели плена без должной регистрации от голода, болезней и в результате германских репрессий, а также бежавших еще из прифронтовой полосы. Количество этих последних можно оценить (вместе с бежавшими из плена еще в 1941 г.) примерно в 345 тыс. человек. В 1941 г. смертность среди пленных была особенно высока, а недоучет из-за огромного их числа — максимален. Данные о числе пленных в 1942—1945 гг., когда уменьшилось их число и смертность, а учет улучшился, мы принимаем близкими к действительности. Тогда общее число советских военнопленных за войну можно оценить в 6,3 млн человек. На Родину из германского (а также финского и румынского) плена вернулось 1836 тыс. человек, еще примерно 250 тыс., по оценке МИД СССР 1956 г., после войны остались на Западе³²². К 1 мая 1944 г., по германским данным, из лагерей глубокого тыла бежало и не было разыскано 67 тыс. советских военнопленных³²³. Еще большее число пленных, несомненно, бежало из прифронтовой полосы и лагерей фронтового тыла, причем многие, если не большинство из них, при выходе к своим предпочитали всячески скрывать свое пребывание в плену, так как бывших пленных в СССР репрессировали. Число таких пленных, кому удалось не только бежать, но и скрыть свое пребывание в плену и не попасть в число 1836 тыс., вернувшихся из плена, мы оцениваем примерно в 200 тыс. человек. Тогда число погибших в плену советских военнопленных можно оценить примерно в 4 млн человек, или в 63,5% от общего числа пленных.

Наша оценка общего числа погибших в рядах советских вооруженных сил в 26,4 млн человек примерно

второе больше официальной цифры, что и неудивительно, раз в донесениях была учтена примерно треть реальных безвозвратных потерь. Цифра в 26,4 млн находит определенное подтверждение в электронном банке данных о погибших и пропавших без вести военнослужащих во время Великой Отечественной войны при Музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе в Москве. Там уже собраны персональные данные на 17 млн человек. Но сами организаторы банка предполагают, что они охватили лишь около 90% безвозвратных потерь, то есть реальная цифра погибших составляет около 20 млн военнослужащих³²⁴. На наш взгляд, они преувеличивают полноту учета потерь в рамках электронного банка данных. Полвека спустя после окончания войны нет реальных шансов поименно учесть значительную часть безвозвратных потерь вооруженных сил, особенно если подобный учет так и не был произведен в военные и первые послевоенные годы. Поэтому недочет в 9,4 млн человек по сравнению с нашей оценкой в 26,4 млн человек, или в 36% от общего числа погибших военнослужащих, представляется вполне возможным.

О числе раненых и больных военнослужащих Красной Армии в период Великой Отечественной войны данные разнятся. По сведениям авторов книги «Гриф секретности снят», в 1941–1945 гг. с учетом войны с Японией количество пораженных в боях (раненых, контуженых, обожженных и обмороженных) достигло 14 685 593 человек, а заболевших — 7 641 312 человек. Эти цифры, по утверждению авторов книги, составляют санитарные потери, учтенные военно-медицинскими учреждениями. Однако здесь же приводятся противоречащие им данные о санитарных потерях по донесениям войск — 15 296 473 пораженных в боях и 3 047 675 заболевших. В книге «Гриф секретности снят» разница в цифрах объясняется тем, что первые из них относятся ко всем вооруженным силам, тогда как вторые — только к действующей армии. Это действительно может объяснить разницу в 4593,4 тыс. заболев-

ших, но каким образом пораженных в боях в действующей армии оказалось на 610,9 тыс. больше, чем во всех вооруженных силах, остается загадкой и указывает на неполноту учета. Несомненно также, что приведенные данные относятся только к эвакуированным пораженным в боях и больным, исключая тех, кто вернулся в строй или умер в медсанбатах и госпиталях для лечения легкораненых и больных. Заметим, что здесь фактически учтено число поражений в боях и заболеваний, так как многие военнослужащие были ранены или болели несколько раз на протяжении войны (к 1 октября 1945 г. в строю оставалось более 1191 тыс. военнослужащих, получивших два и более ранений)³²⁵.

Есть и другие данные, по которым количество пораженных в боях и больных в советских вооруженных силах было значительно большим. Так, в архиве Военно-медицинского музея в Санкт-Петербурге сохранилось более 32 млн карточек учета военнослужащих, поступивших в годы Великой Отечественной войны в военно-медицинские учреждения. Речь здесь идет о тех, кто был эвакуирован в полевые и тыловые медучреждения, так как отсутствуют личные учетные карточки на тех, кто умер или выздоровел в медсанбатах и полковых медицинских пунктах³²⁶. Известно, что на этом этапе оказания медицинской помощи было возвращено в строй 10,5% всех раненых, 10,9% обмороженных и 49,3% больных, а всего — около 23,8% всех пораженных в боях и больных (в том числе 20,5% — в медсанбатах)³²⁷. Долю пораженных в боях, умерших на ПМП и в медсанбатах можно оценить не более чем в 5%, поскольку она была в 2–2,5 раза меньше доли возвращенных в строй. Число же больных, умерших на ПМП и в медсанбатах, было ничтожно. Таким образом, примерно 27% всех пораженных в боях и больных Красной Армии в годы войны не были эвакуированы. Если 32 млн пораженных в боях и больных, на которых сохранились учетные карточки, — это около 73% от их общего числа, то все санитарные потери можно оценить в 43,9 млн человек.

Альтернативный подсчет санитарных потерь можно произвести по показателю средней загруженности конечной сети эвакуогоспиталей за период войны — 85—87 пораженных в боях на каждые 10 коек из максимального числа развернутых³²⁸.

Показатель максимального развертывания конечной сети — 1 719 450 коек³²⁹. Известно также, что через эвакуогоспитали за годы войны прошло 51,5% от общего числа раненых. Поскольку среди всех пораженных в боях раненые и контуженые военнослужащие Красной Армии составляли 96,9%³³⁰, то без большой погрешности можно относить показатели для раненых ко всем пораженным в боях, и наоборот. Поэтому общее число пораженных в боях можно оценить в 28,7 млн человек (среди которых 27,8 млн раненых и контуженых). Число больных можно оценить в 15,2 млн человек, приняв во внимание, что больных было около 34% от числа всех, прошедших через лечебные учреждения³³¹.

В сумме это дает 43,9 млн санитарных потерь — цифру, не отличающуюся от той, что мы получили выше по данным о числе личных учетных карточек военнослужащих, поступивших в военно-медицинские учреждения. Число эвакуированных больных можно оценить в 50,7% от общего числа (с включением сюда и умерших в медсанбатах), или в 7,7 млн человек, а число эвакуированных, пораженных в боях, — в 25,8 млн человек, или в 89,9% от общего числа (сюда включены и умершие в медсанбатах).

По данным, приведенным в книге «Гриф секретности снят», в ходе войны с Германией и Японией от боевых поражений умерло 1 104 110 военнослужащих, а от болезней — 267 394. Кроме того, по ранению и болезни было демобилизовано 3798,2 тыс. человек, из которых 2576 тыс. стали инвалидами³³². Можно допустить, что по крайней мере часть, если не большинство, из 1222,2 тыс. военнослужащих, демобилизованных по ранению или болезни, но не признанных инвалидами, подверглись повторному призыву.

Общая убыль советских вооруженных сил в ходе войны с Германией убитыми и умершими от ран, болезней, несчастных случаев и иных причин, а также пленными и инвалидами составляет, по нашей оценке, около 31,1 млн человек. Это противоречит официальным данным об общем числе призванных на военную службу граждан СССР — 34 476,7 тыс. человек (включая армию мирного времени), из которых 3614,6 тыс. человек были переданы для работы в народном хозяйстве и в военные формирования других ведомств. К 1 июля 1945 г. в Вооруженных Силах СССР осталось 11 390,6 тыс. человек и, кроме того, 1046 тыс. лечилось в госпиталях³³³. Надо также принять во внимание, что, по справке Управления уполномоченного по делам репатриированных при СНК СССР от 10 июля 1945 г., из 918 тыс. репатриированных к тому времени пленных 425 тыс. было возвращено в Красную Армию³³⁴, а из 1046 тыс., находившихся в госпиталях, до 100 тыс., вероятно, приходилось на инвалидов, а некоторая часть — на вернувшихся из плена. Но в любом случае, если наша оценка безвозвратных потерь Красной Армии близка к действительности, общее число мобилизованных должно было превышать официальную цифру примерно на 12 млн человек, что соответствует чистому призыву, за вычетом направленных в народное хозяйство, в 42,9 млн человек.

По оценке В. С. Кожурина, основанной на данных ЦСУ СССР о численности населения страны на 1 января 1941 г., к концу июня 1941 г. население СССР насчитывало 200,1 млн человек. Однако эта оценка основана на предварительном исчислении населения, сделанном ЦСУ в июне 1941 г. Повторное исчисление, которое успели произвести только по Хабаровскому краю и Молдавской ССР, дало численность населения в среднем на 4,6% выше, чем по данным предварительного исчисления³³⁵. Поэтому мы склонны увеличить оценку В. С. Кожурина на 4,6% и определить численность населения СССР на конец июня 1941 г. в 209,3 млн чело-

век. Тогда общее число мобилизованных в 42,9 млн человек составит 20,5% от довоенной численности населения. Отметим, что объем германского призыва во Вторую мировую войну оказался вполне сопоставим с советским. Всего в вермахт (с учетом армии мирного времени) было призвано 17,9 млн человек, из которых около 2 млн человек было отозвано для работы в народном хозяйстве. Таким образом, чистый призыв в 15,9 млн человек составил 19,7% от населения Германии, насчитывавшего 80,6 млн человек в 1939 г. (включая население Австрии и протектората Богемии и Моравии)³³⁶. Мобилизационная способность СССР и Германии оказалась практически равна по отношению к общей численности населения. Советский Союз мог мобилизовать несколько большую долю населения благодаря помощи западных союзников в виде ленд-лиза, что позволяло высвободить для нужд фронта дополнительную рабочую силу из промышленности, а также благодаря практически полному прекращению всякого гражданского производства уже в 1941 г., тогда как в Германии еще и в 1943 г. значительная часть промышленности производила продукцию для удовлетворения нужд гражданского населения. Кроме того, в СССР в гораздо большем масштабе были привлечены для работы в народом хозяйстве женщины, лица пожилого возраста и подростки. В Германии мобилизационная способность возросла за счет использования труда иностранных рабочих и военнопленных (5655 тыс. человек в сентябре 1944 г.)³³⁷, а также ресурсов оккупированных и союзных стран.

Официальная цифра мобилизованных в СССР, помимо возможного недоучета призывников военкоматами, не включает в себя также ополченцев, формированием которых занимались партийные, а не военные органы. Всего в ополчение записалось более 4 млн человек. В действующую армию через ополчение вошло более 2 млн человек³³⁸. Ополченцы были плохо или даже совсем не обучены, слабо вооружены, многие перед

своим первым (и часто последним) боем ни разу не держали в руках винтовки. Потери среди них погибшими и пленными в 1941—1942 гг. были особенно велики. За счет ополченцев официальная цифра мобилизованных в 34 476,7 тыс. человек могла быть преуменьшена на 2—4 млн. человек, в зависимости от того, включены ли в нее те 2 млн ополченцев, которые в конце концов влились в действующую армию после преобразования ополченческих дивизий в регулярные. Кроме того, официальная цифра не включает в себя призванных непосредственно в части, число которых трудно оценить, но оно, несомненно, было велико и исчислялось миллионами. Эта категория призывников была в наименьшей степени обучена, даже в конце 1943 г. нередко бросалась в бой необмундированной, в гражданской одежде, и также несла очень тяжелые потери. В сумме все три перечисленных фактора (недоучет военкоматов, ополченцы и призванные непосредственно в части) вполне могут увеличить приведенную выше официальную цифру на 12 млн человек, до чистого призыва в 42,9 млн человек.

Отметим, что в вермахте примерно 1630 тыс. человек были уволены со службы как представители старших призывных возрастов (в том числе более 1 млн — после завершения французской кампании 1940 г.)³³⁹. В Красной Армии подобной демобилизации старших призывных возрастов в ходе войны не наблюдалось, за исключением отзыва части ополченцев со слабым здоровьем или преклонного возраста. Между тем первый призыв 1941 г. дал избыточный людской контингент. По расчетам, для перевода вооруженных сил на штаты военного времени требовалось дополнительно призвать 4887 тыс. человек, тогда как в действительности при объявлении мобилизации было призвано 14 возрастов военнообязанных численностью около 10 млн человек. Мобилизация в трех округах — Забайкальском, Дальневосточном и Среднеазиатском, первоначально не объявленная, была скрытно прове-

дена через месяц после начала войны под видом больших учебных сборов. Было предложено также дополнительно призвать старшие призывные возраста (1895—1904 годов рождения) общей численностью 6,8 млн человек. Призыв такой огромной массы людей не только в определенной мере дезорганизовал экономику, но и превышал реальные возможности военного ведомства по обучению и вооружению призывников. В результате вплоть до конца войны вновь мобилизованные шли в бой плохо или даже совсем не обученными военному делу, а в 1941—1942 гг. — часто даже без винтовок. Все это вело к очень большим потерям. В целом к концу 1941 г. было призвано более 14 млн человек из общего мобресурса 32 возрастов более чем в 20 млн человек³⁴⁰.

И в дальнейшем характер подготовки и использования маршевых пополнений оставался неудовлетворительным. Например, в составленном в Генштабе полковником К. Ф. Васильченко в мае 1942 г. описании неудачных действий на вяземском направлении зимой — весной 1942 г. отмечалось, что части пополнялись не маршевыми подразделениями, а неорганизованным маршевым пополнением. В результате необстрелянные и недостаточно обученные люди сразу «вливаются в боевые порядки и начинают вести бой. Получалась большая диспропорция в боевых качествах между бойцами, закаленными в боях, и новичками, которые далеко еще не были обстреляны. Первые в боевой обстановке были устойчивые и дрались хорошо. Вторые были менее устойчивые и часто вначале поддавались панике. Вследствие этого часто растворенные старые части среди малообученных новичков не выполняли боевых задач и несли большие потери»³⁴¹.

Можно привести и очень показательную директиву о потерях от 30 марта 1942 г., подписанную командующим Западным фронтом Г. К. Жуковым и адресованную всем командирам и комиссарам дивизий и бригад:

«В Ставку Верховного Главного Командования и Военный Совет фронта поступают многочисленные письма от красноармейцев, командиров и политработников, свидетельствующие о преступно халатном отношении к сбережению жизней красноармейцев пехоты.

В письмах и рассказах приводятся сотни примеров, когда командиры частей и соединений губят сотни и тысячи людей при атаках на неуничтоженную оборону противника и неуничтоженные пулеметы, на неподдавленные опорные пункты, при плохо подготовленном наступлении.

Эти жалобы, безусловно, справедливы и отражают только часть существующего легкомысленного отношения к сбережению пополнения.

Я требую:

1. Каждую ненормальную потерю людей в 24 часа тщательно расследовать и по результатам расследования немедленно принимать решение, донося в высший штаб, Командиров, преступно бросивших части на неподдавленную систему огня противника, привлекать к строжайшей ответственности и назначать на низшую должность.
2. Перед атакой пехоты система огня противника обязательно должна быть подавлена и нейтрализована, для чего каждый командир, организующий атаку, должен иметь тщательно разработанный план уничтожения противника огнем и атакой. Такой план обязательно должен утверждаться старшим начальником, что одновременно должно служить контролем старшего командира.
3. К докладам о потерях прилагать личное объяснение по существу потерь, кто является виновником ненормальных потерь, какие меры приняты к виновным и чтобы не допускать их в дальнейшем»³⁴².

Мы специально процитировали жуковскую директиву полностью. Что ж, очевидна картина бессмысленных атак на неподдавленную систему огня противника, ведущих к огромным потерям почти без всякого результата. Только вот кроме голых деклараций и угроз расправы с виновниками «ненормальных» потерь (что такое «нормальные потери» — не объясняется), здесь

ничего нет. Ведь немецкую оборону не удавалось подавить и прорвать из-за вполне конкретных причин: плохой разведки целей, плохой организации управления огнем, его корректировки, плохого взаимодействия пехоты с артиллерией и танками, слабой подготовки красноармейцев и командиров в атаке. Никаких мероприятий по устранению этих недостатков, обучению личного состава директива командующего и военного совета Западного фронта не предусматривала, оставаясь пустым клочком бумаги — именно так характеризовал жуковские приказы в цитированном выше докладе полковник К. Ф. Васильченко. Подобные приказы, никак не уменьшая действительной величины потерь в будущем, приводили к тому, что командиры, опасаясь наказания за «ненормальные» потери, занижали их размер или даже не доносили о них в вышестоящие штабы, стандартно сообщая, что размеры потерь уточняются. Подобная практика только затрудняла и запутывала учет безвозвратных потерь.

Полученные нами цифры безвозвратных потерь в 22,4 млн советских военнослужащих, погибших на поле боя и умерших от ран, болезней, несчастных случаев, а также по иным причинам, и в 4 млн, умерших в плену, находят подтверждение в данных о безвозвратных потерях офицерского состава Красной Армии. Боевые потери офицеров в Великой Отечественной войне группой сотрудников Главного управления кадров МО СССР были в основном выявлены к концу 1960 г. в результате более чем 7-летнего труда. Боевые безвозвратные потери офицерского состава в 1941–1945 гг. определены в 1 023 093 человека. Кроме того, от болезней и по другим причинам умерло 5026 человек, 20 071 офицер был осужден трибуналом с лишением воинских званий, около 150 тыс. пережили плен, а 1 030 721 был уволен по ранению. При этом безвозвратные потери офицерского состава сухопутных войск достигли 973 тыс. человек³⁴³. По доступным нам донесениям сухопутных войск о безвозвратных потерях

рядового и командного состава, доля командиров в безвозвратных потерях Красной Армии составляла 3,36%³⁴⁴. Также и В. М. Сафир отмечает, что «по отдельным боевым донесениям сухопутных войск, приблизительный уровень офицерских потерь колеблется где-то в пределах 3,5–4,0%»³⁴⁵. Если же вычесть из потерь офицеров долю потерь политического состава (9,7%) и административного и юридического состава (3,1 и 0,2% соответственно по советским сухопутным силам)³⁴⁶, то есть безвозвратные потери тех составов, которые в германской армии или не были представлены вовсе, или были представлены не офицерами, а чиновниками, то доля собственно командного состава в безвозвратных потерях в доступном нам донесении падает до 3% и ниже.

Если мы возьмем сравнительно точно посчитанные для обеих сторон безвозвратные потери офицерского состава сухопутных войск, то они составили в 1941–1944 гг. для вермахта на Востоке 65,2 тыс. человек погибшими и пропавшими без вести. Красная Армия за тот же период (без ВМФ и ВВС и с исключением политического, административного и юридического состава сухопутных сил, представленного в Германии не офицерами, а чиновниками) потеряла около 784 тыс. офицеров только погибшими и не вернувшимися из плена. Это дает соотношение около 12:1³⁴⁷. В немецкой армии на Востоке доля безвозвратных потерь офицеров до конца 1944 г. составила около 2,7%³⁴⁸, то есть практически совпадала с долей офицеров в безвозвратных потерях советских сухопутных сил.

В таком случае безвозвратные потери всех сухопутных войск Красной Армии, соответствующие безвозвратным потерям офицеров в 784 тыс. человек, можно оценить в 29 млн человек, тогда как, по нашей оценке, безвозвратные потери погибшими и пленными достигли 28,5 млн человек. В действительности наша оценка, распространяющая данные о соотношении потерь командиров и рядовых из боевых донесений войск

на все сухопутные войска, завышает общий объем потерь, поскольку в специальных родах войск и в тыловых частях доля офицеров и, соответственно, доля потерь среди них была выше. Так, в пехоте (в годы войны в Красной Армии использовался термин «стрелковые войска») безвозвратные потери офицеров составили 570 тыс. человек, чему могли соответствовать общие безвозвратные потери пехоты в 16,96 млн человек. В этом случае на оставшихся 458 тыс. офицеров других родов войск, погибших на поле боя или умерших от ран, болезней или в плену, должны приходиться общие безвозвратные потери соответствующих родов войск в 9,5 млн. человек, если верна наша оценка безвозвратных потерь советских вооруженных сил в 26,4 млн погибших на поле боя, умерших от ран, болезней, несчастных случаев и в плену. Тогда во всех родах войск, кроме пехоты, на одного погибшего офицера в среднем приходится 19,7 рядовых, в пехоте — 28,8 рядовых, а в целом по вооруженным силам — 24,7 рядовых. Если же к безвозвратным потерям офицеров добавить 150 тыс. переживших плен, а к общим безвозвратным потерям — 2,1 млн переживших войну пленных, то на одного безвозвратно потерянного офицера будет приходиться 23,2 рядовых, поскольку, очевидно, шансов выжить в плену у офицера было больше, чем у рядового. Отметим, что в германских вооруженных силах соотношения числа офицеров и солдат в безвозвратных потерях близки к тем, что установлены для Красной Армии. Так, общие безвозвратные потери офицерского состава германских сухопутных сил в период с 1 сентября 1939 г. по 31 декабря 1944 г. составили 95,1 тыс. человек, а общие безвозвратные потери сухопутных сил за этот же период — 3360 тыс. человек³⁴⁹, то есть на одного офицера в безвозвратных потерях приходилось 34,3 рядовых, а если учесть, что в германской армии имелись еще и военные чиновники, которым в Красной Армии соответствовали офицеры юридической, административной, медицинской и ветери-

нарной служб (к началу войны в германской действующей армии на 81,3 тыс. офицеров приходилось 23 тыс. военных чиновников)³⁵⁰, то соотношение между безвозвратными потерями офицеров и солдат для вермахта окажется еще ближе к соответствующему показателю, выведенному нами для Красной Армии.

3. ПОТЕРИ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И ОБЩИЕ ПОТЕРИ НАСЕЛЕНИЯ СССР

Относительно потерь советского гражданского населения в 1941–1945 гг. сколько-нибудь надежная статистика отсутствует. Их можно определить лишь оценочным путем, установив сначала общие безвозвратные потери всего населения СССР, а затем вычтя из них установленные нами выше безвозвратные потери советских вооруженных сил в 26,4 млн человек. Для выяснения общих советских людских потерь в годы войны необходимо сравнить численность населения СССР накануне и после войны. Численность населения СССР на 22 июня 1941 г. выше мы уже оценили в 209,3 млн человек. Численность населения страны на 1 января 1946 г. оценивается в 167 млн человек исходя из данных о численности населения в 1950 г., рождаемости и смертности населения в этом же году, поскольку данные первых послевоенных лет о численности и естественном движении населения не представляются надежными из-за несовершенства учета и больших механических передвижений населения в процессе растянувшегося на несколько лет возвращения жителей на территории, освобожденные от оккупации, или, наоборот, перемещения населения из разоренных войной районов в глубь страны, а также возвращения демобилизованных военнослужащих³⁵¹. При этом надо учесть, что за период с 22 июня 1941 г. по 1 января 1946 г. территория СССР выросла за счет присоединения Закарпатской Украины, население ко-

торой насчитывало около 800 тыс. человек³⁵². В СССР были насильственно и добровольно репатриированы значительные группы российских эмигрантов из стран Европы и из Китая — до 50 тыс. человек. Кроме того, на родину добровольно вернулось до 250 тыс. армян³⁵³. С другой стороны, около 620 тыс. бывших советских военнопленных и вывезенных на работу в Германию гражданских лиц, а также ушедших вместе с германской армией предпочли остаться на Западе³⁵⁴. В целом прирост населения СССР за счет увеличения территории и миграций можно, таким образом, оценить к 1950 г. в 480 тыс. человек. С учетом этого оценка численности населения СССР на 1 января 1946 г. должна быть уменьшена с 167 млн до 166,6 млн человек — числа тех жителей СССР, которые проживали в границах СССР на 22 июня 1941 г. и фактически остались на той же территории к 1 января 1946 г. Для того чтобы определить общие людские потери СССР в ходе войны, включающие в себя как безвозвратные потери армии, так и потери мирного населения вследствие боевых действий, репрессий германских и советских властей и повышения смертности из-за вызванного войной ухудшения условий жизни, необходимо вычесть из 166,5 млн человек величину естественного прироста населения за 1944—1945 гг. и размер естественного прироста населения неоккупированных территорий за 1942—1943 гг. Этот прирост, в действительности имевший место, в итоге был целиком «съеден» огромными потерями вооруженных сил и населения оккупированных территорий. Надо вычесть также естественный прирост за вторую половину 1941 г. и первый квартал 1942 г., когда еще не было вызванного войной падения рождаемости. Для определения указанного условного естественного прироста из фактически достигнутого уровня рождаемости должен вычитаться довоенный уровень смертности (смертность, превышающая этот уровень, относится к избыточной смертности военного времени). Отметим, что брать в качестве довоенного

уровня смертности уровень смертности 1940 г. не вполне корректно, так как на него оказали влияние безвозвратные потери в советско-финляндской войне. По нашей оценке, из 135 тыс. погибших на этой войне около 110 тыс., учитывая интенсивность боев, могут быть отнесены к потерям 1940 г., за счет чего уровень смертности в этом году вырос на 0,05%. Следовательно, «нормальный» довоенный уровень смертности можно оценить не в 1,80% фактической смертности 1950 г., а в 1,75%. Естественный прирост в 1940 г. составил 1,32% при смертности 1,80% и рождаемости 3,12%, с корректировкой же на потери в ходе войны с Финляндией прирост мирного времени можно оценить в 1,37%. В 1946-м, первом послевоенном году, естественный прирост достигал 1,30% (при рождаемости 2,38% и смертности 1,08%)³⁵⁵. Условный естественный прирост 1941 г. можно оценить в 1,37%, то есть в размере откорректированного естественного прироста 1940 г., что в абсолютных цифрах даст около 2,8 млн человек, а в расчете на второе полугодие — около 1,4 млн человек. Условный прирост за первый квартал 1942 г. можно оценить в одну четверть от условного прироста 1941 г., то есть в 0,7 млн человек. Условный естественный прирост 1945 г. (с исключением из расчетов потерь последних месяцев войны) можно приблизительно принять равным естественному приросту 1946 г., то есть 1,30%, или около 2,1 млн человек.

Вместе с тем применительно ко второму, третьему и четвертому кварталам 1942, 1943 и 1944 гг. можно говорить об условной естественной убыли населения, поскольку в этот период уровень рождаемости стал ниже довоенного уровня смертности. Так, в Сибири в 1940 г. смертность составляла 2,03%, а уровень рождаемости в 1943 г. достигал 2,15%, в 1943 г. — 1,23% и в 1944 г. — 1,25%. Предположив, что в I квартале уровень рождаемости сохранялся таким же, как и в 1941 г., — 3,32% в годовом исчислении, для остальных месяцев 1942 г. получим уровень рождаемости в 1,76% в годовом ис-

числении. В сумме за три последних квартала 1942 г. и за 1943–1944 гг. разность между уровнем рождаемости и довоенным уровнем смертности в Сибири оказалась в 1,428 раза больше довоенного уровня смертности. Если предположить, что примерно в той же пропорции находилась суммарная разность между фактическим уровнем рождаемости и довоенным уровнем смертности по стране в целом, то для определения условной естественной убыли населения за период с начала апреля 1942 г. по конец 1944 г. необходимо откорректированный показатель смертности 1940 г. в 1,75% умножить на 1,428 и отнести его к средней численности населения СССР в годы войны, полученной как среднее численности населения страны на конец июня 1941 г. (209,3 млн. человек) и на май 1945 г. (165,6 млн человек), причем из полученной величины — 187,4 млн надо предварительно вычесть среднюю численность вооруженных сил — 11,4 млн человек. В итоге условная естественная убыль населения составит, по нашей оценке, около 4,4 млн человек, то есть на 0,2 млн человек больше, чем суммарный условный естественный прирост за годы войны. Однако есть еще один фактор, который способствовал увеличению численности населения по сравнению с довоенным уровнем. Дело в том, что в тыловых районах в 1943–1944 гг. уровень смертности также упал значительно ниже довоенного уровня. Например, в Сибири в 1943 г. он составлял 1,84%, а в 1944 г. — всего — 1,29%³⁵⁶. В целом разность между фактическим и довоенным уровнем смертности населения в Сибири в 1943–1944 гг. достигает 45,8% от довоенного уровня. Парадоксальное падение уровня смертности в тыловых районах в годы войны объясняется резким уменьшением детской смертности из-за сокращения рождаемости и начала широкого применения антибиотиков, что уменьшило показатели как детской, так и общей смертности. Примем, что такой эффект имел место не только в Сибири, но и на всех неоккупированных территориях, на кото-

рых проживала половина населения страны. За вычетом населения оккупированных территорий и личного состава вооруженных сил величину такого прироста можно получить путем умножения скорректированного показателя смертности 1940 г. в 1,75% на 0,458 и отнесения полученного коэффициента к средней численности населения за годы войны без личного состава вооруженных сил, что дает 176 млн человек, после чего полученный результат следует уменьшить вдвое. Получается величина условного естественного прироста в тыловых районах за счет снижения смертности в 0,7 млн человек. Вследствие этого цифру в 166,5 млн человек необходимо уменьшить на 0,5 млн человек — до 166 млн за счет суммарного превышения условного естественного прироста над условной естественной убылью населения.

На оккупированных территориях и в прифронтовой полосе особенно сильное сокращение рождаемости наблюдалось в крупных городах. Так, в блокадном Ленинграде в 1943 г. рождаемость упала до нуля. В Москве с 1941 по 1943 г. уровень рождаемости уменьшился в 2,6 раза. В оккупированном Днепропетровске в 1942 г. уровень рождаемости достигал только 34% довоенного³⁵⁷. В то же время в оккупированной сельской местности, куда в поисках пропитания переселилась значительная часть горожан, падение рождаемости, вероятно, не было столь значительным. Эффект уменьшения смертности от естественных причин здесь тоже мог наблюдаться вследствие уменьшения рождаемости и падения по этой причине показателя детской смертности. Кроме того, многие жители оккупированных территорий и прифронтовой полосы погибли от причин, связанных с войной, — в ходе боевых действий или в результате репрессий оккупационных властей, что уменьшало для них вероятность умереть естественной смертью.

Суммарную величину военных потерь населения СССР можно получить, вычтя из 209,3 млн человек 166 млн человек, что дает 43,3 млн погибших. Вычтя

из этого последнего числа безвозвратные потери армии — 26,4 млн человек, получим безвозвратные потери мирного населения — 16,9 млн, которые оказываются сравнимыми с потерями вооруженных сил. Отметим также, что в потерях гражданского населения призывных возрастов неизбежно значительное преобладание женщин, так как в связи с призывом в армию подавляющего большинства мужчин соответствующих возрастов увеличилась вероятность гибели именно женщин среди гражданских лиц этих возрастов. Такое явление наблюдалось в Германии, где по результатам бомбардировок союзной авиации «во всех возрастных группах потери среди женщин превышают потери среди мужчин приблизительно на 40%»³⁵⁸. Поэтому использовать данные о женском перевесе в послевоенные годы в призывных возрастах для определения потерь вооруженных сил не представляется возможным, поскольку женский перевес значительно уменьшен за счет потерь гражданского населения. Значительное число женщин (от 490 до 530 тыс.) было призвано в армию, и многие из них погибли³⁵⁹, что также способствовало уменьшению послевоенного женского перевеса.

В настоящее время не представляется возможным разделить потери гражданского населения по различным категориям: погибшие в ходе боевых действий, ставшие жертвами германских репрессий, избыточная смертность от голода и болезней, жертвы советских репрессий (избыточная смертность и казни в тюрьмах и лагерях, погибшие при депортации «наказанных народов», а также в результате репрессий против коллаборационистов и членов их семей) и др. По некоторым оценкам, жертвами немецкого геноцида на территории СССР стали более 2 млн евреев, часть из которых не являлись советскими гражданами, а были депортированы из Польши, Германии и других европейских стран для уничтожения в лагерях и гетто на оккупированной советской территории³⁶⁰. В ходе геноцида погибли также сотни тысяч цыган. Избыточная же смертность заклю-

ченных в советских лагерях в годы войны (в сравнении с довоенным уровнем 1940 г.) составила по меньшей мере 391 тыс. человек³⁶¹.

Велики были и потенциальные потери населения СССР — за счет тех, кто мог бы родиться в 1942—1945 гг. в случае, если бы не было войны, но не родился из-за вызванного войной резкого падения рождаемости. Мы согласны с мнением В. А. Исупова, что при оценке потенциальных потерь надо исходить не из фактического естественного прироста в 1,32%, а из скорректированного естественного прироста в 1,5% (при корректировке устранено влияние потерь советско-финляндской войны и падения рождаемости из-за уже начавшегося отвлечения мужчин в армию в связи с частичной мобилизацией и ускоренным наращиванием численности советских вооруженных сил)³⁶². При таком естественном приросте с 22 июня 1941 г. и по 1 января 1946 г. население СССР возросло бы с 209,3 млн до 223,6 млн человек. В действительности в прежних границах с учетом оставшихся на Западе перемещенных лиц население СССР на 1 января 1946 г. составляло лишь 166,5 млн человек. Если полученную разность между ожидаемой и фактической численностью населения — 57,1 млн человек — мы уменьшим на определенные выше военные потери в 43,3 млн человек, то получим 13,8 млн человек — потенциальные потери за счет неродившихся. Если же добавить безвозвратные потери армии в 1939—1940 гг. и в войне с Японией, то общие безвозвратные потери СССР во второй мировой войне составят 43,448 млн человек.

4. ПОТЕРИ ВЕРМАХТА И ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ГЕРМАНИИ

Безвозвратные потери вермахта вплоть до ноября 1944 г. достаточно полно учтены по данным персонального (поименного) учета потерь. В период с 1 сентября

1939 г. по 31 декабря 1944 г. сухопутные силы потеряли убитыми на поле боя, а также умершими от ран, болезней, несчастных случаев и по иным причинам 1750,3 тыс. человек, а пропавшими без вести — 1609,7 тыс. человек. Флот за этот же период потерял 60 тыс. человек погибшими и 100,3 тыс. человек пропавшими без вести, а военно-воздушные силы — 155 тыс. погибшими и 148,5 тыс. пропавшими без вести. Потери за период с 1 января по 30 апреля 1945 г. центральными органами учета потерь оценивались для сухопутных сил в 250 тыс. погибших и 1 млн пропавших без вести, для ВМФ — в 5 тыс. погибших и 5 тыс. пропавших без вести и для ВВС — в 10 тыс. погибших и 7 тыс. пропавших без вести³⁶³. По характеру расчетов все пропавшие без вести в сухопутных силах в период с 1 января по 30 апреля 1945 г. могут быть отнесены к числу пленных. Также и большинство пропавших без вести за этот период в ВМФ и ВВС можно считать пленными. Сложнее с теми, кто пропал без вести до конца 1944 г. Число погибших среди них можно оценить, вычтя из общего числа пропавших без вести в сухопутных силах в этот период примерное число пленных, захваченных противниками Германии. Известно, что в мае 1943 г. в Тунисе германские сухопутные силы потеряли пленными около 90 тыс. человек. На Западном фронте с июня по декабрь было взято в плен более 210 тыс. человек, в Италии — около 20 тыс. человек³⁶⁴. Число пропавших без вести на Востоке до января 1945 г. составило 1 млн человек, число же пленных можно оценить в 544 тыс. человек. Эта цифра получена путем вычитания из общего числа пленных, захваченных Красной Армией до конца 1944 г. (997 тыс. человек), 202 тыс. румын, 49 тыс. итальянцев и 2 тыс. финнов (все они могли быть пленены только до конца 1944 г.), а также 200 тыс. из 514 тыс. взятых в плен венгерских военнослужащих³⁶⁵. В этом случае около 456 тыс. пропавших без вести на Востоке до конца 1944 г. следует отнести к погибшим. На других театрах

войны из 610 тыс. пропавших без вести до конца 1944 г. военнослужащих сухопутных сил около 290 тыс. могут быть отнесены к числу убитых. Это дает число погибших в сухопутных силах с начала войны и до конца 1944 г. в 2496 тыс. человек. В ВМФ из числа пропавших без вести мы условно девять десятых относим к погибшим морякам, затонувшим вместе со своими кораблями. В этом случае общее число погибших до конца 1944 г. во флоте можно оценить в 150 тыс. человек. В ВВС мы условно принимаем, что половина пропавших без вести может быть отнесена к погибшим, а другая половина — к пленным, тогда общее число погибших в германской авиации до конца 1944 г. можно оценить в 229 тыс. человек. В период с 1 января по 30 апреля 1945 г. всех пропавших без вести в ВВС и ВМФ мы условно относим к числу пленным. Потери убитыми в мае 1945 г. мы оцениваем в 10 тыс. человек, главным образом из состава сухопутных сил. Тогда общее число погибших в сухопутных силах следует оценить в 2756 тыс., в ВМФ — в 155 тыс. и в ВВС — в 239 тыс. человек, а для вермахта в целом (вместе с войсками СС) — в 3,15 млн человек. Потери пленными до конца апреля 1945 г. оцениваются в 1854 тыс. для сухопутных сил, 15 тыс. для ВМФ и 81 тыс. для ВВС. Исчисление потерь пленными для последующих дней войны теряет смысл в связи с началом массовой сдачи в плен всей германской армии.

В период с 1 января по 30 апреля 1945 г. из 1 млн пленным из состава сухопутных сил 615 тыс. было взято на Западном фронте (290 тыс. — в январе — марте и 325 тыс. — в апреле в Рурском котле)³⁶⁶, число пленным в Италии можно оценить в 10 тыс., остальные 375 тыс. пленным были взяты на Восточном фронте. На долю Восточного фронта в этот период мы также относим половину пленным из состава флота и одну треть пленным из состава ВВС — всего около 5 тыс. человек.

Всего в советском плену побывало 2,73 млн бывших военнослужащих германской армии (2,390 млн немцев,

157 тыс. австрийцев, остальные — чехи, словаки, поляки, французы, югославы и пр.), из которых умерло в плену 450,6 тыс. человек. Кроме того, советские войска пленили около 215 тыс. бывших советских граждан, служивших в коллаборационистских формированиях или в качестве вспомогательного персонала («добровольных помощников») в немецких частях. Отметим, что после германской капитуляции 9 мая и позднее Красной Армии сдались 1391 тыс. человек, а ранее, в период с 1 по 8 мая, по некоторым сведениям, 635 тыс. человек³⁶⁷. Общее число погибших в плену германских военнослужащих оценивается экспертами немецкой службы розыска в 800 тыс. человек³⁶⁸. С учетом данных о числе погибших в советском плену количество военнопленных, умерших в плену на Западе, можно приблизительно определить в 350 тыс. человек. Всего же в войне погибло, по нашей оценке, около 3950 тыс. военнослужащих вермахта, включая сюда также австрийцев, чехов, поляков, прибалтов и других граждан СССР и иных стран, служивших в германских вооруженных силах. Эта оценка практически совпадает с оценкой Б. Мюллера-Гиллебранда — 4 млн погибших³⁶⁹.

Безвозвратные потери гражданского населения фашистской Германии в годы войны оцениваются приблизительно в 2 млн человек. Сюда входят погибшие в результате наземных боевых действий в последний период войны, а также примерно 500 тыс. жертв стратегических бомбардировок союзной авиации и 300 тыс. граждан Германии (антифашистов, евреев и цыган), погибших в концлагерях или казненных нацистами³⁷⁰. Общие безвозвратные потери Германии — 5,95 млн человек оказались в 7,3 раза меньше советских безвозвратных потерь — 43,448 млн человек. По безвозвратным потерям гражданского населения соотношение оказывается еще менее благоприятным для СССР — 8,5:1. Здесь сказались большие потери советского населения в ходе боевых действий, которые на территории

СССР продолжались значительно дольше, чем на германской территории, геноцид нацистов против евреев и цыган и их жестокие репрессии против мирного населения, особенно в охваченных партизанской борьбой районах, а также значительная избыточная смертность советского населения от голода и болезней, прежде всего на территориях, подвергшихся оккупации (в Германии, которая до конца войны практически не голодала, подобной избыточной смертности не было). Отметим, что и смертность среди германских военнопленных как на Востоке, так и на Западе хотя и была значительной, но далеко не достигала уровня смертности советских военнопленных, которых погибло почти две трети. Тут сказалось прежде всего бесчеловечное отношение лагерной германской администрации к пленным красноармейцам, не подпадавшим под действие Женевской конвенции, а также расчет на молниеносную войну, в которой использование пленных для военных нужд не предусматривалось. Тезис о многочисленности советских пленных, особенно в 1941–1942 гг., как о причине повышенной смертности среди них вряд ли справедлив, поскольку в последние месяцы войны и сразу после капитуляции германских пленных в руках союзников оказалось никак не меньше, но трудности их содержания и снабжения в целом были преодолены, хотя среди отдельных групп пленных, взятых в экстремальных условиях и после длительной блокады, смертность оказалась очень велика: не вернулось домой большинство пленных, взятых в Сталинграде и Тунисе.

5. О СООТНОШЕНИИ ПОТЕРЬ НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ

Попытаемся теперь определить соотношение безвозвратных потерь на советско-германском фронте. Для этого надо оценить потери вермахта в борьбе про-

тив СССР, а также потери союзников Германии. Сухопутная армия Германии до начала декабря 1944 г. потеряла на Востоке 1420 тыс. убитыми и умершими от ран. Еще примерно 456 тыс. человек из числа пропавших без вести на Востоке до конца 1944 г., по нашей оценке, следует отнести к погибшим. Из 250 тыс. военнослужащих сухопутных сил, погибших в период с 1 января по 30 апреля 1945 г., на долю Восточного фронта, принимая во внимание долю германских дивизий, развернутых против СССР в этот период, можно отнести около 180 тыс. погибших. Кроме того, почти все из 10 тыс. военнослужащих сухопутных сил, погибших в мае 1945 г., должны быть отнесены к потерям Восточного фронта, так как на Западе тогда боевые действия уже практически прекратились.

Всего в борьбе против СССР, таким образом, погибло 2066 тыс. военнослужащих сухопутных сил. Потери ВМФ на Востоке до конца января 1945 г., включая и потери в польской кампании 1939 г., составили 5,8 тыс. погибшими и 3,8 тыс. пропавшими без вести, что составило менее одной пятнадцатой всех безвозвратных потерь флота за этот период. ВВС в это же время потеряли на Востоке 52,9 тыс. погибшими и 49,2 тыс. пропавшими без вести, что составило 34% всех безвозвратных потерь ВВС. Если же брать потери ВВС, дифференцированные по театрам военных действий, то доля Востока (правда, вместе с потерями в войне против Польши) поднимается до 38%, что приблизительно соответствует вкладу советских ВВС в войну в воздухе³⁷¹. С учетом принятого выше соотношения между убитыми и пленными среди пропавших без вести в ВМФ и ВВС число погибших в ВВС на Востоке до конца января 1945 г. мы оцениваем в 77,5 тыс. человек, а в ВМФ — в 9,2 тыс. человек. Соответственно, потери в ВМФ на Востоке с 1 февраля по 30 апреля 1945 г. мы определяем в 1 тыс. человек, а в ВВС — в 3 тыс. человек, относя всех пропавших без вести к пленным. Таким образом, общие потери ВВС Германии на Востоке

погибшими мы оцениваем в 80,5 тыс., а ВМФ — в 10,2 тыс. человек, что дает общее число погибших на советско-германском фронте германских военнослужащих в 2157 тыс. Пленных немцев до 30 апреля 1945 г. Красная Армия захватила около 950 тыс. человек, в том числе до 30 тыс. летчиков и моряков. С учетом потерь союзников общее соотношение безвозвратных потерь сторон на советско-германском фронте погибшими и пленными, взятыми до конца апреля 1945 г., оказывается 6,5:1 не в пользу Красной Армии. Если же взять соотношение только погибших (без умерших в плену), то оно окажется еще менее благоприятным для советской стороны — 8,5:1³⁷². В чем-то это соотношение, возможно, даже более объективно отражает уровень военного искусства сторон, поскольку большинство пленных было захвачено Красной Армией в последние месяцы войны, когда ее исход уже ни у кого не вызывал сомнения.

По данным российских поисковиков, на один найденный труп военнослужащего вермахта в среднем приходится десять трупов красноармейцев³⁷³. Это соотношение почти равно нашей оценке соотношения потерь Красной Армии и вермахта на Восточном фронте, включая умерших в плену, — 10,1:1. Если же взять потери германских союзников — примерно 580 тыс. человек, включая умерших в плену³⁷⁴, то соотношение потерь будет более благоприятным для советской стороны — 8,2:1.

Интересно проследить хотя бы примерное соотношение потерь сторон по годам войны. Используя установленное выше соотношение между числом погибших и пораженных в боях советских военнослужащих и основываясь на данных, приведенных в книге Е. И. Смирнова, количество погибших советских военнослужащих по годам можно распределить так: 1941 г. — 2,2 млн, 1942 г. — 8 млн, 1943 г. — 6,4 млн, 1944 г. — 6,4 млн, 1945 г. — 2,5 млн. Надо также учесть, что примерно 0,9 млн красноармейцев, числившихся

в безвозвратных потерях, но позднее обнаружившихся на освобожденной территории и призванных вновь, приходится в основном на 1941—1942 гг. За счет этого потери погибшими в 1941 г. мы уменьшаем на 0,6 млн, а 1942 г. — на 0,3 млн человек (пропорционально числу пленных) и с добавлением пленных получаем общие безвозвратные потери Красной Армии по годам: 1941 г. — 5,5 млн, 1942 г. — 7,153 млн, 1943 г. — 6,965 млн, 1944 г. — 6,547 млн, 1945 г. — 2,534 млн. Для сравнения возьмем безвозвратные потери сухопутных сил вермахта по годам, основываясь на данных Б. Мюллера-Гиллебранда. При этом мы вычли из итоговых цифр потери, понесенные вне Восточного фронта, ориентировочно разнеся их по годам. Получилась следующая картина для Восточного фронта (в скобках дается цифра общих безвозвратных потерь сухопутных сил за год): 1941 г. (с июня) — 301 тыс. (307 тыс.), 1942 г. — 519 тыс. (538 тыс.), 1943 г. — 668 тыс. (793 тыс.), 1944 г. (за этот год потери в декабре приняты равными январским) — 1129 тыс. (1629 тыс.), 1945 г. (до 1 мая) — 550 тыс. (1250 тыс.)³⁷⁵. Соотношение во всех случаях получается в пользу вермахта: 1941 г. — 18,1:1, 1942 г. — 13,7:1, 1943 г. — 10,4:1, 1944 г. — 5,8:1, 1945 г. — 4,6:1. Эти соотношения должны быть близки к истинным соотношениям безвозвратных потерь сухопутных сил СССР и Германии на советско-германском фронте, поскольку потери сухопутной армии составили львиную и гораздо большую, чем у вермахта, долю всех советских военных потерь, а германские авиация и флот основные безвозвратные потери в ходе войны понесли за пределами Восточного фронта. Что же касается потерь германских союзников на Востоке, недоучет которых несколько ухудшает показатели Красной Армии, то следует учесть, что в борьбе с ними Красная Армия несла относительно гораздо меньшие потери, чем в борьбе против вермахта, что германские союзники активно действовали далеко не во все периоды войны и понесли наибольшие потери пленными в рамках

общих капитуляций (Румынии и Венгрии). Кроме того, на советской стороне не учтены потери действовавших вместе с Красной Армией польских, чехословацких, румынских и болгарских частей. Так что в целом выявленные нами соотношения должны быть достаточно объективными. Они показывают, что улучшение соотношения безвозвратных потерь для Красной Армии происходит лишь с 1944 г., когда союзники высадились на Западе и помощь по ленд-лизу дала уже максимальный эффект в плане как прямых поставок вооружения и техники, так и развертывания советского военного производства. Вермахт был вынужден бросить резервы на Запад и не смог уже, как в 1943 г., развязать активные действия на Востоке. Кроме того, сказывались большие потери опытных солдат и офицеров. Тем не менее до конца войны соотношение потерь оставалось неблагоприятным для Красной Армии в силу присущих ей пороков (шаблонность, презрение к человеческой жизни, неумелое использование вооружения и техники, отсутствие передачи опыта из-за огромных потерь и широкого использования в боях совершенно необученного маршевого пополнения и т. д.).

Особенно велики были потери советских войск при наступлении. Так, согласно сообщению программы «Сегодня» от 8 мая 2000 г., по данным поисковиков, только в ходе одной нашей атаки в 1942 г. на высоту у деревни Рябинка на ржевском плацдарме на 800 погибших красноармейцев пришлось лишь 17 немецких военнослужащих. А одна только 323-я стрелковая дивизия 10-й армии Западного фронта за три дня боев, с 17 по 19 декабря 1941 года, потеряла 4138 человек, в том числе 1696 — погибшими и пропавшими без вести³⁷⁶. Это дает средний ежедневный уровень потерь в 1346 человек, в том числе безвозвратных — в 565 человек. Вся германская Восточная армия, насчитывавшая более 150 дивизий, за период с 11 по 31 декабря 1941 г. включительно имела средний ежедневный уровень потерь лишь немногим больший. В день немцы

теряли 2658 человек, в том числе только 686 — безвозвратно³⁷⁷.

Это просто потрясает! Одна наша дивизия теряла столько же, сколько 150 немецких. Даже если допустить, что не все германские соединения за последние три недели декабря 1941 г. года ежедневно были в бою, даже если предположить, что потери 323-й стрелковой дивизии в трехдневных боях были почему-то уникально велики, разница слишком бросается в глаза и не может быть объяснена статистическими погрешностями. Тут надо говорить о погрешностях социальных, коренных пороках советского способа ведения войны.

Как мы убедились, при наступлении потери Красной Армии зачастую во много раз превышали средние показатели за год и за войну в целом. В связи с этим, вероятно, единственный шанс для немцев на более благоприятный исход войны (впрочем, этот шанс был невелик) заключался в переходе в начале 1942 г. к жесткой обороне на Восточном фронте, да и в бассейне Средиземного моря, и сосредоточении всех сил и средств на разработке и производстве новых видов вооружений. Тогда бы вермахт не отправился в губительный поход к Сталинграду и кавказской нефти, не утратили бы так быстро боеспособности армии германских союзников. Ведь те же румыны и венгры довольно стойко совместно с немецкими войсками отражали советское наступление под Харьковом и на Керченском полуострове весной 1942 г. А Красная Армия в большей мере истощила бы свои силы, нанеся противнику при этом значительно меньшие потери, чем это было в действительности. В результате советские войска смогли бы подойти к Берлину не в 1945-м, а на пару лет позже. Да и западные союзники вряд ли бы смогли при таком развитии событий высадиться в Нормандии в 1944 г. Но Гитлер недооценивал силу советского сопротивления и надеялся сокрушить СССР в ходе кампании 1942 г. Это кончилось, как известно, сталинградской катастрофой.

Но попробуем вообразить, как бы развивались события, если бы Германия еще зимой 1941/42 г. перешла к длительной стратегической обороне. У Гитлера появился бы шанс развить реактивную авиацию до такой степени, что она не допустила бы господства англо-американских ВВС в небе рейха. Новые подводные лодки, которые спустили на воду лишь в 1945 г. (XXI проект), располагая, благодаря шнорхелю, практически неограниченным запасом подводного плавания, могли переломить ход борьбы в Атлантике и затруднить снабжение Британских островов, а также переброску туда и на континент американских войск. Правда, все это никак не повлияло бы на сроки реализации американского ядерного проекта. Германия могла бы свести войну «вничью» только в том случае, если бы создала свою атомную бомбу хотя бы одновременно с американцами. Однако значительно меньший военно-экономический потенциал рейха и стратегические бомбардировки союзной авиации делали маловероятным германское первенство в ядерной гонке даже в случае перехода вермахта к преднамеренной обороне еще в 1942 г. Если бы в августе 1945 г. исход войны в Европе еще не был определен, Трумэн наверняка распорядился бы сбросить первые атомные бомбы не на японские города, а на Берлин и Рур. Так что изменение германской стратегии в 1942 г. могло в конечном счете привести к ядерной войне на Европейском континенте.

В то же время в войне против западных союзников в 1943—1945 гг., по нашим оценкам, Германия теряла больше противника. Даже по погибшим соотношение в целом оказывается 1,6:1 в пользу союзников, не говоря уже о превосходстве их по числу пленных в десятки раз. Лишь в Италии соотношение потерь было равным, что можно объяснить условиями театра, благоприятными для обороны, и военным искусством немецкого командующего на этом театре фельдмаршала А. Кессельринга³⁷⁸.

Отметим также, что в германской армии до конца 1944 г. на 2496 тыс. погибших (по нашей оценке) из состава сухопутных сил приходилось 5026 тыс. раненых, подвергшихся эвакуации³⁷⁹; это дает соотношение раненых и погибших 2,0:1. В Красной Армии, по нашей оценке, соотношение числа пораженных в боях, подвергшихся эвакуации, и числа погибших было почти равным — 1,1:1. Значительно большее число погибших по отношению к раненым на советской стороне можно объяснить безжалостным отношением советского командования к своим солдатам, когда в бессмысленных лобовых атаках на неподавленную систему германской обороны целиком погибали полки и батальоны, что непропорционально увеличивало в общей структуре потерь долю потерь безвозвратных. В германских вооруженных силах количество больных, подвергшихся эвакуации — лечившихся в госпиталях, было больше числа раненых и обмороженных в 2,1 раза, а если к заболевшим добавить и пострадавших от несчастных случаев — то в 2,3 раза³⁸⁰, тогда как в СССР число эвакуированных, пораженных в боях, превышало число эвакуированных больных в 3,3 раза. Дело в том, что боевые потери Красной Армии многократно превышали боевые потери вермахта, больше половины мобилизованных в советские вооруженные силы погибли или оказались в плену. Число же больных зависело от общей численности действующей армии, которая у обеих сторон была приблизительно одинакова. При этом у бойца Красной Армии гораздо большей была вероятность быть убитым, раненым или оказаться в плену, чем больным, тогда как в вермахте, наоборот, для солдата больше шансов было заболеть, чем получить ранение.

Отметим также, что безвозвратные потери армий СССР и Германии представляют собой разнопорядковые величины. Поэтому, если наши оценки германских потерь могут отклоняться от истинной величины в ту или другую сторону в пределах 200—300 тыс. человек,

то в случае с Красной Армией подобное расхождение может исчисляться миллионами человек.

Соотношение безвозвратных потерь сторон на советско-германском фронте указывает на большое численное превосходство Красной Армии над вермахтом. Если принять во внимание, что около трех четвертей всех безвозвратных потерь Германия понесла на Восточном фронте, то количество военнослужащих (включая сюда и личный состав центральных и тыловых органов в Германии), воевавших против Красной Армии, можно оценить в три четверти от чистого призыва, составлявшего 15,9 млн человек, что дает 12 млн человек, причем эта величина должна быть уменьшена на значительную часть из 1,63 млн демобилизованных из вермахта по возрасту или иным причинам.

Вклад союзников Германии был менее значителен, и они участвовали в активных боевых действиях далеко не на всем протяжении советско-германской войны. С учетом этих обстоятельств общее число мобилизованных, фактически выставленное Германией и ее союзниками против советских 42,9 млн мобилизованных, можно определить не более чем в 14 млн человек. Отметим, что от 1 до 1,5 млн советских военнослужащих в период войны находилось вне советско-германского фронта — на Дальнем Востоке, в Иране и Закавказье, но это составляло ничтожную часть всех мобилизованных. По общему числу мобилизованных СССР сохранял более чем трехкратное превосходство, которое еще больше возрастало в боевых частях. Такому превосходству способствовала и демографическая структура советского населения. По оценке американских военных историков Т. Н. Дюпуи и П. Мартелла, к началу 1941 г. $\frac{4}{5}$ мужского населения СССР было моложе 40 лет, тогда как в Германии эта доля не превышала $\frac{3}{5}$ ³⁸¹. В то же время сравнение численности действующих армий СССР и Германии (вместе с союзниками) на определенные даты не дает объективной картины, поскольку условия фронта не позволяли одновременно

держат друг против друга более 6 млн человек с каждой стороны. В противном случае затруднялось управление войсками и их размещение. Однако численный перевес Красной Армии проявлялся в том, что полная смена войск на фронте происходила гораздо быстрее на советской, чем на германской, стороне вследствие значительно больших потерь. Поэтому объективным, на наш взгляд, было бы сопоставление численности войск на фронте за какой-то значительный промежуток времени, порядка 2—3 месяцев, с учетом всех маршевых пополнений и резервов, что может ярче высветить подавляющее советское превосходство в живой силе.

Объясняя громадные советские людские потери, германские генералы обычно указывают на пренебрежение жизнями солдат со стороны высшего командования, слабую тактическую выучку среднего и низшего комсостава, шаблонность применяемых при наступлении приемов, неспособность как командиров, так и солдат принимать самостоятельные решения³⁸². Подобные утверждения можно было бы считать простой попыткой принизить достоинства противника, который войну все-таки выиграл, если бы не многочисленные аналогичные свидетельства с советской стороны. Так, Жорес Медведев вспоминает бои под Новороссийском в 1943 г.:

«У немцев под Новороссийском были две линии обороны, отлично укрепленные на глубину примерно 3 км. Считалось, что артподготовка очень эффективна, но мне кажется, что немцы довольно быстро к ней приспособились. Заметив, что сосредоточивается техника и начинается мощная стрельба, они уходили на вторую линию, оставив на передовой лишь несколько пулеметчиков. Уходили и с таким же интересом, как и мы, наблюдали весь этот шум и дым. Потом нам приказывали идти вперед. Мы шли, подрывались на минах и занимали окопы — уже почти пустые, лишь два-три трупа валялись там. Тогда давался приказ — атаковать вторую линию. Тут-то погибало

до 80 процентов наступавших — немцы ведь сидели в от-
лично укрепленных сооружениях и расстреливали всех
нас чуть не в упор»³⁸³.

Американский дипломат А. Гарриман передает сло-
ва Сталина, что «в Советской Армии надо иметь боль-
ше смелости, чтобы отступать, чем наступать» и так их
комментирует: «Эта фраза Сталина хорошо показывает,
что он осознавал положение дел в армии. Мы были шо-
кированы, но мы понимали, что это заставляет Крас-
ную Армию сражаться... Наши военные, консультиро-
вавшиеся с немцами после войны, говорили мне, что
самым разрушительным в русском наступлении был
его массовый характер. Русские шли волна за волной.
Немцы их буквально косили, но в результате такого на-
пора одна волна прорывалась»³⁸⁴. А вот свидетельство
о боях в декабре 1943 г. в Белоруссии бывшего коман-
дира взвода В. Дятлова:

«Мимо, по ходу сообщения прошла цепочка людей
в гражданской одежде с огромными «сидорами» за спи-
ной. «— Славяне, кто вы, откуда?» — спросил я. «Мы с Ор-
ловщины, пополнение». — «Что за пополнение, когда
в гражданском и без винтовок?» — «Да сказали, что полу-
чите в бою...»

Удар артиллерии по противнику длился минут пять. 36 ору-
дий артиллерийского полка «долбили» передний край нем-
цев. От разрядов снарядов видимость стала еще хуже...

И вот атака. Поднялась цепь, извиваясь черной кривой
змейкой. За ней вторая. И эти черные извивающиеся
и двигающиеся змейки были так нелепы, так неестествен-
ны на серо-белой земле! Черное на снегу — прекрасная
мишень. И немец «поливал» эти цепи плотным свинцом.
Ожили многие огневые точки. Со второй линии траншеи
вели огонь крупнокалиберные пулеметы. Цепи залегли.
Командир батальона орал: «Вперед, ... твою мать! Впе-
ред!.. В бой! Вперед! Застрелю!» Но подняться было невоз-
можно. Попробуй оторвать себя от земли под артилле-
рийским, пулеметным и автоматным огнем...

Командирам все же удавалось несколько раз поднимать
«черную» деревенскую пехоту. Но все напрасно. Огонь

противника был настолько плотным, что, пробежав пару шагов, люди падали, как подкошенные. Мы, артиллеристы, тоже не могли надежно помочь — видимости нет, огневые точки немцы здорово замаскировали, и, вероятней всего, основной пулеметный огонь велся из дзотов, а потому стрельба наших орудий не давала нужных результатов».

Тот же мемуарист весьма красочно описывает столь восхваляемую многими мемуаристами из числа маршалов и генералов разведку боем, проведенную батальоном штрафников:

«В десятиминутном огневом налете участвовало два дивизиона нашего полка — и все. После огня какие-то секунды стояла тишина. Потом выскочил из траншеи на бруствер командир батальона: «Ребята-а! За Родину! За Сталина! За мной! Ура-а-а!» Штрафники медленно вылезли из траншеи и, как бы подождав последних, вскинув винтовки наперевес, побежали. Стон или крик с протяжным «а-а-а» переливался слева направо и опять налево, то затухая, то усиливаясь. Мы тоже выскочили из траншеи и побежали вперед. Немцы бросили серию красных ракет в сторону атакующих и сразу же открыли мощный минометно-артиллерийский огонь. Цепи залегли, залегли и мы — чуть сзади в продольной борозде. Голову поднять было нельзя. Как засечь и кому засекать в этом аду цели противника? Его артиллерия была с закрытых позиций и далеко с флангов. Били и тяжелые орудия. Несколько танков стреляли прямой наводкой, их снаряды-болванки с воем проносились над головой...

Штрафники лежали перед немецкой траншеей на открытом поле и в мелком кустарнике, а немец «молотил» это поле, перепахивая и землю, и кусты, и тела людей... Отошло нас с батальоном штрафников всего семь человек, а было всех вместе — 306³⁸⁵ (атаки на этом участке так и не было)».

Рассказ о подобных бессмысленных и кровопролитных атаках мы имеем и в воспоминаниях, и письмах немецких солдат и младших офицеров. Один безымян-

ный свидетель описывает атаку частей 37-й советской армии А. А. Власова на занятую немцами высоту под Киевом в августе 1941 г., причем его описание в деталях совпадает с рассказом советского офицера, приведенным выше. Тут и бесполезная артподготовка мимо немецких позиций, и атака густыми волнами, гибнущими под немецкими пулеметами, и безвестный командир, безуспешно пытающийся поднять своих людей и гибнущий от немецкой пули. Подобные атаки на не слишком важную высоту продолжались трое суток кряду. Немецких солдат более всего поражало, что, когда гила вся волна, одиночные солдаты все равно продолжали бежать вперед (немцы на подобные бессмысленные действия были неспособны). Эти неудавшиеся атаки тем не менее истощили немцев физически. И, как вспоминает германский военнослужащий, его и его товарищей больше всего потрясла и привела в депрессивное состояние методичность и масштабность этих атак: «Если Советы могут позволить себе тратить столько людей, пытаясь ликвидировать столь незначительные результаты нашего продвижения, то как же часто и каким числом людей они будут атаковать, если объект будет действительно очень важным?»³⁸⁶ (Немецкий автор не мог себе представить, что иначе Красная Армия атаковать просто не умела и не могла.)

А в письме немецкого солдата домой во время отступления от Курска во второй половине 1943 г. описывается, как и в цитированном письме В. Дятлова, атака почти безоружного и необмундированного пополнения с только что освобожденных территорий (той же самой Орловщины), в которой погибло подавляющее большинство участников (по утверждению очевидца — даже женщины были среди призванных). Пленные рассказывали, что власти подозревали жителей в сотрудничестве с оккупационными властями и мобилизация служила для них родом наказания. И в том же письме описана атака советских штрафников через немецкое минное поле для подрыва мин ценой собствен-

ной жизни (рассказ маршала Г. К. Жукова о подобной практике советских войск приводит в своих мемуарах Д. Эйзенхауэр). И опять немецкого солдата больше всего поразила покорность мобилизованных и штрафников. Пленные штрафники «за редким исключением, никогда не жаловались на такое с ними обращение», говорили, что жизнь трудна и что «за ошибки надо платить»³⁸⁷. Подобная покорность советских солдат ясно показывает, что советский режим воспитал не только командиров, способных отдавать столь бесчеловечные приказы, но и солдат, способных такие приказы беспрекословно выполнять.

О неспособности Красной Армии воевать иначе, чем ценой очень большой крови, есть свидетельства и советских военачальников высокого ранга. Так, маршал А. И. Еременко следующим образом характеризует особенности «военного искусства» прославленного (заслуженно ли?) «маршала победы» Г. К. Жукова: «Следует сказать, что жуковское оперативное искусство — это превосходство в силах в 5—6 раз, иначе он не будет браться за дело, он не умеет воевать не количеством и на крови строит свою карьеру»³⁸⁸. Кстати, в другом случае тот же А. И. Еременко так передал свое впечатление от знакомства с мемуарами германских генералов: «Сам собой напрашивается вопрос, отчего же гитлеровские «богатыри», «побеждавшие» вдвоем наше отделение, а впятером целый взвод, не смогли выполнить задач в первый период войны, когда неоспоримое численное и техническое превосходство было на их стороне?»³⁸⁹ Выходит, ирония здесь показная, ибо А. И. Еременко на самом деле хорошо знал, что германские военачальники не преувеличивали соотношение сил в пользу Красной Армии. Ведь Г. К. Жуков возглавлял основные операции на главных направлениях и имел подавляющее превосходство сил и средств. Другое дело, что и другие советские генералы и маршалы вряд ли умели воевать иначе, чем Г. К. Жуков, и А. И. Еременко здесь не был исключением.

Интересно, что так же, как Г. К. Жуков, воевали полководцы, за которыми закрепилась репутация людей, заботящихся о жизни подчиненных, в частности К. К. Рокоссовский. В ноябре 1941 г. под Москвой он послал в бой 58-ю танковую дивизию, только что прибывшую с Дальнего Востока и не имевшую времени для подготовки атаки. В результате дивизия лишилась $\frac{3}{4}$ танков и почти трети личного состава, не нанеся врагу почти никакого урона. Тогда же Рокоссовский организовал безумную атаку в конном строю двух кавалерийских дивизий, 17-й и 44-й, потерявших в результате почти весь личный состав. Сохранилось яркое описание этой атаки с немецкой стороны, чрезвычайно напоминающее лермонтовское «Бородино»:

«...Не верилось, что противник намерен атаковать нас на этом широком поле, предназначенном разве что для парадов... Но вот три шеренги всадников двинулись на нас. По освещенному зимним солнцем пространству неслись в атаку всадники с блестящими клинками, пригнувшись к шеям лошадей... Первые снаряды разорвались в гуще атакующих... Вскоре сплошное черное облако повисло на ними. В воздух взлетают разорванные на куски люди и лошади... Трудно разобрать, где всадники, где кони... В этом аду носились обезумевшие лошади. Немногие уцелевшие всадники были добиты огнем артиллерии и пулеметов... И вот из леса несется в атаку вторая волна всадников. Невозможно представить себе, что после гибели первых эскадронов кошмарное представление повторится вновь... Однако местность уже пристреляна, и гибель второй волны конницы произошла еще быстрее, чем первой»³⁹⁰.

Комментарии к этому страшному документу, как говорится, излишни. Отметим только, что лихие кавалерийские атаки времен гражданской войны в Великую Отечественную повторял не С. М. Буденный, которому традиционно приписывают увлечение кавалерией и непонимание сути современной войны, а К. К. Рокоссовский, считающийся одним из величайших пол-

ководцев Второй мировой. Семен Михайлович-то как раз понимал, что нельзя бросать кавалерию на заранее подготовленную оборону противника, хорошо осознав это еще в 1920 г. на польском фронте. И за Буденным подобных атак в 1941—1942 гг. не числится.

Отметим также, что огромные безвозвратные потери Красной Армии не позволяли в той же степени, как в вермахте и тем более в армиях западных союзников, сохранять опытных солдат и младших командиров, что уменьшало спайку и стойкость частей и не позволяло бойцам пополнения перенимать боевой опыт от ветеранов, что еще больше увеличивало потери. Столь неблагоприятное для СССР соотношение безвозвратных потерь было следствием коренного порока коммунистической тоталитарной системы, лишившей людей способности самостоятельно принимать решения и действовать, приучившей всех, в том числе и военных, действовать по шаблону, избегать даже разумного риска и больше, чем противника, бояться ответственности перед своими вышестоящими инстанциями.

Как вспоминает бывший офицер-разведчик Е. И. Машенко, после войны дослужившийся до генерал-лейтенанта, даже в самом конце войны советские войска нередко действовали очень неэффективно:

«За несколько часов до наступления нашей дивизии 10 марта разведгруппа... захватила пленного. Он показал, что основные силы его полка отведены на 8—10 км в глубину... По телефону я доложил эти сведения командиру дивизии, тот — командующему. Комдив дал нам свой автомобиль для доставки пленного в штаб армии. Подъезжая к командному пункту, мы услышали гул начавшейся артподготовки. К сожалению, она была проведена по незанятым позициям. Тысячи снарядов, доставленных с большими трудностями через Карпаты (дело происходило на 4-м Украинском фронте. — Б. С.), оказались израсходованными напрасно. Уцелевший противник упорным сопротивлением остановил продвижение наших войск».

Тот же автор дает сравнительную оценку боевых качеств немецких и советских солдат и офицеров — не в пользу Красной Армии:

«Немецкие солдаты и офицеры неплохо воевали. Рядовой состав был хорошо обучен, умело действовал в наступлении и в обороне. Хорошо подготовленные унтер-офицеры играли более заметную роль в бою, чем наши сержанты, многие из которых почти ничем не отличались от рядовых. Вражеская пехота постоянно вела интенсивный огонь, действовала настойчиво и стремительно в наступлении, упорно оборонялась и проводила быстрые контратаки, обычно при поддержке огня артиллерии, а иногда и ударов авиации. Танкисты также напористо атаковали, вели огонь с ходу и с коротких остановок, умело маневрировали и вели разведку. При неудаче быстро сосредоточивали усилия на другом направлении, часто наносили удары на стыках и флангах наших частей. Артиллерия оперативно открывала огонь и вела его иногда очень точно. Она располагала большим количеством боеприпасов. Немецкие офицеры умело организовывали бой и управляли действиями своих подразделений и частей, искусно использовали местность, своевременно совершали маневр на выгодное направление. При угрозе окружения или разгрома немецкие части и подразделения совершали организованный отход в глубину, обычно для занятия нового рубежа. Солдаты и офицеры противника были запуганы слухами о репрессиях по отношению к пленным, сдавались без боя крайне редко... Наша пехота была обучена слабее немецкой. Однако сражалась храбро. Конечно, бывали случаи паники и преждевременного отхода, особенно в начале войны. Пехоте здорово помогала артиллерия, наиболее эффективным был огонь «катюш» при отражении контратак противника и нанесении ударов по районам скопления и сосредоточения войск. Однако артиллерия в начальный период войны мало имела снарядов. Нужно признать, что танковые подразделения в атаках действовали не всегда умело. Вместе с тем в оперативной глубине при развитии наступления они показывали себя блестяще»³⁹¹.

еще тогда некоторые советские генералы, хотя это было отнюдь не безопасно. Например, генерал-лейтенант С. А. Калинин, ранее командовавший армией, а потом занимавшийся подготовкой резервов, имел неосторожность записать в дневнике, что Верховное Главнокомандование «не заботится о сохранении людских резервов и допускает в отдельных операциях большие потери». Данное, наряду с другими, «антисоветское» высказывание стоило генералу приговора в 25 лет лагерей³⁹². А другой военачальник — генерал-майор авиации А. А. Туржанский в 1942 г. получил «всего-навсего» 12 лет лагерей за вполне справедливое мнение насчет сводок Совинформбюро, которые «предназначены только для успокоения масс и не соответствуют действительности, так как преуменьшают наши потери и преувеличивают потери противника»³⁹³.

А вот как оценивали в ходе войны советская и германская стороны потери друг друга. Например, Гитлер 6 декабря 1941 г. на совещании с руководством сухопутных сил оценивал потери русских в 8–10 млн человек³⁹⁴. По нашей же оценке, к началу декабря 1941 г. Красная Армия потеряла 3,9 млн пленными, 1775 тыс. погибшими, около 1970 тыс. человек — эвакуированными, пораженными в боях и около 590 тыс. — эвакуированными больными, а всего — 8235 тыс., что совпадает с оценкой, данной Гитлером. Сталин же в своем знаменитом выступлении 6 ноября 1941 г. утверждал, что за четыре месяца войны советские войска потеряли 350 тыс. погибшими, 378 тыс. пропавшими без вести и 1020 тыс. ранеными, что было в 7–8 раз меньше действительных потерь. Потери же немецких войск за тот же период он определил в более чем 4,5 млн. убитых, раненых и пленных. На самом деле вся германская сухопутная армия за июнь, июль, август, сентябрь и октябрь 1941 г. потеряла убитыми и пропавшими без вести 225,1 тыс. человек, а число раненых по принятому для этого периода коэффициенту соотношения раненых и погибших и пропавших без вести офицеров

в 2,47 можно оценить в 456 тыс. человек, что в сумме дает потери почти в 6,9 раза меньше, чем названные Сталиным³⁹⁵. И, как представляется, Сталин и советские военные действительно верили подобным цифрам, потому что анализ разведывательных донесений дает ту же картину.

В конце войны германский военный атташе в Берне 19 марта 1945 г. передал в Берлин сообщение о британской оценке советских безвозвратных потерь в 30 млн человек³⁹⁶, что, вероятно, в 1,4 раза занижало их истинный размер. Советская военная разведка оценивала потери германских войск в войне против СССР с 22 июня 1941 г. по 1 марта 1942 в 6,5 млн человек, в том числе 5,8 млн — из состава сухопутных сил. По данным же декадных донесений о потерях, за этот период сухопутные войска Германии на Востоке потеряли (без больших) 1005,6 тыс. человек³⁹⁷. Дело в том, что оценки потерь вермахта основывались на донесениях своих войск, которые всячески преувеличивали потери противника, стремясь сделать их не меньшими, чем собственные. Например, штаб Западного фронта оценивал потери противостоящих войск противника за апрель 1942 г. в 30,6 тыс. погибших и не менее чем в 89 400 раненых, подвергшихся эвакуации. Потери же своих войск штаб определял в 45 тыс. погибших и пропавших без вести и 74 тыс. раненых³⁹⁸. В действительности за апрель 1942 г. вся германская сухопутная армия на Востоке потеряла лишь 60 тыс. человек, в том числе безвозвратно (убитыми и пленными) — 15,2 тыс. человек³⁹⁹. Советское руководство, не располагая точными сведениями о своих потерях, имело крайне преувеличенное представление о потерях противника, что приводило к крупным просчетам в стратегическом планировании. Германское командование во главе с Гитлером в целом имело близкое к действительности представление о советских потерях, но недооценивало способность советской системы мобилизовать людской потенциал страны.

6. ПОЧЕМУ СССР ПОНЕС НАИБОЛЬШИЕ ПОТЕРИ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Тот факт, что потери советских вооруженных сил десятикратно превосходили потери вермахта, требует объяснения. Ведь советско-германская война была, по сути, грандиозной схваткой двух тоталитарных государств, закончившейся для них с весьма различными, даже парадоксальными результатами. Очевидно, при всей схожести двух тоталитарных режимов между ними существовали существенные различия, повлиявшие как на величину военных потерь, так и на исход войны. Гитлер и его партия получили в 1933 г. в свои руки значительно более промышленно развитую и более цивилизованную страну, чем Ленин и партия большевиков в 1917 г. В Германии существовала одна из наиболее старых и разработанных мировых военных традиций, которую Гитлер, готовившийся к войне, не разрушил, а сохранил и приумножил. Нацистский тоталитаризм до Второй мировой войны просуществовал всего шесть лет, в том числе лишь с середины 1934 г. — в условиях своего монопольного господства. В годы же войны разрушать военную машину и военную традицию было в принципе невозможно. Германский тоталитаризм также во многих отношениях был мягче советского, сохраняя не только частную собственность, но и, несмотря на все свои уродливые расовые и человеконенавистнические проявления, определенное представление о самоценности человеческой индивидуальности у большинства своих подданных. Как верно заметил В. Штрик-Штрикфельдт:

«И нацистский режим стремился к тоталитарной, всеобъемлющей власти, но она еще не достигла дьявольского совершенства сталинизма. В Третьем рейхе все же сохранялись какие-то основы старой государственной и общественной структуры; еще не были задушены полностью частная инициатива и частная собственность; еще было возможно работать и жить, не завися от государства. Нем-

цы еще могли высказывать свое мнение, если оно и не сходилась с официальной догмой, могли даже, до известной степени, действовать так, как считали лучшим. Хотя партийное давление и увеличивалось все более ощутимо... но эта форма несвободы в Германии оценивалась подавляющим большинством бывших советских граждан мерками сталинского режима насилия и поэтому воспринималась все же как свобода. И в этом была большая разница между нами»⁴⁰⁰.

Советский тоталитаризм родился значительно раньше германского — в ноябре 1917 г., а с середины 1918 г. он уже обладал однопартийной монополией на власть. Эту власть пришлось отстаивать в кровопролитной Гражданской войне. В ходе социалистической революции и Гражданской войны коммунисты вынуждены были в основном разрушить прежнюю российскую военную традицию, которая к тому же, как показал опыт Первой мировой войны, находилась перед тем в стадии упадка. Значительная часть профессиональных военных погибла в Гражданской войне или от красного террора, многие эмигрировали. Оставшиеся в стране постепенно вытеснялись из армии и подвергались репрессиям в ходе чисток 20–30-х годов. К 1939 г. дореволюционная военная интеллигенция почти сошла на нет. Лишь единицы из числа офицеров — участников Первой мировой войны занимали заметные должности в Красной Армии (наиболее известный из них — бывший царский полковник Б. М. Шапошников, ставший маршалом и начальником Генштаба). Новая значимая военная традиция так и не была создана. Советский тоталитаризм был гораздо всеохватнее нацистского. Он упразднил не только частную собственность, но фактически всякую возможность индивидуальной инициативы, не санкционированной сверху. Человек стал бесправным винтиком государственной машины, которая поддерживала свою устойчивость с помощью террора. Жизнь подданных, с точки зрения господствовавшей номенклатуры, не стоила ничего.

М. С. Восленский, отмечая сходство советского строя с основанными на «всеобщем рабстве» восточными деспотиями, упоминает «гигантские армии восточных деспотов», состоявшие из мобилизованных «псевдосвободных» общинников⁴⁰¹. Красная Армия и была такой гигантской армией «восточно-деспотического типа», основную массу солдат в которой составляли бесправные, насильственно загнанные в общины-колхозы крестьяне и столь же бесправные, крепостнически прикрепленные к фабрикам и заводам рабочие (их даже и «псевдосвободными» назвать трудно). В такой системе органичной была лишь военная традиция, основанная на шаблоне, на копировании устаревших тактических принципов Первой мировой войны (в частности, наступления «волнами» густых цепей пехоты) и заранее ориентированная на возможность неограниченно жертвовать жизнями собственных солдат. К этому добавлялся более низкий образовательный уровень советского населения и общая промышленная отсталость СССР по сравнению с Германией и западными союзниками. Эту отсталость сознавало и советское руководство. Заместитель Сталина в годы войны маршал Г. К. Жуков после войны говорил, что «нельзя забывать, что мы вступили в войну, еще продолжая быть отсталой в промышленном отношении страной по сравнению с Германией» и что в Германии значительно выше был «военный потенциал, уровень промышленности, уровень промышленной культуры, уровень общей подготовленности к войне»⁴⁰².

Гитлер, вопреки распространенному мнению, стремился к минимизации людских потерь вермахта, сознавая ограниченность людских ресурсов Германии по сравнению с ее противниками, а также опасаясь недовольства населения большими потерями (ведь он обещал «молниеносную войну» малой кровью). В «застольных беседах» в своей ставке он, например, указывал на необходимость отзыва из армии квалифицированных работников, чтобы увеличить производство во-

оружения и техники и уменьшить тем самым потери армии, поскольку «квалифицированный рабочий может все 360 дней в году работать над созданием самого совершенного для своего времени вооружения и тем самым спасти жизнь сотням солдат»⁴⁰³. Сталин тоже иной раз призывал своих подчиненных щадить солдатские жизни, как, например, в телеграмме руководству юго-западного направления от 27 мая 1942 г.: «Не пора ли вам научиться воевать малой кровью, как это делают немцы? Воевать надо не числом, а умением... Учтите все это, если вы хотите когда-либо научиться побеждать врага, а не доставлять ему легкую победу. В противном случае вооружение, получаемое вами от Ставки, будет переходить в руки врага, как это происходит теперь». Однако гораздо чаще в сталинских приказах звучит настойчивое «не считаться с жертвами»⁴⁰⁴.

Соотношение германских и советских потерь, оставшееся на протяжении всей войны крайне неблагоприятным для советской стороны, доказывает, что для Красной Армии на практике имели смысл лишь сталинские призывы побеждать, невзирая на любые потери. В вермахте потери в последние годы войны увеличились, но это было следствием объективных причин: роста превосходства союзников в вооружении и боевой технике, снижения доли опытных военнослужащих в рядах немецкой армии, а также вынужденного стремления Гитлера удерживать территории даже в неблагоприятной оперативной обстановке, чтобы продлить сопротивление. В Красной же Армии всю войну боевая техника выступала прежде всего не как средство минимизации людских потерь, а как некая самостоятельная ценность, ради сохранения которой не жалко было жертвовать человеческими жизнями. Можно вспомнить хотя бы рассказ того же Г. К. Жукова Д. Эйзенхауэру о том, как советские войска преодолевали минные поля. Сначала пускали пехотинцев, которые ценой собственной жизни подрывали противопехотные ми-

ны, затем в образовавшийся проход шли саперы, снимавшие противотанковые мины, чтобы танки могли преодолеть минное поле без потерь⁴⁰⁵.

Относительная военная слабость СССР по сравнению с Германией, как это ни парадоксально, помогла Сталину выиграть войну. В выборе между двумя тоталитарными режимами западные демократии неизбежно должны были оказаться на стороне слабейшего, как представлявшего наименьшую для них угрозу, и тем самым обеспечить ему победу. Западные союзники не только отвлекали на себя значительную часть германских сухопутных сил (в последний год войны — до 40%), почти весь флот и более $\frac{2}{3}$ германской авиации⁴⁰⁶, но и поставками по ленд-лизу обеспечивали способность Советского Союза вести войну. Западные поставки обеспечили основную часть высокооктановых бензинов для советской авиации, свыше половины всего потребленного в СССР в период войны алюминия и меди, почти полностью покрывали потребности советского железнодорожного транспорта⁴⁰⁷. Из США поступали наиболее сложные станки и оборудование, значительная доля потребляемых советской промышленностью взрывчатых веществ. Роль ленд-лиза после войны в откровенных личных разговорах, зафиксированных КГБ, признавал и маршал Г. К. Жуков: «...Американцы нам гнали столько материалов, без которых мы бы не могли формировать свои резервы и не могли бы продолжать войну... Получили 350 тысяч автомашин, да каких машин!.. У нас не было взрывчатки, пороха. Не было чем снаряжать винтовочные патроны. Американцы по-настоящему выручили нас с порохом, взрывчаткой. А сколько они нам гнали листовой стали! Разве мы могли бы быстро наладить производство танков, если бы не американская помощь сталью? А сейчас представляют дело так, что у нас все это было свое в изобилии»⁴⁰⁸. За промышленную отсталость, неумение с толком использовать боевую технику Красной Армии также приходилось расплачиваться кровью.

Советский Союз и Германия понесли наибольшие потери во Второй мировой войне, понесли их главным образом в борьбе друг против друга. Ныне, полвека спустя, это уже не может, не должно отравлять взаимоотношения германского и русского народов. В свое время финский маршал К. Г. Маннергейм в приказе по армии 13 марта 1940 г., в день завершения советско-финляндской войны, писал: «Более 15 тысяч из вас, кто вышел на поле боя, никогда не увидят снова своих очагов, а сколь многие из вас навсегда потеряли способность к труду! Но вы также нанесли врагам тяжелые удары, и если 200 тысяч из них лежат в снежных сугробах и смотрят невидящими глазами в наше хмурое небо, в том нет вашей вины»⁴⁰⁹.

Эти слова полководца можно отнести как к советским, так и к немецким солдатам Второй мировой, только вот тысячи, к несчастью, приходится заменить на миллионы. Миллионы солдат с той и с другой стороны не несут ответственности ни за стремление Гитлера к мировому господству и реализацию его программы истребления «расово неполноценных» народов, ни за экспансионистскую политику Сталина и за то, что народы СССР и Восточной Европы, освобожденные от германского тоталитаризма, сразу попали в руки тоталитаризма советского.

Бывший немецкий генерал З. Вестфаль в середине 1950-х годов провозгласил: «Теперь мы должны бороться только за то, чтобы завоевать любовь и уважение своих бывших врагов. Если все вместе цивилизованные нации завоюют мир, то тогда — и в этом наше утешение — 6 млн немцев, павших на полях сражений или нашедших смерть под бомбами, обрушившимися на наши города, не напрасно принесли свои жизни в жертву родине»⁴¹⁰.

Сегодня, в начале XXI века, есть надежда на то, что на смену былой ненависти и настороженности между немецким и русским народами пришли, наконец, уважение и любовь.

**Людские потери СССР и Германии
во второй мировой войне*, тыс. чел.**

	СССР	ГЕРМАНИЯ	СООТНОШЕНИЕ ПОТЕРЬ
Общее количество погибших и умерших	43 448	5950	7,3:1
в том числе гражданских лиц	16 900	2000	8,5:1
в том числе из состава вооруженных сил	26 548	3950	6,7:1
из них в советско-германской войне	26 400	2608	10,1:1
Потенциальные потери (неродившиеся)	13 800	—	—
Количество пленных**	6306	1950	3,2:1
в том числе в советско- германскую войну	6300	950	6,6:1
Умерло в плену	4000	800	5,0:1
в том числе вследствие советско-германской войны	4000	451	8,9:1

* Для СССР — в границах на 22 июня 1941 г., для Германии — в границах на 1 сентября 1939 г., с включением Австрии и протектората Богемии и Моравии.

** Для Германии — в период по 30 апреля 1945 г.

В XX столетии по сравнению с предшествующими эпохами масштабы войн выросли в геометрической прогрессии с точки зрения числа участников, людских потерь и истребительной мощи средств борьбы. Первой войной недавно закончившегося столетия стала англо-бурская война, где впервые в массовом количестве применялись пулеметы. Первая мировая война ознаменовалась беспрецедентным по масштабу применением артиллерии, авиации, появлением на сцене танков и первого вида оружия массового поражения — отравляющих веществ. Вторая мировая война на порядок увеличила масштаб применения авиации и танков и подарила миру самое страшное оружие массового поражения — ядерное, а также ракеты — будущее средство его доставки. Эта война и сегодня остается самой большой войной в истории человечества как по численности участвовавших в ней армий, так и по размеру людских потерь, в том числе и среди мирного населения. Именно вследствие потерь во Второй мировой войне XX столетие по этому показателю не только заняло трагическое первое место в истории человечества, но и, вполне вероятно, по общему количеству жертв военных конфликтов превзошло все предшествовавшие эпохи, вместе взятые. В XIX в. безвозвратные потери в войнах составили около 6,1 млн человек, или примерно 0,5% от средневековой численности населения планеты. В XX столетии военные потери составили примерно 100 млн человек, что составляет

3,1% от среднего за век числа жителей Земли (с учетом того, что население мира только что преодолело 6-миллиардный рубеж). При этом подавляющее число погибших, около 70 млн человек, приходится на Вторую мировую войну.

Из отдельных государств наибольшие военные потери понесла Россия-СССР — 51,5 млн человек, что составляет более половины от их общего числа. Интересно, что и в XIX столетии наша страна удерживала это печальное первенство. Тогда потери России составили около 1 млн человек. На втором месте с небольшим отставанием от России стояла в XIX веке Франция — около 750 тыс. погибших. В сумме потери этих двух стран достигли почти трети от общего числа потерь в XIX столетии. В XX в. второе место вместо Франции заняла Германия. При этом разрыв с советско-российскими потерями оказался огромен — примерно в 6 раз, поскольку потери Германии составили лишь около 8,5 млн человек.

Столь большие потери России и Франции в XIX в. и России-СССР и Германии в XX в. являются ярким доказательством того, что стремление этих стран к гегемонии и преобладанию в Европе и мире не соответствовало их реальному военно-экономическому потенциалу. В XIX столетии потери Франции пришлось главным образом на период войн, которые вели императоры Наполеон I и Наполеон III в попытке достичь преобладания в Европе. Потери России в этом веке также относятся главным образом к войнам с Францией в 1800–1815 гг., а также в Крымской войне, когда она пыталась удержать свое господствующее положение в континентальной Европе, достигнутое в ходе наполеоновских войн. Кроме того, большие потери были понесены в ходе войн с Турцией и Кавказской войны, направленных на расширение пределов Российской империи.*

В XX столетии потери СССР пришлось главным образом на кровопролитную Гражданскую войну (до 6 млн человек) и Вторую мировую войну (43,5 млн человек).

Самое неблагоприятное соотношение потерь было между Красной Армией и вермахтом. Если взять безвозвратные потери офицеров, которых считали точнее всего, то они окажутся разнопорядковыми. Безвозвратные потери офицерского состава сухопутных войск составили в 1941–1944 гг. для вермахта на Востоке 65,2 тыс. человек погибшими и пропавшими без вести. Красная Армия за тот же период (без ВМФ и ВВС и с исключением политического, административного, медицинского, ветеринарного и юридического состава сухопутных сил, представленного в Германии не офицерами, а чиновниками) потеряла около 784 тыс. офицеров только погибшими и не вернувшимися из плена. Это дает соотношение около 12:1.

В целом общая величина советских потерь во Второй мировой войне оказывается большей, чем суммарные потери всех других государств, участвовавших в войне. Последние в сумме потеряли около 38,95 млн человек, а вместе с советскими потерями потери всех стран во Второй мировой достигают 82,4 млн человек, из которых на СССР приходится 52,6%. Интересно, что потери советского гражданского населения лишь незначительно, в 1,06 превышают потери гражданского населения Азии, но зато в 1,5 превосходят потери мирного населения всех европейских стран, вместе взятых. Что же касается безвозвратных потерь Красной Армии, то они значительно превышают суммарные потери как европейских (7,2 млн), так и азиатских (5,3 млн) армий, превосходя их, вместе взятые, в 2,13 раза.

Практически все эти цифры хорошо демонстрируют, что Россия оставалась страной азиатской как в том плане, что во время войны власть не имела возможности, да и особого желания заботиться о выживании мирного населения, так и в том, что победу могла одерживать только неся потери, на порядок превосходящие потери противника. Любопытно, что в японо-китайской войне, в которой китайцы в основном придерживались тактики малой, партизанской войны, соотно-

шение потерь было в пользу Японии не более чем в 2,5 раза. Вероятно, если бы Красная Армия придерживалась в войне с Германией преимущественно оборонительного образа действий и больше внимания уделяла партизанской войне, соотношение потерь было бы гораздо благоприятнее для советской стороны.

Интересно, что Гражданская война в США, из-за жертв в которой (538 тыс. погибших) страна по общему числу потерь (550 тыс.) вышла на третье место в XIX в., имела аналогичное значение. Именно после победы Севера в гражданской войне Америка в XX столетии смогла всерьез претендовать на ведущую роль в мире.

Германия в XX в. также дорого поплатилась за два неудачных прыжка к мировому господству в 1914 и в 1939 гг. Однако, поскольку ее военно-экономический потенциал был значительно выше советского и, следовательно, несоответствие амбиций и амуниции было значительно меньше, абсолютная и относительная величина людских потерь оказалась в несколько раз меньше, чем у России-СССР в двух мировых войнах.

Теперь, в конце XX в., на планете осталась лишь одна сверхдержава — США, и при наличии термоядерного оружия вероятность войн между великими державами сведена к минимуму. Мы только что наблюдали своеобразные квазимировые войны — в Ираке в 1990–1991 гг., в Югославии в 1999 г., в Афганистане в 2001 г. В 2003 г. прошла еще одна такая война против Ирака. Во всех этих случаях страны блока НАТО с союзниками выступали против одного государства, либо свершившего агрессию (Ирак против Кувейта; в случае второй войны в качестве предлога было использовано наличие у Ирака оружия массового поражения, которое, однако, до сих пор не найдено), либо осуществлявшего широкомасштабные этнические чистки внутри страны (Сербия против албанского населения края Косово). Война велась с преимущественным использованием военно-воздушных сил, причем войска коалиции были почти недосыгаемы для противника. Потери

союзников в обеих войнах с Ираком составили лишь несколько сот человек, а в войне с Югославией потерь с их стороны фактически не было (не считая нескольких пилотов и солдат, разбившихся в авиакатастрофах). Но и потери сербов и иракцев составили лишь несколько тысяч погибших, значительная часть которых пришла на мирное население (в случае с Ираком число жертв, преимущественно среди военных, возможно, достигло и нескольких десятков тысяч человек). По сути, это были широкомасштабные полицейские операции, в ходе которых страны НАТО сознательно стремились минимизировать число жертв с обеих сторон.

Однако если в Европе большие потери в войнах в XXI в., по крайней мере в обозримом будущем, кажутся маловероятными, то угроза крупномасштабных вооруженных конфликтов на других континентах, особенно в Африке и Азии, значительно возросла к концу прошедшего века. Здесь жертвами внутренних межнациональных конфликтов, легко перерастающих в столкновения между соседними государствами и сопровождающихся кровопролитными «этническими чистками», легко могут стать сотни тысяч и даже миллионы человек, преимущественно из числа мирных жителей. Это хорошо демонстрирует нынешний конфликт в Центральной Африке, с участием Заира, Руанды, Бурунди и ряда других стран. Тем самым находит свое продолжение тенденция, зародившаяся еще в начале XX в. Как известно, в ходе Первой мировой войны жертвами геноцида со стороны Османской империи стало 1,5 млн армян. Уже во Вторую мировую войну потери гражданского населения составили величину, сравнимую с потерями вооруженных сил. Так, в советских потерях доля мирных жителей достигает почти 40%, а в германских — 38%. В следующих за советскими и германскими польских потерях во Второй мировой войне в 6 млн человек потери гражданского населения вообще преобладают, прежде всего за счет геноцида еврейского населения Польши. В XXI в. потери мирных жителей в войнах вполне могут превысить потери армий.

Расширение же ядерного клуба за счет Индии и Пакистана делает потенциально возможным региональный ядерный конфликт с неисчислимым количеством жертв. Возможное же появление к концу следующего столетия принципиально новых видов оружия массового поражения, вроде сейсмического, генетического, психотронного и др., способно привести к тому, что потери в XXI столетии будут относиться к потерям в XX столетии так же, как потери в войнах XX в. относятся к потерям в XIX в. Однако такое может случиться лишь при наихудшем сценарии развития событий, который, к счастью, не кажется сегодня наиболее вероятным.

Почти на протяжении всего XX в. основная часть потерь в войнах приходилась на страны Европы, где рождаемость и так постоянно падала. Но в последние десятилетия этого века центр тяжести военных потерь сместился в Азию и Африку, где наблюдается ускоренный рост населения. Трагедия состоит в том, что наиболее мощный в военном и экономическом отношении регион мира, включающий Европу, Северную Америку, Японию, не может и не слишком хочет вмешиваться и гасить войны на этих континентах. Объективно, в полном соответствии с теорией Мальтуса, войны в Азии и Африке, уменьшая численность населения, уменьшают в перспективе и давление иммигрантов оттуда на развитые государства. Вмешательство НАТО будет возможным лишь в те конфликты, где будут непосредственно затронуты западные интересы, например в случае угрозы нефтяным месторождениям Ближнего Востока или опасности индо-пакистанского ядерного столкновения.

Подсчеты в статье сделаны по: Брук С. И. Население мира: Этнодемографический справочник. 2-е изд. М.: Наука, 1986; Соколов Б. В. Тайны Второй мировой: Сб. статей. М.: Вече, 2001; Соколов Б. В. Правда о Великой Отечественной войне: Сб. статей. СПб.: Алетейя, 1998; Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. М.: Соцэкгиз, 1960; Урланис Б. Ц. Народонаселение: Исследования, публицистика: Сб. статей. М.: Статистика, 1976.

1. ПОДГОТОВКА К БОЛЬШОЙ ВОЙНЕ

Устранение внутрипартийной оппозиции, коллективизация и Великая Чистка 1937–1938 гг. являлись мероприятиями, направленными на подготовку к будущей войне. Лозунги подготовки к войне занимали заметное место в советской пропаганде 1930-х годов. Самым популярным был лозунг, выдвинутый наркомом обороны Климентом Ворошиловым: «Воевать малой кровью и на чужой территории»⁴¹². Его соперник за первенство в военной иерархии Михаил Тухачевский выдвигал планы по созданию воздушной и бронированной армий в десятки тысяч танков и самолетов, к которым Ворошилов и Сталин сперва относились настороженно, сомневаясь в их осуществимости. Однако все эти планы фактически были полностью реализованы после казни Тухачевского. Еще в адресованной К. Е. Ворошилову «Записке о реконструкции РККА», датированной 11 января 1930 г., М. Н. Тухачевский, бывший тогда командующим войсками Ленинградского военного округа, в разделе, посвященном вероятным противникам, утверждал:

«Настоящая записка ориентируется главным образом на наших западных соседей и крупных империалистов Европы, могущих стать за их спиной. Наш индустриальный рост оставляет далеко за собой уровень соседних с нами стран. Помощь империалистов этим странам может быть и будет очень велика. Однако расстояния, пути сообще-

ния и пр. создают возможность срывов, перебоев в поддержке, и поэтому в перспективе мы вправе рассчитывать на значительное превосходство наших сил и средств, во всяком случае, в определенные периоды войны»⁴¹³.

А 19 июня 1930 г., в письме уже лично Сталину, Тухачевский подчеркивал:

«Необходимо иметь в виду, что в танковом вопросе у нас до сего времени подходят очень консервативно к конструкции танка, требуя, чтобы все танки были специального военного образца. Между тем, учитывая, что к концу пятилетки мы в Европе не будем иметь конкурентов по танкостроению, нам необходимо стремиться к тому, чтобы специально военные танки составляли бы от общего числа около одной трети, для выполнения специальных задач, борьбы с противотанковой артиллерией и пр. Остальные танки, идущие обычно во 2-м и 3-м эшелонах, могут быть несколько меньшей быстроходности, большего габарита и пр. А это означает, что такой танк может быть бронированным трактором, точно так же мы имеем бронированные автомобили, поезда, дрезины, что позволяет выставить бронетрактора в громадных массах»⁴¹⁴.

Тухачевский предлагал включать тяжелые транспортные самолеты в состав гражданской авиации, чтобы во время войны можно было использовать их для десантов во вражеский тыл. Уже к концу 1932 г. только на севере он рассчитывал иметь 1384 самолета. Масштаб плана можно оценить, если учесть, что в 1930 г. там было всего 2 самолета и местные власти безуспешно хлопотали о выделении еще 2 машин. Руководитель Северного края С. А. Бергавинов в связи с этим писал Ворошилову: «Конечно, такое шибко преувеличенное количество мы и не освоим, да и достать их неоткуда и незачем»⁴¹⁵. Боевая техника двойного назначения, вообще говоря, является ненужной роскошью. Использовать такую технику в мирных целях неэкономично из-за большого расхода горючего, а в военном отношении она уступает машинам, создаваемым только в военных целях.

Однако в целом Тухачевский ошибся лишь в сроках, когда Красная Армия будет иметь десятки тысяч танков и самолетов — больше всех в мире. Это случилось не в первой трети 1930, а в конце 1930-х годов. К началу войны Тухачевский предлагал иметь 10 тыс. специальных военных танков и 40 тыс. бронетракторов. К 22 июня 1941 г. в Красной Армии насчитывалось более 23 тыс. танков, причем это были гораздо более мощные танки, чем в начале 1930-х годов, и среди них не было убудочных «бронетракторов». А максимальное количество боевых самолетов, которыми располагали советские ВВС во время войны, превышало 47 тыс. машин, то есть было даже больше, чем планировал Тухачевский. Всего же к началу Великой Отечественной войны Красная Армия на Западе имела в 3,5 раза больше танков и в 5,5 раза больше боевых самолетов, чем вермахт⁴¹⁶. Практически идея полной милитаризации экономики была осуществлена в предвоенные годы. При этом сохранение избыточных мощностей для производства военной техники вело в мирное время к производству «мнимой стоимости» — гражданской техники, например тяжелых тракторов, не находивших в полной мере применения в народном хозяйстве.

Уже 27 мая 1932 г. Сталин, первоначально отвергнувший предложения Тухачевского как прожектерскую «игру в цифры», написал ему примирительное письмо: «Цифра «11 миллионов душ» не вытекает из Вашей «записки», ибо то, чего она в самом деле требует, — это армия в 8 миллионов душ. Конечно, 8-миллионная армия — тоже нереальна, не нужна и непосильна для нашей страны, по крайней мере в ближайшие три-четыре года (не говоря уже о первой пятилетке). Но 8 миллионов — все же не 11 миллионов»⁴¹⁷.

В действительности у Тухачевского не было конкретной цифры ни 8, ни 11 миллионов, а армию мирного времени он вообще предлагал не увеличивать. Для военного же времени численность армии 11 мил-

лионов человек была вполне реальна — такова была фактическая средняя численность Красной Армии в Великую Отечественную войну.

Тухачевский был назначен заместителем наркома обороны, а предложенный им план развития Красной Армии был претворен в жизнь. Но сам творец этого плана был обречен на гибель. Готовясь ко Второй мировой войне, оснащая Красную Армию тысячами и тысячами танков и самолетов, Сталин произвел в 1937—1938 гг. масштабную зачистку высшего командного состава от тех, в чьей стопроцентной лояльности к себе сомневался. Заодно зачистил он и гражданскую номенклатуру. Зачистка делалась отнюдь не на случай возможного поражения, а в ожидании грядущей победы. Сталин очень хорошо знал историю революций и помнил, что бонапарты рождаются из побед, а не из поражений. Призрак бонапартизма преследовал его всю жизнь. Именно опасения, что кто-то из победоносных маршалов двинет полки на Кремль, заставили Иосифа Виссарионовича инспирировать «дело о военно-фашистском заговоре» и казнить Тухачевского, Якира, Уборевича, Егорова и сотни других командармов и комдивов, комкоров и комбригов, в чьей лояльности в тот момент еще не было никаких оснований сомневаться. Остались только проверенные «конармейцы» — Ворошилов и Буденный, Шапошников и Тимошенко, Мерецков и Жуков, у которых, как полагал Сталин, опасных амбиций в случае победы не возникнет. Правда, насчет Жукова к концу войны он это мнение, похоже, изменил, и уже вскоре после победного 1945-го отправил его в не слишком почетную ссылку. Но не уничтожил, а все-таки сохранил для грядущих боев. Равно как и Мерецкова, арестованного в начале войны, но вскоре освобожденного.

В целом после 1917 г. Советская Россия переживала своеобразную псевдомодернизацию. В стране было налажено массовое индустриальное производство, но исключительно для военных нужд. В то же время нара-

щивание как военной, так и гражданской продукции шло по линии механического наращивания производства, без учета реального рыночного спроса (которого и не могло быть в условиях централизованного директивного планирования) и без учета возможности вооруженных сил освоить поставляемую боевую технику и подготовить достаточное число квалифицированных кадров для ее эффективной эксплуатации. В то же время значительная часть гражданской техники и товаров бытового назначения в действительности не находила спроса из-за низкого качества и несоответствия реальным общественным потребностям. Так, тяжелых тракторов СССР еще в 1930-е годы производил больше всех в мире. Однако они представляли собой фактически лишь побочный продукт производства танков, так как в военное время все тракторные заводы должны были производить только танки. В результате детали советских тракторов быстрее выходили из строя, чем американские (они изначально были рассчитаны на танки, срок службы которых невелик), а эксплуатировались они в несколько раз менее интенсивно и эффективно. По моим оценкам, основанным на сравнении структуры национальных доходов СССР и США, за счет подложной мнимой стоимости, куда входят как прямые «приписки» (продукция, произведенная лишь на бумаге, в отчетах), так и продукция, производство которой в условиях рыночной экономики было бы избыточным или которая не находила спроса из-за своих низких потребительских качеств, в середине 1980-х годов номинальный валовой национальный продукт (ВНП) СССР по сравнению с реальным был завышен примерно в 4 раза⁴¹⁸. При этом около половины реального ВНП (по нашей оценке, 45%) приходилось на долю военных расходов. Нет сомнения, что и в 1930-е годы военные расходы составляли не менее половины реального ВНП, а номинальный ВНП также значительно превышал реальный за счет мнимой стоимости. Фактически мнимая стоимость представляла собой только крайне

неэффективный и расточительный способ распределения реальной стоимости как для военных, так и для гражданских целей.

За 70 лет советской власти СССР практически не сократил разрыв с США по такому показателю, как доля страны в мировом ВВП, а лишь многократно увеличил долю военных расходов в составе своего ВВП. В 1983 г. ВВП США был больше ВВП СССР, по нашим расчетам, в 6,2 раза. Начиная с 1914 г, по уровню экономического развития (по показателю ВВП на душу населения) наша страна обогнала целый ряд стран: Японию, Южную Корею, Португалию, Грецию, ряд латиноамериканских государств, вроде Мексики и Бразилии, а также Турцию и Малайзию⁴¹⁹.

Военные расходы в советских условиях также можно было отнести к разряду мнимой стоимости. Избыточное количество вооружения и боевой техники не могло быть надлежащим образом освоено военнослужащими, по уровню функциональной грамотности отстававшими от своих западных коллег. К тому же это вооружение быстро устаревало в моральном отношении. По этой причине, например, США и их союзники никогда не имели такого количества танков в мирное время, какое имел Советский Союз, постоянно производивший их в значительных количествах. Поэтому многие машины приходилось консервировать, так как не было смысла обеспечивать их экипажами и тратить на них бензин в мирное время. Неудивительно, что после краха СССР мощности военной промышленности лишь в незначительной степени удалось использовать для производства гражданской продукции. Они создавались для производства максимального количества вооружений и не были ориентированы на производство продукции двойного назначения. Поэтому после исчезновения мотивации для гонки вооружений эти мощности превратились в мнимую стоимость, и уже в 1993 г. соотношение ВВП США и России было, по данным ООН, 19:1⁴²⁰. С учетом того, что на другие

республики СССР приходилось более 30% советского ВВП, и за вычетом избыточных советских военных расходов по сравнению с 6-процентным уровнем военных расходов по отношению к ВВП в США (избыток, по нашей оценке, достигал 39% ВВП), соотношение оказывается практически таким же, как и в начале 1980-х годов. Наоборот, на Западе при производстве военной техники проблема возможного применения создаваемых мощностей в дальнейшем для мирных целей всегда стояла на первом плане, поэтому там военные расходы функций мнимой стоимости не выполняют.

2. КАНУН ВОЙНЫ: ПОДГОТОВКА К БРОСКУ В ЕВРОПУ

Непосредственно провокации новой мировой войны, по замыслу Сталина, должно было послужить временное сближение СССР и Германии. Такое сближение Сталин стал готовить исподволь. Например, уже в начале апреля 1938 г., сразу после аншлюса Австрии, было закрыто производство фильма «Мы, русский народ», имевшего резко антигерманскую направленность. Его авторы, драматург Всеволод Вишневский и режиссер Ефим Дзиган, в письме Сталину недоумевали. Они подчеркивали, что «эта вещь (на материале войны с Германией 1916–18 гг.) должна стать острополитическим произведением, направленным с точки зрения сегодняшнего дня против империалистической фашистской Германии, и показать готовность советского народа к борьбе за свою землю, свою рабоче-крестьянскую власть, за права трудового народа, за его свободную счастливую жизнь. По сравнению с напечатанным литературным вариантом, постановочный сценарий еще больше заостряется нами по линии антифашистской, антигерманской темы, по линии мобилизационной»⁴²¹. Однако Сталин не считал, что к моменту

выхода на экран год или два спустя фильм будет по-прежнему актуальным.

В конце 1930-х годов в советском обществе все больше распространялись слухи о приближающейся войне и ощущалась атмосфера мобилизации для «грядущего военного столкновения с империалистами». Например, в августе 1938 г. известный поэт Иосиф Уткин, как докладывали осведомители НКВД, говорил: «Была ставка на международную революцию, но эта ставка бита, все время мы терпим поражения, Испания погибает. И, может быть, Сталин решил попробовать войной. Он человек решительный, властолюбивый, и решил, нельзя ли добиться оружием того, чего не добились другими средствами. У нас революция переходит в бонапартистскую фазу»⁴²². Поэт имел в виду, что Сталин превращается в Наполеона Бонапарта, стремившегося завоевать всю Европу.

Вызванная публикацией книг Виктора Суворова (Владимира Резуна) дискуссия, собирався ли Сталин в 1941 г. напасть на Гитлера, вызвала дискуссию среди российских историков, большинство из которых осталось на прежней позиции: Сталин боялся Гитлера, Красная Армия не была готова к войне и, во всяком случае, Сталин не собирався воевать с Германией ранее 1942 г.⁴²³. Однако вряд ли в данном случае правда на стороне большинства. На наш взгляд, существует слишком много вполне убедительных, неопровержимых доказательств намерений Сталина осуществить нападение на Германию в 1940–1941 гг.

История пакта Молотов — Риббентроп, секретных протоколов и оккупации Польши и других стран Восточной Европы очень хорошо известна. Но мало кто знает, что уже 27 февраля 1940 г. в директивах Красной Армии и Флоту в качестве единственного вероятного противника была названа Германия и ее союзники⁴²⁴. А ведь в эти дни еще продолжалась советско-финляндская война и Англия и Франция всерьез рассматривали отправку крупного экспедиционного корпуса на по-

мощь финнам. После же заключения 12 марта мира с Финляндией почти все советские войска с финского фронта были переброшены к западным границам. Срок демобилизации призванных из запаса был отодвинут до 1 июля 1940 г.⁴²⁵. А еще 5 марта 1940 г. Политбюро приняло решение о расстреле пленных польских офицеров⁴²⁶. Вплоть до февраля 1940 г. поляков собирались пропустить через Особое совещание, проштамповать приговоры от 3 до 8 лет лагерей и отправить несчастных на Камчатку и в другие восточные районы СССР, где они должны были томиться за колючей проволокой вплоть до окончания войны⁴²⁷. Это решение можно объяснить тем, что Сталин собирался в самое ближайшее время напасть на Германию, ожидая весной 1940 г. большого германского наступления на Западе. Тогда бы поляков пришлось освободить и передать польскому правительству в изгнании в Лондоне, а Сталин не хотел освобождать тех, кого считал своими врагами. Ведь подавляющее большинство польских офицеров не желало превращения своей страны в советского сателлита. А Сталин другой Польши себе не мыслил. В тот момент против 12 ослабленных немецких дивизий на Востоке Сталин мог двинуть не менее 120 своих соединений. Сразу после окончания советско-финляндской войны, завершившейся 13 марта 1940 г. после подписания компромиссного Московского мира, началась ускоренная переброска советских соединений с финской границы к демаркационной линии в Польше и к границам Румынии. Всего в период с апреля по август 1940 г. на Запад было переброшено 37 дивизий и 1 танковая бригада. Из них 30 дивизий прибыло на новое место дислокации еще до июня, остальные — в июле и августе. Большинство оставшихся танковых и авиадесантных бригад было расформировано для реформирования в механизированные и воздушно-десантные корпуса, которые также предназначались для действий на Западе. Всего же в западных приграничных округах (Киевском, Одесском и Белорусском),

с учетом 3 стрелковых дивизий и 3 танковых бригад, дислоцированных в Прибалтике, Сталин мог к концу июня 1940 г. выставить против Гитлера 84 стрелковые и 13 кавалерийских и мотокавалерийских дивизий, подкрепленных 17 танковыми бригадами. По числу танков — 200 и более — каждая такая бригада превосходила немецкую танковую дивизию⁴²⁸.

Вероятно, Сталин рассчитывал, пока вермахт увязнет на «линии Мажино», быстро оккупировать Польшу и Германию, а затем диктовать свою волю спасенной Франции. Еще 6 мая 1940 г., в самый канун большого германского наступления на Западе, в узком кругу своих охранников и земляков Сталин произнес очень красноречивый тост: «Воевать с Америкой мы не будем... Воевать мы будем с Германией! Англия и Америка будут нашими союзниками!»⁴²⁹ Однако быстрый крах французской армии сорвал планы советского вторжения. Сталин решил подготовиться более основательно. Кроме того, он надеялся, что в 1941 г. Гитлер сконцентрирует усилия на подготовке вторжения на Британские острова и удар с Востока будет внезапным для Германии. В январе 1941 г. советский Генштаб провел две оперативно-стратегические игры. По условиям этих игр войну начинали «западные» (немцы). Однако фактически игры начинались с того момента, когда «восточные» (советские) уже отеснили противника от границы. Поэтому в ходе игр отрабатывалось только вторжение «восточных» в Восточную Пруссию на северо-западном направлении и в Южную Польшу, Чехословакию и Венгрию на юго-западном направлении. В результате выяснилось, что восточнопруссские укрепления трудно преодолеть. Поэтому было решено: главный удар Красная Армия нанесет на юго-западном направлении⁴³⁰. На мартовском 1941 г. плане стратегического развертывания Красной Армии на Западе заместитель начальника Генштаба Н. Ф. Ватутин оставил резолюцию: «Наступление начать 12.6»⁴³¹. Однако к 12 июня не удалось закончить сосредоточение войск

и запасов, и, судя по ряду признаков, вторжение перенесли на июль⁴³². Здесь сыграло свою роль то, что пропускная способность железных дорог на советской стороне границы была в 2–2,5 раза ниже пропускной способности железных дорог на германской стороне⁴³³. Еще в октябре 1940 г. были предприняты первые шаги по формированию польской дивизии Красной Армии. 4 июня 1941 г. Политбюро приняло решение к 1 июля 1941 г. сформировать такую дивизию⁴³⁴. Аналогичным образом за месяц до советского нападения на Финляндию был сформирован финский корпус Красной Армии⁴³⁵.

Накануне войны наметилась переориентации советской пропаганды на антигерманскую направленность. На приеме в Кремле в честь выпускников военных академий 5 мая 1941 г. Сталин уверенно заявил: «Немцы ошибаются, что их армия непобедима и ее вооружение самое лучшее в мире. В истории не было непобедимых армий... Война против Германии неизбежно перерастает в победоносную народно-освободительную войну». А в одном из тостов прямо признал: «Германия хочет уничтожить наше социалистическое государство... Спасти нашу Родину может только война с фашистской Германией и победа в этой войне. Я предлагаю выпить за войну, за наступление в войне, за нашу победу в этой войне»⁴³⁶.

20 июня 1941 г. Главным военным советом был принят за основу проект директивы Главного управления политической пропаганды РККА «О задачах политической пропаганды в Красной Армии на ближайшее время», где подчеркивалось:

«Каждый день и час возможно нападение империалистов на Советский Союз, которое мы должны быть готовы предупредить своими наступательными действиями... Опыт военных действий показал, что оборонительная стратегия против превосходящих моторизованных сил никакого успеха не давала и оканчивалась поражением. Следовательно, против Германии нужно применить ту же наступательную стратегию, подкрепленную мощной тех-

никовой... Германская армия-еще не столкнулась с равноценным противником, равным ей как по численности войск, так и по их техническому оснащению и боевой выучке. Между тем такое столкновение не за горами»⁴³⁷.

А еще в середине мая 1941 г. был окончательно разработан план превентивного удара. Он предполагал нанесение главного удара на юго-западном направлении, где между Краковом и Катовице 152 советских дивизии должны были по плану разгромить 100 немецких дивизий, а затем, повернув к побережью Балтики, окружить основные германские силы в Польше и тем самым полностью выиграть войну⁴³⁸. Однако в действительности основные германские силы были сосредоточены в центре, а не на юго-западе будущего советско-германского фронта. В германской группе армий «Юг» насчитывалось лишь 38 дивизий, из которых 7 дивизий дислоцировались в Румынии, а не в Польше. Если бы даже Красной Армии удалось упредить вермахт и ударить первой, ее удар пришелся бы почти что по пустому месту. Зато советская ударная группировка наверняка подверглась бы мощному фланговому удару со стороны группы армий «Центр» и была бы разгромлена.

По свидетельству наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова, «И. В. Сталин представлял боевую готовность наших Вооруженных Сил более высокой, чем она была на самом деле. Совершенно точно зная количество новейших самолетов, дислоцированных по его приказу на пограничных аэродромах, он считал, что в любую минуту по сигналу боевой тревоги они могут взлететь в воздух и дать надежный отпор врагу. И был просто ошеломлен известием, что наши самолеты не успели подняться в воздух, а погибли прямо на аэродромах»⁴³⁹. Поэтому советский вождь бесстрашно готовился броситься в пучину войны с самой сильной в тот момент армией Европы. Ему и в страшном сне не могло привидеться, что придется отступать до Москвы и Сталинграда. Он искренне верил, что Красная Армия по уровню боевой подготовки по меньшей мере не уступает вермахту.

Строго говоря, Красная Армия не вполне была готова к грамотному и эффективному ведению войны с таким сильным противником, как вермахт, даже в самом конце войны. 4 апреля 1945 г. новоназначенный командующий 4-м Украинским фронтом А. И. Еременко записал в дневнике: «Нужно спешить, а войска очень слабо подготовлены к наступательным действиям, на 4-м Украинском фронте своевременно не занимались этим решающим успех дела вопросом»⁴⁴⁰.

Тем более что соотношение сил и средств накануне войны было явно в пользу Советского Союза. К началу осуществления плана «Барбаросса» у Германии на Востоке было не более 2000 боевых самолетов и 3680 танков⁴⁴¹, а венгерская и румынская авиация, вместе взятые, насчитывали лишь около 150 машин. Советская же сторона имела на западе к 22 июня 1941 г. 12,8 тыс. танков, включая 1475 новейших Т-34 и КВ, и 10 743 боевых самолета⁴⁴². Также и по численности личного состава Красная Армия, даже не осуществившая еще полной мобилизации, превосходила своего противника на Западе в 1,25 раза. Помимо 2,9 млн человек кадрового состава сухопутных сил Красной Армии и пограничных войск, дислоцировавшихся в западных округах, в апреле 1941 г. было призвано еще около 400 тыс. ранее не призывавшихся на военную службу, а в мае — июне — также около 800 тыс. запасных⁴⁴³. Германская же сухопутная группировка, нацеленная против СССР, насчитывала около 3,3 млн человек, из них в первые недели после 22 июня 1941 г. на фронте находилось только около 2,5 млн человек⁴⁴⁴.

3. НЕ ТА ВОЙНА, НА КОТОРУЮ РАССЧИТЫВАЛ СТАЛИН

Однако по уровню боевой подготовки и управления Красная Армия в действительности значительно уступала вермахту как до войны, так и на протяжении всей

войны. Еще в 1943 г. механики-водители советских танков, перед тем как идти в бой, получали практику вождения в 3–5 раз меньшую, чем требовалось для того, чтобы уверенно водить танк (5–10 моточасов вместо 25)⁴⁴⁵. Советские летчики накануне войны имели до смешного малый налет часов — от 4 до 15,5 часов за первые три месяца 1941 г.⁴⁴⁶. В дальнейшем в летном училище советские летчики успевали налетать лишь 20–30 часов и освоить лишь взлет и посадку, но не выполнение сложных маневров в воздухе. Пилоты же люфтваффе вплоть до начала 1944 г. только в училищах имели летную подготовку 450 часов. Затем из-за нехватки горючего она была уменьшена до 150 часов, но все равно оставалась в несколько раз большей, чем у советских пилотов⁴⁴⁷. В 1939 г. во время похода в Польшу советские танковые корпуса из-за дефицита средств связи и, как следствие этого, плохого управления по темпам продвижения отстали от кавалерийских дивизий. К июню 1941 г. число танков в советском механизированном корпусе увеличилось почти вдвое, а средства связи остались прежние. В результате советские механизированные корпуса оказались еще более неповоротливыми, чем прежние танковые⁴⁴⁸. К тому же огромное число танков на советской стороне не было обеспечено хорошо подготовленными экипажами. Именно поэтому советские танковые соединения, несмотря на лучшие боевые качества танков Т-34 и КВ, в самом начале войны были легко разгромлены немногочисленными, но лучше подготовленными танкистами вермахта в приграничных сражениях. Вплоть до конца войны в Красной Армии полноценные радиостанции ставились только на танки командиров подразделений, тогда как на остальных танках стояли только радиоприемники. Если танк командира выходил из строя, никто другой не мог взять на себя управление подразделением⁴⁴⁹. Такая практика была следствием не только острой нехватки современных средств связи в Красной Армии, частично компенсировавшей-

ся поставками по ленд-лизу, но и глубоко укоренившегося в советской системе недоверия к нижестоящим исполнителям, к проявлению несанкционированной инициативы с их стороны. Можно предположить, что начальство также опасалось, будто подчиненные начнут использовать радиопередатчики не по назначению, дезорганизуя управление, и из осторожности не ставило их на все танки.

Если бы советские генералы могли взглянуть правде в глаза и реально оценить состояние своих войск, то они должны были бы еще накануне войны постараться убедить Сталина в следующем: Красная Армия против вермахта в ближайшем будущем успешно наступать не может. Оптимальным способом боевых действий для Красной Армии была бы оборона с расположением основной группировки войск по линии укреплений на старой государственной границе. В западных районах Белоруссии и Украины и в Прибалтике следовало бы держать только небольшие подвижные части прикрытия, которые должны были бы лишь выяснить группировку и направление основных ударов противника, а затем отступить к главным силам. Самолеты надо было применять лишь над боевыми порядками своих войск для отражения вражеских атак, а танки — лишь небольшими группами для непосредственной поддержки пехоты. Это больше отвечало бы уровню подготовки советских солдат и офицеров. Однако вместо этого Сталин и его генералы от первого и до последнего дня войны стремились придерживаться наступательной стратегии, что привело к тяжелым потерям.

И до войны, и во время войны Сталин и другие советские руководители ориентировались на количественные, а не на качественные показатели. Вождь, зная о значительном количественном и качественном превосходстве Красной Армии над вермахтом в танках и самолетах, которые считал главным оружием современной войны, рассчитывал на ближкрит, в ходе кото-

рого в 1940 г. собирался оккупировать Восточную Европу и всю Германию, а после того, как вторжение было перенесено на 1941 г., — уже всю Европу. При этих условиях можно было не опасаться, что США успеют оказаться вовлеченными в войну и поставить под угрозу советское доминирование на Европейском континенте. На практике же дело свелось к затяжной войне, в первые полтора года — вплоть до ноября 1942 г. — разворачивавшейся крайне неблагоприятно для СССР. Заплатить за победу Красной Армии пришлось огромными людскими потерями, которые превысили потери вермахта на Востоке не менее чем в 10 раз. Достаточно сказать, что сравнительно точно посчитанные для обеих сторон безвозвратные потери офицерского состава сухопутных войск составили в 1941–1944 гг. для вермахта на Востоке 65,2 тыс. человек погибшими и пропавшими без вести. Красная Армия за тот же период потеряла около 784 тыс. офицеров только погибшими и не вернувшимися из плена. Это дает соотношение около 12:1⁴⁵⁰. Соотношение безвозвратных потерь армий обеих сторон на Восточном фронте было близко к этому показателю.

По нашей оценке, основанной на данных о месячной динамике безвозвратных потерь Красной Армии за 1942 г. и месячном графике потерь Красной Армии ранеными за всю войну, советские вооруженные силы за всю войну потеряли погибшими, включая умерших в плену, от ран, болезней и по небоевым причинам, около 26,4 млн человек, тогда как вермахт потерял на Восточном фронте безвозвратно около 2,6 млн человек⁴⁵¹.

Здесь сказалось то, что жизнь человека в советской системе ценилась очень дешево. Люди были не более чем расходным материалом для достижения амбициозных политических целей. Очень точно по этому поводу заметил писатель Юрий Трифонов, справедливо утверждавший, что «Сталин никогда и ни о чем не говорил искренне. Все его утверждения следовало пони-

мать наоборот... Он говорил, что самый ценный капитал — это люди — и ни в грош ни ставил жизнь человека, давя людей миллионами, как это не удавалось ни одному правителю до него во всей мировой истории»⁴⁵². Необходимо только отметить, что подавляющее большинство загубленных Сталиным миллионов жизней советских граждан пришлось на годы Великой Отечественной войны, и они стали не жертвами советских карательных органов, а погибли в бою вследствие применяемой в Красной Армии людоедской тактики заваливания противника трупами.

Яркие картины подобных атак красноармейцев сохранились как с советской, так и с немецкой стороны. Вот рассказ бывшего командира артиллерийского взвода связи лейтенанта Валентина Дятлова об одной атаке в Белоруссии в декабре 1943-го (точно такие же атаки проводили и подчиненные Жукову фронты на Украине):

«Мимо, по ходу сообщения прошла цепочка людей в гражданской одежде с огромными «сидорами» за спиной. « — Славяне, кто вы, откуда?» — спросил я. «Мы с Орловщины, пополнение». — «Что за пополнение, когда в гражданском и без винтовок?» — «Да сказали, что получите в бою...» «...Эти черные извивающиеся и двигающиеся змейки были так нелепы, так неестественны на серо-белой земле! Черное на снегу — прекрасная мишень. И немец «поливал» эти цепи плотным свинцом. Ожили многие огневые точки. Со второй линии траншеи вели огонь крупнокалиберные пулеметы. Цепи залегли... Командирам все же удавалось несколько раз поднимать «черную» деревенскую пехоту. Но все напрасно. Огонь противника был настолько плотным, что, пробежав пару шагов, люди падали, как подкошенные»⁴⁵³.

Показательно, что для таких атак особенно активно использовались призывники с оккупированных территорий. Они считались неблагонадежными, и о сбережении их жизни совсем не заботились — НКВД после войны будет меньше работы. Об этом свидетельствует письмо немецкого солдата с фронта летом 1943 г.:

«На вновь занимаемой территории Красная Армия призвала все население, мужчин и женщин. Сформированные из них трудовые батальоны используются для увеличения массы атакующих. Не имело значения, что эти призывники необучены, большинство из них без оружия, а многие — без сапог. Взятые нами пленные говорили, что безоружные рассчитывают взять оружие у павших. Эти невооруженные люди, вынужденные идти в атаку, подозревались в сотрудничестве с нами и платили буквально своими жизнями за это подозрение».

Поражало немцев и то, что жертвы подобных бессмысленных и беспощадных атак покорно сносили свою судьбу, считая, что они совершили какие-то ошибки, за которые надо платить⁴⁵⁴. Здесь проявилось коренное различие советского и западного, в том числе немецкого, менталитета. Германских солдат практически невозможно было заставить участвовать в подобных атаках, а германским офицерам не приходило в голову отдавать приказы такого рода.

Стремление советской стороны воевать числом, а не умением относилось не только к людям, но и к вооружениям. Так, 19 сентября 1942 г. Сталин издал специальный приказ, действовавший до конца войны и предписывавший танкистам «атаку противника начинать мощным огнем с ходу из всего танкового вооружения, как из орудий, так и из пулеметов, не бояться того, что стрельба получится не всегда прицельная. Стрельба из танков с хода должна быть основным видом огневого воздействия наших танков на противника, и прежде всего на его главную силу»⁴⁵⁵. Поскольку стабилизаторы, позволявшие вести прицельный артиллерийский огонь с ходу, появились только в 1950-е годы, стрельба из танковых пушек с движения хотя и отличалась большей интенсивностью, чем стрельба с места, но означала лишь бесполезную трату снарядов.

В целом же врага в войну заваливали трупами советских солдат и офицеров, предпочитая экономить на их боевой подготовке. Тут в большой мере сказалось то

фундаментальное обстоятельство, что функционально грамотный, хорошо подготовленный и независимо мыслящий боец и особенно командир представлял собой потенциальную угрозу стабильности советского тоталитарного режима. Гитлер, в отличие от Сталина, сохранил армию как инструмент агрессии почти до самого конца войны в неприкосновенности, предоставив значительную степень автономии своим офицерам и генералам и сделав упор на качество боевой подготовки. Это диктовалось и тем немаловажным обстоятельством, что по людским ресурсам Германия значительно уступала своим противникам. В результате вермахт до конца войны обладал превосходством над Красной Армией в личном составе.

Издержками же подобной политики стало то, что Гитлер получил заговор 20 июля 1944 г. и лишь чудом остался жив после покушения Штауффенберга. Сталин же чистками 1930-х годов, оболваниванием офицерского корпуса и наличием в армии разветвленной сети политических органов и органов контрразведки был гарантирован от подобных эксцессов даже в самые трудные месяцы войны в 1941–1942 гг.

Но на поле боя германская армия выглядела в тактическом плане гораздо успешнее, чем советские войска, хотя это и не могло спасти вермахт от стратегического поражения. Как отмечают российские историки Валерий Замулин и Лев Лопуховский, «в отчетах наших соединений... зачастую отмечалось, что пехота противника действовала трусливо, держалась довольно далеко от танков и при малейшей остановке бронетехники быстро отходила... Это не признак трусости: противник в силу ограниченности людских ресурсов просто был вынужден бережно относиться к солдатам пехотных частей, чего нельзя сказать о нашем командовании... Немцы ни разу не предпринимали лобовых атак пехотными подразделениями без поддержки танков, авиации или артиллерии... Немцы, встретив хорошо организованный огонь и потеряв до 10% танков

(а то и меньше), немедленно прекращали атаку и вызывали авиацию. Атака возобновлялась только после подавления противотанковых средств огнем артиллерии и ударами авиации... Ни для кого не является секретом, что слишком часто в практике Красной Армии при постановке боевых задач звучало «любой ценой!». Эти слова не фиксировались в боевых и оперативных документах, но были нормой, существование которой зачастую не вызывалось обстановкой. И попробуй командир не выполнить приказ!.. Эту особенность наших генералов — воевать большой кровью прекрасно знали немцы»⁴⁵⁶.

В ходе войны Советскому Союзу пришлось в решающей мере опереться на англо-американскую помощь, сначала в виде ленд-лиза, а позднее в виде Второго фронта. Неслучайно перелом в соотношении потерь, особенно пленными, в пользу Красной Армии произошел летом 1944 г., после высадки союзников в Нормандии, куда были отвлечены германские резервы. Кроме того, из США и Британской империи в годы войны поступила примерно половина потребленного в СССР авиационного бензина, взрывчатых веществ, алюминия, меди, а также почти все средства связи, львиная доля транспортных средств и продукции транспортного машиностроения⁴⁵⁷. В результате затянувшейся на четыре года войны Сталин смог оккупировать только Восточную Европу. К концу Второй мировой войны стало очевидным отставание СССР как от главного противника — Германии, так и от тогдашних союзников и будущих потенциальных противников — США и Англии по наиболее передовым видам вооружений и боевой техники: ядерного оружия, ракет, реактивной авиации, новейших типов подводных лодок и др. К тому же советские людские ресурсы были истощены. Все это исключало немедленное нападение на вчерашних союзников. Новая гонка вооружений потребовала привлечения колоссальных средств. Сталин и его преемники вынуждены были вместо желаемой гегемонии

на континенте ввязаться в изнурительную «холодную войну» против всего Запада во главе с США, для ведения которой приходилось тратить на военные нужды около половины советского ВВП, который был вшестеро меньше американского в первой половине 80-х годов. После того, как изобретение ядерного и термоядерного оружия и его накопление вместе со средствами доставки сделали бессмысленным ядерную войну в качестве средства достижения решающих геополитических целей, судьба СССР в исторической перспективе была предрешена. Не осуществляя внешней экспансии, коммунистический режим долго существовать не мог. Расширять зону своего влияния мирными средствами он не мог⁴⁵⁸. Поэтому крах от непосильной гонки вооружений рано или поздно стал неизбежным.

ЧИСЛО И МЫШЛЕНИЕ, НАУКА И ФОЛЬКЛОР

Выводы этой статьи необходимо учитывать при чтении статьи о военных потерях СССР и Германии во Второй мировой войне, так как выявляемые здесь основные числовые архетипы отражались в донесениях и данных о потерях.

Как говорил поэт Николай Гумилев, «все оттенки смысла умное число передает». И в самом деле, некоторые устойчивые, повторяющиеся черты языка и фольклора всех народов земли позволяют выявить ряд числовых структур (архетипов) человеческого мышления, относящихся к самым древним временам существования человеческого рода и проявляющихся главным образом на подсознательном уровне. Еще П. А. Флоренский в «Столпе и утверждении истины» отмечал, что «число три, в нашем разуме характеризующее безусловность Божества, свойственно всему тому, что обладает относительной самозаклученностью, — присуще заключенным в себе видам бытия. Положительно, число три являет себя всюду как какая-то основная категория жизни и мышления». В качестве примеров он привел трехмерность пространства; три основные категории времени: прошедшее, настоящее и будущее; наличие трех грамматических лиц практически во всех языках; минимальный размер полной семьи в три человека: отец, мать, дитя; философский закон трех моментов диалектического развития: тезис, антитезис, синтез;

а также наличие трех координат человеческой психики, выражающихся в каждой отдельной личности: разума, воли и чувства. Сюда можно добавить широко известный в лингвистике факт, что никогда не заимствуются из других языков названия первых трех числительных: один, два и три, а также то неоспоримое обстоятельство, что в художественной литературе трилогий значительно больше, чем дилогий или тетралогий, а также наличие трех братьев во множестве мифов и сказок самых разных народов. И еще Пифагор говорил, что «целое и все вещи определены тремя: начало, середина и конец». Отмечу также, что о выдающейся роли троичности в человеческой жизни в начале XX в. писали также русские мыслители Д. С. Мережковский и С. Н. Булгаков.

Флоренский доказал, что троичность как основную категорию бытия невозможно логически вывести ни из каких оснований, и потому возводил ее к изначальному триединству Божественной Троицы. Отметим, что элементы троичности присутствуют не только в христианстве, но и в подавляющем большинстве других религий народов мира. Если же подходить к проблеме троичности с точки зрения науки, а не веры, то троичность бытия можно прежде всего объяснить троичностью человеческого мышления, которая, в свою очередь, скорее всего связана с установленной асимметрией функций полушарий головного мозга. Ведь число «три» — это простейшее выражение асимметрии в целых числах по формуле $3 = 2 + 1$, тогда как простейшая формула симметрии $2 = 1 + 1$. Троичность мышления сводится к тому, что окружающую действительность человек воспринимает как трехсоставную. В связи с этим можно указать также, что подавляющее большинство исторических и историософских теорий, призванных объяснить явления действительности, не относящиеся непосредственно к мышлению одного человека, все равно несут в себе троичную структуру. Поэтому они вряд ли корректны, поскольку передают

не особенности объясняемого, а особенности мышления, бессознательно присущие творцам этих теорий. В качестве примера приведем то, что в истории различных цивилизаций, как и в жизни человека, всегда выделяют молодость, зрелость и старость (или зарождение, расцвет и упадок). На самом деле данная периодизация имеет отношение не к существованию той или иной цивилизации, а лишь к способу его (существования) истолкования историком или философом. Еще один пример — выделение Я, ОНО и Сверх-Я в психоанализе австрийского психиатра Зигмунда Фрейда. Получается, что для объяснения действительности адекватно самой действительности нам необходимо абстрагироваться от особенностей нашего мышления.

Троичность мышления неразрывно связана с присущей разуму свободой воли. Если бы человеческое мышление было симметричным, то человек никогда бы не смог принять решение о выборе между двумя альтернативами, оставаясь в положении буриданова осла, который, согласно известному парадоксу, обладая абсолютной свободой воли и находясь на абсолютно одинаковом расстоянии от двух одинаковых охапок сена, умрет от голода, так как не сможет отдать предпочтение ни одной из них.

Симметрия преобладает в природе, тогда как разум асимметричен. И троичный архетип, без сомнения, самый древний. Он возникает в тот момент, когда возникает само мышление (или разум).

Любопытно, что, вообще говоря, простейшая система структурирования — не троичная, а двоичная. Поэтому, в частности, в компьютерах применяется двоичная структура счета (0 и 1) и двоичные языки. А что, если попробовать сделать, например, наш великий и могучий русский язык из троичного двоичным? Начнем с времен. Настоящее время всегда — лишь ускользающий миг, бесконечно малая величина между прошлым и будущим. Давайте откажемся от него и сохраним лишь глаголы прошедшего и будущего времени.

Тогда действие настоящего времени будет передаваться сочетанием глаголов прошедшего и будущего времени. Например: я бежал и буду бежать. Точно так же легко можно отказаться, например, и от третьего рода — среднего, приравняв все слова этого рода к мужскому роду (прилагательные с мужским и средним родом склоняются сходным образом, в отличие от женского: голубого солнца, голубого пиджака, но — голубой луны). А из трех лиц — 1-го, 2-го и 3-го — при желании можно было бы избавиться, например, от 2-го лица, отнеся его к 3-му. Тогда мы бы обращались не «ты», а «он, который передо мной». Если бы языки возникали по принципу простоты, они, несомненно, были бы двоичными. Но над языковой структурой властно довлела троичность человеческого мышления, поэтому языки зародились и развились именно как троичные.

Также и семеричность — один из древнейших стереотипов человеческого мышления, восходящий к семи светилам Солнечной системы, известным с древности. Без помощи оптических приборов человек может видеть на ночном небе Луну, Меркурий, Марс, Венеру, Юпитер, Уран и Сатурн. Соответственно вместе с Землей и Солнцем людям древности было известно семь объектов Солнечной системы. (Кроме того, семь дней — это одна фаза Луны.) Отсюда — семь дней недели, семь нот, а также семеричные структуры в мифологии и фольклоре абсолютно всех народов земли, в том числе семь дней творения в Библии, или семь тайн Корана, или семь холмов, на которых якобы возникли многие мировые столицы, например Рим и Москва, или семь ветвей древа жизни. Хотя наверняка в той же Москве можно выделить гораздо больше холмов, чем семь, но в нашем сознании навечно закрепились именно семь. Можно также добавить семь богатырей, семь карликов и семиглавых чудовищ, присутствующих в фольклоре самых различных народов (а троичность представляет, в частности, наш родной Змей Горыныч с тремя головами). Стоит добавить также семь музы-

кальных нот, существующих с глубокой древности. Можно вспомнить также семидневные фазы Луны, на основе которых создан лунный календарь с 28-дневными месяцами. Неслучайно в созданной Пифагором системе цифровой магии число «семь» олицетворяло Космос. Семь — архетип более молодой, чем три, но тоже весьма древний. Он возник тогда, когда человек впервые стал внимательно вглядываться в звездное небо. И это произошло в древние времена, когда люди еще не делились по языкам. Раз семеричность присутствует в мифах абсолютно всех народов, значит, в человеческом мышлении она закрепилась тогда, когда все человечество еще говорило на едином праязыке, ныне безнадежно утраченном.

Что же касается семи цветов радуги, то мы вряд ли когда-нибудь получим окончательный ответ на вопрос, послужил ли этот факт еще одним основанием для семеричности мышления или, наоборот, возникшая семеричность мышления привела к тому, что постепенно человек стал выделять семь основных цветов, тогда как прежде их число было иным. Кстати, в ряде палеоазиатских языков и языков алтайской семьи, относящихся к древнейшим, синий и зеленый цвет обозначаются одним и тем же словом. Возможно, в глубокой древности эти цвета воспринимались как один и тот же цвет.

В сумме семь и три дают десять. И каждое из двух основных чисел, три и семь, подсознательно требует своего дополнения вторым числом. Отсюда — десятиричная система счисления, преобладающая на Земле.

Стоит подчеркнуть, что и разница между семью и тремя — число, также весьма значимое в человеческом мышлении и культуре. На память прежде всего приходят четыре стороны света — север, юг, восток и запад. Но они также оказываются непосредственно связаны со строением человеческого тела и с особенностями человеческого мышления. Когда человек стоит в чистом поле, ему всегда приходят на ум четыре направления движения — вперед, назад, вправо и влево.

Ориентированные относительно Солнца, они превращаются в четыре стороны света — восток, запад, север и юг. Прямо стоящий человек с широко расставленными руками как раз и символизирует число четыре. Отсюда — и крест как символ числа четыре и Солнца, присутствующий в языческих культах задолго до появления христианства. Задолго до Христа у язычников существовало немало умирающих и воскресающих богов Солнца, олицетворяющих плодородие. Именно с этим светилом древние связывали плодородие, поскольку солнечные лучи были необходимы для произрастания злаков и плодов. Кроме того, они могли ставить в зависимость от интенсивности поступления солнечного тепла уровень проявления человеческой сексуальности. В древности человека приносили в жертву Солнцу, распиная на кресте. Распятие у римлян и других народов — это память о древней жертве, хотя ко времени Иисуса Христа оно уже выродилось в обыденную и мучительную казнь преступников. Еще Пифагор отмечал, что помимо четырех сторон света имеются четыре измерения телесного мира, существующего в трехмерном пространстве и одномерном времени, четыре времени года (они связаны со сменой природных циклов и с изменением положения Земли относительно Солнца), четыре возраста жизни (ребенок, юноша, муж и старец), а также четыре стихии — огонь, воздух, вода и твердь (сегодня ученые говорят о четырех состояниях вещества — жидком, твердом, газообразном и плазменном). Нетрудно убедиться, что четверичность, в отличие от троичности и семеричности, есть нечто, объективно существующее в природе и в этом качестве воспринимающееся человеческим мышлением. Например, человек ориентируется в пространстве по четырем сторонам света — и вполне осознает это обстоятельство. Поэтому, в отличие от трех и семи, четверичная структура действует не на бессознательном, а на сознательном уровне. Наличие в текстах троичных и семеричных структур, как правило, вы-

дает их фольклорное происхождение, принадлежность к мышлению, а не к внешней реальности. Например, все летописи и очень многие дворянские генеалогии пестрят рассказами о том, как основатель государства (или рода) впервые выступает на исторической арене непременно в сопровождении двух братьев. За примерами далеко ходить не надо — Рюрик с братьями Синеусом и Трувором из «Повести временных лет» или, например, основоположник дворянских родов Толстых и Тухачевских. Затем братья внезапно умирают, не оставив потомства, а главный герой продолжает свой трудный исторический путь. Ясно, что здесь мы имеем дело с троичностью мышления, и соответствующие рассказы — лишь порождение фантазии летописцев и авторов генеалогий. Им казалось слишком сложным, да и ненужным делом выдумывать потомство для никогда не существовавших братьев главного действующего лица. Научные же построения по возможности должны избегать троичных и семеричных структур, хотя это очень трудно сделать — ведь в этом случае мы восстаем против собственного мышления.

Булгаков С. Н. Трагедия Философии (очерк второй «Философия троичности») // *Булгаков С. Н.* Сочинения в 2-х томах. Т. 1. М.: Наука, 1993.

Иванов Вяч. Вс. Бессознательное, функциональная асимметрия, язык и творчество // Бессознательное. Природа, функции, методы исследования. Т. IV. Тбилиси: Мецниереба, 1985.

Мережковский Д. С. Тайна трех. Египет — Вавилон. М.: ЭКСМО; Харьков: Око, 2001.

Пифагор. Золотой канон фигуры эзотерики. М.: ЭКСМО, 2001.

Соколов Б. В. Булгаков. Энциклопедия. — М.: Алгоритм, 2003.

Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Кн. 1, 2. — М.: Правда, 1990.

- ¹ Опубликовано: Знание — сила. 2003. № 12.
- ² Опубликовано: Политический журнал. 2004. 29 ноября.
- ³ Опубликовано: The Journal of Slavic Military Studies. Vol. 11, № 2 (June 1998) и в кн.: *Соколов Б. В.* Правда о Великой Отечественной войне. СПб.: Алетейя, 1998. Печатается с изменениями и добавлениями.
- ⁴ См.: *Суворов В.* (Резун В. Б.) Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну? М.: Новое время, 1992; *Он же.* День-М. Когда началась Вторая мировая война? М.: АО «Все для Вас», 1994; а также авторскую редакцию этих произведений: *Суворов В.* Ледокол. День-М. М.: АСТ, 1994. В начале 1996 г. ТКО «АСТ» издало первый том заключительной трилогии: *Суворов В.* Последняя республика. Почему Советский Союз проиграл Вторую мировую войну? См. также статьи, посвященные анализу книг В. Суворова и поднятых им проблем: *Хоффман И.* Подготовка Советского Союза к наступательной войне. 1941 г. // Отечественная история. 1993. № 4; *Борозняк А. И.* 22 июня 1941 г.: Взгляд с «той» стороны // Отечественная история. 1994. № 1 (в этой статье дана историография проблемы); *Мельтюхов М. И.* Споры вокруг 1941 г. Опыт критического осмысления одной дискуссии // Отечественная история. 1994. № 3; Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия // Сб. статей. М.: АИРО-XX, 1995; *Невежин В. А.* Синдром наступательной войны. М.: АИРО-XX, 1997; *Hoffman J.* *Stalins Vernicht ungskrieg 1941–1945.* München: Verlag fur Wissenschaften, 1996.
- ⁵ *Трибуц В. Ф.* Балтийцы вступают в бой. Калининград: Книжное изд-во, 1972. С. 29.
- ⁶ Это утверждение не было подвергнуто сомнению здравствовавшим тогда Н. Г. Кузнецовым ни в одном из изданий его мемуаров и посмертной публикации рукописи «Крутые повороты» в 1992–1993 гг. в «Военно-историческом журнале». См. также: *Кузнецов Н. Г.* Накануне. 3-е изд. М.: Воениздат, 1989; *Он же.* На флотах боевая тревога. М.: Воениздат, 1971; *Он же.* Курсом к победе. М.: Воениздат, 1975; *Он же.* Накануне. Главы из книги // Москва, 1988. № 5; *Он же.* Наши отношения с Жуковым стали поистине драматичес-

- кими... // Военно-исторический журнал. 1992. № 1. В «Хронологии основных событий жизни, государственной и общественной деятельности Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова», основанной на материалах государственных архивов и личного архива адмирала, называется точная дата этой директивы — 26 февраля 1940 г. (*Кузнецов Н. Г.* Крутые повороты: Из записок адмирала. М.: Молодая гвардия, 1995. С. 209). Сам Н. Г. Кузнецов в мемуарах отмечает, что позднее, 23 февраля 1941 г., была издана «очень важная директива, нацеливающая командование округов и флотов на Германию как на самого вероятного противника в будущей войне» (*Кузнецов Н. Г.* Накануне. 3-е изд. М.: Воениздат, 1989. С. 359).
- ⁷ РГА ВМФ. Отделение ЦВМА. Д. 37093, л. 21–22. Материал представлен В. Шломиным.
- ⁸ О планах по отправке союзного экспедиционного корпуса в Финляндию и воздействии этих планов на ход и исход советско-финляндской войны см.: *Сиполс В. Я.* Тайные документы «странной войны» // Новая и новейшая история. 1993. № 2; *Соколов Б. В.* Пиррова победа (Новое о войне с Финляндией) // Историки отвечают на вопросы. Вып. 2. М.: Московский рабочий, 1990. С. 291–292.
- ⁹ Акт о приеме Наркомата обороны Союза ССР тов. Тимошенко С. К. от тов. Ворошилова К. Е. // Военно-исторический журнал. 1992. № 1. С. 14.
- ¹⁰ Ранее мы придерживались на этот счет иной точки зрения, полагая, что Маннергейм и другие сторонники мира на советских условиях спасли Финляндию от неминуемого разгрома после краха Франции. См.: *Соколов Б. В.* Указ. соч. С. 291–292.
- ¹¹ Катынское дело // Военные архивы России. Вып. 1. М., 1993. С. 124–126, 127, 160–161.
- ¹² *Берия С. Л.* Мой отец — Лаврентий Берия. М.: Современник, 1994. С. 354–355.
- ¹³ Катынское дело. С. 125, примеч.
- ¹⁴ Завтра. 1996. № 51. С. 5.
- ¹⁵ Подсчет произведен нами совместно с П. А. Аптекарем по фондам РГВА: Ф. 34980, оп. 10, д. 62, 66–3002, 281, 655, 814, 915, 925, 991, 1003, 1056, 1114. Данные о составе войск, дислоцированных в Прибалтике, см.: Гриф секретности снят. / Под ред. Г. Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993. С. 126.
- ¹⁶ Подсчет по: *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии. 1933–1945. / Пер. с нем. Т. 3. М.: Воениздат, 1976. С. 354–409.
- ¹⁷ Акт о приеме Наркомата обороны... С. 8; Последний доклад наркомата обороны СССР К. Е. Ворошилова // Военно-исторический журнал. 1991. № 3. С. 8.
- ¹⁸ Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. // Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1). М.: ТЕРРА, 1993. С. 117.
- ¹⁹ *Василевский А. М.* Дело всей жизни. 6-е изд. Кн. 1. М.: Политиздат, 1988. С. 100.

- ²⁰ Готовил ли СССР превентивный удар? // Военно-исторический журнал. 1992. № 1. С. 24–29.
- ²¹ Там же. С. 27.
- ²² Гриф секретности снят. С. 126.
- ²³ См.: Оглашению подлежит. СССР — Германия. 1939–1941: Документы и материалы. / Сост. Ю. Фельштинский. М.: Моск. рабочий, 1991. С. 183. Инструкция Риббентропа послу Шуленбургу от 7 мая 1940 г.; С. 185. Телеграмма посла Шуленбурга Риббентропу от 10 мая 1940 г.
- ²⁴ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1970. С. 171.
- ²⁵ Шпион. 1993, № 1. С. 71. Почти теми же словами Г. А. Эгнаташвили повторил рассказ о сталинском тосте в беседе с нами 10 декабря 1997 г.
- ²⁶ Сандалов Л. М. Пережитое. М.: Воениздат, 1966. С. 54.
- ²⁷ Советские Вооруженные Силы: Вопросы и ответы. М.: Политиздат, 1987. С. 163–167; Жуков Г. К. Указ. соч. С. 196–197.
- ²⁸ Сталин, Берия и судьба армии Андерса в 1941–1942 гг. // Новая и новейшая история. 1993. № 2. С. 60–62.
- ²⁹ Антекер П. Неизвестное войско несуществовавшей страны // Независимая газета. 1994. 25 ноября. С. 4.
- ³⁰ Сокращенный текст разработки генерал-майора Маркса // Филиппи А. Припятская проблема / Пер. с нем. М.: Издательский центр «Восток-Запад», 1999. С. 148.
- ³¹ См.: Оглашению подлежит. С. 240–289.
- ³² Директива № 21. Вариант «Барбаросса» // Поражение германского империализма во второй мировой войне / Под ред. Н. Г. Павленко. М.: Воениздат, 1960. С. 200.
- ³³ Директива по сосредоточению войск (План «Барбаросса») // Там же. С. 203, 209.
- ³⁴ Краткая запись результатов опроса В. Кейтеля // Расплата: Третий рейх: падение в пропасть / Сост. Е. Е. Щемелева-Стенина. М.: Республика, 1994. С. 116.
- ³⁵ Стратегическая разработка Лоссберга // Военно-исторический журнал. 1991. № 3. С. 24.
- ³⁶ Поражение германского империализма во Второй мировой войне. С. 211.
- ³⁷ Гальдер Ф. Военный дневник / Пер. с нем. Т. 2. М.: Воениздат, 1969. С. 406, 449, 451. Записи от 16 марта, 6 и 7 апреля 1941 г.
- ³⁸ Поражение германского империализма во Второй мировой войне. С. 219.
- ³⁹ Выдержки из бюллетеня германского Генштаба «Вооруженные Силы Советского Союза по состоянию на 1 января 1941 г.» // Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Вып. 16. М.: Воениздат, 1955. С. 79–80.
- ⁴⁰ Советские Вооруженные Силы: Вопросы и ответы. С. 196.
- ⁴¹ Накануне войны. С. 314. Выступление С. А. Калинина.
- ⁴² Там же. С. 153. Выступление П. С. Кленова.
- ⁴³ Там же. С. 339, 340, 363, 365, 367, 368.

- ⁴⁴ Советские Вооруженные Силы: Вопросы и ответы. С. 196.
- ⁴⁵ См., например, свидетельство бывшего командира взвода В. Дятлова: Комсомольская правда. 1993. 24 июня. С. 3.
- ⁴⁶ Цит. в записи Вс. Вишневого по: *Невежин Б. А.* Речь Сталина 5 мая 1941 г. // Другая война 1939–1945. М.: РГГУ, 1996. С. 109–110.
- ⁴⁷ Цит. по: *Мельтюхов М. И.* Указ. соч. С. 10.
- ⁴⁸ Об этом свидетельствует, в частности, письмо рядового К. Франка из 102-й пехотной дивизии от 10 июля 1941 г.: «...4 июня наш полк выступил в поход. Мы не знали, куда направляемся. Первоначально нам было указано направление на Польшу, а затем — Восточную Пруссию. Но 19 июня мы подошли к русской границе. Каждый из нас задавался вопросом, что мы здесь ищем? Начали говорить, что в России нас погрузят и повезут в Ирак, чтобы вместе с русскими ударить под коленки англичанам... 21 июня около 8 часов вечера роту собрали на политическое занятие. Наш ротный сказал о ходе войны с Англией и о международном положении, потом заговорил о нашей работе у русской границы. А в конце занятия наш капитан произнес настоящую речь. Он сказал: «Товарищи! Советский Союз намерен 18 июля напасть на наше Отечество. Благодаря нашему фюреру и его мудрой дальновидной политике мы не будем дожидаться нападения, а сами перейдем в наступление...» В 24.00 мы заняли исходные позиции. Теперь нам указали время начала наступления: 3.05...» (Родина. 1991. № 6–7. С. 28). Более высокие инстанции вермахта получили соответствующие указания несколько раньше. Так, знаменитое «распоряжение о комиссарах» было издано 6–8 июня, а будущий рейхсминистр оккупированных восточных территорий А. Розенберг выступил перед своими сотрудниками с «Изложением целей Германии в войне против Советского Союза» только 20 июня 1941 г. (см.: Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. Документы и материалы. / Под ред. П. А. Жилина. М.: Воениздат, 1987. С. 105–110). В СССР же 20 июня 1941 г. был утвержден Главным военным советом проект директивы Главного управления политической пропаганды РККА «О задачах политической пропаганды в Красной Армии на ближайшее время», где прямо подчеркивалось: «Война непосредственно подошла к границам нашей родины. Каждый день и час возможно нападение империалистов на Советский Союз, которые мы должны быть готовы предупредить своими наступательными действиями... Опыт военных действий показал, что оборонительная стратегия против превосходящих моторизованных частей никакого успеха не давала и оканчивалась поражением. Следовательно, против Германии нужно применить ту же наступательную стратегию, подкрепленную мощной техникой... Вся учеба всех родов войск Красной Армии должна быть пропитана наступательным духом... Германская армия еще не столкнулась с равноценным противником, равным ей как по численности войск, так и по их техническому оснащению и боевой выучке. Между тем такое столкновение не за горами» (к этой фразе начальник Управления агитации

и пропаганды ЦК Г. Ф. Александров сделал интересное примечание: «Этакой формулировки никак нельзя допускать. Это означало бы раскрыть карты врагу» (*Мельтюхов М. И.* Идеологические документы мая — июня 1941 г. о событиях Второй мировой войны // *Другая война 1939—1945.* С. 77, 99—100). Отправка директивы в войска была сорвана начавшейся войной, однако столь откровенный документ мог быть одобрен к массовому распространению лишь в том случае, если до планируемого советского нападения на Германию остались считанные дни. Если 102-я немецкая пехотная дивизия из центральных районов Германии была отправлена к советской границе 4 июня, то есть за 18 дней до начала наступления, то с советской стороны, например, 427-й артиллерийский полк, находившийся в районе Шепетовки, то есть гораздо ближе к границе, двинулся к ней 19 июня, т. е. за 17 дней до предполагаемой даты начала советского наступления — 6 июля 1941 г. (см.: *Лотман Ю. М.* Не-мемуары // *Лотмановский сборник.* Вып. 1. М.: Гарант, 1995. С. 11—13).

⁴⁹ См.: *Бобылев П. Н.* Репетиция катастрофы // *Военно-исторический журнал.* 1993. № 6—8.

⁵⁰ Там же. 1992. № 2. С. 21—22.

⁵¹ Там же. № 1. С. 24—25.

⁵² Там же. № 2. С. 18—20.

⁵³ Там же. С. 39.

⁵⁴ Подсчет по: *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. Т. 3. С. 354—409; Поражение германского империализма во Второй мировой войне. С. 213—222; *Безыменский Л.* Особая папка «Барбаросса». М.: АПН, 1972. С. 300—301.

⁵⁵ Подсчет по: *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. Т. 2. М.: Издательство, 1958. С. 152, 206—208, 257—264; Т. 3. С. 354—409; Поражение германского империализма во Второй мировой войне. С. 213—222.

⁵⁶ Подсчет по: *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. Т. 3. С. 354—409.

⁵⁷ *Военно-исторический журнал.* 1992. № 2. С. 17—18.

⁵⁸ Оглашению подлежит. С. 307—308. Телеграмма МИД Германии послу Шуленбургу от 22 февраля 1941 г.

⁵⁹ Там же. С. 21—22.

⁶⁰ *Золотов Н. П., Исаев С. И.* Боеготовы были... // *Военно-исторический журнал.* 1993. № 11. С. 75—77.

⁶¹ Оценка по: *Военно-исторический журнал.* 1992. № 1. С. 27 (где отмечено, что в 159 полках было 6422 самолета); № 2. С. 22; Советские Вооруженные Силы: Вопросы и ответы. С. 218.

⁶² См.: *Хоффман И.* Указ. соч. С. 20; *Мариничев В.* На небе не найдешь следа // *Нева.* 1989. № 6.

⁶³ *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. Т. 3. С. 19.

⁶⁴ *Греффрат О.* Война в воздухе // *Мировая война 1939—1945.* Пер. с нем. М.: Издательство, 1957. С. 471.

⁶⁵ *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны / Пер. с нем. М.: Издательство, 1956. С. 169. Сравнительные тактико-технические характеристики советских и немецких танков и самолетов см.: *Санда-*

- лов Л. М. Первые дни войны. М.: Воениздат, 1989. С. 63–66; *Бабджанян А. Х.* Дороги победы. М.: Молодая гвардия, 1972. Вклейки-приложения «Танки второй мировой войны» между С. 160–161 и 224–225; *Мариничев В.* Указ. соч. С. 182–186; *Яковлев А. С.* Советские самолеты. 4-е изд. М.: Наука, 1982. С. 41, 110, 153; *Шмелев И. П.* История танка 1916/1996. М.: Техника — молодежи. 1996.
- ⁶⁶ Советские Вооруженные Силы: Вопросы и ответы. Том I. С. 218; *Жуков Г. К.* Указ. соч. С. 201.
- ⁶⁷ Выдержки из бюллетеня германского Генштаба «Вооруженные Силы Советского Союза...». С. 77.
- ⁶⁸ Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 17.
- ⁶⁹ *Данилов В. Д.* Готовил ли Сталин нападение на Германию? // Поиск. 1994. № 24. С. 15. Не исключено, что в фондах Центрального архива Министерства обороны сохранился лишь черновик документа, а машинописный беловик был представлен Сталину. Тогда этот беловик можно попытаться найти в фондах Президентского архива, если он, конечно, существовал и не был уничтожен после начала войны.
- ⁷⁰ *Алданов М.* Пилсудский // *Алданов М.* Портреты. М.: Новости, 1994. С. 374.
- ⁷¹ *Мерецков К. А.* На службе народу. 2-е изд. М.: Политиздат, 1971. С. 177–178.
- ⁷² *Конев И. С.* Записки командующего фронтом. М.: Воениздат, 1991. С. 538–539.
- ⁷³ См.: *Бобылев П. Н.* Указ. соч.
- ⁷⁴ Военно-исторический журнал. 1993. № 8. С. 83.
- ⁷⁵ О дезинформационных мероприятиях, имитирующих подготовку вторжения на Британские острова и представляющих развертывание на Востоке как маскировку такого вторжения см.: *Гальдер Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 626–627, по указателю операции «Хайфиш» и «Хайфиш II» и план «Гарпун»; Поражение германского империализма во Второй мировой войне. С. 210.
- ⁷⁶ *Вишнев О. В.* Почему же медлил Сталин в 1941 г.? // Новая и новейшая история. 1992. № 2. С. 78, 82–83.
- ⁷⁷ Скрытая правда войны: 1941 год / Сост. Н. Н. Кнышевский, О. Ю. Васильева и др. М.: Русская книга, 1992. С. 350–351.
- ⁷⁸ *Гальдер Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 534, 536, 574. Записи от 19 и 20 мая и 13 июня 1941 г.
- ⁷⁹ *Киселев В. Н.* Упрямые факты начала войны // Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 14–15.
- ⁸⁰ Сталин, Берия и судьба армии Андерса в 1941–1942 гг. С. 62.
- ⁸¹ *Потапов А., Гладышев П.* Огненный путь. Алма-Ата: Казахстан, 1980. С. 4.
- ⁸² *Мерецков К. А.* Указ. соч. С. 202.
- ⁸³ См.: *Бобылев П. Н.* Указ. соч. № 7. С. 16–17; № 8. С. 28–29.
- ⁸⁴ См.: *Киселев В. Н.* Указ. соч. С. 15.
- ⁸⁵ *Данилов В. Д.* Указ. соч. С. 15.
- ⁸⁶ *Жуков Г. К.* Указ. соч. 12-е изд. М.: Новости, 1995. Т. I. С. 305, 373.

- ⁸⁷ *Сандалов Л. М.* Первые дни войны. С. 106. Здесь говорится, что 22 июня командование Западным фронтом и Генштаб ввели в действие схему «Гроза» (общая мобилизация).
- ⁸⁸ *Мельтюхов М. Я.* Указ. соч. С. 12, 17.
- ⁸⁹ *Данилов В. Д.* Указ. соч. С. 15.
- ⁹⁰ «Мне было приказано быть спокойным и не паниковать» // *Неизвестная Россия. XX в. Вып. 2. М.: Историческое наследие, 1992. С. 101.*
- ⁹¹ *Некрич А. М.* Дорога к войне // *Огонек, 1991. № 27. С. 8.*
- ⁹² Стратегическая разработка Лоссберга. С. 24–25.
- ⁹³ *Троцкий Л. Д.* Как вооружалась революция. Т. 3. Кн. 2. М.: Госиздат, 1925. С. 256–257.
- ⁹⁴ См.: *Вишлев О. В.* Указ. соч. С. 86; *Гальдер Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 579. Запись от 20 июня 1941 г.
- ⁹⁵ *Кузнецов Н. Г.* Крутые повороты. С. 76–77.
- ⁹⁶ Там же. С. 47–48.
- ⁹⁷ Там же. С. 49.
- ⁹⁸ Там же. С. 46. В другой своей мемуарной книге бывший нарком ВМФ высказал мнение, что Сталин переоценивал истинную степень боеготовности советских войск (см.: *Кузнецов Н. Г.* Накануне. М.: Воениздат, 1966. С. 323–324). По мнению Кузнецова, 5 мая 1941 г., «высказавшись за вероятность войны, Сталин думал, что все высокие начальники, от которых это зависело, примут надлежащие меры» (Правда. 1991. 20 июля).
- ⁹⁹ *Кузнецов Н. Г.* Крутые повороты. С. 51.
- ¹⁰⁰ Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С. 208–209. Известный авиаконструктор А. С. Яковлев вспоминал, что накануне принятия этого постановления, в конце мая или начале июня, руководителей ВВС и наркомата авиапромышленности вызвали в Кремль по вопросам маскировки. Совещание будто бы созвали из-за письма «от одного летчика о том, что у самой границы наши лагеря выстроились как на параде: поставили белые палатки рядами, так что сверху они ясно видны». В трехдневный срок от участников совещания потребовали предложений о маскировке самолетов (*Яковлев А. С.* Цель жизни. 3-е изд. М.: Политиздат, 1973. С. 238–239). Характерно, что постановление в первую очередь — уже к 1 июля 1941 г. требовало полностью замаскировать злосчастные палатки, которые действительно облегчили задачу люфтваффе 22 июня. Несомненно, пренебрежение к вопросам маскировки было свойственно Красной Армии, и уже один этот факт доказывает, как плохо на самом деле готовились в 1941 г. к боевым действиям. Это, однако, означает не отсутствие агрессивных намерений, а только неспособность провести их в жизнь в соответствии с положениями военной науки.
- ¹⁰¹ *Гальдер Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 403. Запись от 17 марта 1941 г.
- ¹⁰² *Судоплатов П. А.* Разведка и Кремль. М.: Гея, 1996. С. 137–138.
- ¹⁰³ *Гуров А.* Боевые действия Советских войск на юго-западном направлении в начальном периоде войны // *Военно-исторический журнал. 1988. № 8. С. 38–39.*

- ¹⁰⁴ Мельников С. И. Маршал Рыбалко. 2-е изд. Киев: Политиздат Украины, 1984. С. 50–51.
- ¹⁰⁵ Мариничев В. Указ. соч. С. 186; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945: В 6 т. Т. 1. М.: Воениздат, 1961. С. 476.
- ¹⁰⁶ Семенов А. Ф. На взлете. М.: Воениздат, 1969. С. 125.
- ¹⁰⁷ Меллентин Ф. Танковые сражения 1939–1945 гг. / Пер. с англ. М.: Издательский дом «Восток-Запад», 1997. С. 148, 244–249.
- ¹⁰⁸ См.: Воробьев Ф. Д., Паротькин И. В., Шиманский А. Н. Последний штурм (Берлинская операция 1945 г.). 2-е изд. М.: Воениздат, 1975. С. 402. В Берлинской операции плотность достигала 148–270 орудий и минометов на 1 км фронта.
- ¹⁰⁹ Оперативная плотность и соотношение сил на направлении главного удара противника см.: Курская битва / Под ред. И. В. Паротькина. М.: Наука, 1970. С. 486.
- ¹¹⁰ Еременко А. И. Год 1945: «Нужно спешить, а войска очень слабо подготовлены...» // Военно-исторический журнал. 1994. № 7. С. 20.
- ¹¹¹ О роли ленд-лиза в советских военных усилиях см.: Sokolov Boris V. Lend-Lease in Soviet Military Efforts, 1941–1945 / The Journal of Slavic Military Studies. Vol. 7. September 1994. № 3.
- ¹¹² Гареев М. А. Готовил ли Советский Союз упреждающее нападение на Германию в 1941 году? // Война и политика 1939–1941. М.: Наука, 1999. С. 274.
- ¹¹³ Меннинг Б. В. Советские железные дороги и планирование военных действий: 1941 год // Война и политика 1939–1941. С. 363–364.
- ¹¹⁴ РФВА. Ф. 34980, он. 5, д. 2, л. 2–6. Сообщено П. А. Аптекарем.
- ¹¹⁵ Опубликовано: Знание — сила. 2004. № 6.
- ¹¹⁶ Опубликовано: Знание — сила. 2001. № 12.
- ¹¹⁷ Опубликовано: Знание — сила. 2003. № 6.
- ¹¹⁸ Для изложения хода игр использована статья П. Н. Бобылева «Репетиция катастрофы» (Военно-исторический журнал. 1993, № 7, 8).
- ¹¹⁹ Подсчет по: Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1933–1945. Т. 3. М.: Воениздат, 1976. С. 354–409; Шабаетов А. А. Потери офицерского состава Красной Армии в Великой Отечественной войне // Военно-исторический архив. Вып. 3. М., 1998. С. 173–189; Россия и СССР в войнах XX века. М.: Олма-Пресс, 2001. С. 430–436.
- ¹²⁰ Опубликовано: www.grani.ru
- ¹²¹ Опубликовано: Школьное обозрение. Ноябрь — декабрь 2000.
- ¹²² Опубликовано: Алфавит. 2002. № 24.
- ¹²³ Опубликовано: Политический журнал. 2004. 9 августа.
- ¹²⁴ Данный доклад был написан в рамках Вуппертальского проекта Льва Копелева «О культурных взаимоотношениях Германии и России». За разрешение опубликовать данную работу в составе настоящего сборника приношу свою искреннюю благодарность руководителю проекта профессору Карлу Аймермахеру.
- ¹²⁵ Дузь П. Д. История воздухоплавания и авиации в России (период до 1914 г.). 2-е изд. М.: Машиностроение, 1981. С. 253.

- ¹²⁶ Геройский подвиг казака Кузьмы Крючкова. М., 1914. С. 7–9.
- ¹²⁷ *Вишняков В.* Первые герои в нашу войну: Былина о казаке Крючкове и казначее Соколове. М., 1914.
- ¹²⁸ См.: The Columbia Viking Desk Encyclopedia. 2nd ed. N.Y.: The Viking Press, 1960. P. 237.
- ¹²⁹ Славянский герой генерал Радко Дмитриев и славные русские герои Великой войны с Германией и Австрией. Геройский подвиг штабс-капитана Нестерова. М., 1914. С. 8–9.
- ¹³⁰ *Катусев А. Ф.* Чужая слава // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 71.
- ¹³¹ Там же.
- ¹³² *Петров Н., Эдельман О.* Новое о советских героях // Новый мир. 1997. № 6. С. 147.
- ¹³³ *Катусев А. Ф.* Указ. соч. С. 72.
- ¹³⁴ *Кривицкий А.* Разъезд Дубосеково // Военная публицистика и фронтовые очерки. М.: Художественная литература, 1966. С. 50–51. Здесь цитируется русский перевод коллективного труда немецких военачальников «Роковые решения», выпущенный «Воениздатом» в 1958 г. Следовательно, данный очерк не мог быть написан ранее этой даты.
- ¹³⁵ Впервые он был опубликован 22 января 1942 г. в «Красной Звезде» и в том же году был повторен в выпущенном ГлавПУРОм первом литературно-художественном сборнике «Великая Отечественная война».
- ¹³⁶ *Петров Н., Эдельман О.* Указ. соч. С. 145.
- ¹³⁷ *Катусев А. Ф.* Указ. соч. С. 72–74.
- ¹³⁸ «Вскоре после этих событий редактор вручил мне четыре строчки политдонесения, поступившего в числе многих других от политотдела одной из дивизий, оборонявших Москву» (*Кривицкий А. Ю.* Разъезд Дубосеково. С. 48).
- ¹³⁹ *Петров Н., Эдельман О.* Указ. соч. С. 148.
- ¹⁴⁰ *Петров Н., Эдельман О.* Указ. соч. С. 147.
- ¹⁴¹ Так, во время контрнаступления под Москвой 323-я стрелковая дивизия 10-й армии в ходе боев 15–17 декабря 1941 г. потеряла убитыми 496 человек, пропавшими без вести — 1200 человек и ранеными — 1294 человека. Кроме того, заболело 70 человек (Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. М.: Русская книга, 1992. С. 222). Это дает соотношение безвозвратных и санитарных потерь 1,3:1 и среднесуточную величину безвозвратных потерь в 565 человек. Для сравнения: германская Восточная армия, насчитывавшая в то время более 150 дивизий, в период с 11 по 31 декабря 1941 г. ежедневно теряла убитыми и пропавшим без вести лишь немногим меньше — 682 человека, при соотношении безвозвратных и санитарных потерь 0,3:1 (*Гальдер Ф.* Военный дневник / Пер. с нем. Т. 3. Кн. 2. М.: Воениздат, 1971. С. 120, 161. Записи от 14 декабря 1941 г. и 5 января 1942 г.)
- ¹⁴² *Катусев А. Ф.* Указ. соч. С. 74–75.
- ¹⁴³ Подсчет по: *Гальдер Ф.* Военный дневник / Пер. с нем. Т. 3. Кн. 2. С. 59, 84. Записи от 20 и 30 ноября 1941 г.

- ¹⁴⁴ *Кривицкий А. Ю.* Разъезд Дубосеково. С. 53.
- ¹⁴⁵ Там же.
- ¹⁴⁶ *Гальдер Ф.* Военный дневник. / Пер. с нем. Т. 3. Кн. 2. С. 23, 59. Записи от 8 октября и 20 ноября 1941 г.
- ¹⁴⁷ Г. К. Жуков в битве под Москвой: Сборник документов. М.: Мосгосархив, 1994. С. 46, 49.
- ¹⁴⁸ См.: *Ставский В.* Генерал Панфилов и его гвардейцы // Великая Отечественная война: Литературно-художественный сборник. Вып. 1. К любопытным отличиям от текста Кривицкого здесь можно отнести то, что слова Бондаренко о Клочкове-Диеве процитированы по-украински. Ставский также еще больше подчеркивает особую роль Добробабина. Группа из 28 панфиловцев именуется «взводом Добробабина», а Клочков принимает командование только после гибели Ивана Евстафьевича. О художественном качестве очерка Ставского дает представление замечательная фраза: «Немецкие танки открыли злобный огонь».
- ¹⁴⁹ Г. К. Жуков в битве под Москвой: Сборник документов. М.: Мосгосархив, 1994. С. 46.
- ¹⁵⁰ Там же. С. 35.
- ¹⁵¹ *Катусев А. Ф.* Указ. соч. С. 76.
- ¹⁵² Некоторые из уцелевших участников боя у разъезда Дубосеково позднее в беседах с журналистами относили на свой счет едва ли не все танки, которые в тот день подбили бойцы всего 1075-го полка. Например, Илларион Романович Васильев в беседе с Рудольфом Бершадским утверждал: «Я вдвоем в окопе был. С Сенгириаевым... Три танка мы с Мустафой так зажгли, а перед четвертым его убило. Враз. Охнуть не успел. Ну, я и озверел. Помню, подумал только: «Мустафа, друг, не пропущу их дальше! Никуда!» Выскочил из окопа, как был, в гимнастерочке. Мы с Мустафой шинели еще раньше скинули, чтобы они не мешали нам, — и ка-ак ахну последнюю бутылку!..» (*Бершадский Р.* Смерть считать недействительной; цит. по: Об огнях-пожарищах. М.: ЭКСМО, 2000. С. 135). В своих рассказах уцелевшие панфиловцы ориентировались на уже существовавшие газетные публикации о своем подвиге. Ср. у Тихонова: «Встают из снега, как из гроба, бойцы в дыму, в крови, в грязи, глаза блистают, руки сжаты. Как будто бы на каждом латы из сплава чудного горят — летят последние гранаты, огонь бутылочный скользит». Также и Добробабин позднее признал, что в своих рассказах на следствии и суде ориентировался на очерк Кривицкого и другие публикации. Из очерка «О 28 павших героях» он, в частности, узнал, что был командиром взвода, хотя в действительности был лишь командиром отделения, и в дальнейшем утверждал, что в бою под Дубосековым руководил действиями взвода (*Катусев А. Ф.* Указ. соч. С. 70, 75–76).
- ¹⁵³ *Петров Н., Эдельман О.* Указ. соч. С. 148.
- ¹⁵⁴ Герои Советского Союза Военно-Морского Флота. М.: Воениздат, 1977. С. 488.
- ¹⁵⁵ *Ефименко Л. Н.* Восьмая морская // У черноморских твердынь. М.: Воениздат, 1967. С. 287–288.

- ¹⁵⁶ Текст листовки цит. по: *Ягодинский Е. А.* Золотые звезды речников. Вып. 3. М.: ДОСААФ, 1979. С. 89–90.
- ¹⁵⁷ *Переслегин Б.* Комментарий // *Манштейн Э. фон.* Утерянные победы / Пер. с нем. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999. С. 307.
- ¹⁵⁸ Впервые этот рассказ был опубликован в ноябре 1942 г. в № 11 журнала «Знамя» под названием «Одухотворенные люди». Рассказ о небольшом сражении под Севастополем». В 1943 г. он вышел отдельным изданием под другим названием: *Платонов А. П.* Бессмертный подвиг моряков. Фильченко. Одинцов. Паршин. Цибулько. Крисносельский. М.: Военмориздат, 1943.
- ¹⁵⁹ См.: *Шошин В. А.* Из писем к Андрею Платонову // Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы. Библиография. СПб.: Наука, 1995. С. 180.
- ¹⁶⁰ Цит. по: *Платонов А. П.* Живя главной жизнью. М.: Правда, 1989. С. 405.
- ¹⁶¹ *Шошин В. А.* Указ. соч. С. 180.
- ¹⁶² По мнению Семена Липкина, «материализм Платонова был пантеистическим, чем-то близким мировоззрению Николая Федорова» (*Липкин С. И.* Голос друга // Андрей Платонов. Воспоминания современников. Материалы к биографии. М.: Современный писатель, 1994. С. 123). По свидетельству жены Платонова Марии, главная книга Николая Федорова «Философия общего дела» была в платоновской библиотеке и на ней имелись многочисленные пометы писателя (*Семенова С. Н.* «Идея жизни» Андрея Платонова // *Платонов А. П.* Взыскание погибших. М.: Школа-пресс, 1995. С. 8, примеч. 1).
- ¹⁶³ *Шошин В. А.* Указ. соч. С. 180, 185.
- ¹⁶⁴ Там же. С. 185.
- ¹⁶⁵ *Платонов А. П.* Живя главной жизнью. С. 410.
- ¹⁶⁶ Бросок в бессмертие // Это было на Калининском фронте. М.: Московский рабочий, 1985. С. 72–73.
- ¹⁶⁷ *Насыров Р. Х.* Откуда ты родом, Матросов? Уфа: Китап, 1994. С. 156–157.
- ¹⁶⁸ Бросок в бессмертие. С. 73.
- ¹⁶⁹ См.: *Коваленко А. П.* Правда о Матросове и матросовцах. М.: МОФ «Победа», 1994.
- ¹⁷⁰ Цит. по: *Коваленко А. П.* Вершины мужества. М.: МОФ «Победа», 1995. С. 40.
- ¹⁷¹ *Кондратьев В.* Оплачено кровью // Родина, 1991, № 6–7. С. 7. Утверждение, что Матросов прямо из лагеря попал к месту своего первого и последнего боя, не соответствует действительности. Александр Матвеевич до войны был воспитанником трудовой детской колонии НКВД № 2 города Уфы, причем числился «активистом», будучи назначен помощником воспитателя. В армию Матросова призвали в сентябре 1942 г. и сразу направили в Краснохолмское пехотное училище. В январе 1943 г. в связи с резкой нехваткой личного состава в боевых частях большинство курсантов направили на фронт рядовыми, не дав кончить курса (Бросок в бессмертие).

С. 73; *Коваленко А. П.* Вершины мужества. С. 38). Таким образом, Матросов прибыл не из лагеря, а из военного училища, где, правда, курсантов тоже могли кормить не слишком сытно. Неосновательны и слухи, будто Матросов воевал в составе штрафного батальона. 91-я отдельная стрелковая бригада, как и весь 6-й Сибирский добровольческий стрелковый корпус имени Сталина, была отборным соединением и не имела в своем составе штрафных частей.

¹⁷² *Насыров Р. Х.* Указ. соч. С. 159; *Коваленко А. П.* Указ. соч. С. 414–419.

¹⁷³ *Коваленко А. П.* Вершины мужества. С. 40.

¹⁷⁴ *Чуприн В.* Тайна двух капитанов // *МосКовия*, 2001. 7 сентября. № 1. С. IV.

¹⁷⁵ Цит. по: *Гогун А.* Как погиб генерал Ватутин // *Посев*. 2004. № 5. С. 45–46.

¹⁷⁶ *Жуков Г. К.* С. 516. В 12-м издании жуковских мемуаров, первом, где они были дополнены ранее не публиковавшимися фрагментами из архива маршала, данный текст благодаря вставке вообще стал бессмысленным: «Н. Ф. Ватутин и охранявшие его лица выскочили из машин и стали прикрывать их отход. Во время перестрелки Николай Федорович был ранен в бедро» (*Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. 12-е изд. М.: Новости, 1995. Т. 3. С. 119). Получается, что Ватутин зачем-то стал прикрывать отход машин, но непонятно, зачем это понадобилось. Очевидно, в рукописи содержался пассаж о Хрущеве и людях, сопровождавших его, и именно их отход, по мысли Жукова, и прикрывал Ватутин. Но этот пассаж, как явно ошибочный, в 12-м издании восстанавливать не стали, и получилась нелепица.

¹⁷⁷ *Крайнюков К. В.* От Днепра до Вислы. М.: Воениздат, 1971. С. 165–166.

¹⁷⁸ Там же. С. 166.

¹⁷⁹ *Гогун А.* Как погиб генерал Ватутин // *Посев*. 2004. № 5. С. 46–47.

¹⁸⁰ Там же. С. 47.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² См.: *Митчем С., Мюллер Дж.* Командиры Третьего рейха. Смоленск: Русич, 1995.

¹⁸³ *Мелентин Ф. В.* Танковые сражения 1939–1945 гг. / Пер. с англ. М.: Издательство, 1957. С. 161.

¹⁸⁴ См.: *Геманов В. С.* Подвиг «тринадцатой»: Слава и трагедия подводника А. И. Маринеско. Л.: Лениздат, 1991.

¹⁸⁵ *Катуков М. Е.* На острие главного удара. М.: Воениздат, 1974. С. 122.

¹⁸⁶ Там же. С. 121.

¹⁸⁷ *Жуков Ю.* Бои бригады Катукова // *Военная публицистика и фронтовые очерки*. С. 113.

¹⁸⁸ *Катуков М. Е.* Указ. соч. С. 83.

¹⁸⁹ См.: *Герцштейн Роберт Э.* Война, которую выиграл Гитлер / Пер. с англ. Смоленск: Русич, 1996. С. 345.

¹⁹⁰ *Якобсен Г. А.* Вторая мировая война / Пер. с нем. // *Вторая мировая война: Два взгляда*. М.: Мысль, 1995. С. 98.

- ¹⁹¹ Там же. С. 101.
- ¹⁹² Там же. С. 183.
- ¹⁹³ Там же. С. 298–299.
- ¹⁹⁴ *Леббельс Й.* Последние записи / Пер. с нем. Смоленск: Русич, 1993. С. 363–364.
- ¹⁹⁵ *Гитлер А.* Мое политическое завещание // Откровения и признания / Пер. с нем. М.: ТЕРРА, 1996. С. 509.
- ¹⁹⁶ *Кондратьев В.* Указ. соч. С. 7.
- ¹⁹⁷ См.: *Шпеер А.* Воспоминания / Пер. с нем. Смоленск: Русич; М.: Прогресс, 1997. С. 567, 579–587.
- ¹⁹⁸ *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма. 11-е изд. М.: Политиздат, 1939. С. 491.
- ¹⁹⁹ *Волкозонов Д. А.* Триумф и трагедия // Октябрь, 1989, № 8. С. 62.
- ²⁰⁰ Г. К. Жуков в битве под Москвой. С. 47.
- ²⁰¹ *Куманев Г. А.* Подвиг и подлог. Страницы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Русское слово, 2000. С. 153.
- ²⁰² Там же. С. 152.
- ²⁰³ *Лебедев Б.* Мне стыдно! // Советская Россия. 2000. 18 мая.
- ²⁰⁴ Количество танков перед началом сражения под Прохоровкой с немецкой стороны — 273, с советской — 850. Немецкие безвозвратные потери в Прохоровском бою 12 июля 1943 г. составили не более 5 танков, а советские — 334 танка и САУ. См.: Известия. 2000. 12 июля; 18 июля.
- ²⁰⁵ Можно согласиться с известным американским историком Ричардом Пайпсом в том, что «отечески заботливый режим подрывает также волю людей, лишая их духа предпринимательства, которым дышит свобода. Какой вред может причинить длительная зависимость от благотворительности государства, стало ясно после развала Советского Союза, когда значительная часть населения, лишенная вдруг всесторонней государственной поддержки и не готовая самостоятельно обеспечивать себя средствами существования, начала тосковать по утраченному игу деспотизма» (*Пауинс Р.* Собственность и свобода. М.: Московская школа политических исследований, 2000. С. 378). У значительной части наших соотечественников до сих пор не возникла воля к критическому осмыслению истории.
- ²⁰⁶ Впервые опубликовано под названием «Хартман против Кожедуба»: Книжное обозрение, 2000, 7 февраля. № 6. С. 16. Печатается с дополнениями.
- ²⁰⁷ Опубликовано: Космополис. Зима 2002/2003. № 2.
- ²⁰⁸ Опубликовано: Аргументы и факты. 2004. № 50.
- ²⁰⁹ Опубликовано (в английском переводе): Journal of the Slavic Military Studies, 1994. Vol. 7. № 4.
- ²¹⁰ *Вознесенский Н. А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: ОГИЗ — Госполитиздат, 1947. С. 189–190.
- ²¹¹ Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945: Краткая история. 3-е изд. М.: Воениздат, 1984. С. 508.
- ²¹² *Симонов К. М.* Глазами человека моего поколения: Размышления о И. В. Сталине. М.: АПН, 1989. С. 354.

- ²¹³ Военные архивы России. М., 1993. Вып. 1. С. 234.
- ²¹⁴ *Jones B. H.* The Roads to Russia: United States Lend-Lease to the Soviet Union. Norman, Oklahoma Univ. Press, 1969.
- ²¹⁵ *Harrison M.* Soviet Planning in Peace and War 1938–1945. Cambridge Univ. Press, 1985.
- ²¹⁶ Военная академия тыла и транспорта. Тыл Советской армии в Великой Отечественной войне 1941–1945. Ч. I. Л., 1963. С. 46.
- ²¹⁷ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Статистический сборник. М.: ИИЦ Госкомстата СССР, 1993. С. 55.
- ²¹⁸ *Jones R. H.* Op. cit. Appendixes.
- ²¹⁹ Ibid.
- ²²⁰ Военная академия тыла и транспорта. Тыл Советской армии в Великой Отечественной войне 1941–1945. Ч. IV, V и VI. Л., 1963. С. 51.
- ²²¹ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 55.
- ²²² *Jones R. H.* Op. cit. Appendixes.
- ²²³ Военная академия тыла и транспорта. Тыл Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941–1945. Ч. IV, V, VI. С. 51.
- ²²⁴ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 66.
- ²²⁵ Военная академия тыла и транспорта. Тыл Советской армии в Великой Отечественной войне. Ч. II, III. С. 148.
- ²²⁶ Там же. Ч. IV, V, VI. С. 100.
- ²²⁷ Там же. Ч. I. С. 116; Ч. II, III. С. 147.
- ²²⁸ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. С. 46.
- ²²⁹ *Jones R. H.* Op. cit. Appendixes.
- ²³⁰ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. С. 66.
- ²³¹ *Jones R. H.* Op. cit. Appendixes.
- ²³² Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. С. 66.
- ²³³ *Jones R. H.* Op. cit. Appendixes.
- ²³⁴ См.: *Соколов Б. В.* Цена победы (Великая Отечественная: неизвестное об известном). М.: Московский рабочий, 1991. С. 64–66.
- ²³⁵ *Jones R. H.* Op. cit. Appendixes.
- ²³⁶ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1946. С. 145–147.
- ²³⁷ *Shimkin D. B.* Minerals: A Key to Soviet Power. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1953 (цит. по: *Jones R. H.* Op. cit. P. 220–221); *Harrison M.* Op. cit. P. 124, 153.
- ²³⁸ *Jones R. H.* Op. cit. Appendixes.
- ²³⁹ Ibid.
- ²⁴⁰ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. С. 41.
- ²⁴¹ *Shimkin D. B.* Op. cit. P. 114, 115, 136, 139 (цит. по: *Jones R. H.* Op. cit. P. 220–221).
- ²⁴² *Harrison M.* Op. cit. P. 124, 153.
- ²⁴³ *Вознесенский Н. А.* Указ. соч. С. 42, 163.
- ²⁴⁴ Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945: Краткая история. С. 507.

- 245 *Кравченко Г. С.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). 2-е изд. М.: Экономика, 1970. С. 132.
- 246 Там же. С. 239.
- 247 *Jones R. H.* Op. cit. Appendixes.
- 248 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 145, 147.
- 249 Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. С. 15.
- 250 Мировая война 1939–1945 / Пер. с нем. М.: Издательский центр «Восток-Запад», 1997. С. 514.
- 251 Промышленность Германии в период войны 1941–1945 гг. / Пер. с нем. М.: Издательский центр «Восток-Запад», 1997. С. 73, 77, 250.
- 252 См.: *Яковлев А. С.* Советские самолеты: Краткий очерк. 4-е изд. М.: Наука, 1982. С. 85, 110–111. За первые 2,5 года войны за счет замены алюминия на авиафанеру было сэкономлено более 30 000 т алюминийевого проката (*Вознесенский Н. А.* Указ. соч. С. 71), что, конечно, не могло кардинально не изменить картину и более чем в 3,5 раза снизить затраты алюминия на один советский самолет в сравнении с немецким.
- 253 *Вознесенский Н. А.* Указ. соч. С. 114–115. Подробнее см.: *Соколов Б. В.* Указ. соч. С. 40–54.
- 254 *Вознесенский Н. А.* Указ. соч. С. 70–71.
- 255 Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. С. 46.
- 256 Там же. С. 15.
- 257 Там же.
- 258 Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945: Краткая история. С. 94, 211; История второй мировой войны 1939–1945 гг.: В 12 т. Т. 4. М.: Воениздат, 1975. С. 149, 158; Т. 7. М.: Воениздат, 1976. С. 54.
- 259 Там же. Т. 3. М.: Воениздат, 1974. С. 387–388.
- 260 *Jones R. H.* Op. cit. Appendixes.
- 261 Скрытая правда войны: 1941 год. М.: Русская книга, 1992. С. 17.
- 262 Комсомольская правда. 16 ноября 1991.
- 263 *Schellenberg W.* The Labyrinth. M. G. Harpers Brothers Publishers, 1956. P. 274.
- 264 Военные архивы России. М., 1993. Вып. 1. С. 180.
- 265 *Соколов Б. В.* Указ. соч. С. 52–54, 62.
- 266 См.: *Соколов Б. В.* Указ. соч. С. 44–45; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 145, 147; *Jones R. H.* Op. cit. Appendixes.
- 267 Ibid.
- 268 Ibid.
- 269 Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. С. 61.
- 270 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 145.
- 271 *Jones R. H.* Op. cit. Appendixes.
- 272 Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. С. 79.
- 273 *Jones R. H.* Appendixes.
- 274 Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. С. 79.

- ²⁷⁵ Ванников Б. Л. Записки наркома // Знамя. 1988. № 2. С. 155.
- ²⁷⁶ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945: В 6 т. Т. 6. М.: Воениздат, 1965. С. 62; Советский тыл в годы Великой Отечественной войны. М.: Высшая школа, 1986. С. 33, 45; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 145.
- ²⁷⁷ Jones R. H. Op. cit. Appendixes.
- ²⁷⁸ Ibid. P. 226–227.
- ²⁷⁹ Bennett E. M., Franklin D. Roosevelt and the Search for Victory: American-Soviet Relations, 1939–1945. Wilmington (Del.): Scholarly Resources Inc. Imprint, 1990. P. 31.
- ²⁸⁰ Ibid, P. 9.
- ²⁸¹ Трибуц В. Ф. Балтийцы вступают в бой. Калининград: Книжное издательство, 1972. С. 29.
- ²⁸² Золотов Н. П., Исаев С. И. Боеготовы были... // Военно-исторический журнал. 1993. № 11. С. 75–77.
- ²⁸³ Суворов В. Ледокол. М.: Новое время, 1992.
- ²⁸⁴ Мерецков К. А. На службе народу. 2-е изд. М.: Политиздат, 1971. С. 202.
- ²⁸⁵ Промышленность Германии... С. 271.
- ²⁸⁶ На 1 января 1945 г. против Красной Армии действовало 57% всех германских дивизий, против союзников — 38%, а 5% дивизий оставались в резерве на территории Германии (Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945: Краткая история. С. 502).
- ²⁸⁷ Промышленность Германии. С. 149–150.
- ²⁸⁸ Журавлев Н. А. Разгром германской авиации во Второй мировой войне // Поражение германского империализма во Второй мировой войне. М.: Воениздат, 1960. С. 115–116. Данные этих расчетов были заимствованы историками из Восточной Германии и позднее повторены в советской историографии уже со ссылкой на данные «историков ГДР» (Кульков Е. Н., Ржевский О. А., Чельшев И. А. Правда и ложь о второй мировой войне. М.: Воениздат, 1983. С. 181).
- ²⁸⁹ Murray W. Luftwaffe. Baltimore (Maryland). The Nautical and Aviation Publishing Company of America, 1985. P. 154.
- ²⁹⁰ Опубликовано: The Journal of Slavic Military Studies. Vol. 9. № 1 (March 1996). Печатается с изменениями и дополнениями.
- ²⁹¹ В ходе боевых действий под безвозвратными боевыми потерями понимаются убитые, умершие от ран, пропавшие без вести и пленные. Под безвозвратными небоевыми потерями понимаются умершие от болезней, несчастных случаев, в результате самоубийств и приговоров трибуналов и по другим причинам. Понятие санитарные потери охватывает пораженных в боях и больных. В отличие от термина «раненые», охватывающего обычно собственно раненых и контуженных, к «пораженным в боях» относятся еще обмороженные и обожженные. К безвозвратным потерям страны относят всех, погибших вследствие войны. При этом пережившие войну пленные и пропавшие без вести из безвозвратных потерь исключаются. Под потенци-

- альными потерями понимают примерное число неродившихся в ходе войны вследствие вызванного войной падения рождаемости.
- ²⁹² Правда. 1946. 14 марта.
- ²⁹³ Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. М.: Соцэкгиз, 1960. С. 229–231.
- ²⁹⁴ Kalinow K. Sowjetmarschaalle haben das Wort. Hamburg, 1950; *Frumkin G. Population Changes in Europe since 1939.* N. Y., 1951. P. 161; Итоги Второй мировой войны / Пер. с нем. М., 1957. С. 600.
- ²⁹⁵ Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия: Политический портрет И. В. Сталина // Октябрь. М., 1989. № 7. С. 106.
- ²⁹⁶ Мерцалов А. Н. Один к пяти // Родина. М., 1991. № 6–7. С. 137.
- ²⁹⁷ Алексеев В. В., Исупов В. А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986. С. 198–201. Подробную критику этого см.: Соколов Б. В. Цена победы // Великая Отечественная: неизвестное об известном. М., 1991. С. 14–15.
- ²⁹⁸ Соколов Б. В. Цена победы. Более ранний вариант методики см. в нашей статье: Соколов Б. В. О соотношении потерь в людях и боевой технике на советско-германском фронте в ходе Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1988. № 9.
- ²⁹⁹ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах / Под ред. Г. Ф. Кривошеина. М., 1993.
- ³⁰⁰ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 / Пер. с нем. Т. 3. М., 1976. С. 323–344. Документы персонального учета безвозвратных потерь вермахта см. также: Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма: В 2 т. Т. 2. М., 1973. С. 637–638. Отметим, что Б. Мюллер-Гиллебранд подчеркивает недостатки ежедневных донесений о потерях: «В этих донесениях речь, естественно, не могла идти о точных цифрах потерь. В критических боевых ситуациях нередко отсутствовала возможность их точного подсчета. Точные данные заменялись оценочными, приблизительными. На достоверность сведений о потерях влияли слухи, переутомление и прочие физические и моральные нагрузки в условиях фронта. Часто эти данные дополнительно уточнялись» (Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. Т. 3. С. 335).
- ³⁰¹ Гриф секретности снят. С. 87.
- ³⁰² Антекаръ П. А. Оправданы ли жертвы? // Военно-исторический журнал. 1992. № 3. С. 44–45.
- ³⁰³ См.: Соколов Б. В. Пиррова победа. Новое о войне с Финляндией // Историки отвечают на вопросы. Вып. 2. М., 1990. С. 294–297.
- ³⁰⁴ Подсчет по: Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. Т. 3. С. 343.
- ³⁰⁵ Гриф секретности снят. С. 129, 132.
- ³⁰⁶ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1). М., 1993. С. 61.
- ³⁰⁷ Вопросы истории. 1990. № 6. С. 185–187; Военно-исторический журнал. 1990. № 6. С. 185–187; Военно-исторический журнал. 1990. № 4. С. 4–5; 1992. № 9. С. 28–31.
- ³⁰⁸ Гриф секретности снят. С. 146; *Dallin A. German Rule in Russia, 1941–1945.* L.-N. Y., 1957. P. 427.

- ³⁰⁹ Гриф секретности снят. С. 188–189.
- ³¹⁰ См., например: *Иванов С.* Оборонительная операция Воронежско-го фронта // Военно-исторический журнал. 1973. № 8. С. 22.
- ³¹¹ Гриф секретности снят. С. 159–160, примеч.
- ³¹² Там же. С. 143.
- ³¹³ *Волкогонов Д. А.* Мы победили вопреки бесчеловечной системе // Известия. 1993. 8 мая. С. 5.
- ³¹⁴ *Смирнов Е. И.* Война и военная медицина. 2-е изд. М., 1979. С. 188.
- ³¹⁵ Гриф секретности снят. С. 130.
- ³¹⁶ *Гальдер Ф.* Военный дневник / Пер. с нем. Т. 3. Кн. 2. М., 1971. С. 250.
- ³¹⁷ Мировая война 1939–1945 / Пер. с нем. М., 1957. С. 189. Немецкие данные о числе пленных под Харьковом подтвердил в своих мемуарах Н. С. Хрущев, бывший в то время членом военного совета Юго-Западного фронта и направления (Огонек. 1989. № 31. С. 22).
- ³¹⁸ Гриф секретности снят. С. 129.
- ³¹⁹ *Dallin A.* Op. cit. P. 427.
- ³²⁰ Вопросы истории. 1989. № 3. С. 37; Нюрнбергский процесс: в 7 т. Т. 3. М., 1960. С. 29–30.
- ³²¹ *Reitlinger G.* The House Built on Sand; The Conflicts of German Policy in Russia, 1939–1945. L., 1960. P. 21. Всего в качестве вспомогательно-го персонала («добровольных помощников») или в составе коллаборационистских формирований в германской армии в разное время служило около 1 млн советских граждан, в основном из числа военнопленных. До 1 мая 1944 г. из лагерей было освобождено 818 тыс. военнопленных, большинство из которых использовалось в германских вооруженных силах. К концу войны число «добровольных помощников» в вермахте из числа советских граждан оценивалось в 665–675 тыс. человек (Ibid. P. 446; *Dallin A.* Op. cit. P. 427, 658).
- ³²² *Гареев М. А.* О мифах старых и новых // Военно-исторический журнал. 1991. № 4. С. 47.
- ³²³ *Dallin A.* Op. cit. P. 427; *Reitlinger G.* Op. cit. P. 446.
- ³²⁴ Известия. 1994. 7 мая. С. 1.
- ³²⁵ Гриф секретности снят. С. 134–136.
- ³²⁶ *Конасов В. Б., Терещук А. Б.* Новый подход к учету безвозвратных потерь в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1990. № 6. С. 187.
- ³²⁷ *Капилевич Я. Б.* Организация лечения легкораненых // Военно-медицинский журнал. 1970. № 5. С. 64.
- ³²⁸ *Смирнов Е. И.* Некоторые уроки опыта медицинского обеспечения боевых действий войск // Военно-медицинский журнал. 1970. № 5. С. 12.
- ³²⁹ История Второй мировой войны 1939–1945: В 12 т. Т. 9. М., 1978. С. 515.
- ³³⁰ *Кузьмин М. К.* Советская медицина в годы Великой Отечественной войны. М., 1979. С. 82; *Кувшинский Д. Д.* Актуальные проблемы этапного лечения современной боевой травмы // Военно-медицинский журнал. 1974. № 5. С. 9.

- ³³¹ *Смирнов Е. И.* Война и военная медицина. С. 172.
- ³³² Гриф секретности снят. С. 136, 140.
- ³³³ Там же. С. 139, 141.
- ³³⁴ Известия. 1990. 27 мая.
- ³³⁵ *Кожурин В. С.* О численности населения СССР накануне Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1991. № 2. С. 23–26.
- ³³⁶ *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. Т. 3. С. 323, 328.
- ³³⁷ Там же. С. 327.
- ³³⁸ Великая Отечественная война: Краткий научно-популярный очерк. М., 1970. С. 368; Гриф секретности снят. С. 328.
- ³³⁹ *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. Т. 3. С. 328; Итоги Второй мировой войны. С. 288–290.
- ³⁴⁰ ЦАМО. Ф. 15А, оп. 1849, д. 1, л. 105–107.
- ³⁴¹ ЦАМО. Ф. 8, оп. 11627, д. 1509, л. 46.
- ³⁴² ЦАМО. Ф. 353, оп. 5879, д. 74, л. 320.
- ³⁴³ Скрытая правда войны: 1941 год. М., 1992. С. 342; Гриф секретности снят. С. 316–317.
- ³⁴⁴ Скрытая правда войны: 1941 год. С. 222.
- ³⁴⁵ *Сафир В. М.* Генерал армии Гареев не приемлет факты... // Военно-исторический архив. Вып. 10 (25). М., 2001. С. 102–103.
- ³⁴⁶ Гриф секретности снят. С. 316.
- ³⁴⁷ Подсчет по: *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии. 1933–1945. Т. 3. М.: Воениздат, 1976. С. 354–409; *Шабеев А. А.* Потери офицерского состава Красной Армии в Великой Отечественной войне // Военно-исторический архив. Вып. 3. М., 1998. С. 173–189; Россия и СССР в войнах XX века. М.: Олма-Пресс, 2001. С. 430–436.
- ³⁴⁸ *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. Т. 3. С. 342–343.
- ³⁴⁹ *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. Т. 3. С. 338–341.
- ³⁵⁰ Там же. С. 331.
- ³⁵¹ *Поляков Л. Е.* Цена войны. М., 1985. С. 87; *Брук С. И.* Население мира: Этнодемографический справочник: М., 1981. С. 198.
- ³⁵² См.: *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1939. С. 511.
- ³⁵³ Почему мы вернулись на Родину. М., 1983. С. 96.
- ³⁵⁴ *Земсков В. Н.* Репатриация и вторая волна эмиграции // Родина. 1991. № 6-7. С. 111.
- ³⁵⁵ Историческая демография: проблемы, суждения, задачи. М., 1989. С. 100; Страна Советов за 50 лет: Сборник статистических материалов. М., 1967. С. 257.
- ³⁵⁶ *Алексеев В. В., Исупов В. А.* Указ. соч. С. 194.
- ³⁵⁷ Историческая география СССР. М., 1973. С. 280; Вопросы охраны материнства и детства: Период войны и блокады. М., 1946. С. 26; Медико-санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации. М., 1948. Т. 1. С. 51.
- ³⁵⁸ Итоги Второй мировой войны. С. 229.
- ³⁵⁹ Гриф секретности снят. С. 329; Military Effectiveness. Vol. 3. Boston, 1988. P. 263.

- ³⁶⁰ Война Германии против Советского Союза 1941–1945: Документальная экспозиция города Берлина к 50-летию со дня нападения Германии на Советский Союз. Берлин, 1992. С. 117.
- ³⁶¹ *Земсков В. Н.* ГУЛАГ (Историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 14.
- ³⁶² *Исупов В. А.* Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х — конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991. С. 21.
- ³⁶³ *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. Т. 3. С. 338.
- ³⁶⁴ *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу / Пер. с англ. М., 1980. С. 352–379; *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. Т. 3. С. 343; *Лиддел-Гарт Б.* Вторая мировая война / Пер. с англ. М., 1976. С. 505.
- ³⁶⁵ *Галицкий В. П.* Вражеские военнопленные в СССР (1941–1945 гг.) // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 39–46; Гриф секретности снят. С. 391.
- ³⁶⁶ *Эрман Дж.* Большая стратегия: Октябрь 1944 — август 1945 / Пер. с англ. М., 1958. С. 119, 121.
- ³⁶⁷ *Галицкий В. П.* Указ. соч. С. 46; Гриф секретности снят. С. 391; Великая Отечественная война: Краткий научно-популярный очерк. С. 447.
- ³⁶⁸ Итоги Второй мировой войны. С. 597.
- ³⁶⁹ *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. Т. 3. С. 340.
- ³⁷⁰ *Урланис Б. Ц.* Указ. соч. С. 205; Итоги Второй мировой войны. С. 598.
- ³⁷¹ *Дашичев В. И.* Указ. соч. Т. 2. С. 637–638.
- ³⁷² *Сафронов Э. Г.* Итальянские войска на советско-германском фронте. 1941–1943. М., 1990. С. 194; *Галицкий В. П.* Указ. соч. С. 46.; *Урланис Б. Ц.* Указ. соч. С. 220–222; Гриф секретности снят. С. 391–392; Великая Отечественная война: Краткий научно-популярный очерк. С. 396.
- ³⁷³ Сообщено С. Д. Митягиным.
- ³⁷⁴ *Соколов Б. В.* Цена победы. С. 21; *Галицкий В. П.* Указ. соч. С. 39–46.
- ³⁷⁵ Оценка по: *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. Т. 3. С. 338–344; *Эрман Дж.* Указ. соч. С. 119, 121.
- ³⁷⁶ Скрытая правда войны: 1941 год. С. 222.
- ³⁷⁷ Подсчет по: *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 120, 161.
- ³⁷⁸ Оценка по: *Урланис Б. Ц.* Указ. соч. С. 221–235; *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. Т. 3. С. 338–344; *Дашичев В. И.* Указ. соч. Т. 2. С. 637–638; *Макдональд Ч. Б.* Тяжелое испытание: Американские вооруженные силы на Европейском театре во время Второй мировой войны / Пер. с англ. М., 1979. С. 346.
- ³⁷⁹ *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. Т. 3. С. 338.
- ³⁸⁰ *Урланис Б. Ц.* Указ. соч. С. 309.
- ³⁸¹ *Дириу Т. N., Martell P.* Great Battles on the Easteru Front; the Soviet-German War, 1941–1945. N. Y., 1982. P. 2–3.
- ³⁸² См.: Мировая война 1939–1945. С. 153–154; *Меллентин Ф.* Танковые сражения 1939–1945 гг. / Пер. с англ. М., 1957. С. 148, 244–246, 252.

- ³⁸³ Звезда. 1990. № 3. С. 140–141.
- ³⁸⁴ Родина. 1991. № 6-7. С. 49.
- ³⁸⁵ Комсомольская правда, 1993, 24 июня. С. 3.
- ³⁸⁶ *Lucus J. War on the Eastern Front; the German Soldier in Russia.* L., 1991. P. 31–33.
- ³⁸⁷ *Ibid.* P. 35–36; Ср.: *Eisenhower D. Crusade in Europe.* N. Y., 1977. P. 465–468.
- ³⁸⁸ Подмосковье. 1994. № 25. С. 5.
- ³⁸⁹ *Еременко А. И.* Против фальсификации истории Второй мировой войны. М., 1958. С. 93.
- ³⁹⁰ Комсомольская правда. 1995. 27 декабря. С. 3.
- ³⁹¹ *Малашенко Е. И.* Я в разведке с сорок первого... // Военно-исторический журнал. 1995. № 3. С. 77–78.
- ³⁹² *Муранов А. И., Звягинцев В. Е.* Досье на маршала: Из истории закрытых судебных процессов. М., 1996. С. 200.
- ³⁹³ Там же. С. 177–179.
- ³⁹⁴ *Гальдер Ф.* Указ. соч. Т. 3. Кн. 2. С. 98. Близкая нашей оценка безвозвратных потерь 1941 г. — 5,3 млн. чел. См.: Великая Отечественная война: События, люди, документы. М., 1990. С. 76.
- ³⁹⁵ *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. М., 1949. С. 20; *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. Т. 3. С. 342–343.
- ³⁹⁶ Материалы документальной экспозиции города Берлина: «Война Германии против Советского Союза 1941–1945». К 50-летию со дня нападения Германии на Советский Союз.
- ³⁹⁷ Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 25; *Гальдер Ф.* Указ. соч. Т. 3. Кн. 2. С. 207.
- ³⁹⁸ ЦАМО. Ф. 208, оп. 2504, д. 82, л. 337.
- ³⁹⁹ *Гальдер Ф.* Указ. соч. Т. 3. Кн. 2. С. 225, 240.
- ⁴⁰⁰ *Штрик-Штрикфельдт В.* Против Сталина и Гитлера: Генерал Власов и Русское освободительное движение / Пер. с нем. 3-е изд. М., 1993. С. 158.
- ⁴⁰¹ *Вселенский М. С.* Номенклатура: Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 577.
- ⁴⁰² *Симонов К. М.* Глазами человека моего поколения. М., 1989. С. 353–354.
- ⁴⁰³ *Пикер Г.* Застольные разговоры Гитлера / Пер. с нем. Смоленск, 1993. С. 480. Запись от 28.7.1942, полдень.
- ⁴⁰⁴ *Волкогонов Д. А.* Триумф и трагедия // Октябрь. 1989. № 8. С. 62.
- ⁴⁰⁵ См.: *Eisenhower D.* Op. cit. P. 465–468.
- ⁴⁰⁶ Так, например, в июле и августе 1943 г., в дни Курской битвы, когда значительная часть германской авиации была брошена на советско-германский фронт, на него пришлось лишь 1030 из 3213 потерянных в бою боевых самолетов, или 32% (*Murray W.* Luftwaffe. Baltimore, 1985. P. 154). Примерно такова была, вероятно, и доля Восточного фронта в боевых потерях германской авиации за войну в целом.
- ⁴⁰⁷ Оценка по: *Jones R. H.* The Roads to Russia: United States Lend-Lease to the Soviet Union. Norman, 1969. P. 220–224, 280–289; Народное

хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Статистический сборник. М., 1990. С. 55–56; См. также: *Ванников Б. Л.* Записки наркома // *Знамя*. 1988. № 2. С. 155.

⁴⁰⁸ Военные архивы России. Вып. 1. М., 1993. С. 234.

⁴⁰⁹ Цит. по: *Coates W. P. and Z.* Soviet-Finnish Campaign 1939–1940. L., 1941. P. 91.

⁴¹⁰ Рокковые решения / Пер. с англ. М., 1958. С. 306–307.

⁴¹¹ Доклад на международной конференции «Коммунизм и его история» (Рим — Отранто, февраль 2004 г. Опубликовано: Посев. 2004. № 5, 6.

⁴¹² Впервые этот лозунг К. Е. Ворошилов провозгласил на I Всесоюзном совещании стахановцев 17 ноября 1935 г., потребовав «победить врага, если он осмелится на нас напасть, малой кровью, с затратой минимальных средств и возможно меньшего количества жизней наших славных братьев». 16 сентября 1936 г., выступая в Киеве, он уточнил, что Красная Армия собирается вести войну на территории агрессора: «Если враг нападет на Советскую Украину, на Советскую Белоруссию или на другую часть Союза, мы не только не пустим врага в пределы нашей родины, но будем его бить на той территории, откуда он пришел» (цит. по: *Душенко К. В.* Словарь современных цитат. М.: Аграф, 1997. С. 74). Слова о том, что Красная Армия будет бить врага на его территории только в том случае, если он первым нападет на СССР, потребовались лишь для того, чтобы создать у массы советских граждан и у международной общественности иллюзию о миролюбии советской политики и о том, что первая в мире страна социализма в любой момент может стать жертвой империалистической агрессии. На самом же деле уже в тот момент и даже раньше советские военные планы и приготовления носили агрессивный характер. Так, еще в 1932 г. советские войска стягивались к польским границам, а М. Н. Тухачевским был разработан план разгрома Польши, предусматривавший, в частности, бомбардировку тяжелыми бомбардировщиками Варшавы (*Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С.* Фашистский меч ковался в СССР. М.: Сов. Россия, 1992. С. 132, примеч. 2). Факт спешной переброски к польской границе в Белоруссии 4-й кавалерийской дивизии Красной Армии подтверждает в своих мемуарах Г. К. Жуков (*Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М.: Новости, 1995. 12-е изд. Т. 1. С. 192).

⁴¹³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558, оп. 11, д. 446, л. 13.

⁴¹⁴ РГАСПИ. Ф. 558, оп. 11, д. 446, л. 6–18.

⁴¹⁵ РГАСПИ. Ф. 74., оп. 2, д. 40, л. 6.

⁴¹⁶ Соответствующие данные о численности вооружения, боевой техники и армий сторон см. далее по тексту статьи.

⁴¹⁷ РГАСПИ. Ф. 74, оп. 2, д. 38, л. 56–57.

⁴¹⁸ В конце XX и в начале XXI в., в связи с крахом «Энрона» и ряда других американских компаний, занимавшихся компьютерными и иными высокими технологиями, можно говорить о появлении

- нового вида мнимой стоимости уже в чистого вида рыночной экономике. В этом случае, однако, компании завышают не общий объем производства, а лишь величину прибыли, чтобы вызвать искусственный рост стоимости своих акций и привлечь таким образом капиталы. На размер ВВП это вряд ли влияет сколько-нибудь значительным образом, но, вероятно, искажает его структуру.
- ⁴¹⁹ См.: *Соколов Б. В.* Советская экономика: правда и миф // Литературный Киргизстан. Фрунзе. 1989. № 5. Републиковано: *Соколов Б. В.* Правда о Великой Отечественной войне. СПб.: Алетейя, 1998. С. 336–348.
- ⁴²⁰ Страны, народы, цивилизации. М.: Аванта+, 1999. С. 693–695, таблица.
- ⁴²¹ РГАСПИ. Ф. 82, оп. 2, д. 1465, л. 40.
- ⁴²² Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. С. 421.
- ⁴²³ Материалы дискуссий отражены в сборниках: *Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия.* М.: АИРО-XX, 1995; *Война и политика, 1939–1941.* М.: Наука, 1999.
- ⁴²⁴ *Трибуц В. Ф.* Балтийцы вступают в бой. Калининград: Книжное издательство, 1972. С. 29; *Кузнецов Н. Г.* Крутые повороты: Из записок адмирала. М.: Молодая гвардия, 1995. С. 209.
- ⁴²⁵ Акт о приеме Наркомата Оборонны Союза ССР тов. Тимошенко С. К. от тов. Ворошилова К. Е. // Военно-исторический журнал (ВИЖ). 1992. № 1. С. 14.
- ⁴²⁶ *Катынское дело* // Военные архивы России. Вып. 1. М., 1993. С. 124–161.
- ⁴²⁷ См.: *Лебедева Н. С.* Четвертый раздел Польши и катынская трагедия // Другая война: 1939–1945. М.: РГГУ, 1996. С. 270–271.
- ⁴²⁸ Подсчеты выполнены совместно нами с П. А. Алтекером по фондам Российского государственного военного архива (РГВА): Ф. 34980, д. 62, 66, 281, 655, 814, 915, 925, 991, 1003, 1056, 1114. Они опубликованы: *Sokolov B. V.* Did Stalin Intend to Attack Hitler? // The Journal of Slavic Military Studies (JSMS), London. Vol. 11, № 2; June 1998; *Соколов Б. В.* Собирался ли Сталин напасть на Гитлера? // *Война и политика, 1939–1941.* М.: Наука, 1999. С. 309.
- ⁴²⁹ *Логонов В.* Мой Сталин // Шпион. 1993. № 1. С. 71. Почти теми же словами Г. А. Эгнаташвили, присутствовавший на этой встрече, рассказал мне эту историю 10 декабря 1997 г.
- ⁴³⁰ О планах, ходе и результатах игр см.: *Бобылев П. Н.* Репетиция катастрофы // ВИЖ. 1993. № 6–8.
- ⁴³¹ *Гареев М. А.* Готовил ли Советский Союз упреждающее нападение на Германию в 1941 году? // *Война и политика, 1939–1941.* М.: Наука, 1999. С. 274.
- ⁴³² В начале июня 1941 г. к границам стали перемешаться главные силы Красной Армии, дислоцированные на Западе. А с середины месяца туда же двинулись и 32 дивизии резерва приграничных округов. К 1 июля они должны были занять позиции на расстоянии от

20 до 80 километров от государственной границы (*Киселев В. Н.* Упрямые факты начала войны // ВИЖ. 1992. № 2. С. 14–15). В первой половине мая всем военным округам были направлены директивы Генштаба с требованием подготовить к концу месяца детально разработанные планы прикрытия границы. Позднее других, 2 июня 1941 г., такой план представил Прибалтийский округ. Во всех округах войскам ставились сугубо оборонительные задачи. Только для Киевского округа предусматривалось: «При благоприятных условиях всем обороняющимся войскам и резервам армий округа быть готовым, по указанию Главного Командования, к нанесению стремительных ударов для разгрома группировок противника, перенесению боевых действий на его территорию и захвату выгодных рубежей» (Война и политика. 1939–1941. С. 291. Планы прикрытия западных приграничных округов опубликованы: ВИЖ. 1996. № 2–6). Эти планы, в отличие от «Соображений по плану стратегического развертывания» с планом упреждающего удара, составлялись в нескольких экземплярах и хранились как в Генштабе, так и в штабах округов. К ним имел доступ гораздо более широкий круг лиц. Подготовленные же в единственном экземпляре «Соображения» вплоть до начала войны хранились лично у Сталина.

⁴³³ См.: *Меннинг Б. В.* Советские железные дороги и планирование военных действий. 1941 год // Война и политика. 1939–1941. С. 363–364.

⁴³⁴ См. публикацию посвященных этому вопросу документов: Сталин, Берия и судьба армии Андерса в 1941–1942 гг. // Новая и новейшая история. 1993. № 2. С. 60–62. Заголовок не отражает содержания, поскольку один из документов относится к 1940 г.

⁴³⁵ См.: *Аптекарь П. А.* Неизвестное войско несуществовавшей страны // Независимая газета, 1994, 25 ноября.

⁴³⁶ *Муратов Э.* Шесть часов с И. В. Сталиным на приеме в Кремле // Сталин в воспоминаниях современников и документах эпохи. М.: ЭКСМО; Алгоритм, 2002. С. 355–358.

⁴³⁷ *Мельтюхов М. И.* Идеологические документы мая – июня 1941 г. о событиях второй мировой войны // Другая война: 1939–1945. С. 99–100.

⁴³⁸ Полный текст майских «Соображений» см.: *Горьков Ю. А.* Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 году? // Другая война: 1939–1945. М.: РГГУ, 1996. С. 175–184.

⁴³⁹ *Кузнецов Н. Г.* Накануне. М.: Воениздат, 1966. С. 323–324. В последующих изданиях мемуаров это место было купировано цензурой.

⁴⁴⁰ *Еремко А. И.* Военный дневник // ВИЖ. 1994. № 7. С. 20.

⁴⁴¹ *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии. 1933–1945. Т. 3. М.: Воениздат, 1976. С. 19. Здесь же отмечено, что всего вермахт в тот момент имел 4030 танков. В люфтваффе к июню 1941 г. насчитывалось всего около 3800 боевых самолетов (*Греффрат О.* Война в воздухе // Мировая война 1939–1945. М.: Издательство, 1957. С. 471).

⁴⁴² *Золотов Н. П., Исаев С. И.* Боеготовы были... // Военно-исторический журнал, 1993, № 11. С. 75–77 (всего в Красной Армии было

- 23 100 танков, 81% которых были боеготовыми); *Мельтюхов М. И.* Упущенный шанс Сталина. М.: Вече, 2000. С. 478. Всего в ВВС Красной Армии в июне 1941 г. насчитывалось, по данным М. И. Мельтюхова, 24 488 самолетов, из них 18759 боевых (там же. С. 486).
- ⁴⁴³ *Невежин В. А.* Синдром наступательной войны. М.: АИРО-XX, 1997. С. 162.
- ⁴⁴⁴ См.: *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. М.: Воениздат, 1971. С. 81. Запись от 3 июля 1941 г. В этой записи приводится первая сводка потерь вермахта в ходе Русской кампании, и здесь потери соотносятся с численностью германской Восточной армии в 2,5 млн человек.
- ⁴⁴⁵ *Мельников С. И.* Маршал Рыбалко. 2-е изд. Киев: Политиздат Украины, 1984. С. 50–51.
- ⁴⁴⁶ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 1. М.: Воениздат, 1961. С. 476.
- ⁴⁴⁷ *Славин С. Н.* Секретное оружие Третьего рейха. М.: Вече, 1999. С. 40–41.
- ⁴⁴⁸ Советские Вооруженные Силы: Вопросы и ответы. М.: Политиздат, 1987. С. 165.
- ⁴⁴⁹ *Glantz D. M., House Jonathan M.* The Battle of Kursk. Lawrence, Kansas: University Press of Kansas, 1999. P. 192–193.
- ⁴⁵⁰ Подсчет по: *Мюллер-Лиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии. 1933–1945. Т. 3. М.: Воениздат, 1976. С. 354–409; *Шабатов А. А.* Потери офицерского состава Красной Армии в Великой Отечественной войне // Военно-исторический архив. Вып. 3. М., 1998. С. 173–189; Россия и СССР в войнах XX века. М.: Олма-Пресс, 2001. С. 430–436.
- ⁴⁵¹ Методика расчетов опубликована: *Sokolov B. V.* The Cost of War: Human Losses for the USSR and Germany, 1939–1945 // JSMS. Vol. 9. № 1. March 1996; *Соколов Б. В.* Цена войны: людские потери СССР и Германии, 1939–1945 гг. // *Соколов Б. В.* Тайны Второй мировой. М.: Вече, 2001. С. 219–272.
- ⁴⁵² *Трифонов Ю. В.* Дом на набережной: Роман, дневники. М.: ЭКСМО, 2000. С. 350.
- ⁴⁵³ Комсомольская правда, 1995, 27 декабря.
- ⁴⁵⁴ *Lucas J.* War on the Eastern Front: The German Soldier in Russia, 1941–1945. London: Greenhill Books, 1991. P. 35–36.
- ⁴⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 558, оп. 11, д. 460, л. 55.
- ⁴⁵⁶ *Замулин В. Н., Лопуховский Л. Н.* Прохоровское сражение. Мифы и реальность // Военно-исторический архив. М., 2003. № 2 (35). С. 21–22.
- ⁴⁵⁷ См.: *Sokolov B. V.* Lend-Lease in Soviet Military Efforts, 1941–1945 // The Journal of Slavic Military Studies (JSMS). Vol. 7. № 3. September 1994; *Соколов Б. В.* Роль ленд-лиза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Загадки ленд-лиза. М.: Вече, 2000. С. 305–332.
- ⁴⁵⁸ См.: *Соколов Б. В.* Советская экономика: правда и миф // Правда о Великой Отечественной войне. С. 344–345.

<i>От автора</i>	1
Трагедия царского офицерства	3
Загадки «незнаменитой» войны	12
Собирался ли Сталин напасть на Гитлера?	21
Красная Армия перед бурей	66
Какой войны мы ожидали?	77
Война, которой не было: игры в солдатики в канун трагедии	91
Иосиф Сталин: «Для нас армия важней»	107
Маршала Жукова необходимо низвергнуть с пьедестала	110
Красная Армия и вермахт: кто Давид, а кто Голиаф?	114
Память о цене и оправдание СССР	126
Казакевич, Богомолов, Солженицын... От «Звезды» к «В августе сорок четвертого...»	133
«Момент истины» в новом прочтении. Памяти Владимира Богомолова	138
Штрафники в фильме и в жизни	141
Пепел Варшавы стучит в наше сердце. К 60-летию Варшавского восстания	148
Российские и советские подвиги в Первой мировой и Великой Отечественной войне: от мифов войны к мифам литературы	157
Правда и вымысел об асах люфтваффе	220
Маршал Жуков без патриотического грима	224
Сталин и его маршалы	233
Сталин — полководец?	248
Решающие сражения Второй мировой	256

Россия в двух мировых войнах	265
Мемуары первого фельдмаршала люфтваффе	274
Роль ленд-лиза в советских военных условиях (1941–1945)	284
Цена войны: людские потери СССР и Германии (1939–1945)	307
XX век в зеркале военных демографических катастроф	370
Война как способ распространения коммунизма (1929–1945)	376
<i>Приложение.</i>	
Число и мышление, наука и фольклор	397
Литература	404
Примечания	405

Соколов Борис Вадимович

ВТОРАЯ МИРОВАЯ: ФАКТЫ И ВЕРСИИ

Научно-популярное издание

*Взгляды авторов серии не всегда совпадают
с мнением редакции.*

Редактор *В. Бармин*
Дизайнер серии *Т. Кудрявцева*
Дизайнер обложки *С. Мжельский*
Макет вклейки *О. Журавлевой*
Художественный редактор *З. Буттаев*
Технический редактор *Л. Стёпина*
Корректор *С. Липовицкая*
Компьютерная верстка *Г. Балашовой*
OCR - Давид Титиевский, апрель 2017 г., Хайфа
ИД № 04467 от 09.04.2001.

Подписано в печать 01.08.05. Формат 84×108/32. Печать офсетная.
Бумага газетная. Гарнитура Newton. Печ. л. 13,5 + цв. вкл. 0,5.
Тираж 5000 экз. Заказ № 4368. С-231.

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2—953 000.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.006135.10.04 от 21.10.2004 г.

ООО «АСТ-ПРЕСС КНИГА».
107078, Москва, Рязанский пер., д. 3.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122

Соколов Б. В.

C59 Вторая мировая: факты и версии. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. — 432 с., 8 л. ил. — (Историческое расследование).

ISBN 5-462-00445-1

Уже шесть десятилетий отделяют нас от самой разрушительной в истории человечества войны, получившей название Второй мировой. Казалось бы, срок немалый, однако последствия этой войны для многих народов и государств болезненны и поныне. Отсюда — и неоднозначные оценки, которые дают сегодняшние политики событиям 1939–1945 годов.

Книга Бориса Соколова — еще одна попытка взглянуть на события тех страшных лет, исходя из документальных материалов, ставших известными лишь в последние годы.

УДК 94/99
ББК 63.3(0)62

Самые увлекательные загадки минувшего,
новый взгляд на известных исторических деятелей,
сокровенные тайны «сильных мира сего»,
оригинальная оценка крупнейших событий
и явлений всеобщей истории –
основные темы книг из серии
«Историческое расследование».

Авторы, известные историки, воссоздают
образы и события прошлого на документальной основе.
Они приводят немало редких материалов и фотографий.

В серии
«Историческое расследование»

выйдут книги:

- А. Марченко. Сергей Есенин
- Б. Соколов. Молотов. Тень вождя
- В. Бабенко. Маркиз де Сад

ISBN 5-462-00445-1

9 785462 004452

АСТ
ПРЕСС

69.00